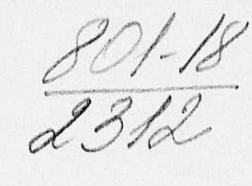
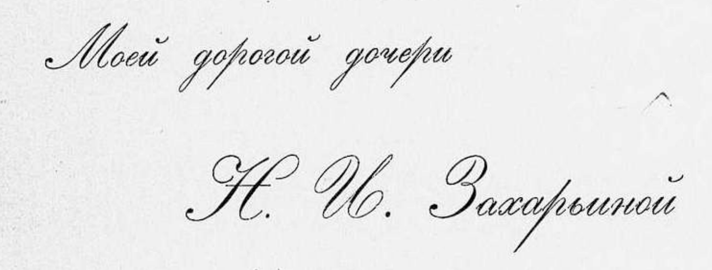
И. Н. ЗАХАРЬИНЪ (ЯКУНИНЪ).



ВСТРѢЧИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Изъ литературнаго и военнаго міра.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. В. Пирожкова.
Вас. Остр., 3 лин., 10.
1903.



Моей дорогой дочери

Н. И. Захарьиной

посвящается эта книга.

ВСТРѢЧИ И ВОСПОМИНАНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

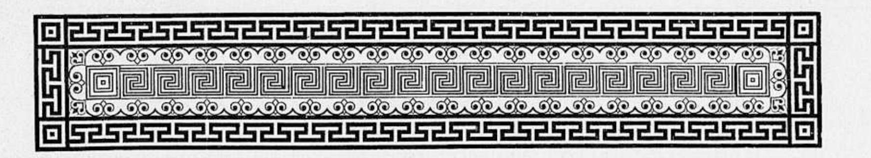
Въ настоящую книгу вошли мои статьи, печатавшіяся, съ 1898 года [1]), въ журналахъ «Историческій Вѣстникъ», «Русская Старина» и «Вѣстникъ Европы». Статьи эти составлены по моимъ запискамъ и, отчасти, по воспоминаніямъ. Въ статьяхъ о Шамилѣ и гр. Л. Н. Толстомъ я передаю, между прочимъ, и тѣ впечатлѣнія, чисто личныя, которыя я вынесъ изъ встрѣчи съ этими двумя замѣчательными людьми минувшаго вѣка. Лишь одна статья—«Виновники польскаго возстанія въ 1863 году»—выходитъ изъ рубрики «встрѣчъ и воспоминаній», но она, въ то же время, служитъ какъ бы предисловіемъ для послѣдующей статьи—«Эпизоды изъ эпохи возстанія» того же года.

Авторъ.

---

[1]) Статьи мои того же повѣствовательно-историческаго характера, печатавшіяся въ журналахъ ранѣе, изданы А. С. Суворинымъ отдѣльною книгою («Тѣни прошлаго»).

БѢЛИНСКІЙ И ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ ЧЕМБАРѢ.



Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ.

(Изъ моихъ записокъ и воспоминаній).

I.

Чѣмъ былъ знаменитъ Чембаръ.—Разсказы о жизни въ Чембарѣ императора Николая Павловича.—Бывшій стряпчій Львовъ и представленіе государю уѣздныхъ властей.—16-й стрѣлковый баталіонъ и офицерская жизнь того времени.—Безпечальное житіе помѣщиковъ.—Домъ Шумскихъ. — Разсказы о Лермонтовѣ. — Поѣздка въ Тарханы на могилу поэта. — Старый слуга Лермонтова. — Барскій домъ Арсеньевыхъ. — Фамильная часовня.

Чембаръ, небольшой уѣздный городъ Пензенской губерніи, куда занесла меня судьба въ началѣ 1859 года, представлялъ изъ себя въ то время, для каждаго маломальски интеллигентнаго русскаго человѣка, большой интересъ: въ 12-ти верстахъ отъ города, въ селѣ Тарханахъ, спалъ „холоднымъ сномъ могилы“ геніальный поэтъ Лермонтовъ, скончавшійся всего 18 лѣтъ назадъ, и много людей, знавшихъ и помнившихъ его, были еще живы, а въ уѣздѣ проживалъ даже его родственникъ и очень близкій ему человѣкъ, отставной полковникъ Павелъ Петровичъ Шангирей. Въ самомъ же Чембарѣ жилъ съ своею многочисленною семьею родной братъ умершаго, лишь 11 лѣтъ назадъ, знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго—Константинъ Григорьевичъ Бѣлинскій, съ которымъ я вскорѣ и познакомился лично. Въ Чембарѣ я встрѣтилъ очень мно-

гихъ обывателей изъ интеллигентовъ, которые хорошо помнили и юнаго лейбъ-гусара Лермонтова, пріѣзжавшаго въ имѣніе своей бабки Арсеньевой (въ Тарханы), и знаменитаго критика, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, сына чембарскаго уѣзднаго лѣкаря Бѣлинскаго.

Наконецъ, Чембаръ былъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что въ этомъ городѣ—сравнительно недавно—лежалъ нѣсколько недѣль больной императоръ Николай Павловичъ. Поздно вечеромъ, подъ самымъ Чембаромъ, была опрокинута и сломана его карета, онъ вывихнулъ себѣ, при паденіи, ключицу и долженъ былъ пролежать нѣсколько недѣль въ Чембарѣ, гдѣ оказалъ ему первую помощь уѣздный лѣкарь Енохинъ (смѣнившій Бѣлинскаго), впослѣдствіи лейбъ-медикъ. Объ этомъ интересномъ событіи стоитъ сказать нѣсколько словъ. Я приведу здѣсь разсказъ очевидца, стряпчаго Львова. Этотъ чиновникъ былъ, въ 1859 году, уже въ отставкѣ и жилъ въ собственномъ домѣ, въ Чембарѣ же. Вотъ что̀ я тогда узналъ отъ него и записалъ.

Какъ-то лѣтомъ, уже подъ вечеръ, прискакалъ въ Чембаръ съ ближайшей почтовой станціи Калдусъ (по дорогѣ на Пензу, откуда ѣхалъ государь) верховой и сообщилъ, что онъ ѣхалъ съ царемъ въ качествѣ форейтора, что въ оврагѣ, при спускѣ подъ гору, карета упала и поломалась, что это случилось верстахъ въ десяти отъ города, и царь идетъ пѣшкомъ, такъ какъ, во-первыхъ, экипажъ его сломанъ, а, во-вторыхъ, онъ отъ боли въ плечѣ не можетъ ѣхать... Хотя государя уже ожидали, но извѣстіе о приключившемся съ нимъ несчастіи всполошило всѣхъ и каждаго. Прежде всего рѣшили освѣтить путь, по которому шелъ царь въ городъ; собрали всѣ смоляныя бочки по городу и живо стали разставлять ихъ и зажигать по дорогѣ... Когда государь вошелъ, наконецъ, въ Чембаръ, то его встрѣтилъ караулъ изъ мѣстныхъ инвалидныхъ солдатъ, подъ командою престарѣлаго поручика Грачева (изъ выслужившихся нижнихъ чиновъ Павловскаго гвардейскаго полка), жившаго въ Чембарѣ болѣе уже десяти лѣтъ. Едва царь поровнялся съ карауломъ, и Грачевъ скомандовалъ: „на плечо! слушай — на краулъ!“, какъ Николай Павловичъ, взглянувъ на офицера, проговорилъ:

— Здравствуй, Грачевъ!...

Всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ были поражены тою необычайною памятью на лица, какую обнаружилъ государь, узнавъ по прошествіи десяти лѣтъ бывшаго фельдфебеля Павловскаго полка...

Затѣмъ, царь сталъ лѣчиться въ Чембарѣ, а для чиновниковъ, по разсказу Львова, наступили черные дни: всѣ они были въ большомъ страхѣ и ожидали, что вотъ-вотъ стрясется надъ ними бѣда: узнаетъ какъ-нибудь царь про ихъ грѣшки и потащитъ ихъ, рабовъ божіихъ, на цугундеръ...

— Дорога изъ моего дома въ уѣздный судъ,—разсказывалъ Львовъ,—лежала какъ разъ мимо того дома, гдѣ проживалъ государь, и я ранѣе всегда, конечно, ходилъ этимъ путемъ; но когда поселился тамъ императоръ, я сталъ ходить въ уѣздный судъ кругомъ, черезъ площадь, такъ какъ и мнѣ, и другимъ чиновникамъ страшно было проходить подъ окнами государевой квартиры...

Но эта предосторожность не избавила все-таки чембарскихъ чиновниковъ отъ представленія государю. Какъ только его здоровье стало поправляться, онъ выразилъ желаніе проживавшему все время въ Чембарѣ пензенскому губернатору увидѣть мѣстныхъ уѣздныхъ чиновниковъ; губернаторъ оповѣстилъ ихъ и назначилъ день для представленія... Вотъ тутъ-то и начался между чембарскими чиновниками настоящій переполохъ: надо было подновлять и пригонять мундиры, запасаться новыми шпагами, треуголками, темляками... Наконецъ, насталъ день представленія,—и вотъ какъ разсказывалъ объ этомъ событіи стряпчій Львовъ:

— Домъ, гдѣ жилъ Николай Павловичъ, былъ небольшой деревянный [1]), одноэтажный, и въ немъ была всего одна большая комната—зала, гдѣ мы и собрались всѣ, ни живы, ни мертвы, какъ говорится... Губернаторъ научилъ насъ, какъ отвѣчать на привѣтствіе государя и какъ себя держать, предупредивъ также, чтобы не было никакихъ просьбъ съ нашей стороны. Ну, стоимъ мы, трясемся, шепчемъ: „Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его“.... Мнѣ, какъ занимающему видную должность уѣзднаго стряпчаго, пришлось стоять въ первомъ ряду вмѣстѣ съ городничимъ, уѣзднымъ судьею и исправникомъ. Вдругъ, какой-то придворный распахнулъ двери изъ сосѣдней комнаты, — и Николай Павловичъ вышелъ къ намъ, въ сопровожденіи губернатора и губернскаго предводителя дворянства.

— Здравствуйте, господа!—громко проговорилъ императоръ.

Мы низко поклонились и отвѣтили вполголоса:—Здравія желаемъ вашему императорскому величеству!..

Государь пристально осмотрѣлъ всѣхъ насъ, улыбнулся и сказалъ, обращаясь къ предводителю: „Я ихъ знаю“... А затѣмъ прибавилъ нѣсколько словъ по-французски.

Мы всѣ удивились, откуда и какъ могъ знать насъ императоръ... Что онъ узналъ начальника инвалидной команды Грачева,—это мы еще могли объяснить необычайною его памятью; но какъ онъ могъ знать, напримѣръ, меня, когда я дѣлалъ, почти каждый день, двѣ версты лишнихъ, обходя его квартиру, чтобы только какъ-нибудь, грѣшнымъ дѣломъ, не попасться ему на глаза?..

Затѣмъ, государь подошелъ къ городничему, заслуженному майору, увѣшанному орденами и медалями, на деревянномъ костылѣ, замѣнявшемъ ему раненую ногу, и спросилъ его, въ какомъ сраженіи онъ былъ раненъ. Отъ него подошелъ къ старѣйшему изъ насъ по годамъ, уѣздному судьѣ, имѣвшему медаль 1812 года и за взятіе Парижа, и спросилъ, въ какомъ полку онъ служилъ.

[1]) Въ 1859 году я засталъ этотъ домъ обращеннымъ, въ память событія, въ домашнюю церковь. Въ память того же событія, въ томъ же Чембарѣ, устроено было потомъ особое двухкласное училище для мальчиковъ.

Вся аудіенція продолжалась не болѣе пятнадцати минутъ. Государь, повидимому, былъ въ оченъ хорошемъ расположеніи духа, хотя рука его все еще была на перевязкѣ. Наконецъ, онъ кивнулъ намъ головой, мы еще разъ низко поклонились и стали потихоньку сходить съ крыльца. Когда мы всѣ вышли уже за ворота, то судья, понимавшій по-французски, остановилъ насъ и разъяснилъ загадку, почему именно государь сказалъ, что „знаетъ“ насъ. Оказалось, что онъ припомнилъ, что видѣлъ всѣхъ насъ на сценѣ, въ театрѣ, во время представленія комедіи Гоголя „Ревизоръ“...

Въ Чембаръ я пріѣхалъ въ январѣ 1859 года совсѣмъ юнымъ прапорщикомъ 16-го стрѣлковаго баталіона, расположеннаго въ этомъ городѣ [1]).

Жизнь офицеровъ того времени, т.-е. 40 лѣтъ назадъ, и ихъ времяпрепровожденіе не имѣютъ, конечно, ничего схожаго съ жизнью теперешнихъ обществъ офицеровъ, у которыхъ есть и военныя собранія, и библіотеки, и потребительныя общества, и офицерскіе суды. Тогда, увы! — ничего этого не было, и жизнь наша въ зимнее время была праздная, у насъ не было тогда даже библіотеки, и одинъ лишь командиръ баталіона полковникъ Э. К. Фитингофъ получалъ „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, которые иногда и попадали въ офицерскія руки. Никакихъ другихъ газетъ никто изъ офицеровъ не

[1]) Нынѣ 16-й стрѣлковый Его Величества полкъ. Свое «отличіе» баталіонъ заслужилъ въ 1877 году, на Шипкѣ, когда въ самый критическій моментъ защиты горы св. Николая двѣ роты баталіона прискакали вмѣстѣ съ казаками, на крупахъ ихъ лошадей, и вступили въ бой.

получалъ и не читалъ,—и всѣ политическія новости узнавались поэтому очень поздно. Телеграфа проведено еще не было, и экстренныя распоряженія посылались эстафетами, т.-е. пакетъ отправлялся отъ станціи до станціи, съ ямщикомъ на двухколесной телѣжкѣ, запряженной въ одну лошадь....

Очень рѣдко можно было увидѣть въ квартирѣ офицера какую-нибудь газету, кромѣ „Русскаго Инвалида"; изъ книгъ доставались и читались однѣ романы. Только впослѣдствіи, два года спустя, было положено основаніе баталіонной библіотекѣ. Между тѣмъ, въ смыслѣ свѣтскихъ удовольствій офицерская жизнь того времени не оставляла желать ничего лучшаго. Пензенская губернія была, какъ извѣстно, дворянскою губерніей, Чембарскій уѣздъ изобиловалъ помѣщиками, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились еще собственные оркестры, набранные изъ крѣпостныхъ музыкантовъ.

Такъ какъ въ самомъ Чембарѣ помѣщался, собственно, одинъ лишь баталіонный штабъ, а всѣ четыре роты расположены были по уѣзду, то мы скоро перезнакомились со всѣми помѣщиками и были приглашаемы на всѣ ихъ балы и торжественныя семейныя празднества. Наше офицерское общество не пожелало, конечно, оставаться у нихъ въ долгу,—и лѣтомъ 1859 года, въ лагерѣ подъ Чембаромъ въ небольшой березовой рощѣ мы устроили „вокзалъ", гдѣ каждое воскресенье были танцовальные вечера, на которые пріѣзжали сосѣдніе помѣщики съ своими семействами.

Чембарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства былъ тогда Мих. Никол. Владыкинъ, который впослѣдствіи, разорившись, поступилъ на сцену московскаго Малаго театра артистомъ на вторыя роли, съ жалованьемъ что-то 600 рублей въ годъ; онъ написалъ потомъ нѣсколько пьесъ, ихъ коихъ „Омутъ", „Весельчаки" и „Пожившіе мужья" имѣли успѣхъ.

Двѣ трети офицеровъ нашего баталіона были помѣщичьи сынки, со средствами, державшіе при себѣ не только крѣпостныхъ слугъ, но и собственныхъ лошадей, и своры борзыхъ и гончихъ. Жалованье же наше было въ то время очень незначительное: такъ, напримѣръ, я, по чину прапорщика, получалъ всего 98 рублей „въ треть", т.-е. за 4 мѣсяца.

Но не всѣ, однако, изъ насъ вели праздную жизнь веселящихся офицеровъ; уже и въ то время начинались „новыя вѣянія" и порывы къ самообразованію; нѣсколько офицеровъ, окончившихъ курсъ кадетскихъ корпусовъ, составили отдѣльный кружокъ и стали приготовляться въ военную и инженерную академіи; нѣсколько офицеровъ, изъ гимназій, стали подумывать объ университетѣ, а трое перевелись въ гвардію и такимъ образомъ составили себѣ „карьеру" безъ всякихъ особыхъ трудовъ и хлопотъ. Вслѣдствіе сорокалѣтней давности, я позволю себѣ назвать здѣсь моихъ бывшихъ товарищей и упомянуть кстати о ихъ дальнѣйшей, столь различной судьбѣ, поскольку она стала извѣстна мнѣ впослѣдствіи. Къ числу „академиковъ", какъ ихъ называли въ баталіонѣ, принадлежали поручики Семичевъ, Воробьевъ, Ушаковъ и штабсъ-капитанъ Озерскій; изъ нихъ П. Н. Семичевъ умеръ отъ оспы, уже поступивъ въ инженерную академію; Я. А. Ушаковъ, находясь въ той же академіи, былъ приговоренъ, въ 1862 году, къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе за распространеніе между петербургскими фабричными рабочими прокламацій, призывавшихъ къ бунту (смертная казнь была потомъ замѣнена каторгой). Только двое, Озерскій и Воробьевъ, окончили академическій курсъ благополучно, и одинъ изъ нихъ давно уже генераломъ. Поручикъ Яновичъ, я и прапорщикъ Л. Корольковъ стали заниматься съ высланными въ Чембаръ студентами и приготовлялись въ университетъ; но Корольковъ впослѣдствіи, въ Москвѣ уже, застрѣлился, а В. Я. Яновичу помѣшали поступить въ

университетъ семейныя обстоятельства (неожиданная женитьба)... Изъ офицеровъ, перешедшихъ въ гвардію, мнѣ извѣстна судьба поручика Ларіонова, нынѣ бригаднаго генерала, и прапорщика Р. фонъ-Гартмана, перешедшаго, въ началѣ 1860 года, въ Семеновскій полкъ и ставшаго затѣмъ камеръ-юнкеромъ и деректоромъ крупныхъ акціонерныхъ предпріятій въ Петербургѣ.

Вотъ какая различная судьба выпала на долю маленькихъ офицерскихъ кружковъ 16-го стрѣлковаго баталіона, на которые разбилось тогда наше общество... Но житейская волна была все еще сильнѣе насъ, и тогда, въ 1859 году, мы еще только подумывали о „новой жизни"; въ общемъ же, плыли пока по теченію, и наша пустая жизнь была полна праздности и такихъ иногда удовольствій, о которыхъ теперь вспоминается съ нѣкоторымъ конфузомъ... Единственное дѣло, которому мы, молодые офицеры, отдавались тогда съ истинною охотою и даже увлеченіемъ, это было обученіе солдатъ грамотѣ. У меня, напр,. въ селѣ Свищевкѣ, гдѣ квартировала 2-я рота, въ которой я состоялъ, была школа съ 40 учениками, изъ коихъ самому младшему было 25 лѣтъ.

Въ Чембарѣ, на базарной площади, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ жило семейство Шумскихъ, состоявшее изъ старичка-чиновника, занимавшаго должность соляного пристава (тогда продажею соли завѣдывала казна), его жены и свояченицы, старой дѣвы. Это были въ высшей степени добрые, милые и радушные люди. Самъ Шумскій, по происхожденію полякъ, былъ сосланъ въ Чембаръ въ 1831 году; въ Польшѣ онъ былъ учителемъ гимназіи, окончивъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ. Живя въ Чембарѣ, въ качествѣ ссыльнаго, онъ влюбился въ дочь небогатаго помѣщика, женился на ней и, мало-помалу, такъ обрусѣлъ, что остался въ Чембарѣ навсегда,

получилъ мѣсто соляного пристава, купилъ домикъ и дожилъ такимъ образомъ до старости, такъ какъ во время моего знакомства съ нимъ ему было уже 60 лѣтъ.

Это былъ въ то время самый гостепріимный и милый домъ во всемъ Чембарѣ. У Шумскаго не было дѣтей, и весь излишекъ своихъ доходовъ онъ употреблялъ на выписку книгъ, и такимъ образомъ составилъ себѣ довольно большую и очень разностороннюю библіотеку, преимущественно русскихъ и французскихъ книгъ; польскихъ книгъ было немного, такъ какъ г-жа Шумская по-польски совсѣмъ не знала. Домъ Шумскихъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было достать книги для чтенія.

Но не одно только радушіе хозяевъ и ихъ цѣнная библіотека привлекали насъ, молодыхъ офицеровъ, въ ихъ домъ. Главною приманкою служило то, что въ этомъ самомъ домѣ,—какъ сейчасъ помню, деревянный, низенькій, одноэтажный, въ пять оконъ на улицу, — восемнадцать лѣтъ назадъ много разъ короталъ время М. Ю. Лермонтовъ, часто пріѣзжавшій въ Чембаръ изъ села Тарханъ, гдѣ онъ живалъ и гащивалъ у владѣлицы этого села, своей родной бабки Арсеньевой. Въ этомъ же домѣ бывалъ не разъ и В. Г. Бѣлинскій. Такъ какъ семья Шумскихъ рѣзко выдѣлялась, по своей интеллигентности, изъ всего остальнаго чиновничества Чембара, то очень естественно, что Лермонтовъ и Бѣлинскій бывали въ ихъ домѣ охотнѣе и чаще, чѣмъ въ другихъ домахъ бѣднаго уѣзднаго городка. Въ ихъ маленькой и уютной гостиной были еще цѣлы тѣ стулья и кресла, на которыхъ сидѣли эти знаменитые гости, а за скромными „ужинами" были въ употребленіи еще тѣ самые ножи и вилки, которые они держали не разъ въ своихъ рукахъ.

Въ домѣ Шумскихъ было написано Лермонтовымъ въ альбомъ m-lle Подладчиковой и извѣстное двустишіе, начинавшееся словами „Три граціи"...

Самое знакомство Шумскихъ съ поэтомъ началось въ церкви.

— Стоимъ мы съ сестрой у всенощной,—разсказывала милая и почтенная старушка г-жа Шумская, — и видимъ, что у праваго клироса стоитъ молодой офицеръ въ блестящей гусарской формѣ и то и дѣло поглядываетъ на насъ, и именно на меня. Я была тогда дама молодая, и мнѣ, конечно, было пріятно такое вниманіе. Когда мы выходили изъ церкви, и народъ прижалъ насъ на паперти, этотъ офицеръ неожиданно появился вблизи насъ и, слегка расталкивая напиравшихъ богомольцевъ, вывелъ насъ изъ церкви, проводилъ до ограды и очень любезно съ нами раскланялся. Мы не знали, кто онъ такой, но къ намъ подошелъ въ это время кто-то изъ знакомыхъ и объяснилъ, что фамилія гусара Лермонтовъ, что это внукъ и наслѣдникъ г-жи Арсеньевой, богатой помѣщицы изъ села Тарханъ, что онъ гоститъ у бабушки и очень часто пріѣзжаетъ развлекаться въ Чембаръ. Въто время его литературная слава была совсѣмъ еще не велика; его „Герой нашего времени" появился и дошелъ до Чембара позже, а въ это время мы зачитывались романами Марлинскаго.

— Когда я пришла и сказала мужу, что намъ оказалъ любезность въ церкви внучекъ помѣщицы Е. А. Арсеньевой, то мой супругъ попенялъ мнѣ, почему я не пригласила этого Лермонтова посѣтить насъ. На другой день мы отправились къ обѣднѣ въ ту же церковь и увидѣли опять у праваго клироса этого офицера. Онъ все время обѣдни, какъ и наканунѣ, поглядывалъ въ нашу сторону, но только уже не на меня, а на сестру... Мы поняли, что онъ школьничаетъ, и не стали обращать на него вниманія. Однако, послѣ обѣдни онъ опять подошелъ къ намъ, раскланялся и назвалъ въ первый разъ свою фамилію. Затѣмъ, уже выйдя изъ церкви, онъ началъ съ нами разговаривать, и я пригласила его зайти въ домъ и познакомиться съ мужемъ. Онъ принялъ приглашеніе, зашелъ къ намъ и просидѣлъ у насъ болѣе часу, бесѣдуя съ мужемъ и разсматривая его библіотеку. Съ того времени онъ, когда пріѣзжалъ въ Чембаръ, всегда заходилъ къ намъ, не разъ запросто обѣдалъ и бралъ книги для чтенія. Первое его стихотвореніе, которое дошло къ намъ въ Чембаръ, было запрещенное, и мы его списали у одного петербургскаго студента, пріѣзжавшаго на вакацію; это были извѣстные стихи „На смерть Пушкина", за которые Михаила Юрьевича въ первый разъ и сослали на Кавказъ. Затѣмъ дошелъ до насъ его романъ „Герой нашего времени", и мы увидѣли, что это не то, что Марлинскій, и зачитывались этимъ романомъ.

— Когда Лермонтова простили за его стихи и вернули съ Кавказа, то онъ прогостилъ у бабушки въ Тарханахъ мѣсяца два и въ это время бывалъ у насъ уже какъ старый знакомый и прославившійся поэтъ. Въ нашемъ обществѣ онъ былъ веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, и я никогда не замѣчала, чтобы онъ былъ раздражительнымъ или придирчивымъ къ кому-нибудь. Онъ былъ иногда только очень грустнымъ и, видимо, скучалъ и тосковалъ по Петербургу. Въ немъ была еще одна особенность: онъ всегда за кѣмъ-нибудь ухаживалъ... Въ послѣдній разъ онъ былъ въ Чембарѣ за годъ до своей смерти, и когда, потомъ, мы узнали, что онъ убитъ, горько поплакали о немъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ его смерти, именно въ мартѣ 1842 года, прахъ Лермонтова привезли въ Чембаръ въ свинцовомъ гробу, и много народу выходило встрѣчать и провожать гробъ. Везли его на лошадяхъ, шагомъ; гробъ былъ покрытъ чернымъ бархатомъ съ серебряными позументами и установленъ былъ на особыя, нарочно устроенныя въ Пятигорскѣ длинныя дроги, которыя сопровождалъ съ Кавказа крѣпостной человѣкъ Арсеньевой, бывшій дядька поэта, и затѣмъ его слуга, находившійся при немъ въ Пятигорскѣ въ то время, когда его

убили. Изъ Чембара прахъ Лермонтова провезли прямо въ Тарханы, гдѣ и похоронили.

Вскорѣ же я попалъ и въ Тарханы. Это было лѣтомъ, въ началѣ августа. Я какъ-то познакомился въ Чембарѣ съ молодымъ помѣщикомъ Кашинскимъ, имѣніе котораго было вблизи Тарханъ, и мы рѣшили ѣхать на могилу Лермонтова вмѣстѣ.

Село Тарханы, если ѣхать большимъ сибирскимъ трактомъ по дорогѣ отъ Чембара до Пензы, будетъ на двѣнадцатой, кажется, верстѣ отъ Чембара и видно съ дороги въ правой сторонѣ. Когда мы пріѣхали въ Тарханы и вошли въ господскій домъ, то онъ оказался пустымъ, т.-е. въ немъ никто въ то время не жилъ; но порядокъ и чистота въ домѣ были образцовые, и онъ былъ полонъ мебели, той же, какая была восемнадцать лѣтъ назадъ, когда въ этомъ домѣ жилъ Лермонтовъ. Насъ встрѣтилъ тотъ самый дворовый человѣкъ, Ермолай Козловъ, бывшій съ Лермонтовымъ на Кавказѣ, и, узнавъ о цѣли нашего посѣщенія, сталъ водить насъ по дому и разсказывать о прошломъ. Затѣмъ онъ повелъ насъ наверхъ, въ мезонинъ, въ тѣ именно комнаты въ которыхъ всегда жилъ, находясь въ Тарханахъ, Лермонтовъ. Тамъ, какъ и въ домѣ же, все сохранилось въ томъ видѣ и порядкѣ, какіе были во времена геніальнаго жильца этихъ комнатъ. Въ запертомъ краснаго дерева со стеклами шкафѣ стояли на полкахъ даже книги, принадлежавшія поэту. Особенное наше вниманіе обратилъ на себя небольшой портретъ Лермонтова, въ красномъ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, писанный масляными красками. Портретъ этотъ, висѣвшій надъ небольшимъ письменнымъ столомъ, былъ писанъ самимъ Лермонтовымъ [1]), съ зеркала. Это объяснилъ намъ старый

[1]) Въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» за 1862 г. (№ 7, отъ 1-го марта), въ статьѣ «М. Ю. Лермонтовъ», мы находимъ слѣдующія

слуга поэта; да, наконецъ, подъ самымъ портретомъ стоялъ годъ (1837-й) и инициалы Лермонтова. Очень интересно бы въ настоящее время узнать и справиться, цѣлъ ли этотъ портретъ, и гдѣ и у кого онъ находится.

Много-много уже лѣтъ спустя, именно въ іюлѣ 1891 года, когда минуло цѣлое пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта, я жилъ въ Пятигорскѣ [1]) и посѣтилъ, между прочимъ, Э. А. Шангирей, изъ-за которой, по показанію почти всѣхъ современниковъ катастрофы, и произошла роковая дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ; я спросилъ ее о вышеупомянутомъ портретѣ Лермонтова, и Эмилія Александровна подтвердила мнѣ, что портретъ этотъ, дѣйствительно, былъ писанъ самимъ Лермонтовымъ, и что она знала и слышала о существованіи этого портрета, но гдѣ онъ и у кого находится,—не знаетъ.

Осмотрѣвъ домъ, мы отправились на могилу поэта. Она оказалась вблизи дома и въ то же время неподалеку отъ сельской церкви, въ большой каменной часовнѣ, построенной въ саду. Часовня была заперта висячимъ замкомъ, ключъ отъ котораго находился у священника, жившаго тутъ же, на селѣ. Старикъ, дядька Лермонтова, по-

интересныя сообщенія объ этой способности поэта къ живописи: «Въ бытность свою въ Новгородской губерніи, въ 1838—1839 годахъ, М. Ю. Лермонтовъ занимался, между прочимъ, и живописью, и послѣ него осталось до 12 картинъ, писанныхъ имъ масляными красками. Двѣ изъ нихъ: «Воспоминаніе о Кавказѣ» и «Голова черкеса», составляютъ собственность бывшаго сослуживца его А. И. Арнольди (скончался въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, 25-го января 1898 г.).» И далѣе: «Гдѣ находятся въ настоящее время картины, писанныя Лермонтовымъ, — неизвѣстно; но послѣ его смерти онѣ достались г. Шангирею, двоюродному брату А. Столыпина, товарища и сослуживца покойнаго поэта. По словамъ А. И. Арнольди, Лермонтовъ писалъ картины гораздо быстрѣе, чѣмъ стихи; нерѣдко онъ брался за палитру, самъ еще не зная, что явится на полотнѣ, и потомъ, пустивъ густой клубъ табачнаго дыма, принимался за кисть, и иногда въ какой-нибудь часъ времени картина готова».

[1]) Мои два письма изъ Пятигорска отъ того времени были напечатаны въ газетѣ «Новое Время». И. З.

шелъ за ключемъ, вскорѣ же принесъ его, и мы вошли въ часовню. Тамъ были похоронены, какъ оказалось, четверо: бабушка поэта, генеральша Е. А. Арсеньева (урожденная Столыпина), пережившая на нѣсколько лѣтъ своего нѣжно любимаго внука, ея дочь—мать поэта и самъ онъ. Четвертая могила принадлежала, если не ошибаюсь, кому-то изъ родственниковъ Арсеньевой, умершему въ дѣтскомъ возрастѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не обратилъ тогда вниманія на эту могилу, не записалъ о ней ничего, а теперь забылъ, кто именно четвертый похороненъ въ этой фамильной усыпальницѣ.

Могильный памятникъ Лермонтова былъ высѣченъ изъ чернаго мрамора, въ видѣ небольшой четырехсторонней колонны, на одной сторонѣ которой былъ придѣланъ бронзовый вызолоченый лавровый вѣнокъ, а на двухъ другихъ было выгравировано время рожденія поэта и смерти, съ обозначеніемъ, что онъ жилъ 26 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Серебряная лампада висѣла въ часовнѣ, а въ стѣнѣ на востокъ были вдѣланы нѣсколько образовъ. Вотъ все, что было на могилѣ этого величайшаго поэтическаго генія, умершаго почти въ юношескомъ возрастѣ и не достигшаго даже полнаго расцвѣта своихъ творческихъ силъ...

Когда мы вышли изъ часовни, оглянулись вокругъ и увидѣли барскій домъ, садъ, а внизу прудъ, то намъ невольно вспомнились слѣдующія строки извѣстнаго стихотворенія Лермонтова, относящіяся, несомнѣнно, къ этой самой мѣстности, гдѣ поэтъ, рано осиротѣвшій, проводилъ свои дѣтскіе годы:

...«И вижу я себя ребенкомъ,—и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей,
Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями...».

Святая, преданная любовь, которую питала къ своему „дорогому Мишѣ“ его бабушка, сдѣлала то, что прахъ

его былъ похороненъ на родной землѣ, рядомъ съ близкими ему людьми, и даже осуществилось отчасти и завѣтное желаніе поэта, выраженное имъ въ своемъ вдохновенномъ стихотвореніи-молитвѣ „Выхожу одинъ я на дорогу“: вблизи часовни, уже поднявшись надъ ея крышей, „темный дубъ склонялся и шумѣлъ“...

— Старая барыня, — объяснялъ намъ вѣрный слуга поэта,—какъ только похоронили Михаила Юрьевича, тотчасъ же приказали вырыть изъ лѣсу и посадить вблизи часовни нѣсколько молодыхъ дубковъ, изъ которыхъ принялся только одинъ, а остальные пропали...

Умирая, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ своего геніальнаго внука, бабушка завѣщала похоронить себя съ нимъ рядомъ и оставить комнаты поэта въ мезонинѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были при его жизни и которыя она охраняла отъ перемѣнъ, пока жила сама. Въ 1859 году, когда судьба дала мнѣ возможность посѣтить Тарханы, завѣтъ старушки Арсеньевой свято исполнялся еще. Что же произошло тамъ теперь, по прошествіи 44-хъ лѣтъ, этого я не знаю.

II.

П. П. Шангирей.—Распространеніе извѣстности критика Бѣлинскаго.—Его братъ Константинъ Григорьевичъ.—Журналъ «Колоколъ» и пензенскій губернаторъ Панчулидзевъ. — Ограбленіе откупщика Ненюкова.—Сенаторская ревизія Сафонова.—Біографическія свѣдѣнія о семьѣ Бѣлинскихъ.—Смерть Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Въ октябрѣ того же 1859 года, мнѣ довелось познакомиться съ родственникомъ Лермонтова, отставнымъ полковникомъ Павломъ Петровичемъ Шангиреемъ, и даже провести въ его домѣ, „по дѣламъ службы“, почти сутки. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Однажды, въ концѣ октября, во время самой ужаснѣйшей погоды, я получаю „приказъ“ отъ командира бата

ліона отправиться немедленно, въ качествѣ депутата съ военной стороны, въ уѣздъ, „на мертвое тѣло"... Оказалось, что стрѣлокъ 1-й роты, возвращаясь изъ баталіоннаго лазарета, изъ Чембара, въ свою роту, поздно вечеромъ, провалился въ какой-то маленькой рѣченкѣ сквозь ледъ, весь обмокъ и обледенѣлъ, а затѣмъ сбился ночью съ дороги, не имѣлъ силъ добраться до жилья и замерзъ въ полѣ, на землѣ Шангирея. Мнѣ предлагалось въ приказѣ войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ становымъ приставомъ Гіацинтовымъ и отправиться на мѣсто, для присутствованія при поднятіи „тѣла". Вскорѣ я нашелъ Гіацинтова и на другой же день по полученіи приказа сидѣлъ со становымъ въ его тарантасѣ, и мы тащились по ужаснѣйшей проселочной дорогѣ, изрытой колеями и рытвинами, превратившимися отъ мороза въ твердый камень; морозы стояли уже порядочные, а снѣгу все еще не было на поляхъ. Разбитые по всѣмъ суставамъ, продрогшіе и измученные, вечеромъ дотащились мы до деревни, принадлежащей Шангирею, и становой приказалъ ямщику ѣхать на господскій дворъ.

Еще дорогою становой разсказалъ мнѣ, что Шангирей приходится Лермонтову родственникомъ, и что у него есть вещи и письма поэта. Такъ какъ я въ то время, будучи юнымъ прапорщикомъ, благоговѣлъ предъ геніемъ этого поэта еще болѣе, чѣмъ благоговѣю теперь, то понятно, что былъ очень обрадованъ разсказами моего спутника и, забывая всѣ мученія дороги, съ нетерпѣніемъ желалъ увидать Шангирея.

Помѣщикъ встрѣтилъ насъ очень радушно. Это былъ отставной кавказецъ, лѣтъ за 60, но еще очень бодрый и крѣпкій человѣкъ; онъ былъ выше средняго роста и плотно сложенный, съ коротко остриженной, словно выбритой, головою, одѣтый, по старой привычкѣ, въ бешметъ и черкеску.

Когда окончились всѣ церемоніи перваго знакомства и

разговоры на ту несчастную тему, изъ-за которой мы, собственно, и пріѣхали, полковникъ сталъ внимательно разспрашивать меня о современномъ вооруженіи солдатъ и, затѣмъ, спросилъ, правда ли, что въ нашъ стрѣлковый баталіонъ присланы какія-то новыя „винтовки", стрѣляющія, будто бы, на версту разстоянія.

Я удовлетворилъ его любопытство и объяснилъ ему, что нашими стрѣлками только-что получены изъ Тулы шестилинейныя винтовки, стрѣляющія пулями Минье на 1.200 шаговъ прицѣльныхъ, что эти винтовки замѣнили бывшіе въ стрѣлковыхъ баталіонахъ тяжеловѣсные люттихскіе штуцера, заряжавшіеся при помощи особаго молотка, загонявшаго въ стволъ пулю, и имѣвшіе, вмѣсто штыка, тяжелый и неуклюжій ножъ-тесакъ.

Старый воинъ такъ и засіялъ отъ радости, когда я разсказалъ ему о свойствахъ и качествахъ новаго (тогдашняго) вооруженія, считавшагося въ то время послѣднимъ словомъ военной техники.

— А въ мое-то время, на Кавказѣ, — говорилъ онъ, вздыхая и покачивая головою,—было такое жалкое вооруженіе, что просто стыдно и вспомнить! Наши гладкоствольныя ружья стрѣляли своими круглыми пулями едва только на 200—300 шаговъ, а у черкесовъ и тогда уже были винтовки, стрѣлявшія вдвое дальше. И знаете ли, что̀ эти канальи, татары, продѣлывали?—выѣдетъ, бывало, передъ нашимъ отрядомъ на какой-нибудь ровной полянѣ ихъ джигитъ, прицѣлится въ роту, стоящую сомкнутымъ строемъ, шаговъ этакъ на 500, и выстрѣлитъ... глядь, солдатикъ и повалился со стономъ на земь... А онъ, бестія, поворачиваетъ къ намъ крупъ лошади, разстегивается, гдѣ слѣдуетъ, наклоняетъ голову къ лукѣ сѣдла, обнажаетъ намъ цѣль и стои̂тъ нѣсколько секундъ, не шевелясь, пока не выстрѣлятъ по немъ,—и, конечно, напрасно, потому что пули не долетаютъ до него... Увидятъ это казаки, разсердятся и поскачутъ за нимъ; ну, тогда уже шутки плохія...

Когда эти военные разговоры были окончены, я исподоволь перевелъ рѣчь на Лермонтова и сказалъ Шангирею, что знаю наизусть почти всѣ стихотворенія поэта, по крайней мѣрѣ, всѣ мелкія, то-есть, лучшія его пьесы...

— А знаете его „Валерикъ“?—спросилъ полковникъ.

— Какъ же не знать,—отвѣчалъ я,—вѣдь это одно изъ немногихъ его батальныхъ стихотвореній.

— А вотъ я вамъ его сейчасъ покажу,—проговорилъ Шангирей, и вышелъ изъ столовой, гдѣ мы сидѣли за самоваромъ, въ кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и показалъ мнѣ небольшую тетрадь очень толстой бумаги, гдѣ было написано все названное стихотвореніе, но съ большими помарками, вставками и выносками. Въ то же время онъ сообщилъ мнѣ, что у него имѣются нѣсколько картинъ, писанныхъ масляными красками самимъ поэтомъ, и хранятся письма Лермонтова съ Кавказа къ нему же, Шангирею, который, оказалось, былъ родственникомъ поэта по Аркадію Столыпину, своему двоюродному брату.

Какъ глубоко я скорблю теперь, спустя 40 лѣтъ, что тогда, въ тотъ осенній бурный вечеръ, когда сидѣлъ за чайнымъ столомъ въ уютномъ деревянномъ, одноэтажномъ домѣ Павла Петровича Шангирея, не попросилъ у него позволенія снять копіи съ писемъ Лермонтова, или хотя бы переписать того же самаго „Валерика“... Ктò знаетъ, гдѣ эти письма теперь и у кого, и были ли они когда-нибудь въ рукахъ людей, спеціально знакомящихся съ каждою строкою, вышедшею изъ-подъ пера Лермонтова? или, можетъ быть, совсѣмъ погибли эти письма, и отъ нихъ не осталось не только копій, но и слѣдовъ... И — кто знаетъ—можетъ, и самое стихотвореніе „Валерикъ“ имѣло въ рукописи, принадлежащей Шангирею, какіе-нибудь новые варіанты. или даже новыя строфы...

Съ беззаботностью молодости я отнесся тогда къ тому драгоцѣннѣйшему сокровищу, которое держалъ въ своихъ

рукахъ!.. Я былъ безконечно счастливъ, что вижу подлинную рукопись Лермонтова, и совсѣмъ уже не думалъ о письмахъ его, картинахъ и вещахъ, которыя были тоже у Шангирея. И не думалъ я обо всемъ этомъ, главнымъ образомъ, потому, что никакъ, въ то время, не воображалъ и не предвидѣлъ, что мнѣ придется впослѣдствіи жить и существовать литературнымъ трудомъ и что, много-много лѣтъ спустя, мнѣ доведется вспоминать мою вечернюю бесѣду съ покойнымъ П. П. Шангиреемъ, внесенную лишь вкратцѣ, по возвращеніи въ Чембаръ, въ мой дневникъ...

А въ тотъ памятный вечеръ, едва только стѣнные часы пробили десять, какъ хозяинъ поднялся изъ-за стола и, извиняясь, пожелалъ намъ покойной ночи, заявивъ при этомъ, что онъ всегда привыкъ ложиться въ это время спать.

На другой день мы поднялись рано, и когда вышли въ столовую къ утреннему чаю, хозяинъ уже поджидалъ насъ. Черезъ полчаса мы поблагодарили хозяина за гостепріимство и распростились съ нимъ. Затѣмъ, мнѣ никогда болѣе не довелось видѣться съ нимъ, такъ какъ, исполнивъ возложенное на меня порученіе, я уже не вернулся въ имѣніе Шангирея и проѣхалъ прямо въ Чембаръ. Въ слѣдующемъ же 1860 году нашъ баталіонъ былъ переведенъ на контониръ-квартиры въ сосѣднюю Саратовскую губернію, въ раскольничій городъ Кузнецкъ.

Въ домѣ тѣхъ же Шумскихъ, лѣтомъ же 1859 года, я узналъ, что въ Чембарѣ проживаетъ родной братъ знаменитаго критика Бѣлинскаго, Константинъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Въ это время литературная слава и извѣстность Бѣлинскаго стала уже проникать всюду, главнымъ образомъ, благодаря журналамъ, преимущественно, „Современнику“,

издаваемому Панаевымъ и Некрасовымъ. Эти журналы очень часто стали рекламировать недостаточно оцѣненнаго при жизни писателя, цитировали его мнѣнія и статьи и, наконецъ, сообщили, что извѣстный въ Москвѣ меценатъ-купецъ Солдатенковъ предполагаетъ издать полное собраніе сочиненій покойнаго критика, скончавшагося, какъ извѣстно, при нѣсколько исключительныхъ обстоятельствахъ... Въ то время, то-есть въ 1859 году, прошло уже четыре года со времени вступленія на престолъ императора Александра II, и всякая опала съ покойнаго Бѣлинскаго была, повидимому, снята, революціонное же движеніе на западѣ Европы, 1848 года, къ которому былъ, ни за что, ни про что, припутанъ этотъ писатель (въ силу своего извѣстнаго „Письма къ Гоголю"), не только улеглось, но было вытѣснено и заслонено у насъ, въ Россіи, другимъ событіемъ, несравненно болѣе крупнымъ и важнымъ, — только что окончившеюся крымскою войной, и поэтому съ имени Бѣлинскаго и съ его сочиненій спалъ, какъ бы самъ собою, тотъ запретъ, который тяготѣлъ на немъ съ рокового 1848 года, бывшаго въ то же время, по странному стеченію обстоятельствъ, и годомъ смерти знаменитаго критика. Тѣмъ не менѣе, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, имя покойнаго Бѣлинскаго произносилось въ провинціи все еще съ нѣкоторою опаской, какъ и имя А. И. Герцена, издававшаго уже въ Лондонѣ свой „Колоколъ".

Отправившись на розыски, я нашелъ Константина Григорьевича проживающимъ въ одной изъ глухихъ улицъ Чембара, въ деревянномъ флигелѣ, состоящемъ всего изъ трехъ маленькихъ комнатъ. При немъ жила его многочисленная семья—жена и дѣти; кругомъ была бѣдность и нищета... Какъ извѣстно, онъ, овдовѣвъ уже послѣ смерти брата, женился во второй разъ и имѣлъ теперь 8 человѣкъ дѣтей.

Меня встрѣтилъ человѣкъ невысокаго роста, широкоплечій, лѣтъ 50-ти слишкомъ, съ густыми, темными волосами на головѣ, очень бѣдно одѣтый, давно не брившійся... Это и былъ отставной титулярный совѣтникъ К. Г. Бѣлинскій, родной братъ умершаго писателя. Я назвалъ себя, объяснилъ цѣль своего посѣщенія и узналъ слѣдующее.

К. Г. служилъ самымъ скромнымъ и мирнымъ чиновникомъ въ мѣстной думѣ (по тогдашнему, ратушѣ), секретаремъ. Годъ назадъ, пріѣхалъ въ Чембаръ на обычную ревизію пензенскій губернаторъ Панчулидзевъ. На другой день его пріѣзда ему представлялись, по обыкновенію, всѣ уѣздныя власти и въ томъ числѣ несчастный Константинъ Григорьевичъ. И вотъ, едва только губернаторъ подошелъ, по очереди, къ Бѣлинскому, и этотъ послѣдній проговорилъ: „Титулярный совѣтникъ Бѣлинскій",—какъ губернаторъ громко отвѣтилъ: „А, знаю!—пьяный совѣтникъ Бѣлинскій", и, быстро отвернувшись отъ него подошелъ къ другому, стоявшему рядомъ чиновнику...

Несчастный Бѣлинскій, имѣвшій восьмерыхъ дѣтей, изъ коихъ одинъ только старшій сынъ содержалъ самъ себя, былъ пораженъ, какъ громомъ... Наконецъ, и такое публичное, ничѣмъ не вызванное и незаслуженное оскорбленіе!..

Во время послѣдовавшей затѣмъ ревизіи, губернаторскій чиновникъ въ думѣ рвалъ и металъ, что называется, и, въ концѣ концовъ, секретарь долженъ былъ подать въ отставку, въ которую вскорѣ и былъ уволенъ, съ пенсіей въ 16 рублей съ копѣйками въ мѣсяцъ.

По отъѣздѣ Панчулидзева изъ Чембара въ Пензу, несчастный Бѣлинскій долго и тщетно старался узнать причину такой необычайной немилости къ своей маленькой особѣ со стороны такой крупной, какъ губернаторъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и выпытываній, узналъ отъ уѣзднаго предводителя дворянства, М. Н. Владыкина, слѣдующее.

Губернаторъ Панчулидзевъ висѣлъ уже, какъ говорится, на волоскѣ: противъ него собиралась въ Петербургѣ серьезная гроза, которая и разразилась надъ нимъ во слѣдующемъ 1859 году, когда въ Пензенскую губернію былъ посланъ на ревизію, съ чрезвычайными полномочіями, сенаторъ Сафоновъ, удалившій отъ должностей въ губерніи массу чиновниковъ, съ преданіемъ суду. Конечнымъ же результатомъ ревизіи было увольненіе отъ должности и самого губернатора.

Весь этотъ сыръ-боръ загорѣлся изъ-за статьи „Дневной грабежъ въ Пензѣ", напечатанной Герценомъ въ „Колоколѣ", въ 1858 году. Въ этой статьѣ (которую я читалъ впослѣдствіи) разсказывалась слѣдующая достовѣрная исторія, происшедшая въ кабинетѣ пензенскаго губернатора Панчулидзева, въ концѣ декабря 1857 года.

Пришелъ къ нему въ кабинетъ откупщикъ Ненюковъ, державшій на откупѣ кабаки Пензенской губерніи, и принесъ обычную мзду за истекшій годъ, въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей, вмѣсто пяти, которыя тотъ же губернаторъ получалъ обыкновенно ранѣе; откупщикъ ссылался на „плохой годъ", на бывшій, въ концѣ августа, страшный пожаръ въ Пензѣ, опустошившій болѣе половины города, и пр., но Панчулидзевъ ничего знать не хотѣлъ и требовалъ прежнія пять тысячъ. Наконецъ, Ненюковъ заявилъ:

— Воля ваша, ваше превосходительство, что хотите, со мной дѣлайте! а я болѣе дать не въ силахъ, — и съ этими словами откупщикъ досталъ изъ бокового кармана сюртука бумажникъ, вынулъ оттуда пачку ассигнацій и сталъ отсчитывать... Когда онъ отсчиталъ три тысячи, положивъ ихъ губернатору на столъ, а остальныя деньги сталъ укладывать обратно въ бумажникъ, то Панчулидзевъ мгновенно выхватилъ у Ненюкова изъ рукъ этотъ бумажникъ, опорожнилъ его и, въ пустомъ уже видѣ, вложилъ обратно въ боковой карманъ сюртука откупщику, совершенно ошалѣвшему отъ неожиданности и ужаса такого грабежа...

Затѣмъ губернаторъ повернулъ Ненюкова къ выходной двери кабинета и вытолкнулъ въ пріемную, пригрозивъ ему, что если только онъ осмѣлится кому-нибудь „открыть ротъ" объ этомъ происшествіи въ кабинетѣ, то онъ, губернаторъ, ушлетъ его туда, куда Макаръ и телятъ не гонялъ...

Откупщикъ Ненюковъ, дѣйствительно, „рта не открылъ", когда вышелъ, ограбленный, изъ губернаторскаго кабинета. Но отъ Панчулидзева онъ прямо направился къ правителю его канцеляріи статскому совѣтнику Мѣшкову и объявилъ ему, что его „часть" отнята сію минуту губернаторомъ, съ котораго онъ, откупщикъ, обыкновенно начиналъ раздачу питейной дани; отъ Мѣшкова Ненюковъ направился къ управляющему казенной палатой съ тѣмъ же пріятнымъ извѣстіемъ, затѣмъ поѣхалъ къ полицеймейстеру полковнику Пестровó, къ тремъ совѣтникамъ губернскаго правленія, и такъ далѣе, — словомъ, ко всѣмъ тѣмъ чинамъ и лицамъ, считая въ томъ числѣ частныхъ приставовъ города и квартальныхъ, которые получали всегда отъ откупщиковъ, въ концѣ года, свои обычныя „наградныя"...

Скандалъ въ чиновничьемъ мірѣ Пензы вышелъ небывалый... Всѣ чиновники, не получившіе дани, ругали, на чемъ свѣтъ стоитъ, губернатора, вполнѣ увѣренные, что Ненюковъ не осмѣлился бы измыслить такую исторію, если бы она не произошла въ дѣйствительности...

Когда Панчулидзевъ узналъ, наконецъ, что Ненюковъ все еще, со спискомъ въ рукахъ, продолжаетъ разъѣзжать по городу и оповѣщать чиновниковъ, — имя же имъ легіонъ, — что онъ не можетъ уплатить имъ на этотъ разъ ихъ „наградныхъ", то приказалъ арестовать „клеветника" при полицейской кутузкѣ. Тогда жена Ненюкова выѣхала потихоньку, въ ту же ночь, изъ Пензы и поскакала въ Петербургъ спасать и выручать мужа изъ бѣды неминучей...

Въ тѣ времена, какъ извѣстно, не было не только

телеграфа, но и желѣзныхъ дорогъ; первый телеграфъ чрезъ Пензенскую губернію прошелъ лишь въ слѣдующемъ 1859 году; всѣ важныя и экстренныя распоряженія и донесенія пересылались эстафетами, т.-е. при помощи лошадей. Также точно, вѣроятно, двигалось и „дѣло" пензенскаго откупщика, купца 2-й гильдіи Ненюкова... Однако, какъ ни тихо шло это дѣло, но дошло оно какимъ-то путемъ до Лондона и попало, наконецъ, въ редакцію „Колокола", въ руки А. И. Герцена... А затѣмъ, въ маѣ 1858 года, появилась и самая статья „Дневной грабежъ"...

„Колоколъ" въ то время былъ очень распространенъ: его безпрепятственно получали въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ каждомъ губернскомъ городѣ и во многихъ даже уѣздныхъ городахъ. Мы, офицеры 16-го стрѣлковаго баталіона, получали этотъ журналъ отъ М. Н. Владыкина, выписывавшаго два экземпляра. Теперь прошу читателя представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела тогда въ Пензенской губерніи статья Герцена, написанная вдобавокъ en toutes lettres.

И этому самому губернатору Панчулидзеву, отлично, конечно, ознакомившемуся съ статьей „Колокола", уже висѣвшему на-волоскѣ и ожидавшему грозы, вдругъ докладываютъ, во время пріѣзда въ Чембаръ, что въ числѣ имѣющихъ представиться чиновниковъ находится братъ знаменитаго литератора Бѣлинскаго... И вотъ, не будучи въ силахъ отомстить далекому Герцену, Панчулидзевъ сорвалъ гнѣвъ на несчастномъ титулярномъ совѣтникѣ Бѣлинскомъ [1]).

[1]) Въ 70-хъ годахъ я разсказалъ объ этомъ случаѣ съ братомъ Бѣлинскаго покойному М. И. Семевскому, который потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ статьѣ о Бѣлинскомъ въ «Русской Старинѣ» (1874 г.) и воспроизвелъ мой разсказъ, но только допустивъ въ немъ нѣкоторыя неточности: такъ, напр., онъ совсѣмъ не назвалъ фамиліи губернатора, уволившаго К. Бѣлинскаго и оскорбившаго его, и по ошибкѣ, конечно, отнесъ этотъ случай ко времени губернатора, смѣнившаго Панчулидзева.

— И ужъ добро бы я, дѣйствительно, пилъ,—говорилъ мнѣ добродушный Константинъ Григорьевичъ,—тогда, по крайней мѣрѣ, не было бы уже такъ больно и обидно! а то, вѣдь нѣтъ: пилъ, какъ и всѣ, передъ обѣдомъ, передъ ужиномъ, въ гостяхъ, гдѣ придется, — и пьянымъ меня никто не видѣлъ...

Послѣ перваго нашего свиданія, К. Г. зашелъ ко мнѣ, и мы потомъ стали видѣться часто. Разговоры наши, большею частью, конечно, вращались около его покойнаго брата, Виссаріона Григорьевича. Вотъ что я узналъ въ то время и записалъ въ свою памятную книжку.

Отецъ Бѣлинскихъ былъ, какъ извѣстно, полковой врачъ, стоявшій съ полкомъ въ Свеаборгѣ, гдѣ и родился тогда его старшій сынъ Виссаріонъ. Родиной его было село Бѣлынь, Чембарскаго же уѣзда, гдѣ отецъ Григорія Никифоровича Бѣлинскаго былъ діакономъ. Отъ этого, и самая фамилія врача была вначалѣ не Бѣлинскій, а Бѣлынскій, по имени села, а потомъ уже какъ-то, въ полковой канцеляріи, въ формулярномъ спискѣ, его стали писать Бѣлинскимъ. Отца ихъ все-таки тянуло на родину въ Чембаръ,—и какъ только открылась въ этомъ городѣ вакансія уѣзднаго и городового врача, то Бѣлинскій-отецъ тотчасъ же и перепросился на службу въ свой родной городъ, куда вскорѣ и переѣхалъ со всею семьею, состоявшею тогда изъ жены и сына. Мальчикъ поступилъ въ скорости въ мѣстное уѣздное трехъ-классное училище, въ которомъ и окончилъ курсъ; онъ оказался замѣчательно способнымъ ученикомъ и получилъ, при окончаніи курса, награду — книгу евангеліе, въ изящномъ переплетѣ. (Книга была подписана, между прочимъ, И. И. Лажечниковымъ, извѣстнымъ романистомъ, бывшимъ въ то время директоромъ училищъ Пензенской губерніи). Затѣмъ отецъ отвезъ старшаго сына въ Пензу и опредѣлилъ его въ губернскую гимназію, прямо во 2-й классъ, въ августѣ 1825 года. Тамъ онъ, однако, не

окончилъ курса [1]); но затѣмъ, попавъ въ Москву, Бѣлинскій, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, поступилъ въ Московскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ, такъ какъ въ тѣ времена при этомъ университетѣ (въ старомъ зданіи, въ одномъ изъ флигелей, выходящихъ на Большую Никитскую улицу) было устроено общежитіе или конviктъ — для бѣдныхъ, собственно, студентовъ. Черезъ два года по поступленіи въ университетъ, студента Виссаріона Бѣлинскаго постигла, какъ извѣстно, неудача: онъ былъ исключенъ изъ университета „по неспособности“, какъ было оффиціально ему объявлено, и какъ значилось потомъ и въ журналѣ совѣта, и въ аттестаціи, выданной ему изъ университета: „способностей слабыхъ и нерадивъ...“. Самую главную и рѣшающую роль въ этомъ прискорбномъ событія игралъ, по словамъ брата, профессоръ исторіи, извѣстный М. П. Погодинъ, почему-то

[1]) О гимназическихъ годахъ Бѣлинскаго имѣются въ печати свѣдѣнія, сообщенныя бывшимъ директоромъ Пензенской гимназіи И. И. Лажечниковымъ и учителемъ М. М. П—овымъ. Братъ же его, К. Г., зналъ и помнилъ очень немногое: по его словамъ, В. Г. былъ, по нѣкоторымъ предметамъ, лучшимъ ученикомъ въ классѣ, а по нелюбимымъ предметамъ—худшимъ. По словамъ брата же, В. Г. издавалъ, въ старшихъ классахъ, какой-то литературный рукописный журналъ. Здѣсь, кстати, я считаю необходимомъ исправить явную неточность, появившуюся на-дняхъ къ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ -- будто Бѣлинскій вышелъ изъ третьяго класса гимназіи... Авторъ этого сообщенія (г. Быстренинъ, изъ Пензы) упустилъ, конечно, изъ виду тотъ фактъ, что Бѣлинскій въ слѣдующемъ же году выдержалъ блестящимъ образомъ вступительный экзаменъ въ Московскій университетъ, — что, понятно, было бы немыслимо, если бы онъ не ушелъ въ гимназіи далѣе 3-го класса. Да наконецъ, въ запискахъ того же учителя естественной исторіи М. М. П—ова встрѣчаются, напр., слѣдующія фразы: «Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи»... Или, въ другомъ мѣстѣ: «Онъ (Бѣлинскій) учился у меня естественной исторіи только въ двухъ высшихъ классахъ». Слѣдовательно, если тогдашняя пензенская гимназія была всего четырехъ-классная, то и тогда надо заключить, что Бѣлинскій былъ въ ея обоихъ высшихъ классахъ.

особенно не взлюбившій В. Бѣлинскаго. „Неспособность“ исключаемаго студента была припутана тутъ ни къ селу, ни къ городу, какъ говорится; главнымъ же — юридическимъ—поводомъ къ исключенію послужило его болѣзненное состояніе.

Дальнѣйшая затѣмъ судьба этого даровитѣйшаго писателя всѣмъ извѣстна: это былъ тяжкій, непокладный, чисто каторжный трудъ журналиста-критика—сначала въ Москвѣ, въ „Телескопѣ“ Надеждина, а затѣмъ въ Петербургѣ, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго и, позднѣе, въ „Современникѣ“. Одинъ разъ только — и то недолго — отдохнулъ покойный писатель отъ своей каторжной жизни— это во время поѣздки за границу, откуда онъ имѣлъ неосторожность написать свое извѣстное, порицающее „Письмо къ Гоголю“, благодаря которому собственно и были нарушены самые послѣдніе часы его жизни — какъ это изображено на извѣстной картинѣ художника Наумова.

III.

Различная судьба братьевъ Бѣлинскихъ. — Ихъ переписка. — Время студенчества старшаго брата. — Его пріѣзды въ Чембаръ. — Бѣлинскій въ роли святочнаго странника. — Захватъ писемъ Бѣлинскаго кн. Енгалычевымъ. — Кличъ М. И. Семевскаго. — Марья Васильевна Бѣлинская. — Маска покойнаго Бѣлинскаго. — Отсылка его сочиненій брату. — Хлопоты о пособіи.

Какая различная судьба выпала на долю этихъ двухъ братьевъ Бѣлинскихъ! Одинъ такъ и не пошелъ далѣе уѣзднаго училища и остался несчастнымъ титулярнымъ совѣтникомъ, отставнымъ чиновникомъ, уволеннымъ отъ службы по распоряженію губернатора-взяточника, съ грошевою пенсіей, и умершимъ въ томъ же самомъ Чембарѣ въ бѣдности и неизвѣстности. Другой братъ попалъ въ старѣйшій и лучшій университетъ Россіи, сталъ знаменитымъ журналистомъ и критикомъ, котораго читала вся

грамотная Россія, сочиненія котораго, изданныя въ свѣтъ, имѣли потомъ громадный и вполнѣ заслуженный успѣхъ, и которому, наконецъ, по истеченіи 50-ти лѣтъ со дня смерти, предполагается къ постановкѣ памятникъ для увѣковѣченія его славнаго имени въ потомствѣ!..

Но уже и тогда, 50 слишкомъ лѣтъ назадъ, когда еще были живы оба брата, нѣжно, въ дѣтствѣ, любившіе другъ друга, эта значительная разница въ ихъ жизненныхъ путяхъ сильно смущала одного изъ нихъ, именно младшаго брата, Константина, который, по его словамъ, не разъ принимался горько сѣтовать на замѣчаемое имъ охлажденіе къ себѣ и своей семьѣ со стороны старшаго брата, писателя, приписывая это охлажденіе вліянію жены брата, Марьи Васильевны; и вѣроятно, эти сѣтованія и вызвали, наконецъ, то письмо Виссаріона Григорьевича къ брату, въ которомъ встрѣчаются, напр., слѣдующія строки:

„Напрасно ты думаешь, что я сердитъ на тебя: ей-Богу, и не думалъ сердиться. Причина моего молчанія—безпрерывныя хлопоты, заботы, труды, безпокойства и пр. Судьба занесла меня въ Питеръ—что дѣлать! мой удѣлъ носиться туда и сюда по волнамъ жизни и не знать никогда пристани, у которой ты такъ счастливо пріукрылся и пригрѣлся. Всякому свой путь въ жизни — и надо идти, а не жаловаться. Что со мною было и какъ — этого не перескажешь и во ста письмахъ; да, по разности нашихъ дорогъ въ жизни, это и не совсѣмъ было бы для тебя понятно. Богъ дастъ, увидимся—потолкуемъ; а пока, позволь мнѣ тебя увѣрить, что я искренно къ тебѣ расположенъ, отъ всего сердца желаю тебѣ всякаго счастія — и всегда съ радостью съ тобою увижусь, если Богъ приведетъ. Что за дѣло, что я рѣдко пишу!—будто любовь въ перепискѣ, а не въ душѣ? И такъ обнимаю и цѣлую тебя по-братски:.. Если будетъ у тебя еще сынъ или дочь—бери меня въ кумовья; я ужъ пришлю славный гостинецъ“... И т. д... Письмо это писано Бѣлинскимъ брату во время самаго блестящаго періода его литературной дѣятельности и помѣчено 9 апрѣля 1840 года. Тутъ же, въ концѣ письма, выставленъ и адресъ — въ слѣдующей припискѣ: „Если будешь писать ко мнѣ, то пиши такъ: въ Петербургъ, Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому, въ контору редакціи „Отечественныхъ Записокъ“ [1]).

При всякомъ удобномъ случаѣ, какъ видятъ читатели, старшій братъ выказывалъ свою нѣжность и вниманіе къ младшему. По разсказамъ Константина Григорьевича, писатель, живя въ Москвѣ, всегда розыскивалъ „земляковъ“, чембарскихъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ въ столицу по своимъ дѣламъ, и, пользуясь „оказіей“, постоянно высылалъ брату какіе-нибудь гостинцы. Между прочимъ однажды, въ 1832 году, онъ прислалъ ему, съ нѣкіимъ Сукалкинымъ, довольно толстую тетрадку стиховъ различныхъ авторовъ, которые ему, повидимому, болѣе нравились и произведенія которыхъ онъ вписывалъ въ эту тетрадку. Тамъ встрѣчаются стихотворенія Пушкина, Веневитинова, Полежаева, Языкова, Одоевскаго, Тепловой и мн. др. Между прочимъ, тамъ имѣлись стихотворенія и чисто-патріотическія, въ родѣ, напримѣръ, извѣстныхъ „Стансовъ“ Пушкина „Въ надеждѣ славы и добра“... Тетрадь эту Константинъ Григорьевичъ подарилъ мнѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами своего покойнаго брата,—и я, впослѣдствіи, отрывалъ отъ этой тетради маленькіе куски и дарилъ ихъ тѣмъ моимъ знакомымъ, которые желали имѣть у себя автографъ знаменитаго критика. Въ 1883 году тетрадь эта поступила въ собраніе автографовъ П. Я. Дашкова.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, за время своей жизни въ Москвѣ—сначала студентомъ, а затѣмъ журналистомъ, — два раза пріѣзжалъ въ Чембаръ къ брату и

[1]) Подлинникъ этого письма находится въ коллекціи извѣстнаго собирателя автографовъ и писемъ замѣчательныхъ людей, П. Я. Дашкова, переданный ему мною въ 1883 году. И. З.

замужней сестрѣ, и проводилъ у нихъ по нѣскольку недѣль. Такъ, однажды, по разсказу его брата и семейства Шумскихъ, онъ, будучи студентомъ, провелъ въ Чембарѣ святки и не особенно, кажется, скучалъ за это время. Такъ какъ онъ и ранѣе, будучи еще въ пензенской гимназіи, очень любилъ „наряжаться" на святки и при этомъ импровизировать, согласно принятой имъ на себя роли,—то и на этотъ разъ, соединившись въ компанію съ учителями мѣстнаго училища и съ нѣкоторыми друзьями своего дѣтства, онъ „нарядился" странникомъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ многихъ своихъ давнихъ знакомыхъ, изъ коихъ его никто не призналъ; между прочимъ, онъ посѣтилъ въ тотъ вечеръ и домъ Шумскихъ. При этомъ, всѣ удивлялись интересному разсказу странника-старца о жизни въ Москвѣ и о томъ, какъ онъ ѣхалъ сюда въ Чембаръ, съ обозомъ товара, купленнаго въ Москвѣ, для своей лавки, однимъ мѣстнымъ купцомъ. Только на другой день узнали, что странникомъ былъ одѣтъ доктора сынъ—студентъ Бѣлинскій...

Въ сентябрѣ 1860 года 16-й стрѣлковый баталіонъ ушелъ изъ Чембара на стоянку въ Саратовскую губернію, и я распростился съ Константиномъ Григорьевичемъ. За время нашего знакомства я видѣлъ у него нѣсколько пачекъ писемъ его знаменитаго брата и почти всѣ ихъ перечиталъ. Затѣмъ, я не былъ въ Чембарѣ два года,—и когда попалъ туда, проѣздомъ, осенью 1862 года и посѣтилъ Константина Григорьевича, то узналъ отъ него, что всѣ письма его брата, которыя только у него оставались, у него выпросилъ, для снятія съ нихъ копій, князь Енгалычевъ, чембарскій уѣздный предводитель дворянства, смѣнившій М. Н. Владыкина, что письма эти князь Енгалычевъ выпросилъ „на одну недѣлю", а между тѣмъ прошло уже болѣе года, а онъ этихъ писемъ не возвращаетъ и даже не отвѣчаетъ на письма Константина Григорьевича.

Я, конечно, ничѣмъ не могъ помочь бѣдному Константину Григорьевичу въ этомъ дѣлѣ и, пробывъ въ Чембарѣ нѣсколько дней, уѣхалъ въ Москву, искренно лишь пожалѣвъ о томъ, что два года тому назадъ самъ не переписалъ этихъ писемъ. Но, къ счастію, имъ не суждено было погибнуть такъ, напримѣръ, какъ погибли, несомнѣнно, письма Лермонтова къ Шангирею.

Послѣ 1862 года прошло много лѣтъ... Я жилъ въ 70-хъ годахъ въ Москвѣ и занимался литературнымъ трудомъ... Вдругъ читаю, однажды, въ „Русской Старинѣ" воззваніе М. И. Семевскаго къ лицамъ, могущимъ что-либо доставить ему, М. И., о критикѣ Бѣлинскомъ, или даже указать—гдѣ и у кого могутъ находиться письма этого литератора, къ кому-либо имъ писанныя. Въ томъ же приглашеніи покойный редакторъ „Русской Старины" объяснялъ и причины своей любознательности: что въ названномъ журналѣ будетъ напечатанъ обширный трудъ о жизни и сочиненіяхъ Бѣлинскаго. Тотчасъ же по прочтеніи этого приглашенія, я написалъ М. И. Семевскому о судьбѣ писемъ покойнаго Бѣлинскаго къ его брату и указалъ ему, гдѣ и у кого они должны были находиться. По счастью, князь Енгалычевъ былъ въ то время живъ (очень можетъ быть, что онъ здравствуетъ и понынѣ) и, получивъ нарочитое письмо изъ „Русской Старины", тотчасъ же выслалъ Михаилу Ивановичу всѣ письма Бѣлинскаго во всей ихъ неприкосновенности,—и, такимъ образомъ, большая часть писемъ покойнаго писателя къ его брату въ Чембаръ не погибла для исторіи русской литературы и появилась на свѣтъ божій—въ „Русской Старинѣ". Куда, затѣмъ, дѣвались подлинники этихъ писемъ и гдѣ и у кого они въ настоящее время находятся—этого я не знаю [1]).

---

[1]) Если бы интеллигентному обществу Пензы пришла когда-нибудь мысль основать при имѣющейся въ городѣ Лермонтовской библіотекѣ

Передъ отъѣздомъ моимъ, въ 1862 году, изъ Чембара, покойный Константинъ Григорьевичъ убѣдительно просилъ меня побывать въ Москвѣ у вдовы писателя, Марьи Васильевны Бѣлинской, и попросить ее о высылкѣ въ Чембаръ ему, Константину Григорьевичу, полнаго собранія сочиненій его брата, которое тогда уже вышло, изданное въ Москвѣ же, г. Солдатенковымъ, въ 12-ти томахъ.

По пріѣздѣ въ Москву я, какъ только устроился и получилъ отъ попечителя, Н. В. Исакова, разрѣшеніе посѣщать университетскія лекціи, тотчасъ же, въ первое воскресенье, въ концѣ октября того же 1862 года, отправился по данному мнѣ Константиномъ Григорьевичемъ адресу, въ Александринскій институтъ, находившійся на одной изъ окраинъ Москвы; въ этомъ институтѣ супруга покойнаго писателя, Марья Васильевна Бѣлинская, служила кастеляншею.

Долго меня водили по разнымъ коридорамъ и комнатамъ, пока, наконецъ, привели въ маленькую, всего въ три комнаты квартирку, занимаемую кастеляншей. Меня встрѣтила дама, средняго роста, лѣтъ за 40, съ худымъ и очень энергичнымъ лицомъ, сохранившимъ слѣды прежней красивости. Я назвалъ себя, объяснилъ цѣль моего визита и передалъ ей поклонъ отъ ея beau frère'а. Она, повидимому, была очень довольна этимъ вниманіемъ къ ней со стороны мужниной родни — и стала подробно разспрашивать о семьѣ Константина Григорьевича и о немъ самомъ, изъявляя полную готовность выслать ему сочиненія его брата. Во время нашего разговора въ комнату (служившую и гостиною, и кабинетомъ) вошла молодая дѣвушка, выше средняго роста, съ довольно полнымъ, но блѣднымъ лицомъ, очень красивымъ и умнымъ, которое отличалось правильностью очертаній и своимъ строгимъ профилемъ, напоминавшимъ, судя по портретамъ, ея покойнаго отца.

и «музей» имени Бѣлинскаго, то эти письма были бы, конечно, очень цѣннымъ и интереснымъ инвентаремъ этого музея.

— Это моя дочь, Ольга Виссаріоновна,—проговорила хозяйка, указывая на вошедшую [1]).

Затѣмъ, она подвела меня къ висѣвшей на стѣнѣ, въ футлярѣ изъ стекла, гипсовой маскѣ покойнаго писателя, снятой съ него тотчасъ же послѣ смерти: лицо Бѣлинскаго поражало своею худобою и тѣмъ страдальческимъ выраженіемъ, которое наложили на него, очевидно, предсмертныя мученія...

Вскорѣ я получилъ отъ покойной Марьи Васильевны письмо, въ которомъ она извѣщала меня, что сочиненія ея мужа высланы уже въ Чембаръ, по назначенію, о чемъ она и просила сообщить Константину Григорьевичу. Затѣмъ въ слѣдующемъ году, т.-е. въ 1863, мнѣ довелось посѣтить Марью Васильевну еще разъ по слѣдующему поводу.

Константинъ Григорьевичъ написалъ мнѣ изъ Чембара письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ похлопотать въ литературномъ фондѣ (тогда, кажется, только-что основанномъ) о пособіи для него и его семьи. Я, не зная тогда, гдѣ этотъ фондъ находится и къ кому надо обращаться, послалъ его письмо къ Марьѣ Васильевнѣ, которая и пригласила меня быть у нея по этому дѣлу. При свиданіи она сообщила, что никогда лично не была знакома съ родными мужа и даже никого изъ нихъ не видѣла, и что, поэтому, находитъ для себя не вполнѣ удобнымъ обращаться въ фондъ съ названнымъ ходатайствомъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ свиданія съ Марьей Васильевной, я прочелъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ чью-то небольшую статейку о Бѣлинскомъ, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что покойный критикъ—уроженецъ западныхъ губерній и польскаго происхожденіь [2]). Я рѣ-

[1]) О. В. Бѣлинская вышла впослѣдствіи замужъ за нашего генеральнаго консула въ Корфу.

[2]) Впервые эти невѣрныя свѣдѣнія появились въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» Тимма — № 29, отъ 10 октября 1862 года. гдѣ было сказано слѣдующее: «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій г[illegible]лся

шилъ опровергнуть эту небылицу: написалъ маленькую замѣтку и понесъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей", бывшихъ тогда въ рукахъ Каткова и Леонтьева. Я засталъ въ редакціи какого-то господина въ золотыхъ очкахъ, высокаго роста, довольно пожилого и гладко выбритаго, который, прочтя мою замѣтку, сказалъ, что она будетъ напечатана.

— Я не замѣтилъ этого вранья,—сказалъ мнѣ этотъ господинъ:—иначе, я и самъ бы опровергъ эти выдумки о Бѣлинскомъ, котораго я знавалъ лично, когда онъ жилъ и писалъ въ Москвѣ.

Я полюбопытствовалъ спросить его фамилію, и оказалось, что предо мною былъ очень извѣстный въ то время въ Москвѣ литераторъ-фельетонистъ Пановскій, представлявшій изъ себя довольно крупную величину въ тогдашнихъ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Я воспользовался случаемъ и объяснилъ мое недоумѣніе по поводу письма ко мнѣ Константина Григорьевича... Пановскій былъ такъ любезенъ, что согласился принять всѣ хлопоты на себя. Я сообщилъ ему адресъ несчастнаго К. Г.—и мы разстались.

На другой день въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" была дѣйствительно напечатана моя замѣтка, а спустя нѣкоторое время я получилъ отъ Константина Григорьевича изъ Чембара письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что ему изъ Петербурга выслано пособіе. Но отъ кого было, собственно, это пособіе и въ какомъ размѣрѣ—онъ не пояснялъ, да меня это не могло особенно и интересовать. Въ томъ же своемъ письмѣ Константинъ Григорьевичъ извѣщалъ меня, что его старшій сынъ (мелкій чиновникъ, служившій въ Пензѣ) принялъ вызовъ тобольскаго губернатора и собирается ѣхать на службу въ Сибирь... Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ Константина Григорьевича Бѣлинскаго,—и съ тѣхъ поръ я ничего не знаю ни о самомъ Чембарѣ, ни о дальнѣйшей судьбѣ родственниковъ покойнаго писателя В. Г. Бѣлинскаго.

С.-Петербургъ.
28 января 1898 г.

въ 1811 году. Отецъ его родомъ изъ Польши или западныхъ губерній, былъ чембарскій уѣздный штабъ-лѣкарь (?)».

ПОѢЗДКА КЪ ШАМИЛЮ.

Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году [1]).

(Изъ записокъ и воспоминаній).

I.

Жизнь въ глухомъ селѣ Пензенской губерніи. — Солдатская школа грамоты. — Вызовъ въ баталіонный штабъ. — Бесѣда съ адъютантомъ и представленіе полковнику Фитингофу. — Назначеніе въ командировку въ Калугу. — Село Поимы и его «дурная слава». — Разбои на большихъ дорогахъ. — Мои попутчицы.

Въ концѣ декабря 1859 года я проживалъ въ селѣ Свищовкѣ, Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи, гдѣ завѣдывалъ школою грамоты нижнихъ чиновъ 2-ой роты 16-го стрѣлковаго баталіона, въ которомъ состоялъ тогда офицеромъ. Учениковъ у меня было около 40 человѣкъ, и самому младшему изъ нихъ было не менѣе 25 лѣтъ. Въ то время, какъ извѣстно, не существовало еще всеобщей воинской повинности, и въ военную службу могли быть принимаемы „рекруты“ даже и 30-лѣтняго возраста. И вотъ, съ такими-то „учениками“ я возился уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, начавъ ихъ обученіе съ половины сентября, т.-е. тотчасъ же, какъ только была закончена наша лагерная стоянка подъ Чембаромъ.

---

[1]) Часть этой статьи — собственно о Шамилѣ — вошла въ книгу «Кавказъ и его герои», изданную въ концѣ 1901 года. И. З.

Ученики у меня были молодцы по части пониманія грамоты и, начавъ съ азовъ, они черезъ три мѣсяца порядочно уже разбирали гражданскую печать, а нѣкоторые приступили даже къ писанію палочекъ и буквъ. Только нѣсколько человѣкъ изъ малороссовъ да два татарина приводили меня въ совершенное отчаяніе своею непонятливостью и выговоромъ... Никакихъ въ то время „системъ" у насъ, къ сожалѣнію, не было; мы лишь знали, что въ гвардейскихъ войскахъ при обученіи грамотѣ нижнихъ чиновъ была принята система Золотова, но къ намъ, въ стрѣлковые баталіоны, въ самую глушь Пензенской губерніи, эти новшества еще не дошли въ то время.

Говоря правду, я порядочно-таки скучалъ въ ту зиму; единственнымъ развлеченіемъ служили поѣздки къ окрестнымъ помѣщикамъ, у которыхъ и приходилось коротать вечера и праздничные дни. Поэтому, легко будетъ понятна моя радость, когда однажды вѣстовой изъ села Полянъ, гдѣ находился нашъ „ротный дворъ", доставилъ мнѣ казенный пакетъ, въ которомъ заключалось „предписаніе" командира баталіона, полковника Эмилія Карловича Фитингофа, слѣдующаго содержанія: „Съ полученія сего, предписываю вамъ явиться, немедленно, по дѣламъ службы въ гор. Чембаръ"...

Офицерскіе сборы были, конечно, недолгіе, и на другой же день я былъ уже въ Чембарѣ, отстоящемъ отъ Свищовки всего въ 25-ти верстахъ. Первымъ дѣломъ, конечно, я отправился къ баталіонному адъютанту, чтобы узнать, въ чемъ дѣло и ради чего меня вызвали. Адъютантъ, поручикъ Н. А. Добрынинъ, сказалъ мнѣ:

— Полковникъ предложитъ вамъ поѣздку въ Пензу — отвезти въ дивизіонный штабъ годовой отчетъ [1]). Съ этимъ отчетомъ долженъ бы ѣхать я, но Эм. Карл. не хочетъ

[1]) Въ то время стрѣлковые баталіоны были еще слиты, въ хозяйственномъ отношеніи, съ тѣми дивизіями, при коихъ состояли. Штабъ 16-й пѣхотной дивизіи былъ въ Пензѣ.

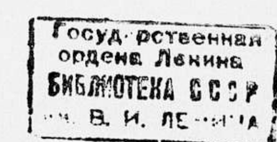
меня отпустить отъ себя, а потому и вызвалъ васъ. Предупреждаю васъ, что, не зная нашей канцелярской тарабарщины, вы не справитесь съ этимъ дѣломъ, — и совѣтую отвѣтить прямо, что командировка въ Пензу не по вашимъ силамъ... Тогда Эм. Карл. предложитъ вамъ, вѣроятно, другую — въ Калугу, за пріемкою огнестрѣльныхъ снарядовъ для баталіона на будущій годъ.

Я чрезвычайно былъ обрадованъ послѣднимъ сообщеніемъ Добрынина, такъ какъ, во-первыхъ, это была еще первая моя командировка на службѣ, а во-вторыхъ, поѣздка въ Калугу лежала черезъ Тамбовъ, гдѣ жили всѣ мои родные и гдѣ у насъ былъ свой домъ, а по дорогѣ, въ Кирсановскомъ уѣздѣ — имѣніе.

На другое утро, облачившись въ полную форму, я отправился къ полковнику, одному изъ самыхъ милыхъ, добрыхъ и честныхъ „командировъ", какихъ я зналъ потомъ въ жизни.

Когда я вошелъ въ залъ, гдѣ, въ уголку, стояло наше баталіонное знамя, то увидѣлъ, къ крайнему своему удивленію и конфузу, слѣдующую картину: у стѣны, около рояля, прячась за него, стоялъ командиръ — совсѣмъ „безъ галстука", какъ говорится: волосы его были растрепаны, самъ онъ былъ въ ночныхъ туфляхъ и въ коротенькомъ сѣромъ пальто, а противъ него, на другомъ концѣ зала, стояли два сына — мальчики 10 и 12 лѣтъ — и ихъ бонна; все это было вооружено подушками различной величины, которыя въ видѣ навѣсныхъ бомбъ и летали по комнатѣ... Сраженіе было въ самомъ разгарѣ, такъ какъ на меня, стоявшаго въ дверяхъ, обратили вниманіе лишь тогда, какъ одна изъ подушекъ, брошенныхъ бонной, была ловко отпарирована полковникомъ и полетѣла въ мою сторону: бонна, замѣтивъ меня, вскрикнула „ахъ"! и убѣжала изъ комнаты...

Полковникъ — худенькій, маленькаго роста, лѣтъ 45, всегда веселый, добродушный и жизнерадостный нѣмецъ,



совершенно обрусѣвшій за время своей 25-лѣтней службы на Кавказѣ,—повернулъ ко мнѣ смѣющееся лицо и положилъ на рояль подушку, приготовленную-было къ метанію.

— А, явились уже! Заходите въ кабинетъ, я сейчасъ приду,—проговорилъ онъ и исчезъ изъ зала, сопровождаемый веселыми криками и смѣхомъ дѣтей.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вошелъ въ кабинетъ (успѣвъ исправить свой костюмъ и шевелюру). Я ему представился...

— Предстоятъ двѣ командировки,—сказалъ полковникъ:—не хотите ли проѣхаться въ Пензу съ годовымъ отчетомъ?

Я отвѣчалъ такъ, какъ былъ наученъ Добрынинымъ и какъ въ дѣйствительности и было: что я совершенно несвѣдущъ по части канцелярской и хозяйственныхъ отчетовъ...

Полковникъ подумалъ нѣсколько секундъ и отвѣчалъ:

— Въ такомъ случаѣ поѣзжайте въ Калугу—за пріемомъ пороха и свинца. Кстати, Шамиля увидите.

Я поблагодарилъ и сказалъ, что по дорогѣ увижу, прежде всего, своихъ родныхъ, живущихъ въ Тамбовѣ.

— И прекрасно!—заключилъ Эмилій Карловичъ.—Сегодня получите предписаніе, подорожную и деньги; а унтеръ-офицера, себѣ въ помощь, возьмите такого, котораго вы хорошо знаете.

Я поблагодарилъ еще разъ и откланялся. На другой день я обѣдалъ у полковника, и этотъ старый кавказецъ читалъ мнѣ, совершенно уже серьезно и наставительнымъ тономъ, цѣлую инструкцію, какъ я долженъ былъ ѣхать, изъ Калуги въ Чембаръ, съ военнымъ транспортомъ пороха и какія долженъ былъ принимать предосторожности, чтобы не взлетѣть, грѣшнымъ дѣломъ, на воздухъ...

Въ сумерки того же дня я уже усаживался въ почтовыя сани „обшевни", запряженныя тройкою лошадей, а рядомъ со мною, закутанный въ казенный тулупъ, сѣлъ

унтеръ-офицеръ 1-й роты Савельевъ, котораго я выбралъ себѣ въ помощь.

Первая почтовая станція отъ Чембара была въ 17-ти верстахъ и называлась Поимы. Это было большое село, въ нѣсколько тысячъ душъ, съ двумя церквами и расположено было на большомъ сибирскомъ трактѣ, идущемъ съ Чембара на Кирсановъ. Все село состояло изъ старообрядцевъ, крѣпостныхъ крестьянъ гр. Шереметева, и о жителяхъ этого села была очень худая слава. Даже и въ то время, т.-е. въ концѣ уже 50-хъ годовъ, крестьяне села Поимы „пошаливали", какъ о нихъ говорили: то-есть, говоря яснѣе, занимались, при случаѣ, грабежами и убійствами,—по крайней мѣрѣ тѣ дворы, которые были расположены съ обѣихъ сторонъ большой дороги, проходящей черезъ все село.

Дѣло въ томъ, что почти всѣ дворы этой главной улицы села были постоялые, проѣздъ же по большому сибирскому тракту былъ въ тѣ времена очень большой: всѣ проѣзжіе купцы и помѣщики, направлявшіеся изъ внутреннихъ губерній на Пензу, Казань, Пермь и за Уралъ, должны были проѣзжать чрезъ Поимы; а такъ какъ большинство путешественниковъ ѣздило тогда „на долгихъ", или „на передаточныхъ", то имъ, волей-неволей, и приходилось останавливаться въ Поимахъ—или за тѣмъ, чтобы „кормить" лошадей, или же для ночлега. И вотъ, если неосторожный путникъ, какой-нибудь „недогадливый купецъ", проѣзжающій издалека и никѣмъ не предупрежденный о дурной славѣ Поимъ, рѣшался, уговариваемый своимъ ямщикомъ, заночевать въ этомъ селѣ, то уже далѣе ему не суждено было ѣхать: его ночью же и убивали—преимущественно посредствомъ удушенія, чтобъ не было крови. А затѣмъ, убитаго такимъ образомъ проѣзжающаго относили въ овинъ и въ ту же ночь этотъ овинъ горѣлъ, какъ бы отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ во время сушки сно-

повъ... И такой уже былъ въ селѣ порядокъ: у кого ночью горѣлъ овинъ, къ тому на другой день собирались всѣ вліятельные мужики-домохозяева, такъ называемые міроѣды, и погорѣлецъ задавалъ имъ пиръ горой. Кости же сгорѣвшей жертвы прибирались обыкновенно куда-нибудь подальше отъ села, закапывались въ оврагахъ, въ лѣсахъ, и все исчезало безслѣдно, и несчастный становился для своей семьи и въ оффиціальныхъ спискахъ своей родины „безъ вѣсти пропавшимъ"...

Въ Поимахъ квартировала наша 3-я рота, командиръ которой поручикъ В. Я. Яновичъ, только за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ женился и мнѣ еще довелось быть его шаферомъ. Я, поэтому, прямо остановился у него, а Савельеву приказалъ ѣхать на почтовую станцію, перемѣнить лошадей и тотчасъ же заѣзжать за мной, чтобы ѣхать далѣе. Но едва только мы усѣлись за самоваръ, какъ въ квартиру Яновича вошла дама, закутанная по дорожному, и стала убѣдительно просить меня ѣхать вмѣстѣ, такъ какъ она и ея спутницы боялись отправляться однѣ ночью: страшились и людей, т.-е. ночныхъ нападеній, и волковъ... Молодая хозяйка, жена Яновича, пригласила вошедшую раздѣться и войти въ комнаты, и я узналъ, что фамилія дамы Мосолова, что она ѣхала „по обѣщанію" въ Воронежъ, къ угоднику Митрофанію, такъ же, какъ и двѣ другія ея спутницы—помѣщицы пензенской же губерніи; ѣхали онѣ въ зимнемъ прекрасномъ возкѣ и, какъ и я, на почтовыхъ; пріѣхали въ Поимы немного ранѣе меня и очень обрадовались, узнавъ отъ моего унтеръ-офицера, что я ѣду съ ними по пути. Я охотно согласился ѣхать съ ними вмѣстѣ, и, спустя часъ, мы выѣхали изъ Поимъ и на другой день къ обѣду добрались до Кирсанова, а на третій день были въ Тамбовѣ, гдѣ я и остановился на цѣлую недѣлю—погостить у родныхъ.

Вотъ какой страхъ внушали въ тѣ времена наши большія дороги проѣзжающимъ!..

II.

Турниръ между тамбовскимъ губернаторомъ Данзасомъ и корпуснымъ генераломъ Липранди.—Ограбленные брилліанты.—Пріѣздъ въ Тамбовъ министра М. Н. Муравьева. — Заступничество Липранди за ограбленнаго. — Увольненіе генерала Липранди. — Епископъ Макарій и актеръ Милославскій. — Дорога до Калуги. — Встрѣча Новаго года на почтовой станціи подъ Зарайскомъ. — Подводные камни на пути.

Въ Тамбовѣ я засталъ въ самомъ разгарѣ страшную войну, которая тамъ велась открыто между тамбовскимъ губернаторомъ К. К. Данзасомъ [1]), съ одной стороны, и командиромъ 6-го армейскаго корпуса, генераломъ Липранди—съ другой. Война шла на жизнь и на смерть, съ перемѣннымъ счастьемъ... А началась она, какъ и всегда водится, изъ-за пустяковъ какихъ-то—изъ-за права первенства на балѣ дворянскаго собранія: сначала поссорились между собою жены, за нихъ вступились мужья—и пошла писать губернія.

Совсѣмъ уже въ открытую борьбу противники вступили между собою во время пріѣзда въ Тамбовъ, по дѣламъ служебнымъ, бывшаго въ то время министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева (впослѣдствіи виленскаго генералъ-губернатора и графа). Недѣли за три до пріѣзда Муравьева, въ Тамбовѣ, въ гостинницѣ Пивато, былъ ограбленъ остановившійся тамъ торговецъ брилліантами, какой-то еврей, австрійскій подданный, и ограбленъ, по его показанію, на очень крупную сумму: болѣе чѣмъ на 30 тысячъ рублей чистыми деньгами и камнями. Ограбленіе совершилось ночью: во время сна, въ запертый номеръ вошли неизвѣстные грабители, пригрозили ножомъ проснувшемуся и закричавшему о помощи купцу, закутали ему и обвязали одѣяломъ голову, обобрали все, что было

[1]) Карлъ Карловичъ Данзасъ былъ роднымъ братомъ извѣстному полковнику Данзасу, секунданту Пушкина на его дуэли.

можно, и ушли, заперевъ номеръ попрежнему на ключъ, который, очевидно, былъ заранѣе изготовленъ. На крикъ несчастнаго проснулась вся гостинница, сбѣжались люди, но грабителей и слѣдъ простылъ. Такъ какъ весь грабежъ былъ совершонъ ночью и впотьмахъ, то потерпѣвшій не могъ объяснить примѣты преступниковъ и ихъ лица, но онъ представилъ прямо въ руки полиціймейстера, полковника Колобова, одну чрезвычайно важную улику—форменную пуговицу съ гербомъ тамбовской губерніи (улей и три пчелы), которая, повидимому, принадлежала мундиру полицейскаго офицера. Пуговица эта была найдена на другой день утромъ въ номерѣ ограбленнаго купца, вблизи его постели, и, по его словамъ и завѣреніямъ, могла принадлежать тому именно грабителю, который долго боролся съ нимъ, закутывая и увязывая ему голову.

Поиски и слѣдствіе не привели ни къ чему: всѣ брилліанты и деньги купца канули какъ въ воду. Между тѣмъ, пò-городу стали распространяться различные слухи и толки—народная молва прямо винила полицію въ этомъ дѣлѣ, и почему-то было припутано и имя полиціймейстера... Мѣстныя власти стали, наконецъ, обвинять ограбленнаго купца въ клеветѣ и распространеніи ложныхъ слуховъ, а затѣмъ, въ одно прекрасное утро, взяли его и заарестовали при полицейской кутузкѣ, можетъ быть именно изъ боязни, чтобы онъ не сунулся къ министру Муравьеву, котораго ждали со дня на день.

Генералъ Липранди, бывшій уже на ножахъ съ губернаторомъ, отлично, конечно, зналъ всю эту исторію, и вотъ случилось слѣдующее необычайное происшествіе: когда корпусный генералъ проѣзжалъ по Дворянской улицѣ, гдѣ помѣщалась городская полиція, канцелярія полиціймейстера и кутузка, на запятки его кареты быстро вскочилъ несчастный еврей и подъѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ къ квартирѣ Муравьева. Тутъ уже Липранди открыто принялъ его подъ свое покровительство: спустя всего нѣсколько минутъ послѣ того, какъ онъ вошелъ къ министру, дежурный чиновникъ вышелъ на крыльцо и пригласилъ такъ счастливо ускользнувшаго изъ полицейской кутузки еврея къ министру же, въ его пріемный залъ... Чтò тамъ говорилось и дѣлалось—это, конечно, осталось для публики неизвѣстно; но только купецъ получилъ въ тотъ же день свои документы и поспѣшилъ, по-добру поздорову, уѣхать изъ Тамбова, а полиціймейстеръ и губернаторъ получили потомъ изъ Петербурга по этому дѣлу большія непріятности.

Вскорѣ однако турниръ между Данзасомъ и Липранди былъ законченъ и, совершенно неожиданно, полною побѣдою губернатора: генералъ-лейтенантъ Липранди былъ отчисленъ отъ командованія 6-мъ корпусомъ и назначенъ членомъ военнаго совѣта, а на его мѣсто назначался заслуженный артиллерійскій генералъ Стаховичъ (ходившій съ серебрянымъ обручемъ на головѣ, разсѣченной сабельнымъ ударомъ).

Въ Тамбовѣ въ это время были двѣ личности, діаметрально противоположныя по своему общественному положенію и профессіямъ, но, тѣмъ не менѣе, пользовавшіяся одинаково шумнымъ успѣхомъ среди высшаго губернскаго общества и преимущественно у дамъ: это были епископъ Макарій и актеръ Милославскій. Первый изъ нихъ былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, имѣвшимъ съ небольшимъ 30 лѣтъ, съ темными волосами, высокій, стройный, красивый, обладавшій замѣчательною способностью импровизаціи, которая всего рельефнѣе проявлялась въ его проповѣдяхъ: онъ говорилъ ихъ увлекательно, безъ всякихъ тетрадокъ и безъ аналоя, съ однимъ лишь архіерейскимъ посохомъ въ правой рукѣ; публика такъ и рвалась къ алтарю и амвону, чтобы не проронить ни одного слова церковнаго витіи; многіе пріѣзжали и приходили къ обѣднѣ лишь ко времени проповѣди. Впослѣдствіи преосвященный

Макарій былъ архіепископомъ въ Харьковѣ и Вильнѣ, а затѣмъ назначенъ былъ на митрополичью каѳедру Москвы, гдѣ и скончался весною 1882 года.

Знаменитый актеръ Милославскій пожиналъ, въ свою очередь, лавры въ тамбовскомъ театрѣ, незадолго до того выстроенномъ на Дворянской улицѣ. По происхожденію Милославскій былъ баронъ Фридебургъ, съ прекраснымъ воспитаніемъ и крупнымъ сценическимъ дарованіемъ. Я видѣлъ его въ пьесѣ „Испанскій дворянинъ", въ роли Сезаръ-де-Базана, и хорошо помню его изящную и увлекательную игру и тѣ шумныя оваціи, которыми его привѣтствовали.

Разстояніе отъ Чембара до Калуги было тысячу слишкомъ верстъ; мнѣ по правиламъ полагалось ѣхать по 50 верстъ въ сутки, а всего три недѣли, между тѣмъ я легко ѣхалъ почтовыми лошадьми по 150 верстъ въ день и имѣлъ, слѣдовательно, въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ двѣ недѣли лишнихъ, поэтому и прогостилъ въ Тамбовѣ и повеселился всѣ первые дни Рождества, а затѣмъ уже двинулся въ дальнѣйшій путь, останавливаясь лишь для ночлега и обѣда.

Пріѣхавъ подъ самый Новый годъ на одну изъ почтовыхъ станцій подъ Зарайскомъ, я засталъ тамъ нѣсколько помѣщичьихъ семействъ, ожидающихъ лошадей уже цѣлыя сутки, такъ какъ станція эта была маленькая, а разгонъ и проѣздъ по случаю святокъ большой. И мнѣ тоже, несмотря на то, что я ѣхалъ „по казенной надобности", смотритель объявилъ, что ранѣе какъ черезъ двѣнадцать часовъ онъ не можетъ дать лошадей, и, такимъ образомъ, я застрялъ на этой станціи, да еще подъ Новый годъ.

Но тогда были совсѣмъ иныя общественныя отношенія, нравы и времена! Благодаря молодости, живо удавалось сходиться съ людьми, да наконецъ — и это самое главное—всѣ застрявшіе на этой станціи оказались помѣщиками—двое калужскими, а остальные мѣстные, рязанскіе, жившіе недалеко отъ Зарайска. Между ними была семья

отставного ротмистра Телѣгина, возвращавшаяся изъ Москвы и состоявшая изъ десяти душъ: они ѣхали въ трехъ возкахъ съ горничными и лакеями, и забирали по три тройки. Семья Телѣгиныхъ состояла преимущественно изъ молодежи: ѣхалъ морякъ офицеръ, старшій сынъ Телѣгина, и двое статскихъ, младшихъ его братьевъ, затѣмъ, мать, тетушка и нѣсколько барышень.

Такъ какъ я пріѣхалъ на станцію уже передъ вечеромъ, то, войдя въ залъ и узнавъ, что лошадей ранѣе утра получить невозможно, приказалъ-было Савельеву „разстараться" самоваръ, а самъ началъ снимать съ себя дорожную шубу. Но въ это время ко мнѣ подошелъ высокаго роста сѣдой и очень почтенный на видъ господинъ и заявилъ мнѣ, что „это никакъ невозможно, чтобы я сидѣлъ за отдѣльнымъ самоваромъ, когда онъ у нихъ уже стоитъ и кипитъ на столѣ"... Это и оказался глава всего путешествующаго семейства, довольно богатый помѣщикъ Телѣгинъ. Я съ удовольствіемъ принялъ его приглашеніе, и не прошло часа, какъ уже перезнакомился со всѣми, „застрявшими" на станціи, и морякъ-офицеръ разсказывалъ намъ о своихъ плаваніяхъ въ моряхъ далекихъ странъ, а затѣмъ барышни стали пѣть хоромъ народныя русскія пѣсни, и вечеръ прошелъ совершенно незамѣтно. Когда стрѣлка станціонныхъ часовъ приблизилась къ 12-ти и часы, собираясь бить, страшно зашипѣли, вошелъ человѣкъ Телѣгиныхъ съ подносомъ, стаканами (бокаловъ не оказалось на станціи) и нѣсколькими бутылками шампанскаго.

— Точно чувствовалъ я,—говорилъ г. Телѣгинъ,—не послалъ вино транспортомъ, а приказалъ прямо поставить ящикъ на возокъ и привязать,—вотъ теперь и пригодилось.

Мы всѣ чокались между собою, поздравляли другъ друга и желали всего хорошаго.

Когда пришла ночь, то рѣшено было раздѣлить всю станцію на двѣ части: въ малой комнатѣ лечь дамамъ, а въ

большой—мужчинамъ; а такъ какъ въ обѣихъ этимъ комнатахъ было всего лишь два дивана, то прислуга натащила намъ цѣлые вороха сѣна и устроила постели на полу. Затѣмъ, смотрителю было объявлено, чтобы никакихъ новыхъ проѣзжихъ, во время ночи, въ наши комнаты не пускалъ, а приглашалъ бы ихъ располагаться на своей половинѣ,—за что ему и была обѣщана приличная мзда.

На утро мы поднялись рано, но лошади, оказывалось, еще не были для насъ готовы, такъ какъ съ вечера поднялась небольшая метель, и лошади, возившія проѣзжающихъ на сосѣднюю станцію, только-что къ утру вернулись и не были еще вполнѣ выкормлены. Рѣшено было напиться чаю и идти въ церковь. А когда мы вернулись отъ обѣдни, на столѣ былъ готовъ завтракъ, а лошадей намъ уже запрягали.

Выѣхали мы всѣ вмѣстѣ. Меня пригласили сѣсть въ одинъ изъ возковъ,—и я потомъ уже не въ силахъ былъ отказаться отъ радушнаго приглашенія гг. Телѣгиныхъ заѣхать къ нимъ,—и изъ Зарайска поѣхалъ не на Тулу, какъ бы слѣдовало, а взялъ въ сторону и попалъ въ имѣніе моихъ радушныхъ попутчиковъ, у которыхъ и провелъ конецъ святокъ, едва выбравшись 7-го числа въ дальнѣйшую дорогу,—къ великому конфузу и смущенію Савельева, который полагалъ уже, что мы едва-ли доберемся до Калуги съ этими подводными камнями, повстрѣчавшимися въ Тамбовѣ и въ Зарайскомъ уѣздѣ на нашемъ пути „по казенной надобности"...

III.

Представленіе полковнику Еропкину. — Знакомство съ шт.-капитаномъ Руновскимъ. — Случайная встрѣча съ братомъ. — Товарищи-офицеры Шаровъ и Орловъ. — Представленіе Шамилю и его внѣшность. — Переводчикъ Грамовъ.—Непріятный инцидентъ во время аудіенціи.

По пріѣздѣ въ Калугу, я облекся въ полную парадную форму и отправился представиться, прежде всего, къ

полковнику Еропкину, „командиру баталіона внутренней стражи", изображавшему собою въ Калугѣ и коменданта, и воинскаго начальника, которые въ то время еще не были учреждены. Я имѣлъ къ Еропкину рекомендательное письмо изъ Тамбова отъ его пріятеля, дежурнаго штабъ-офицера нашего шестого корпуса, подполковника Корицкаго,—и, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, встрѣтилъ не только любезный, но и радушный пріемъ: полковникъ познакомилъ меня съ своей семьей и просилъ „бывать" у него въ домѣ.

Когда я уже уходилъ отъ Еропкина, онъ сказалъ мнѣ:

— Вы, конечно, знаете, что здѣсь Шамиль, и по распоряженію военнаго министра, всѣ пріѣзжающіе въ Калугу офицеры, отъ прапорщика и до генерала включительно, обязаны являться и представляться ему. Поэтому, сейчасъ же, прямо отъ меня, поѣзжайте и разыщите штабсъ-капитана А. И. Руновскаго, состоящаго приставомъ при Шамилѣ, и онъ уже назначитъ вамъ день и часъ, когда вы должны будете явиться къ этому знаменитому нашему плѣннику.

Я такъ и поступилъ: розыскалъ Руновскаго, отрекомендовался ему и, по его желанію, оставилъ ему свой адресъ.

— Я вамъ дамъ знать особою повѣсткою наканунѣ, когда именно вы должны будете прибыть въ домъ, занимаемый Шамилемъ,—сказалъ мнѣ на прощаніе Руновскій.

Затѣмъ я отправился еще къ другому военному начальству, завѣдывавшему артиллерійскимъ паркомъ и пороховыми складами, находящимися въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Калуги, съ которыми мнѣ предстояло имѣть дѣло.

Въ тотъ же день вечеромъ, совершенно случайно, въ городскомъ клубѣ, я встрѣтилъ своего двоюроднаго брата, судебнаго слѣдователя А. В. Захарьина, пріѣхавшаго зачѣмъ-то въ Калугу изъ своего медынскаго уѣзда, гдѣ онъ служилъ. Онъ записалъ меня въ члены клуба „на мѣсяцъ",

а затѣмъ, познакомилъ съ нѣсколькими семейными домами въ Калугѣ, въ которой онъ жилъ и служилъ ранѣе чиновникомъ особыхъ порученій у губернатора В. А. Арцимовича (впослѣдствіи сенатора).

Въ гостинницѣ, въ которой я остановился, проживало нѣсколько офицеровъ отъ различныхъ частей, командированныхъ въ Калугу, какъ и я же, за пріемкою огнестрѣльныхъ снарядовъ для своихъ полковъ и баталіоновъ.

Между ними было нѣсколько человѣкъ, пріѣхавшихъ раньше и уже представлявшихся Шамилю. Мы, новички, разспрашивали ихъ обо всѣхъ подробностяхъ, сопровождавшихъ это удивительное представленіе плѣннику, заклятому врагу Россіи, который велъ съ нами войну болѣе 20-ти лѣтъ и которому правительство, къ великой чести своей, не попомнило зла и отнеслось, вообще, какъ къ „царю плѣненному“.

Въ той же гостинницѣ проживали два офицера, пріѣхавшіе въ Калугу одновременно со мною,—и намъ предстоялъ, слѣдовательно, одновременный пріемъ у Шамиля. Офицеры эти были: подпоручикъ Владимірскаго пѣхотнаго полка (16-й дивизіи) Шаровъ, прибывшій изъ Пензы, гдѣ былъ штабъ этого полка, и прапорщикъ Орловъ — Тарутинскаго полка, служившій раньше на Кавказѣ и имѣвшій солдатскій георгіевскій крестъ, полученный имъ въ званіи юнкера за взятіе какого-то аула. Я называю этихъ офицеровъ потому, что съ ними вмѣстѣ мнѣ довелось представляться Шамилю, и упомянутый георгіевскій крестъ прапорщика Орлова послужилъ поводомъ къ довольно непріятному случаю.

На второй же день моего свиданія съ шт.-капит. Руновскимъ, вечеромъ, вѣстовой принесъ мнѣ повѣстку, приглашающую прибыть на другой день, въ 11 часовъ утра, въ домъ Сухотина, на Одигитріевской улицѣ, для представленія Шамилю. Такія повѣстки получили и два выше названные офицера.

На другой день, одѣвшись въ парадную форму, мы, въ назначенный часъ, были уже на своемъ мѣстѣ. Насъ встрѣтилъ А. И. Руновскій и переводчикъ Грамовъ, одѣтые тоже въ эполетахъ и черкескахъ, при оружіи. Когда насъ ввели въ пріемную, во второмъ этажѣ дома, то тамъ оказалось еще нѣсколько офицеровъ, пріѣзжихъ въ Калугу. Мы чинно размѣстились на стульяхъ вокругъ низенькаго дивана пріемной, отдѣланной въ европейскомъ вкусѣ, и стали съ нетерпѣніемъ поглядывать на дверь, въ которую долженъ былъ войти бывшій грозный властитель Кавказа. Разговоръ между нами велся вполголоса. Руновскій и еще какой-то, чрезвычайно блѣдный, высокій и смуглый офицеръ, лѣтъ 25-ти, безъ руки, тихо репетировали, такъ сказать, съ нами роли представленія, предупреждая, что Шамиль каждаго изъ насъ о чемъ-нибудь спроситъ, и мы должны отвѣчать коротко и ясно, не вдаваясь ни въ какое многословіе.

Наконецъ, мы услышали сильный скрипъ ступенекъ той небольшой деревянной лѣстницы, которая была вблизи входа въ пріемную... Мимо этой лѣстницы мы только-что проходили, и намъ было объяснено, что она ведетъ въ верхній этажъ дома, гдѣ помѣщается семья Шамиля, т.-е. его двѣ жены и дѣти, и что онъ самъ находится въ данное время среди своей семьи. Мы поняли, что это спускается Шамиль, и встали съ своихъ мѣстъ... Еще нѣсколько секундъ—и въ дверяхъ показалась высокая атлетическая фигура знаменитаго имама Кавказа... На видъ это былъ еще мощный и крѣпкій старикъ (Шамилю въ то время было 65 лѣтъ), но лицо его было болѣзненное и измученное на этотъ разъ, и онъ такъ тяжело дышалъ, словно только-что поднялся по лѣстницѣ вверхъ, а не спустился съ нея. Борода у него была большая, окладистая, лопатою, и вѣроятно сѣдая, но выкрашена персидскою хиной въ темно-красный цвѣтъ; зеленые глаза подъ густыми насупленными бровями смотрѣли непривѣтливо

и еще не утратили своего прежняго блеска; голова Шамиля была въ простой горской папахѣ, вокругъ которой была обмотана чалма изъ бѣлой и зеленой кисеи; одѣтъ онъ былъ въ нагольномъ коротенькомъ тулупѣ изъ бѣлыхъ овчинокъ, и тулупъ этотъ былъ разстегнутъ и подъ нимъ виднѣлся простой, темнаго ситца, бешметъ; на ногахъ были мягкіе сафьянные сапоги съ мягкими же подошвами. Такъ просто было одѣяніе великаго Шамиля, врага всяческой роскоши и излишествъ!..

Шамиль остановился посреди комнаты и сказалъ намъ „селямъ"... Мы всѣ низко поклонились ему, — и затѣмъ, шт.-капит. Руновскій сталъ представлять насъ, называя чинъ каждаго офицера и фамилію. Шамиль протягивалъ руку, кивалъ головою и молча же переходилъ, по очереди, къ слѣдующему офицеру... Когда вся эта предварительная церемонія была окончена, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ дивану и грузно опустился на него, сказавъ что-то по-татарски.

— Имамъ приглашаетъ васъ, господа, садиться! — быстро проговорилъ переводчикъ Грамовъ.

Мы тихо опустились на свои стулья, — и только тутъ я замѣтилъ, что, вмѣстѣ съ Шамилемъ, въ пріемную вошли еще нѣсколько татаръ въ богатѣйшихъ черкесскихъ костюмахъ, съ дорогимъ оружіемъ за поясомъ и въ высокихъ папахахъ. Всѣ они чинно, неслышными шагами, прошли къ дивану, на которомъ сѣлъ Шамиль, и размѣстились, стоя, вдоль стѣны, по правую и по лѣвую сторону отъ своего повелителя. Всѣ эти рослые красавцы мюриды, между которыми, какъ оказалось послѣ, находились два сына имама и его зять, стояли не только безмолвно, но даже и не шевелясь, подобно статуямъ, съ скрещенными на груди руками и глазами, опущенными долу... Этого требовалъ восточный этикетъ и высокое положеніе Шамиля, какъ свѣтскаго владыки и въ то же время высшаго духовнаго лица.

Начался разговоръ, отрывочный, несвязный и малоинтересный. Шамиль, пристально глядя на офицера, предлагалъ какой-нибудь неважный вопросъ, переводчикъ быстро повторялъ этотъ вопросъ по-русски и, затѣмъ, передавалъ отвѣтъ по-татарски. Вопросы касались преимущественно самыхъ ординарныхъ вещей: гдѣ стоитъ вашъ полкъ? — какими особенностями отличается мѣсто стоянки?—черезъ какіе города вы ѣхали? — и т. под. Если Шамиль видѣлъ на офицерѣ какой-нибудь орденъ съ мечами, то спрашивалъ—за какое дѣло полученъ былъ этотъ орденъ? Отвѣты наши были, по бо́льшей части, удачные, такъ какъ Руновскій предварилъ насъ о характерѣ вопросовъ.

Когда дошла очередь до меня, то я сказалъ, что пріѣхалъ изъ Чембара, за 1.000 верстъ, и что мнѣ многие товарищи завидовали, что я ѣду въ городъ, гдѣ увижу его, имама... Шамиль, когда Грамовъ перевелъ ему мой отвѣтъ, слегка качнулъ головою впередъ и какъ-то странно и грустно улыбнулся...

— А чѣмъ отличается Чембаръ? — спросилъ онъ. — Я отвѣтилъ, что въ 12-ти верстахъ отъ этого города находится могила Лермонтова, знаменитаго поэта, бывшаго кавказскаго офицера.

— Я о немъ слышалъ, онъ описывалъ Кавказъ, — сказалъ Шамиль.

Дошла очередь до прапорщика Орлова. Узнавъ, какого онъ полка и что онъ долгое время служилъ на Кавказѣ, Шамиль спросилъ, въ какомъ дѣлѣ онъ получилъ свой георгіевскій крестъ?

Орловъ отвѣтилъ:

— За штурмъ аула Китури, когда былъ взятъ въ плѣнъ наибъ Хаджи-Магометъ.

Но едва только переводчикъ успѣлъ передать Шамилю отвѣтъ, какъ этотъ усталый и флегматичный съ виду старикъ мгновенно выпрямилъ свой сутуловатый согнутый станъ, брови его нахмурились, а глаза блеснули недобрымъ

свѣтомъ. Въ то же время шевельнулась и вся его свита, которая до того стояла манекенами. Руновскій поблѣднѣлъ и завертѣлся на своемъ мѣстѣ. Мы всѣ поняли, что произошло что-то особенное, непріятное. Вдругъ Шамиль быстро проговорилъ, два раза подъ рядъ, какую-то фразу, въ которой упоминалось имя того же Хаджи-Магомета, оказавшаго, какъ объяснилось послѣ, отчаянное сопротивленіе (въ августѣ 1858 года) нашему отряду, которымъ командовалъ генералъ-лейтенантъ баронъ Вревскій, раненый въ этомъ дѣлѣ двумя пулями, отъ которыхъ вскорѣ и умеръ.

— Имамъ говоритъ, что Хаджи-Магометъ былъ взятъ въ плѣнъ мертвымъ, -- проговорилъ сконфуженный Грамовъ. А между тѣмъ, Шамиль, все еще хмурый и видимо недовольный, поднялся съ своего мѣста; это означало, что наша аудіенція была окончена, и мы стали откланиваться.

Едва только мы спустились въ нижній этажъ, какъ Руновскій накинулся на сконфуженнаго Орлова:

— Что вы надѣлали!? какъ можно было говорить Шамилю такія вещи!.. и пр.

Орловъ оправдывался, ссылаясь на оффиціальную реляцію о дѣлѣ подъ Китури, въ которой Хаджи-Магометъ былъ показанъ „взятымъ въ плѣнъ"... и что лишь на другой день послѣ битвы было отправлено дополнительное донесеніе, въ которомъ сообщалось. что плѣнный наибъ „умеръ отъ ранъ"...

Въ дѣйствительности же было такъ, какъ говорилъ Шамиль: то-есть, Хаджи-Магометъ былъ найденъ мертвымъ въ башнѣ, въ которой онъ защищался до послѣдняго издыханія, получивъ множество ранъ. А для того, чтобы реляція казалась пышнѣе и побѣдоноснѣе, въ ней начальство немножко прихвастнуло, упомянувъ о такомъ трофеѣ, какъ „плѣнный" предводитель племени, въ разсчетѣ, конечно, на болѣе щедрыя награды за дѣло.

Такъ неловко закончилось наше представленіе Шамилю. Вскорѣ мнѣ довелось увидѣть этого знаменитаго плѣнника еще нѣсколько разъ — одинъ разъ на вечерѣ, въ домѣ полковника Еропкина, а два раза въ залѣ дворянскаго собранія на происходившихъ въ то время дворянскихъ выборахъ.

IV.

Вечеръ у полковника Еропкина съ Шамилемъ. — Мазурка. — Сыновья Шамиля: Кази-Магометъ и Магометъ-Шеффи. — Мюридъ Хаджіо и Абдуррахимъ. — Представленіе Шамилю бывшихъ плѣнныхъ солдатъ. — Калужскіе нищіе.—Посѣщеніе Шамилемъ дворянскихъ выборовъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ представленія Шамилю, я былъ приглашенъ къ полковнику Еропкину на вечеръ, „къ пяти часамъ". Я былъ очень удивленъ такимъ раннимъ часомъ, но, тѣмъ не менѣе, постарался пріѣхать къ этому именно часу. Оказалось, что на вечеръ долженъ былъ пріѣхать и Шамиль; а такъ какъ онъ ложился зимою, обыкновенно, не позже восьми часовъ, то всѣхъ гостей и пригласили къ пяти.

Это былъ, какъ я узналъ, первый еще выѣздъ Шамиля въ частный домъ въ Калугѣ, да и вообще въ Россіи; въ Петербургѣ плѣнный имамъ бывалъ лишь во дворцахъ, а собственно „въ гости" ни къ кому не ѣздилъ.

Я засталъ у гостепріимнаго хозяина большое общество, преимущественно изъ военныхъ и ихъ женъ. Хотя это былъ простой „вечеръ", но дамы были почему-то одѣты по бальному и декольтированы. Было нѣсколько очень красивыхъ дамъ и дѣвицъ.

Въ шестомъ часу въ комнатахъ произошло замѣтное движеніе: дали знать, что Шамиль подъѣхалъ къ крыльцу, и хозяева направились въ переднюю встрѣчать его. Вскорѣ дѣйствительно въ залу вошелъ Шамиль: онъ шелъ тою же тихою и грузною походкой и такъ же тяжело и прерывисто дышалъ; но одѣтъ онъ былъ совсѣмъ уже иначе:

взамѣнъ нагольнаго полушубка, на немъ была темнокофейнаго сукна черкеска съ патронами на груди (гозыри), на поясѣ надѣтъ былъ кинжалъ въ ножнахъ, отдѣланныхъ, впрочемъ, не въ золото, какъ, напримѣръ, у его мюрида Хаджіо, а въ серебро; на головѣ тоже была болѣе нарядная чалма. Онъ проведенъ былъ хозяиномъ дома въ гостиную и сѣлъ на диванѣ. Съ нимъ вмѣстѣ вошли въ гостиную два сына, два зятя и нѣсколько мюридовъ, но никто изъ нихъ не осмѣлился сѣсть въ присутствіи имама, и всѣ они смиренно стали по правую и по лѣвую сторону дивана, у стѣны — точь-въ-точь такъ, какъ стояли въ домѣ Сухотина, когда мы представлялись Шамилю. Руновскій и Грамовъ находились тутъ же неотлучно—первый въ качествѣ пристава, второй какъ переводчикъ. Хозяйка дома, ея старшая дочь и нѣсколько дамъ находились также въ гостиной, куда вскорѣ былъ поданъ чай, фрукты и разныя сласти. О чемъ былъ разговоръ въ гостиной — этого я не могъ знать, такъ какъ мы, т.-е. молодежь обоего пола, находились въ большой залѣ и, по окончаніи чая, должны были сейчасъ же начать танцовать; мнѣ было извѣстно лишь, что Шамиль былъ очень изумленъ присутствіемъ на вечерѣ особъ прекраснаго пола не только съ открытыми лицами, т.-е. безъ чадръ, но даже съ весьма оголенными плечами. Ранѣе онъ видѣлъ такіе откровенные женскіе костюмы лишь въ театрахъ, и полагалъ, что тамъ, въ общественныхъ мѣстахъ, это допустимо еще кое-какъ, но та же откровенность дамскихъ платьевъ въ частномъ домѣ его видимо ошеломила.

Онъ что-то спросилъ Грамова, и Грамовъ ему что-то отвѣтилъ, но видимо сконфуженный. Когда Еропкинъ спросилъ потомъ переводчика—въ чемъ дѣло? то Грамовъ (молодой свѣтскій человѣкъ и большой волокита) сказалъ: „Шамиль хотѣлъ знать: не холодно ли дамамъ?...“

Затѣмъ онъ спросилъ у Еропкина — есть ли у него меньшія дѣти, и пожелалъ ихъ видѣть. Когда дѣти подошли, то онъ долго ласкалъ ихъ и не отпускалъ отъ себя до тѣхъ поръ, пока начались танцы.

Танцы начались обычнымъ вальсомъ. Затѣмъ стали танцовать только-что вошедшее тогда въ моду лансье. Шамиль вышелъ въ залу, сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на танцующихъ. Еропкинъ спросилъ его о впечатлѣніи, производимомъ на него танцами, — и онъ отвѣтилъ, что удивляется свободному обращенію между собою двухъ половъ, что у нихъ этого нельзя; а относительно танцевъ сказалъ прямо, что эти танцы ему не нравятся. Хотѣли было танцовать лезгинку, такъ какъ нашелся умѣющій офицеръ, но на бѣду оказалось, что ни одна изъ дамъ не умѣла танцовать этотъ національный кавказскій танецъ, — и тогда рѣшили начать прямо мазурку. Хотя всей музыки былъ лишь рояль и скрипка, — такъ какъ это былъ собственно не балъ, а просто званый вечеръ,—но едва только раздались по залѣ увлекательные и торжественные звуки Глинки, какъ Шамиль оживился, качнулъ нѣсколько разъ въ тактъ головою и насторожился. Когда начался танецъ, полный граціи и пластики, Шамиль пришелъ въ окончательный восторгъ: онъ улыбался, взглядывалъ то на Еропкина, то на Руновскаго, и знаками выражалъ имъ свое полное удовольствіе отъ мазурки.

Болѣе часу смотрѣлъ Шамиль на танцующихъ; затѣмъ поднялся съ своего мѣста и сталъ прощаться. Съ нимъ вмѣстѣ уѣхалъ съ вечера одинъ лишь его старшій сынъ Гази-Магометъ—угрюмый, неразговорчивый и некрасивый горецъ, по внѣшности мало похожій на отца: лишь такой же широкоплечій и высокій и немного сутуловатый; онъ былъ по виду лѣтъ 35-ти, но почему-то безъ всякой растительности на лицѣ, которое онъ, повидимому, брилъ; лицо у него было длинное, глаза узкіе и маленькіе и крайне непріятные.

Съ ихъ отъѣздомъ быстро измѣнился весь характеръ вечера: все оживилось, развернулось и стало неприну-

жденно веселиться. Дамы тотчасъ же овладѣли горцами, изъ коихъ двое особенно привлекали на себя ихъ благосклонное вниманіе: первый былъ Магометъ-Шеффи, младшій сынъ Шамиля, имѣвшій въ то время всего 18 лѣтъ; онъ ростомъ былъ пониже брата и такой же здоровенный и крѣпкій юноша, но во всемъ остальномъ несхожій съ братомъ: чрезвычайно красивый, съ чисто женственнымъ лицомъ, очень разговорчивый и веселый, онъ старательно учился говорить по-русски въ противоположность брату, который наотрѣзъ отказался учиться нашему языку.

Второй горецъ, полюбившійся калужскимъ молодымъ дамамъ того времени, былъ любимый мюридъ Шамиля, по имени Хаджіо — красавецъ собой, типичнѣйшій представитель кавказскаго племени: бѣлоснѣжное лицо, обрамленное изящною, черною, небольшою бородою, черные, блестящіе глаза и длинныя рѣсницы, строгій профиль, алый ротъ, жемчужные зубы, маленькая женская рука, средній ростъ и большая физическая сила; на немъ былъ шолковый бешметъ, дорогого сукна черкеска, рѣдкое оружіе — шашка и кинжалъ,—отдѣланное въ золото съ чернью; онъ имѣлъ страстное желаніе не только научиться говорить по-русски, но и танцовать; у него были манеры, полныя женственной граціи, постоянная улыбка на лицѣ и со всѣми привѣтливость и любезность — поскольку, конечно, это было возможно при его познаніяхъ въ русскомъ языкѣ. Таковъ былъ мюридъ Хаджіо. За Шамилемъ въ ссылку онъ отправился съ Кавказа добровольно и былъ своему великому повелителю самымъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою, другомъ и въ то же время казначеемъ.

На томъ же вечерѣ обращалъ на себя вниманіе зять Шамиля — Абдуррахимъ, женатый на второй его дочери Фатиматъ: онъ, подобно Хаджіо, настолько быстро усвоилъ пониманіе русскаго языка, что могъ уже, съ грѣхомъ пополамъ, разговаривать. Всѣ эти успѣхи онъ и Хаджіо сдѣлали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ своего пребыванія

въ Калугѣ. На своемъ же языкѣ, по-черкесски, они свободно разговаривали съ тѣми казанскими татарами, солдатами калужскаго гарнизона, которые были отряжены къ Шамилю для постоянныхъ услугъ въ домѣ, въ качествѣ дворниковъ, истопниковъ [1]), конюховъ и проч.; оказывалось, что казанское нарѣчіе было очень схоже съ адербейджанскимъ, на которомъ говорили горцы,—и это значительно облегчало положеніе плѣнниковъ и ихъ сношенія съ мужскою прислугою. Интересно еще слѣдующее обстоятельство: по пріѣздѣ Шамиля въ Калугу, къ нему, какъ мнѣ разсказывали, явилось пять человѣкъ отставныхъ солдатъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, побывавшихъ когда-то въ плѣну у горцевъ. Когда они явились на дворъ дома, гдѣ проживалъ Шамиль, то Руновскій спросилъ ихъ, что именно нужно имъ и съ какою цѣлью они желаютъ представиться?

— Мы желаемъ, ваше благородіе, явиться къ нашему бывшему хозяину,—отвѣчали солдатики, и ихъ, конечно, допустили, и Шамиль былъ очень доволенъ, что бывшіе плѣнники вспомнили о немъ, и надѣлилъ ихъ серебряными рублями.

Вообще Шамиль не зналъ счету деньгамъ—правильнѣе, цѣны имъ, — чѣмъ и приводилъ въ величайшее отчаяніе своего казначея Хаджіо, вѣдавшаго всѣ расходы по дому. Калужскіе нищіе прежде всѣхъ провѣдали объ этой сторонѣ характера имама, и простаивали иногда по цѣлымъ днямъ за углами сосѣднихъ домовъ, карауля какъ самого Шамиля, такъ и лицъ его свиты—сыновей, зятьевъ и мюридовъ,—когда они выходили на улицу, чтобы пройтись. Шамиль обыкновенно подавалъ имъ тѣ монеты, которыя были въ данное время

[1]) Эти истопники, когда приходилось топить печи, находившіяся на женской половинѣ, приносили дрова лишь къ дверямъ комнатъ,—и тогда эти дрова брались особыми рабынями, которыхъ дамы Шамиля привезли съ собою съ Кавказа.

въ его карманѣ—были ли то рубли, полтинники, или гривенники,—безразлично. Хорошо еще, что золото стало уже исчезать тогда изъ обращенія; бумажекъ же татары не долюбливали и избѣгали имѣть ихъ.

— Какъ я могу подать нищему одну или двѣ копѣйки,—говорилъ Шамиль:—а вдругъ случится, что ему въ тотъ день никто болѣе не подастъ?!.. чѣмъ же онъ будетъ сытъ?..

И только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Руновскому удалось, наконецъ, убѣдить и Шамиля, и его ближайшихъ родственниковъ, что они дѣлаютъ довольно сомнительное добро, подавая серебряныя монеты калужскимъ нищимъ.

— Вы помогаете злому дѣлу, помогаете грѣху,—объяснилъ имъ Руновскій:—на вашу милостыню эти люди напиваются пьяны и потомъ дерутся и буйствуютъ и не хотятъ уже трудиться...

Шамиль былъ очень опечаленъ, когда увидѣлъ, что онъ, вмѣсто желаемаго добра, творилъ зло, и съ того времени сталъ подавать милостыню лишь старикамъ и старухамъ.

Въ ту зиму въ Калугѣ не было никакого театра, а между тѣмъ изъ Петербурга шли инструкціи о томъ, чтобы Шамиль не скучалъ и чтобы, по возможности, его развлекали. Въ то время происходили въ Калугѣ дворянскіе выборы, повторявшіеся, обыкновенно, черезъ каждые три года. Шамилю предложили посѣтить эти выборы, и онъ согласился. Намъ, пріѣзжимъ офицерамъ, сказали объ этомъ, и мы, надѣвъ мундиры, отправились въ собраніе.

Мы застали Шамиля и всю его свиту уже въ залѣ собранія. Шамиль сидѣлъ, поджавъ по восточному ноги, на эстрадѣ или на небольшомъ возвышеніи отъ полу, на которомъ помѣщался громадный, въ натуральную величину, портретъ государя; по обѣимъ сторонамъ отъ него, какъ и прежде, стояли, не шевелясь, его сыновья, зятья и мюриды. Иногда кто-нибудь изъ присутствующихъ на баллотированіи дворянъ подходилъ къ нему и, при помощи переводчика, обмѣнивался нѣсколькими фразами; это позволяли себѣ исключительно тѣ заслуженные военные, которые уже ранѣе были гдѣ-нибудь ему представлены. Затѣмъ Шамиль поднялся съ мѣста и величаво пройдя всю залу, уѣхалъ изъ собранія. Свита же его осталась и тотчасъ же раздѣлилась на двѣ половины: Магометъ-Шеффи и Хаджіо направились прямо на хоры, къ барынямъ, а остальные принялись разгуливать по заламъ и стали курить табакъ, чего отнюдь не смѣли дѣлать въ присутствіи Шамиля, который и самъ не курилъ, и имъ не позволялъ, находя это „роскошью“, съ которой суровые воины горъ не должны быть знакомы.

V.

Клубъ въ Калугѣ.—«Гражданинъ» Оболенскій.—Шамиль на вечерѣ дворянства въ клубѣ.—Судьба Шамиля и его сыновей.—Ученіе мюридизма.—Знакомство Шамиля съ губернскимъ предводителемъ дворянства Щукинымъ.—Снятіе фотографій съ черкешенокъ.—Исторія съ бриллiантами женъ Шамиля.—Красота Кериматъ, жены Кази-Магомы.

При посредствѣ брата, который долженъ былъ пробыть въ Калугѣ нѣкоторое время по дѣламъ службы, я сталъ бывать въ клубѣ.

Тамъ я встрѣтилъ, между прочимъ, одну интересную личность—высокаго старика съ большою бѣлою бородою, скромнаго, молчаливаго, сидѣвшаго по большей части въ клубной библіотекѣ. На мой вопросъ, кто это?—мнѣ отвѣтили:

— Гражданинъ Оболенскій...

Это былъ бывшій декабристъ, блестящій когда-то гвардейскій офицеръ, князь Оболенскій, возвращенный по манифесту 26 августа 1856 года въ Россію и получившій разрѣшеніе именоваться „гражданиномъ“ Оболенскимъ. Потомъ, какъ извѣстно, права всѣхъ декабристовъ были совершенно возстановлены.

Однажды, когда въ клубѣ устроенъ былъ какой-то торжественный вечеръ, даваемый дворянами избранному вновь на трехлѣтіе губернскому предводителю Щукину, и предположены были танцы, Шамиль явился въ клубъ въ сопровожденіи своей свиты, и по случаю его посѣщенія, я помню, мазурку начали танцовать тотчасъ же послѣ перваго контръ-данса. Такъ какъ музыку оркестровъ вообще Шамиль почему-то не долюбливалъ [1]), то мазурку танцовали, какъ и у Еропкина, подъ звуки рояля, инструмента, очень нравившагося Шамилю. Болѣе часу смотрѣлъ имамъ на танцующія въ мазуркѣ пары, и, обратясь къ Руновскому, сказалъ:

— Это лучше, чѣмъ балетъ, который я видѣлъ въ Петербургѣ: тамъ почти голыя танцуютъ...

Въ виду того обстоятельства, что Шамиль сталъ изъявлять любовь къ музыкѣ, Руновскій написалъ объ этомъ въ Петербургъ, и оттуда присланъ былъ въ Калугу, въ даръ Шамилю, большой органъ, на которомъ онъ потомъ и игралъ съ величайшимъ удовольствіемъ самъ и часто открывалъ его, стараясь изучить и постигнуть секретъ его внутренняго механизма...

Впослѣдствіи, когда, случалось, Шамиль посѣщалъ частные дома своихъ калужскихъ знакомыхъ и если только видѣлъ въ залѣ рояль, то прежде всего спрашивалъ — умѣетъ ли кто-нибудь на немъ играть?—и такъ какъ отвѣтъ получался всегда утвердительный, то гость просилъ съиграть ему что-нибудь, и хозяева спѣшили исполнить его желаніе. При этомъ было принято избѣгать играть марши и все то, что можетъ ихъ напоминать, даже, напр., и извѣстный маршъ изъ „Фауста“, или „Славься“ изъ „Жизни за царя“.

Но не всѣ желанія Шамиля могли быть исполнимы. Такъ, напр., во время моего пребыванія въ Калугѣ, онъ

[1]) Музыка эта, какъ говорили, напоминала Шамилю побѣдные марши русскихъ войскъ въ Веденѣ и Гунибѣ, гдѣ была похоронена его власть и военная слава.

изъявилъ Руновскому желаніе видѣть наше богослуженіе въ самомъ храмѣ и именно архіерейское, торжественное. Начались переговоры: Руновскій далъ знать въ Петербургъ, поѣхалъ къ мѣстному архіерею; но ничего изъ этого не вышло: архіерей, соглашаясь, чтобы Шамиль въ храмѣ сидѣлъ, выразилъ непремѣнное условіе, чтобы онъ снялъ съ головы папаху, а имамъ никакъ не соглашался подчиниться этому условію, въ силу обычая мусульманъ ходить вездѣ съ покрытою головою, и дѣло это не состоялось.

Въ заключеніе о жизни Шамиля и его семейства въ Калугѣ, въ то время, т.-е. въ началѣ 1860 года, нахожу интереснымъ сообщить еще нѣсколько свѣдѣній, которыя мнѣ довелось слышать тогда и узнать послѣ, во второй мой пріѣздъ въ Калугу, спустя годъ, по тому же казенному порученію.

Всего именитыхъ плѣнныхъ горцевъ, считая въ томъ числѣ женщинъ, проживало въ то время въ Калугѣ 22 человѣка. При Шамилѣ, какъ я упоминалъ, жили два его сына; старшій изъ нихъ, Кази-Магометъ, прибылъ въ Калугу нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ отца, и на одномъ изъ собраній у полковника Еропкина усердно благодарилъ представителей высшаго калужскаго общества за вниманіе и ласки къ своему престарѣлому отцу, и обѣщалъ „заслужить за это вдвойнѣ — и за себя, и за отца“. И дѣйствительно „заслужилъ“—въ минувшую турецкую войну 1877 года, когда, состоя на службѣ въ Турціи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, онъ обложилъ Баязетъ и морилъ голодомъ, принуждая къ сдачѣ несчастный гарнизонъ этой маленькой крѣпостцы, находившійся, въ концѣ осады, подъ начальствомъ доблестнаго капитана Штоквича. Еще во времена владычества его отца на Кавказѣ его хотѣли сдѣлать имамомъ за его выдающіяся военныя способности, которыя онъ проявилъ главнымъ образомъ во время сво-

его знаменитаго по удачѣ набѣга на Кахетію въ 1854 году, когда горцамъ удалось разграбить и сжечь богатѣйшее имѣніе князя Чавчавадзе Цинондалы и захватить въ плѣнъ семейства какъ самого генерала Чавчавадзе, такъ и умершаго князя Орбеліани [1]).

Кромѣ сыновей при Шамилѣ находились и его зятья, изъ коихъ я запомнилъ лишь одного, Абдуррахима, потому что онъ зналъ много русскихъ словъ, а когда я пріѣхалъ годъ спустя, то онъ и мюридъ Хаджіо могли уже говорить по-русски цѣлыя фразы, а Хаджіо сталъ уже брить голову очень рѣдко, душился, курилъ табакъ, а на пальцахъ носилъ золотыя колечки—сувениры калужскихъ дамъ, которыя сами за нимъ ухаживали, и не безъ успѣха... Это былъ единственный горецъ изъ всей свиты Шамиля, имѣвшій въ Калугѣ любовныя приключенія, благодаря, прежде всего, конечно, отважности самихъ дамъ, бросавшихся прямо на шею Хаджіо...

Младшій сынъ Шамиля поступилъ впослѣдствіи въ ряды русской арміи, дослужился до чина генералъ-маіора и здравствуетъ и понынѣ, проживая въ одной изъ приволжскихъ губерній. Когда въ 1865 году ему поручено было съѣздить ка Кавказъ и выбрать въ татарскій эскадронъ (конвойный) джигитовъ, то горцы изъ Чечни и Дагестана, какъ только узнали, что сынъ Шамиля прибылъ на Кавказъ, съѣзжались со всѣхъ сторонъ, чтобы только взглянуть на него и убѣдиться, что онъ живъ и служитъ русскому царю... Магометъ-Шеффи остался вѣрнымъ разъ принятой имъ присягѣ, и ему вслѣдствіе этого

[1]) Впослѣдствіи обѣ плѣнныя княгини были возвращены намъ горцами въ обмѣнъ на старшаго сына Шамиля Джемалалдина, находившагося у насъ въ качествѣ заложника еще съ дѣтства, воспитывавшагося въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и уже служившаго офицеромъ въ одномъ изъ уланскихъ полковъ. Этотъ несчастный юноша не долго прожилъ въ горахъ: привыкшій уже къ комфорту и совсѣмъ инымъ условіямъ жизни, онъ зачахъ и вскорѣ умеръ.

пришлось, кажется, порвать родственныя связи съ братомъ, направившимся по иному пути...

Самъ Шамиль, какъ извѣстно, присутствовалъ въ 1866 г. на свадьбѣ цесаревича Александра Александровича въ Петербургѣ, гдѣ и произнесъ на арабскомъ языкѣ свою знаменитую рѣчь, окончившуюся словами: „Да будетъ извѣстно всѣмъ и каждому, что старый Шамиль на склонѣ дней своихъ жалѣетъ о томъ, что онъ не можетъ родиться еще разъ, дабы посвятить свою жизнь на служеніе бѣлому царю, благодѣяніями котораго онъ теперь пользуется!..“

Извѣстно, что вскорѣ послѣ этого покойный государь Александръ Николаевичъ отпустилъ Шамиля, которому было въ то время 72 года, „на честное слово“, на богомоленіе въ Мекку, что когда старый имамъ, остановившись по дорогѣ въ Константинополѣ, ходилъ по улицамъ этого города, то турки всѣхъ возрастовъ, состояній и половъ падали передъ нимъ, въ знакъ величайшаго благоговѣнія, ницъ и лежали распростертые на землѣ все время, пока проходилъ мимо ихъ этотъ замѣчательный человѣкъ—духовный глава мюридизма и воинъ, провоевавшій болѣе 20 лѣтъ съ тою самою Россіей, которая обыкновенно разбивала этихъ турокъ наголову.

Здѣсь, кстати, слѣдуетъ сказать хотя нѣсколько словъ о томъ ученіи, во главѣ котораго стоялъ Шамиль и которымъ онъ былъ такъ силенъ. Мюридизмъ не заключалъ въ себѣ особыхъ богословскихъ догматовъ, отличающихъ его отъ общаго магометанскаго ученія; напротивъ, онъ открыто проповѣдывалъ согласіе и единство шіитовъ и сунитовъ, чтобы они, въ виду общаго врага, христіанства, забыли свою взаимную нетерпимость и домашніе споры и соединились бы воедино.

Въ Калугѣ было одно высокопоставленное лицо, къ которому старый Шамиль былъ особенно расположенъ, —

это былъ губернскій предводитель дворянства Щукинъ. Причины особенной симпатіи бывшаго кавказскаго владыки къ этому почтенному человѣку заключались въ томъ, что сынъ г. Щукина и старшій сынъ Шамиля, Джемалалдинъ, воспитывавшійся въ Россіи, не только служили въ одномъ уланскомъ полку, но были еще и очень дружны между собою. Вотъ это обстоятельство, въ связи съ тою любовью, которую имѣлъ Шамиль къ своему, такъ безвременно умершему сыну, а равно и съ тѣмъ уваженіемъ, которое внушала къ себѣ самая личность Щукина, и были причиною, что Шамиль сталъ открыто выражать свое особенное расположеніе къ предводителю калужскаго дворянства и даже пожелалъ присутствовать въ дворянскомъ собраніи еще разъ—именно въ послѣдній день выборовъ, когда дворяне должны были избрать губернскаго предводителя, на каковую должность вновь баллотировался Щукинъ. Шамиль, какъ разсказывали, очень волновался и безпокоился за участь своего „кунàка", чтобы его не забаллотировали, и былъ чрезвычайно доволенъ, когда, по подсчету бѣлыхъ шаровъ, Щукинъ оказался избраннымъ и привѣтствуемъ громкими криками одобренія со стороны дворянъ.

Но эта же пріязнь Шамиля къ отцу друга и товарища его покойнаго сына послужила поводомъ къ нѣкоторому огорченію для имама. Все дѣло вышло изъ-за фотографіи. Семейство Щукина, т.-е. дамы, познакомившись съ дамами семейства Шамиля, подарили имъ свои фотографическіе портреты и пожелали, конечно, получить взамѣнъ ихъ фотографіи. Но это, по мусульманскому обычаю, оказалось невозможнымъ, такъ какъ мужчина не долженъ видѣть лицъ женъ и дочерей у магометанъ, исключая самыхъ близкихъ родныхъ—отца, мужа, братьевъ. А между тѣмъ, фотографіи „дамъ" семейства Шамиля желали имѣть въ Петербургѣ многія великія княгини, и это дѣло надо было, во что бы ни стало, устроить. И вотъ, приставъ Шамиля, А. И. Руновскій, переговариваясь съ фотографами, придумалъ слѣдующій компромиссъ: снимать взялась жена одного изъ калужскихъ же фотографовъ... Шамиль, бывшій вообще противу снятія и ставившій ранѣе главнымъ препятствіемъ магометанскій законъ, долженъ былъ, скрѣпя сердце, согласиться, и такимъ образомъ, были сняты обѣ жены имама, двѣ его снохи и одна замужняя дочь, жена Абдуррахима.

Но наканунѣ дня, назначеннаго для снятія фотографіи, въ семействѣ великаго имама произошла маленькая драматическая сцена, во время которой было пролито не мало слезъ любимою и преданною женою Шамиля—Шуаннàтъ (или Шуаннѣтъ), плѣнною христіанкою, обращенною потомъ въ мусульманство. Дѣло въ томъ, что для фотографіи слѣдовало, конечно, одѣться понаряднѣе, и по этой части дамы Шамиля имѣли все необходимое; но имъ хотѣлось имѣть на себѣ, во время снятія портретовъ, еще и брилліанты... И вотъ одна изъ супругъ, Зейдàтъ, имѣла эти бриллiанты, а Шуаннàтъ — нѣтъ; то-есть бриллiанты эти, отобранные горцами отъ плѣнныхъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани и доставшіеся женамъ Шамиля, были впослѣдствіи, во время взятія Гуниба русскими войсками, въ 1859 году, разграблены самими же приверженцами Шамиля во время всеобщей паники и суматохи въ конакѣ имама. Но хитроумная Зейдàтъ, предвидя неизбѣжный погромъ, съумѣла припрятать принадлежащія ей драгоцѣнности въ платье и шальвары, которыя въ тотъ роковой день на себя надѣла, а преданная и любящая Шуаннàтъ была занята лишь судьбою мужа и готовилась раздѣлить съ нимъ его участь, т.-е. смерть, каковую легко можно было ожидать [1]), и не позаботилась о своихъ сокровищахъ, которыя и исчезли... И вотъ, теперь, узнавъ, что

[1]) Шамиль не разъ говорилъ потомъ (послѣ взятія его въ Гунибѣ): «Я, сдаваясь, исполнилъ лишь желаніе моихъ женъ и дѣтей; самъ же я рѣшилъ заколоться тотчасъ же, какъ только кн. Барятинскій оскорбилъ бы меня хотя чѣмъ-нибудь»...

Зейдатъ хочетъ сниматься въ брилліантахъ, Шуаннатъ стала горько плакать, а затѣмъ, излила свою печаль не только передъ мужемъ, но, при посредствѣ Хаджіо, и передъ приставомъ Руновскимъ... Не помню, чѣмъ кончилась тогда эта исторія, но что фотографія со всѣхъ „дамъ" семейства имама была снята—это я знаю навѣрное и, по всей вѣроятности, портреты эти сохраняются въ семьѣ гг. Щукиныхъ и по настоящее время. Особенною красотою на этихъ фотографіяхъ выдѣлялась черкешенка Кериматъ, жена Кази-Магомы, старшаго сына Шамиля, которая, спустя два года, — въ маѣ 1862 года — умерла въ Калугѣ, отъ перемѣны климата, всего 25-ти лѣтъ отъ роду. Она была красоты поразительной, — и суровый мужъ ея не имѣлъ даже, при ея жизни, другихъ женъ, какъ это дозволялъ ему законъ, его богатство и положеніе.

VI.

Какъ жилось горцамъ въ Калугѣ.—Лошади, подаренныя государемъ Шамилю.—Покушеніе на кражу этихъ лошадей.—Рѣшеніе горцевъ перестрѣлять воровъ.—«Кавказъ—въ Калугѣ».—Встрѣча съ Шамилемъ годъ спустя.—Тоска по родинѣ у горцевъ.—Любовь Шамиля къ дѣтямъ.—Открытіе старыхъ ранъ у Шамиля.—Мюридъ Хаджіо цивилизуется.

Въ общемъ, Шамилю, его семьѣ и свитѣ жилось въ Калугѣ недурно: они получали отъ щедротъ государя болѣе чѣмъ достаточное для нихъ содержаніе; имъ отведенъ былъ одинъ изъ лучшихъ домовъ въ Калугѣ, данъ многочисленный штатъ прислуги, они пользовались полнѣйшею свободой въ Калугѣ, всѣ ихъ самомалѣйшія желанія были немедленно исполняемы, самъ Шамиль пользовался полнѣйшимъ почетомъ и всѣми внѣшними знаками уваженія, приличествующими лишь коронованнымъ особамъ, и пр.; въ одномъ лишь стѣснены были эти именитые горцы—съ нихъ было взято слово, что они не сдѣлаютъ попытокъ къ бѣгству и, вообще, не перейдутъ за городскую черту Калуги.

Заботливость императора Александра II о знаменитыхъ плѣнникахъ доходила до того, что онъ требовалъ иногда къ себѣ подлинныя донесенія Руновскаго. Прочитавъ однажды въ этихъ донесеніяхъ, что Шамиль вздыхаетъ о томъ, что у него нѣтъ лошадей, государь тотчасъ послалъ ему въ подарокъ четырехъ прекрасныхъ коней—пару для выѣзда и пару верховыхъ. Съ этими лошадьми вышла потомъ слѣдующая интересная исторія: калужскіе конокрады едва ихъ не увели;—была уже проломана стѣна конюшни, выходящая въ садъ, и лишь простая случайность—лай маленькой собачонки, принадлежавшей истопнику—помѣшала этой дерзкой кражѣ. Шамиль долго потомъ не могъ переварить въ своихъ понятіяхъ этого казуса, что у него осмѣливались увести лошадей, подаренныхъ ему самимъ государемъ, и раза два спрашивалъ Руновскаго, пойманы ли воры и повѣшены ли они?.. А когда узналъ, наконецъ, что воровъ не нашли и что ихъ, если и найдутъ, то никоимъ образомъ не повѣсятъ, распорядился учредить ночной караулъ, и въ первую ночь отправился сторожить лошадей его зять, мюридъ Абдуррахимъ, съ винтовкою, заряженною пулею, и съ рѣшительнымъ намѣреніемъ перестрѣлять конокрадовъ, если они появятся... Едва-едва потомъ убѣдили горцевъ, что у насъ это „не полагается"...

Слѣдуетъ еще сказать, что всѣ эти горцы, съ Шамилемъ во главѣ, были чрезвычайно признательны и благодарны за оказываемыя имъ милости и вниманіе. Шамиль, напримѣръ, будучи еще въ Петербургѣ (по пути въ Калугу), просилъ своего перваго пристава, полковника Богословскаго, передать его признательность публикѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Скажите имъ, что вниманіе ихъ дѣлаетъ меня вполнѣ счастливымъ и доставляетъ такое удовольствіе, какого я не испытывалъ при полученіи известія объ очищеніи Дарго въ 45 году и какого не доставляли мнѣ даже успѣхи въ 43 году, въ Дагестанѣ"...

Въ самой Калугѣ Шамиль не разъ, шутя, конечно, говорилъ окружающимъ его лицамъ: „Если бы я зналъ, что мнѣ здѣсь будетъ такъ хорошо, я бы давно самъ убѣжалъ изъ Дагестана!..“ Когда, однажды, высокопочтенный „кунакъ“ его, Щукинъ, спросилъ его: желалъ ли бы онъ вернуться на Кавказъ?—то Шамиль, вздохнувъ, отвѣтилъ: „Зачѣмъ?!. Теперь Кавказъ—въ Калугѣ“...

И дѣйствительно: здѣсь жило, такъ сказать, все правительство Кавказа — семья Шамиля, то-есть онъ самъ, двѣ его жены [1]) и его дочери отъ Шауннàтъ; затѣмъ жили двѣ отдѣльныя семьи его двухъ сыновей, два его зятя, женатые на его дочеряхъ, мюридъ Хаджіо—словомъ, всѣ тѣ, которые ранѣе держали въ своихъ рукахъ судьбу Кавказа и все его разноплеменное, воинственное населеніе.

— Какой я теперь имамъ!—говорилъ иногда, вздыхая, этотъ плѣнный левъ,—и подписывался: „рабъ Божій Шамиль“; жена же его любимая, Шауннàтъ, подписывалась такъ: „жена бѣднаго странника Шамуиля“...

Когда я, годъ спустя, въ январѣ 1861 года, пріѣхалъ въ Калугу во второй разъ, семья Шамиля, его родные и свита жили попрежнему въ Калугѣ, но, судя по разсказамъ, тоска по родинѣ начинала уже томить этихъ богатырей кавказскихъ горъ: мужчины становились менѣе общительны и болѣе мрачны, а женщины таяли какъ воскъ... Единственнымъ наслажденіемъ горцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, составляло смотрѣть, иногда по цѣлымъ

[1]) У Шамиля ранѣе была еще третья жена, Амминатъ, самая юная, красивая и веселая изъ его женъ; но она подверглась немилости и была удалена Шамилемъ за свои, иногда очень остроумныя и ядовитыя шутки противъ самой вліятельной и злобной жены имама, старой Зейдàтъ, оказавшейся все еще очень опасной соперницей, вслѣдствіе долголѣтней привычки, связывавшей съ мужемъ эту женщину, дочь Джемалалдина, бывшаго воспитателя Шамиля.

часамъ, съ высокаго берега Оки, на которомъ расположена Калуга, вдаль, по ту сторону рѣки, на просторъ луговъ и полей...

Оффиціальныя представленія Шамилю пріѣзжающихъ въ Калугу офицеровъ были уже отмѣнены, и я видѣлъ имама въ этотъ мой второй пріѣздъ всего разъ, въ домѣ того же гостепріимнаго полковника Еропкина, на вечерѣ, который посѣтилъ и Шамиль. Объ этой моей послѣдней встрѣчѣ съ Шамилемъ у меня сохранилось въ памяти очень немного. Первое, чтò поразило меня—это была та страшная перемѣна въ лицѣ плѣнника, за годъ времени: лицо его стало совсѣмъ желтымъ и крайне болѣзненнымъ, а дыханіе было до того прерывисто, что онъ не могъ выговорить подъ-рядъ десяти словъ—ему постоянно приходилось вбирать въ себя воздухъ... Видно, не сладка была для него неволя, хотя и въ золотой клѣткѣ!...

Отъ того вечера остались въ моей памяти еще слѣдующія обстоятельства. Едва только Шамиль вошелъ въ гостиную и сѣлъ, какъ къ нему подбѣжали дѣти хозяина, и онъ, улыбаясь, сталъ ласкать ихъ и посадилъ къ себѣ на колѣни. Оказалось, что Шамиль чрезвычайно любилъ дѣтей и обладалъ особою способностью привязывать къ себѣ сразу дѣтскія сердца. Затѣмъ я помню, что когда перешли въ столовую, къ чаю, то Шамиль, взявъ одно яйцо и съѣвъ его, сказалъ, что красныя яйца, которыя подаютъ на Пасху, гораздо вкуснѣе... Когда Грамовъ перевелъ это, то всѣ улыбнулись, а Шамиль, замѣтивъ это, еще разъ повторилъ свое мнѣніе насчетъ особаго вкуса крашеныхъ яицъ...

Прослушавъ нѣсколько пьесъ, исполненныхъ на фортепіано старшею дочерью хозяина, Шамиль сталъ прощаться, и мы всѣ, мужчины-гости, подошли къ нему и стали откланиваться; онъ почему-то такъ крѣпко пожалъ всѣмъ намъ руки, что у насъ, какъ говорится, кости трещали и мы долго потомъ расправляли пальцы на правыхъ

рукахъ... Руновскій объяснилъ эту странность тѣмъ обстоятельствомъ, что у Шамиля открылись старыя раны, полученныя имъ при взятіи русскими войсками извѣстной башни въ Гимрахъ, гдѣ былъ въ это время убитъ первый имамъ Кавказа, Кази-Мулла, и что Шамиль поэтому сталъ очень нервенъ и страненъ...

Одинъ лишь мюридъ Хаджіо нисколько не измѣнился за протекшій годъ: онъ былъ также веселъ и беззаботенъ, объяснялся по-русски уже безъ переводчика и выучился даже танцовать кадриль, позволяя себѣ, однако, это удовольствіе лишь въ отсутствіе своего повелителя. Любовныя похожденія этого красавца мюрида шли crescendo, и онъ имѣлъ теперь себѣ товарища въ этихъ дѣлахъ — въ лицѣ переводчика Грамова, который ему повсюду сопутствовалъ, раздѣляя съ нимъ если не плоды побѣдъ, то опасности...

VII.

Въ пороховомъ погребѣ.—Поставщикъ подводъ.—Инструкція.—Конвой и путь-дорога.—Постоялые дворы.—Метель.—Сближеніе съ крестьянами.—Обозы и извозчики.—Разсказъ извозчика на постояломъ дворѣ.

Странное и отчасти жуткое чувство испыталъ я, когда, наконецъ, получивъ предписаніе отъ начальника пороховаго парка приступить къ пріему, спустился въ первый разъ въ пороховой погребъ, гдѣ справа и слѣва стояли рядами новенькіе боченки, заключавшіе въ себѣ каждый по три пуда пороха. Смотритель склада предупредилъ меня, чтобы я, если имѣю при себѣ спички, оставилъ ихъ внѣ погреба и, попросивъ затѣмъ надѣть на ноги войлочныя калоши, пригласилъ спуститься внизъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ боченкахъ не хватало иногда нѣсколькихъ фунтовъ до полнаго положеннаго по правиламъ вѣса (въ 3 пуда), то изъ запаснаго боченка досыпали недостающее количество фунтовъ и затѣмъ боченокъ закупоривался, обертывался рогожей и ставился въ сторонку въ уголокъ,

для меня собственно. Пороховая пыль при этомъ носилась въ воздухѣ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ шла работа, освѣщаемая лишь небольшимъ оконцемъ, вдѣланнымъ вверху погреба, въ его земляной крышѣ. Пріемъ этотъ занялъ у меня весь день, который, какъ зимній, былъ очень короткій. На другой день пришлось вновь ѣхать за городъ, въ тотъ же паркъ за пріемкою свинца, пистоновъ, графита, потребнаго при вставкѣ чашечекъ въ пули, и это тоже заняло весь второй день. Затѣмъ начальникъ парка пригласилъ меня и нѣсколькихъ моихъ товарищей по пріему къ себѣ и снабдилъ насъ инструкціями, и устными, и печатными: какъ мы должны были ѣхать и оберегать этотъ опасный транспортъ отъ всевозможныхъ случайностей — отъ воровства, отъ огня и наводненія, отъ случайностей дождя и пр. Тутъ же мы увидѣли у полковника какого-то подрядчика купца, калужанина, который долженъ былъ поставить намъ подводы подъ кладь и условиться съ нами о времени нагрузки транспортовъ и ихъ выступленія въ путь, который былъ не ближній, такъ, напр., мнѣ до Чембара предстояло проѣхать почти тысячу верстъ (а во вторую командировку, до Кузнецка, Саратовской губерніи, много болѣе).

Въ числѣ главныхъ правилъ полученной мною инструкціи были два: во-первыхъ, ни куда и ни подъ какимъ предлогомъ не отлучаться отъ транспорта; во-вторыхъ, не дозволять извозчикамъ въѣзжать на постоялые дворы, или даже выпрягать лошадей на улицѣ вблизи этихъ дворовъ: мы должны были останавливаться и оставлять нашъ транспортъ подъ прикрытіемъ часовыхъ, не ближе ста саженъ отъ околицы. Для караула и сопровожденія транспорта въ мое распоряженіе назначались особыя воинскія команды изъ 9-ти рядовыхъ при унтеръ-офицерѣ, которыя я долженъ былъ смѣнять въ каждомъ губернскомъ городѣ, по пути слѣдованія транспорта, т.-е. принявъ команду въ Калугѣ, долженъ былъ перемѣнять ее въ Тулѣ, Рязани,

Тамбовѣ и Пензѣ. Днемъ конвойные должны были наблюдать за общимъ порядкомъ слѣдованія транспорта, требовать, чтобы встрѣчные сворачивали съ дороги, чтобы никто не курилъ вблизи пороховыхъ боченковъ, не присаживался бы на подводы и пр., а ночью у транспорта должны были стоять часовые, по три человѣка, смѣняемые обыкновенно черезъ каждые два часа. На переднемъ возу транспорта развѣвался красный флагъ, обозначавшій, что нашъ „обозъ" казенный и опасный. Число верстъ въ день намъ полагалось дѣлать по усмотрѣнію, глядя по удобствамъ пути и по погодѣ.

По счастію, у меня былъ хорошій помощникъ въ лицѣ унтеръ-офицера Савельева, взятаго мною изъ Чембара, изъ нашего стрѣлковаго баталіона: онъ дѣятельно слѣдилъ за соблюденіемъ данной мнѣ инструкціи и за правильностью караула при транспортѣ; самъ же я ѣхалъ обыкновенно позади транспорта, въ простыхъ крестьянскихъ саняхъ, на которыхъ сверху была прилажена такъ-называемая „кибитка" для защиты отъ вѣтра и снѣга, обитая рогожами, Вотъ въ такой-то кибиткѣ, запряженной парою лошадей, принадлежавшихъ подводчикамъ, я долженъ былъ проѣхать шагомъ по большимъ и проселочнымъ дорогамъ тысячу верстъ, останавливаясь уже не на почтовыхъ станціяхъ, какъ это было по дорогѣ въ Калугу, а на постоялыхъ дворахъ, содержимыхъ ловкими и болѣе или менѣе зажиточными „дворниками" изъ крестьянъ. При этомъ очень часто случалось, что, по неимѣнію чистой половины, которая оказывалась холодною, мнѣ доводилось помѣщаться въ одной общей избѣ съ извозчиками, сопровождавшими какъ мой транспортъ, такъ равно и другіе обозы, заѣзжавшіе на этотъ дворъ кормить лошадей (днемъ), или ночевать. Эта дорога, длившаяся три недѣли, была хорошею для меня школой: я столько наслушался интереснаго на постоялыхъ дворахъ и такъ близко увидѣлъ нашего несчастнаго крестьянина, что уже во всю дальнѣйшую мою службу и жизнь сталъ

относиться къ мужику иначе, съ тою любовью и уваженіемъ, которыхъ заслуживалъ этотъ вѣчный труженикъ, этотъ великій страстотерпецъ русской земли!.. Не слѣдуетъ забывать, что мое странствіе происходило въ началѣ 1860 года, когда было въ полной силѣ крѣпостное право и когда крестьяне, приниженные и разоренные, ждали со дня на день отмѣны этого ужаснаго права, о чемъ ходили уже усиленные толки по всей Руси, не исключая самыхъ глухихъ деревень и хуторовъ.

Крестьяне и ямщики на постоялыхъ дворахъ нисколько не стѣснялись моимъ присутствіемъ, такъ какъ я въ ихъ глазахъ не былъ „бариномъ", а былъ лишь „старшимъ" въ военной командѣ, сопровождавшей казенный транспортъ; наконецъ и мои очень юные годы заставляли крестьянъ смотрѣть на меня лишь какъ на офицера, не болѣе. Рѣдко-рѣдко когда, бывало, спроситъ меня кто-нибудь изъ проѣзжающихъ извозчиковъ:

— А ты изъ какихъ будешь, ваше благородіе? изъ господъ, аль изъ кантонистовъ?..

Я тогда, по своей юности, даже и не подозрѣвалъ, какая великая сокровищница народнаго богатства раскрывалась предо мною въ видѣ слышанныхъ на каждой остановкѣ, на каждомъ ночлегѣ на постояломъ дворѣ, разсказовъ, легендъ, преданій, кроткихъ жалобъ. Кое-что только, да и то случайно, второпяхъ, записывалось мною и сохранялось въ памяти. Главную роль во всѣхъ этихъ разсказахъ играли ужасы крѣпостного права, такъ какъ въ проѣзжаемыхъ нами губерніяхъ большинство крестьянъ были помѣщичьи. Меня это путешествіе вообще такъ сильно очаровало и раскрыло предо мною такой чудный и дотолѣ невѣдомый мнѣ міръ, что я, годъ спустя, когда уже нашъ баталіонъ перешелъ изъ Чембара Пензенской губерніи въ Кузнецкъ — Саратовской, то-есть дальше отъ Калуги за 300 верстъ, и предстояло вновь командировать офицера за пріемкою огнестрѣльныхъ снарядовъ, самъ уже

напросился въ эту командировку еще разъ и получилъ ее.

Чтобы ознакомить читателя хотя немножко съ тѣми бытовыми картинами и разсказами, которые тогда мнѣ довелось видѣть и слышать, я позволю себѣ привести здѣсь одинъ небольшой разсказъ извозчика, слышанный мною въ одной изъ глухихъ деревень подъ Ряжскомъ, гдѣ насъ захватила метель и намъ довелось простоять болѣе сутокъ.

Пусть читатель представитъ себѣ обыкновенный постоялый дворъ, то-есть большое и длинное, фасадомъ на проѣзжую улицу, деревянное строеніе, раздѣленное на три части. Одну часть занимаетъ большая изба для проѣзжихъ извозчиковъ, тутъ же живетъ и самъ хозяинъ постоялаго двора и его семья. По серединѣ строенія имѣются сѣни, куда входятъ и съ улицы, и со двора. Третью часть постройки составляетъ чистая половина: тамъ полы и лавки тщательно выскоблены и бѣлы какъ воскъ, въ переднемъ углу виситъ лампада и имѣется множество образовъ въ кіотахъ и безъ нихъ; по стѣнамъ наклеены лубочныя картинки, изображающія или священныя темы, или батальныя; у дверей въ углу имѣется хозяйская кровать съ массою подушекъ и одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутиковъ. Тутъ же стоятъ хозяйскіе сундуки съ ихъ добромъ, т.-е. съ одеждою. Но вся бѣда въ томъ, что эта „половина“ часто бывала холодная: она не топилась иногда изъ экономіи, а иногда по той простой причинѣ, что въ ней не было печки, постоянно же она открыта для проѣзжихъ „господъ“ и купцовъ только лѣтомъ, когда въ ней и прохладнѣе, и нѣтъ мухъ и блохъ. А когда на дворѣ стоятъ большіе морозы или вдругъ наступаетъ неожиданная мятель, всѣ проѣзжіе безъ различія состояній и половъ останавливаются охотнѣе „на черной“, теплой половинѣ, и рады-рады, если имъ удастся размѣститься безъ особенной тѣсноты.

За столомъ, вокругъ миски щей, сидитъ нѣсколько человѣкъ извозчиковъ и ѣдятъ почти молча, лишь изрѣдка перекидываясь короткими, необходимыми фразами, въ родѣ: „Плесни-ка, хозяйка, еще щей-то маленько!“ или: „Отрѣжьте-ка ломтикъ хлѣбца!“ и т. под. Убираютъ пустую миску со стола и ставятъ новую съ кашей. Покончивъ и съ нею, извозчики чинно встаютъ изъ-за стола, крестятся въ переднiй уголъ и затѣмъ усаживаются по избѣ гдѣ попало, пока подадутъ самоваръ, и въ это время начинаютъ разговоры, которые получаютъ особенную послѣдовательность и интересъ, когда ожидаемый самоваръ, шумящій и кипящій, появляется на столѣ, хозяйка заваривает чай, и извозчики, мало-по-малу, по одному, вновь подсаживаются къ столу, за которымъ и пьютъ чай до седьмого пота, какъ говорится. За чаемъ „не грѣхъ“ разговаривать: это не то, что „за хлѣбомъ-солью“.

Вотъ за такимъ-то столомъ, за чаемъ, въ страшнѣйшую зимнюю метель-вьюгу, подъ Ряжскомъ, шла бесѣда у извозчиковъ.

— Метель — что! это не велика бѣда, — говорилъ старикъ-извозчикъ:—лишній денекъ простоишь гдѣ-нибудь на постояломъ дворѣ, да и все тутъ; а вотъ какъ распутица застигнетъ тебя въ дорогѣ, съ возами, ну, тогда ужъ ложись—помирай! Со мной это однова случилось, подъ самой подъ Калугой.

— На своихъ лошадяхъ ѣхалъ, аль на хозяйскихъ?— спросили старика.

— На своихъ, тройка была, на трехъ возахъ.

— Ну и что же — застрялъ?

— Охъ, и таперь вспомнишь, такъ тяжко станетъ! — сталъ разсказывать старикъ-извозчикъ.—Годовъ двадцать тому дѣлу будетъ. Ѣхалъ я съ рыбой изъ Саратова въ Калугу, у купца у одного навалилъ. Ужъ за Ряжскомъ таять начало̀, пошла капѐль, оттепель... Думаю, авось Господь донесетъ!.. Анъ, нѣтъ: только перевалилъ за Тулу, пошли дожди, туманы, а въ иной день солнце жгетъ, словно

весной. Все думаю: авось Господь! потому, больно ужъ кòни у меня были хорошіе, надежные, съ роду кнута не видывали... Оставалось всего-то верстъ семьдесятъ доѣхать, не съ большимъ, да не привелъ Богъ!.. Въѣхалъ я въ сумерки въ зажòру — бился, бился до темной ночи, полны сани снѣгу да воды набралъ, а на самòмъ нитки сухой не осталось. Темь кругомъ, ни души, ни голоса... А къ ночи-то морозъ ударилъ: обледенѣлъ я весь, одёжа колъ-колòмъ, руки согнуть нельзя... И лошади обмерзли, а были тоже потныя допрежь-то. Ну, кое-какъ выбрался я изъ зажòры, погналъ-было рысью, думалъ разогрѣть ихъ маленько, нѣтъ, не бѣгутъ, братъ! надорвались ужъ, изъ силъ повыбились... Вижу, дрянь дѣло — испортилъ лошадей!.. Пріѣхалъ я въ село, на постоялый дворъ, ужъ пѣтухи поютъ... Выпрягъ, далъ сѣна, и не тронули, полегли всѣ нà-земь, головы повѣсили... Вбѣжалъ я въ избу, обогрѣлся маленько, обсушился, взялъ фонарь, да опять къ лошадямъ; гляжу: одна лошадь — рыжая кобыла у меня была, доморощенная, больше ста рублевъ стоила—лежитъ на боку и стонетъ, братцы мои, ровно человѣкъ!.. Простоялъ я надъ ней съ фонаремъ всю ночь, а на разсвѣтѣ она и извелась... И прошибла меня, братцы мои, слеза. Сижу надъ ней и, какъ рѣка, разливаюсь—плачу... А черезъ день и остальныя двѣ лошади пропали... Рыба стала гнить, портиться... становой узналъ, велѣлъ, которая посвѣжѣе, къ нему, а остальную въ оврагъ вывалилъ. Захворалъ я... И напала на меня вошь... И такая-то, братцы мои, сильная вошь напала, что точила меня, ровно червь... А потомъ, горячка приключилась, безпамятье... Опомнился я въ городской больницѣ, на самый Христовъ день... А на Ѳоминой недѣлѣ выпустили меня, и я пошелъ пѣшкомъ, за тыщу верстъ, питаясь Христовымъ именемъ подъ окнами... Домой не пошелъ, а прямо въ Саратовъ, къ купцу. Упалъ ему въ ноги: Такъ и такъ говорю!.. Ничего, помиловалъ: „Божья воля!“ говоритъ... Потомъ пошелъ уже

домой. Поѣхалъ изъ дому-то на трехъ лошадяхъ, а иду пѣшій—разоръ съ собой въ домъ несу!.. и стыдно, и боязно. А еще батюшка былъ живъ, старенькій старичокъ, а грозёнъ былъ покойникъ!.. Ну и бурмистръ тоже былъ— строгій нѣмецъ, безжалостный!.. Хоша мы и на оброкѣ были, а все же вмѣшивался онъ во всякую нашу дòмашность. И сталъ тутъ подущать меня нечистый руки на себя наложить. Пришелъ я наканунѣ самой Троицы въ лѣсъ, забился въ чащу, да и сталъ высматривать дерево, какое покрѣпче... А на дворѣ примеркать ужъ началò. Вотъ, я и думаю: помолюсь, молъ, Богу, въ послѣдній разъ, чтобъ дѣтей малыхъ не оставилъ... Сталъ молиться, а рядомъ и запой птичка; я молюсь, плачу, а она все шибче, да лучше поетъ... Кончилъ я молитву и сталъ ее слушать. И такъ-то она, братцы, сладко и умильно пѣла, что перевернулась во мнѣ вся душа!.. И подумалось мнѣ въ тѣ поры, что это не простая птица поетъ, съ роду не слыхивалъ, чтобы такъ птица пѣла!.. Хотѣлъ посмотрѣть на нее, да нѣтъ, за листьями не видно было. Сѣлъ я на траву, слушаю ее... Вдругъ вижу, что-то двигается въ кустьяхъ, идетъ въ мою сторону; я притулился за дерево, не дышу... Маленько погодя, глянулъ, а предо мной стоитъ моя дѣвчёночка, годовъ десять ей тогда было: „Тятька, говоритъ, чтó ты тутъ дѣлаешь?“ а сама тàкъ и кинулась ко мнѣ на шею, обняла ручонками и замерла...

— Какъ ты, спрашиваю, сюда попала?

— Насъ, говоритъ, батюшка-попъ, послалъ за цвѣтами къ завтрему, церковь убирать. А я брала цвѣты, да услыхала—птичка хорошо поетъ,—и пошла сюда ее послушать. Пойдемъ, говоритъ, тятька, домой! Мы всѣ объ тебѣ стосковались, а мамка-то кажный день плачетъ...

— Ну, говорю, пойдемъ, дочка милая, пойдемъ!

Перекрестился, да и пошелъ за ней... Пришелъ—разсказалъ все, какъ было... Погоревали, помолились Богу,— да и стали жить да работать попрежнему. Годика черезъ

два-три, опять справились,—и опять въ извозъ пошелъ. Таперь вотъ съ работникомъ ужъ ѣзжу, на пяти лошадяхъ. Господь Богъ испытуетъ, но до конца не прогнѣвается на насъ.

VIII.

Русскій «авось».—Взаимный кредитъ у крестьянъ.—Кража пороха и свинца.—Столкновеніе конвойныхъ съ свадебнымъ поѣздомъ.—Тридцатиградусный морозъ.—Шинкарство на постоялыхъ дворахъ.—Замерзшій солдатъ.—Проѣзжая барыня.—Эпизодъ изъ крѣпостного права.—Возвращеніе въ Чембаръ.

Съ своими спутниками, то-есть съ крестьянами-извозчиками, я на первое время не ладилъ: они непремѣнно хотѣли, чтобы я дозволилъ имъ въѣзжать на постоялые дворы со всѣми подводами—и съ свинцомъ, и съ порохомъ,—стараясь убѣдить меня обычнымъ русскимъ „авось“; а я разрѣшилъ имъ, и то внѣ правилъ, на свой страхъ, заѣзжать на дворы лишь съ возами съ свинцомъ, который, въ случаѣ пожара, не могъ причинить ничего, кромѣ убытковъ; между тѣмъ, какъ взрывъ порохового транспорта могъ причинить бѣдствія не только мнѣ, военной командѣ и извозчикамъ, но, пожалуй, и всей деревнѣ, гдѣ бы онъ случился. Долго ворчали на меня извозчики и упрашивали разрѣшить имъ это отступленіе отъ инструкціи, но я настоялъ на своемъ—и порохъ оставлялъ за околицами селъ и деревень, гдѣ приходилось останавливаться днемъ, или ночевать.

Слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующее интересное явленіе въ бытовомъ отношеніи. Я замѣтилъ какъ-то, что, при разсчетахъ съ содержателями постоялыхъ дворовъ, мои извозчики платятъ что-то уже черезъ-чуръ много,—и полюбопытствовалъ узнать причину. Оказалось вотъ что: извозчики, расплачиваясь „за постоялое“, погашали, въ то же время, и старый долгъ, который они сдѣлали, ѣдучи въ Калугу. Порядокъ существовалъ такой: всѣ мои извозчики, оказавшіеся изъ Саратовской губерніи, возили въ Калугу рыбу съ Волги; при навалкѣ товара купецъ, хозяинъ рыбы, далъ имъ лишь задатки — „по три рубля на дугу“; остальныя деньги, т.-е. полный разсчетъ, они получали уже въ Калугѣ отъ того купца, которому свалили товаръ; и вотъ поэтому, ѣдучи съ рыбой, они ѣли, пили, забирали сѣно и овесъ въ долгъ, до расплаты на обратномъ пути. И содержатели дворовъ имъ вѣрили, хотя нѣкоторые изъ извозчиковъ заѣзжали къ нимъ въ первый разъ въ жизни; и извозчики съ своей стороны вполнѣ теперь оправдывали это довѣріе, — такъ что происходили иногда слѣдующія сцены. Выѣзжаемъ, мы, напр., послѣ кормежки изъ какого-нибудь села,—и только-что отъѣдемъ верстъ пять-шесть и въѣдемъ въ новое село или деревню, какъ вдругъ транспортъ останавливается и всѣ извозчики вбѣгаютъ въ какой-нибудь постоялый дворъ, расположенный на пути. Я недоумѣваю и посылаю унтеръ-офицера узнать, въ чемъ дѣло. Посланный возвращается и объясняетъ:

— Расплачиваются, в. б., за старое „постоялое“.

— Чего же они не заѣзжали сюда кормить?

— Лошади у нихъ заморились: дорога тяжела была очень.

Минутъ десять спустя, мужички выходятъ съ постоялаго двора, прячутъ за пазухи свои кошели съ деньгами, извиняются предо мной, что „задержали“—и мы трогаемся вновь въ путь, стараясь уже, во что бы то ни стало, дотащиться на ночлегъ до того именно постоялаго двора, гдѣ эти самые извозчики кормили лошадей, ѣдучи въ Калугу. Такъ распространенъ былъ въ тѣ времена взаимный кредитъ на Руси между крестьянами, даже незнакомыми другъ другу!

За это трехнедѣльное путешествіе, шагомъ, на разстояніи тысячи верстъ, съ транспортомъ нашимъ происходило

нѣсколько эпизодовъ, которые, по счастію, окончились безъ всякихъ особыхъ непріятностей.

Первый такой эпизодъ произошелъ въ Козловѣ, тамбовской губерніи. Былъ прекрасный зимній солнечный день, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы провѣрить цѣлость транспорта. При осмотрѣ боченковъ оказалось, что въ одномъ изъ нихъ пробуравлено было отверстіе, чрезъ которое и похищено было около полъ-пуда пороха; но кѣмъ, гдѣ и при какомъ конвоѣ—этого не удалось выяснить. Точно такъ же, не оказалось налицо и одного куска свинцу въ пять пудовъ... Это уже приходилось поплатиться лично мнѣ за свою неопытность, такъ какъ я долженъ бы былъ провѣрять цѣлость транспорта при каждой новой перемѣнѣ конвойной команды—именно въ Тулѣ и Рязани,—чего я не дѣлалъ, надѣясь тоже на русское авось, а главнымъ образомъ потому, что при смѣнѣ команды въ этихъ городахъ приходилось имѣть и безъ того не мало хлопотъ и ѣзды по городу, по начальству—чтобы сдать старый конвой и получить новый,—и по-неволѣ пришлось бы задерживать остановку транспорта еще на нѣсколько часовъ лишнихъ и причинять извозчикамъ лишніе расходы на кормленіе лошадей.

Затѣмъ, подъ Тамбовомъ произошло цѣлыхъ два приключенія: первое — въ селѣ, называемомъ Лысыя-Горы. Совсѣмъ уже вечерѣло и былъ сильный морозъ — градусовъ 25 слишкомъ. Только-что передъ этимъ одна изъ лошадей въ транспортѣ захромала, и извозчикъ, ея хозяинъ, попросилъ у меня позволенія положить на дно моей кибитки нѣсколько свинчатокъ (каждая была въ формѣ рыбы, вѣсомъ около 5 пудовъ). Это обстоятельство, надо полагать, посодѣйствовало тому, что мои ноги, вслѣдствіе такого холоднаго сосѣдства, совсѣмъ остыли, и я рѣшился заѣхать на первый постоялый дворъ обогрѣться. Извозчики и конвой тоже рѣшили сдѣлать маленькій привалъ—минутъ на 15—20. Затѣмъ, они тронулись въ путь и поѣхали по большой дорогѣ, которая вела вдоль всего села. Прошло не болѣе десяти минутъ, пока я бѣгалъ по избѣ постоялаго двора и отогрѣвалъ свои ноги, какъ вдругъ вбѣгаетъ съ улицы у.-о. Савельевъ и объявляетъ, что мужики бьютъ нашъ конвой... Я, какъ былъ раздѣтъ, въ одномъ военномъ пальто съ погонами, такъ и выскочилъ на улицу и бросился бѣжать вдоль села, къ церкви, у которой, я видѣлъ, собралась огромная толпа народа и слышался страшный шумъ... Когда я добѣжалъ до этой толпы, то увидѣлъ, что мужики держатъ подъ уздцы переднюю лошадь транспорта и сворачиваютъ ее въ сторону, а мои извозчики и солдаты противятся этому. Вижу—лица у нападающихъ мужичковъ красныя, пьяныя... Но какъ только я подошелъ къ толпѣ вблизь и мужики увидали мои офицерскіе погоны, то сейчасъ же разступились и, по обыкновенію, въ нѣсколько голосовъ, разомъ, стали мнѣ объяснять причину ссоры... Оказалась такая исторія: по селу ѣхала свадьба, какъ водится, съ пѣснями и съ пьяными поѣзжанами, изъ которыхъ у многихъ были во рту трубки. Передній конвойный кричитъ имъ:

— Сворачивай въ бокъ! Бросьте трубки!.. Мы съ порохомъ ѣдемъ.

Мужики не сворачиваютъ, трубокъ не бросаютъ и ѣдутъ прямо на транспортъ. Всѣ пьяные... Конвойный унтеръ-офицеръ побѣжалъ впередъ, началъ вырывать у мужиковъ трубки изъ зубовъ и кидать ихъ въ снѣгъ. Курильщики стали не давать трубки и поталкивать унтеръ-офицера... Вотъ тогда мой унтеръ-офицеръ, Савельевъ, и побѣжалъ за мной...

Сообразивъ, въ чемъ дѣло, и видя передъ собой толпу пьяныхъ, я сталъ ихъ уговаривать и успокоивать... Но имъ вообразилось, съ пьяныхъ глазъ, что мы ѣдемъ „порожнемъ“ и что флагъ нашъ — „простой красный лоскутъ“,—и они поэтому настоятельно требовали вознагражденія за вырванныя у нихъ трубки.

— Возы у тебя, ваше благородіе, порожніе, ничего въ нихъ нѣтъ!—кричалъ какой-то здоровенный мужчина безъ шапки, въ разорванномъ и разстегнутомъ полушубкѣ, съ красными, словно кровью налившимися, глазами:

— Если порожніе, то возьми за задокъ сани и подними!—говорю ему.

Тотъ ухватилъ сани—и ни съ мѣста!—потому что въ нихъ лежало 30 пудовъ свинца, завернутаго въ рогожѣ. Снаружи, съ перваго взгляда, казалось, дѣйствительно, что сани пустыя... Всѣ засмѣялись...

Въ это время къ намъ подбѣжалъ сотскій, съ бляхой на груди,—и мы уже вдвоемъ, изображая изъ себя „начальство", уговорили пьяныхъ поѣзжанъ оставить насъ въ покоѣ. Тутъ я немного простудился на морозѣ и едва-едва согрѣлся потомъ.

А подъ самымъ Тамбовомъ, на другой день утромъ, морозъ достигъ 30° при рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, дувшемъ намъ прямо въ лицо,—и болѣе половины людей въ нашемъ транспортѣ поморозили себѣ носы, щеки и даже, отчасти, пальцы на рукахъ. Сидѣть въ саняхъ не было уже никакой возможности, такъ какъ ноги совсѣмъ стыли и деревенѣли,—и я, по-неволѣ, долженъ былъ идти пѣшкомъ, вслѣдъ за своею кибиткой, противъ вѣтра...

— Три скорѣй щёки, ваше благородіе, отморозишь!—крикнулъ мнѣ одинъ изъ извозчиковъ, старикъ Платонъ.

— Да у меня руки закоченѣли, не могу, — отвѣтилъ я.

Тогда Платонъ взялъ въ пригоршню снѣгу, потомъ мою руку, живо оттеръ ее и согрѣлъ снѣгомъ; затѣмъ взялъ другую мою руку и продѣлалъ съ нею ту же самую манипуляцію; а я уже, какъ только получилъ возможность владѣть и шевелить пальцами, принялся оттирать себѣ щеки... Но это, однако, помогло дѣлу лишь отчасти: щеки мои были все-таки уже отморожены немного,—такъ что въ Тамбовѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи гусинаго

сала и пластыря, и я долго потомъ ходилъ съ слѣдами дѣдушки-мороза на щекахъ.

Въ то время продажа водки была въ рукахъ казны, которая сдавала право продажи откупщикамъ, извлекавшимъ отсюда громадныя выгоды. На каждомъ кабакѣ красовался государственный гербъ — двуглавый орелъ; были особые сидѣльцы—или цѣловальники, какъ прозвалъ ихъ народъ,—ревизоры, подвальные, и пр.; но все это не мѣшало существованію корчемства, т.-е. тайной продажи водки, въ особенности въ глухихъ деревняхъ, гдѣ откупщики не находили почему-либо удобнымъ или выгоднымъ открывать форменный кабакъ, свой. И вотъ, мнѣ во время пути невольно довелось наблюдать это шинкарство. Пріѣзжаетъ, бывало, нашъ обозъ въ какую-нибудь небольшую деревню, гдѣ надо было остановиться и покормить лошадей; на дворѣ страшный морозъ; заѣзжаемъ на постоялый дворъ, и первымъ дѣломъ мои извозчики и конвойные, какъ только входятъ въ избу, спрашиваютъ:

— А что, хозяинъ, горячая вода есть?

— Есть, есть, милости просимъ!—отвѣчаетъ дворникъ и приглашаетъ раздѣвающихся гостей садиться поскорѣе къ столу, на которомъ тотчасъ же и появляются чайныя чашки и чайникъ съ „горячею водой", т.-е съ водкой... И естественная вещь, что такое шинкарство оправдывалось необходимостью: такъ какъ въ деревнѣ этой совсѣмъ не было кабака, то извозчику пришлось бы везти съ собой запасъ водки, которую довелось бы покупать ради соблюденія закона въ какомъ-нибудь кабакѣ лежавшемъ по дорогѣ. Между тѣмъ это „шинкарство" считалось преступленіемъ и преслѣдовалось такъ же строго, какъ и контрабанда. Но въ послѣднемъ случаѣ нарушались интересы казны, а въ преслѣдованіи шинкарства власти усердствовали въ защиту и выгоду откупщиковъ и кабат-

чиковъ и въ притѣсненіе простого народа, которому запрещалось даже варить къ своимъ престольнымъ праздникамъ русскую традиціонную брагу.

Я заговорилъ здѣсь о шинкахъ потому, что однажды подъ самымъ почти Кирсановомъ, на постояломъ дворѣ, куда заѣхалъ нашъ обозъ (за исключеніемъ, конечно возовъ съ порохомъ), у насъ совсѣмъ-было замерзъ конвойный солдатикъ: его, почти уже закоченѣлаго, внесли на постоялый дворъ, разрѣзали ножомъ замерзшіе сапоги на его одеревенѣвшихъ ногахъ, раздѣли и оттерли спиртомъ, добытымъ отъ хозяина постоялаго двора подъ видомъ „горячей воды“ въ чайникѣ... Не случись тутъ тайной продажи водки, солдата намъ едва ли удалось бы спасти.

Послѣднее происшествіе, случившееся съ нами въ пути, было не лишено нѣкотораго интереса и имѣло бытовой отчасти характеръ.

Случилось это въ деревнѣ Гавриловкѣ, когда транспортъ нашъ приближался уже къ Чембарскому уѣзду. На постояломъ дворѣ, куда мы заѣхали, кормили уже лошадей другіе извозчики, встрѣчные, ѣхавшіе изъ Саратова съ рыбой. Когда я раздѣлся, то-есть снялъ съ себя дорожный тулупъ, и ямщики увидѣли на мнѣ офицерское пальто, то приступили тотчасъ же къ разспросамъ о волѣ: гдѣ, дескать, она застряла?.. ждутъ, ждутъ ее мужики, а она все не объявлена еще... Я сталъ разсказывать, что́ зналъ, что воля-де непремѣнно будетъ и очень скоро, и пр. Въ это время къ постоялому двору подъѣхалъ большой барскій возокъ, запряженный тройкою лошадей, и изъ него вышла старуха-барыня съ двумя горничными, у которыхъ на рукахъ были точно грудныя дѣти, завернутыя въ одѣяла. Все это вошло въ избу и стало отогрѣваться... Постоялый дворъ принадлежалъ старообрядцу, и хозяинъ насъ предупредилъ самымъ вѣжливымъ образомъ, чтобы

мы не курили табаку въ избѣ. И только-что барыня раздѣлась, какъ достала и закурила папироску... А горничныя, развернувъ одѣяльца, выпустили на полъ двухъ собачонокъ—мопса и болонку... Хозяйка запротестовала и побѣжала за мужемъ, который въ это время былъ на дворѣ и отпускалъ овесъ моимъ извозчикамъ. Хозяинъ пришелъ и началъ просить барыню, чтобы она, во-первыхъ, не курила, а затѣмъ, чтобы приказала своихъ собакъ выгнать на дворъ... Барыня обидѣлась и стала браниться и грозить, а одинъ изъ извозчиковъ, выпившій, можетъ быть, лишнее, схватилъ болонку на руки и, обращаясь къ барынѣ, сказалъ:

— Важный хвостъ у этой собачонки! на метелку бы хорошъ—отрубить его...

Въ одно мгновеніе барыня вырвала свою любимицу изъ рукъ врага и дала ему звонкую пощечину... Мужичокъ опѣшилъ и могъ лишь проговорить:—Ишь ты, какая сердитая!..

Барыня живо начала одѣваться и по требованію хозяина вышла изъ избы на дворъ въ свой возокъ, забравъ съ собой и горничныхъ, и собачонокъ, и поклявшись хозяину двора, что она пожалуется губернатору и что дворъ этотъ „закроютъ“... Меня эта барыня опросила и записала, предупредивъ, что выставитъ свидѣтелемъ. Къ счастію, инцидентъ этотъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій: не потревожили ни хозяина, какъ обвиняемаго, ни меня, какъ свидѣтеля, и когда я, годъ спустя, ѣхалъ еще разъ по этой дорогѣ съ новымъ транспортомъ пороха, уже въ концѣ февраля 1861 года, и остановился въ Гавриловкѣ ночевать у того же хозяина, то онъ, вспоминая объ этомъ происшествіи, сказалъ мнѣ:

— Я не боялся тогда, что она пожалуется губернатору, потому что губернаторъ въ такой пустякъ не вяжется, а вотъ, пожалуйся она, не дай Богъ, нашему барину,—дѣло бы было плохо!.. Теперь, вотъ—слава тебѣ Господи!

ослобонили насъ, дай Богъ царю добраго здоровья! теперь не страшно... А въ тѣ поры, что̀ продѣлывалъ съ нами нашъ баринъ—не дай Господи!.. Говорить кому-нибудь объ его дѣлахъ, и то боялись!..

Затѣмъ, хозяинъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

— У меня вотъ родная сестра была, первая красавица во всей деревнѣ, а пропала ни за што! И Богъ вѣсть, гдѣ она теперь живетъ: далеко гдѣ-то; у нехристей въ Персіи, сказывали.

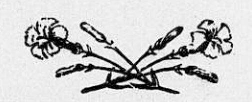
— Какъ же она туда попала?—полюбопытствовалъ я.

— А вотъ какъ. Годовъ пятнадцать тому назадъ, поѣхалъ нашъ баринъ съ барыней на ярмарку въ Нижній; я за кучера былъ, сестра моя за горничную. Въ Нижнемъ сестра и прогнѣви чѣмъ-то барыню; та пожаловалась мужу, а онъ и допрежъ того сердитъ былъ на сестру—не поддавалась она ему... Позвалъ онъ одного знакомаго купца персіянина—страшенный такой, черный, рябой—одно слово, азіятъ!—потолковалъ съ нимъ, да и въ судъ: тамъ и составили бумагу—купчую, значитъ, на имя какого-то приказнаго въ Нижнемъ же, а денька черезъ два пріѣхалъ этотъ самый персіянинъ къ намъ, взялъ сестру и увезъ съ собой на пароходѣ, сначала въ Астрахань, а потомъ къ себѣ. Только мы ее и видѣли!.. Пріѣхали съ ярмарки, сказали матушкѣ покойницѣ—грохнулась она объ земь и стала безъ памяти... Прохворала потомъ деньковъ десятокъ въ горячкѣ, да и померла... И передъ смертью-то все металась, сердешная, по постели, дочку къ себѣ звала, да ровно отымала ее отъ кого!..

А потомъ, помолчавъ немного, добавилъ:—Опосля того, баринъ опасался, видно, держать меня при себѣ, въ кучерахъ—отпустилъ на оброкъ и я вотъ снялъ этотъ дворъ...

Наконецъ, мой транспортъ достигъ благополучно до города Чембара, и на другой день инструкторъ нашего

стрѣлковаго баталіона приступилъ къ пріему отъ меня страшнаго казеннаго „товара“... Когда послѣдній боченокъ съ порохомъ былъ поставленъ на вѣсы и убранъ въ мѣстный пороховой погребъ, я въ первый разъ, по истеченіи трехъ недѣль, проспалъ всю ночь крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ...



ВИНОВНИКИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

Виновники польскаго возстанія 1863 года [1]).

(По польскимъ источникамъ.)

«Исторія Польши, съ самаго начала ея, можетъ быть опредѣлена словами: постепенный упадокъ. Цивилизація ея въ средніе вѣка была не что иное, какъ восточная роскошь; литература ея—только контрфакція латинизма, а республика — лексиконъ, заимствованный изъ древняго быта, или оперная декорація; ея набожность - крайнее ханжество. У нея не было ничего истиннаго; ничего не было опредѣленнаго у этихъ чувственныхъ людей, преданныхъ наступленію всѣхъ страстей. Кого поляки должны обвинять въ своихъ несчастіяхъ?—Самихъ себя, и только самихъ себя»...

Прудонъ.

После раздѣла 1772 года, политическая дѣятельность и жизнь всѣхъ выдающихся лучшихъ людей Польши была направлена къ возстановленію утраченной государственной самостоятельности. Въ послѣдніе годы владычества императора Наполеона I, надежды эти сильно оживились, но не осуществились. Возстаніе 1831 года было новою попыткою въ томъ же родѣ: получить самостоятельное государственное устройство—„крулевство". Возстаніе 1863 года было послѣднимъ порывомъ поляковъ—добиться осуществленія своей завѣтной мечты. Главная ошибка польскихъ патріо-

[1]) Статья эта («Историческій Вѣстникъ», іюнь, 1898 г.), хотя и не подходитъ подъ рубрику «Встрѣчъ и воспоминаній», но тѣмъ не менѣе, я рѣшаюсь включить ее въ настоящую книгу—какъ предисловіе къ послѣдующей статьѣ: «Эпизоды изъ эпохи возстанія 1863 года».—И. З.

товъ заключалась, въ данномъ случаѣ, лишь въ томъ, что они не желали уразумѣть великаго историческаго закона, въ силу коего, по образному выраженію нашего великаго поэта, всѣ „славянскіе ручьи" должны были „слиться въ русскомъ морѣ"... Пылкая, несчастная нація не желала этого понять и, легко доступная иллюзіямъ и обману, позволила вовлечь себя, еще разъ, въ политику приключеній, и поплатилась за это легковѣріе цѣлыми потоками своей горячей крови и страшнымъ разореніемъ своей прекрасной страны.

Но кто же главные виновники этихъ не битвъ, а боенъ 1863 года? Почему до сихъ поръ несчастный польскій народъ несъ на себѣ одномъ, en masse, всю тяжкую отвѣтственность за свою мнимую вину? Почему виновники сумѣли такъ долго выгораживать себя и передъ судомъ исторіи, и предъ лицомъ той многострадальной націи, которая, „въ испугѣ не понявъ несчастья своего", отвернулась отъ своихъ русскихъ единоплеменныхъ друзей и стародавнихъ сосѣдей и бросилась въ продажныя объятія и предательскія ласки политическихъ интригановъ?...

Все это произошло потому, что истинные виновники смуты 1863 года сумѣли тщательно замести свой слѣдъ и ушли за кулисы, предоставивъ погубленныя ими массы людей самимъ себѣ и ихъ злой судьбѣ; произошло потому, что еще не наступилъ судъ исторіи, а увлекающаяся нація долго и старательно скрывала подробныя дѣянія своихъ иноземныхъ смутьяновъ, не желая, при томъ, по чувству ложнаго стыда, признаться въ главной и едва ли не единственной своей винѣ—легковѣріи.

Но вотъ, со времени этого кроваваго безумія прошло 40 лѣтъ, и исторія начинаетъ мало-по-малу вступать въ свои права и приподнимать завѣсу съ минувшихъ событій... Находятся мужественные и образованные люди, которые рѣшаются, наконецъ, не только открыто признаться въ этомъ массовомъ безуміи, которому они отдались въ 1863

году, но и разсказать подробно, шагъ за шагомъ, всю кровавую эпопею этого „замѣшанья", и даже назвать главныхъ виновниковъ, на которыхъ и должна лечь вся неповинно и безполезно пролитая кровь лучшихъ силъ Польши того времени—ея юношества.

Таковъ именно трудъ г. Станислава Козьмяна „Rzecz o roku 1863", заслуживающій внимательнаго изученія и являющій собою цѣнный вкладъ въ историческую литературу [1]). Передъ нами—первая безпристрастная исторія возстанія 1863 года, написанная полякомъ. Этотъ капитальный и талантливо исполненный трудъ вышелъ недавно въ Краковѣ, въ трехъ томахъ,—и его авторъ не только самолично участвовалъ въ дѣлѣ возстанія, но, по своему исключительному и привилегированному положенію (какъ сынъ интимнаго друга графа Валевскаго и какъ сотрудникъ газетъ „Часъ" и „Парижское Бюро"), былъ въ довольно близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми главарями и руководителями возстанія, находившимися въ Варшавѣ, Галиціи и Парижѣ.

Мы внимательно ознакомились со всѣми тремя томами сочиненія г. Козьмяна и находимъ интереснымъ остановиться на тѣхъ именно событіяхъ, которыя собственно предшествовали возстанію 1863 года, подготовили и создали его. Мы, при этомъ, не будемъ вовсе говорить о самомъ возстаніи, такъ какъ эти событія, въ качествѣ фактовъ, происшедшихъ у всѣхъ на глазахъ, описаны давно уже, очень подробно и много разъ,—и повторять ихъ здѣсь, въ нашей короткой статьѣ, было бы совершенно излишне,—тѣмъ болѣе, что эпизоды, изъ этого несчастнаго возстанія мы сообщаемъ особо, въ слѣдующей нашей статьѣ.

---

[1]) Эта книга г. Козьмяна не имѣется въ продажѣ въ Россіи.

I.

Благопріятныя условія для возстанія.—Провозглашеніе принципа народностей.—Сочувствіе къ полякамъ со стороны императора Наполеона III, императрицы Евгеніи и принца Плонъ-Плона.—Двуличіе Австріи и сочувствіе Англіи.—Два князя Горчаковыхъ и генералъ Назимовъ.—Ожиданіе революціи въ Россіи.—Надежды на «уступки» императора Александра II.—Подготовительныя работы къ возстанію.—Сельско-хозяйственное общество и графъ Андрей Замойскій.—Маркизъ Александръ Велепольскій.—Оппозиція «красныхъ» и покушенія на жизнь Велепольскаго, Лидерса и великаго князя Константина Николаевича.—Ненадежность Литвы.—Отель Ламберъ въ Парижѣ.—Комитетъ въ Краковѣ и общество «Лава» въ Львовѣ.—Циркуляръ «Лавы» и революціонная присяга.

Все, повидимому, благопріятствовало давно уже подготовляемому политическому взрыву въ Польшѣ и Литвѣ. Незадолго передъ тѣмъ, императоромъ Франціи Наполеономъ III былъ провозглашенъ принципъ народностей, въ силу коего и свершилось объединеніе Италіи и даже маленькой Румыніи [1]). На престолѣ Франціи сидѣлъ человѣкъ съ большимъ умомъ и недюжинными способностями, который, задолго еще до своего воцаренія, заигрывалъ съ Польшей, называя ее „сестрой Франціи“ и утверждая, что она, подобно Италіи, имѣетъ право требовать единенія, во имя измышленнаго имъ принципа національностей. Потомъ, во время Крымской войны, тотъ же Наполеонъ прямо хотѣлъ, чтобы въ Польшѣ началась революція (чтобы Россія скорѣе склонилась къ миру), а затѣмъ не только допустилъ сформированіе князьями Чарторыйскими, въ Турціи, особаго польскаго легіона, но еще и принялъ на себя обмундированіе этого войска. Впослѣдствіи, во время наступившаго послѣ войны парижскаго конгресса, со стороны представителей Франціи не разъ были дѣлаемы попытки поднять польскій вопросъ, и лишь энергичный отпоръ русскаго уполномоченнаго, князя Орлова, воспрепятствовалъ дальнѣйшимъ сужденіямъ объ участи Польши. Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ же 1857 году, во время свиданія съ императоромъ Александромъ II въ Штутгартѣ, Наполеонъ дозволилъ себѣ еще разъ завести рѣчь о Польшѣ... Едва ли, конечно, надо говорить о томъ, что всѣ эти авансы французскаго императора быстро доходили до поляковъ и, вдобавокъ, въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ.

[1]) Во имя этого самаго принципа, Польшѣ слѣдовало бы слиться воедино съ Россіей и всѣми остальными славянскими племенами; но она желала поступить какъ разъ наоборотъ, то-есть, отдѣлиться отъ Россіи и образовать изъ себя особое государство. Въ этомъ и заключается вся роковая ошибка этого рокового вопроса.—И. З.

Постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ той же Франціи занималъ графъ Валевскій, побочный сынъ Наполеона I, личность въ высшей степени даровитая, блестяще образованная и съ выдающимися государственными способностями. Онъ, будучи сыномъ польки, не только не скрывалъ своихъ симпатій и тяготѣній къ Польшѣ, но, какъ увидимъ ниже, громко и открыто сочувствовалъ возстанію и былъ, въ сущности, однимъ изъ главныхъ виновниковъ того обстоятельства, что искра раздута была въ пожаръ.

Немалую долю вліянія на иностранную политику Франціи имѣлъ въ то время и двоюродный братъ императора принцъ Наполеонъ (Плонъ-Плонъ), личность, какъ извѣстно, мелкая и недостойная; но онъ явно сочувствовалъ Польшѣ и подготовлявшемуся въ ней возстанію и въ этомъ именно смыслѣ и велъ свою политику интриги противъ Россіи. Полякамъ сочувствовала также и императрица Евгенія и не скрывала этого: польскій вопросъ былъ для нея вопросомъ католицизма [1]).

[1]) Императрица имѣла неосторожность выражать свои симпатіи къ возстанію публично. Такъ, однажды, на балу въ Тюильри, во время кадрили, когда австрійскій посланникъ, князь Меттернихъ, подавалъ ей руку, то императрица спросила его: «Развѣ вы нисколько не сочувствуете этимъ бѣднымъ полякамъ?» (она хотѣла сказать: «подадите ли вы точно такъ же руку помощи полякамъ?»). На это Меттернихъ отвѣ-

Правительство сосѣдней Австріи было тоже очень расположено къ полякамъ и питало даже несбыточныя иллюзіи, что польскій престолъ, по его возстановленіи, долженъ будетъ перейти къ австрійскому дому. Въ силу такой двоедушной политики, столь свойственной Австріи, она потомъ смотрѣла сквозь пальцы на переходы на русскую территорію изъ Галиціи цѣлыхъ вооруженныхъ бандъ, сформированныхъ въ ея предѣлахъ.

Въ Англіи, какъ мы видимъ изъ книги Козьмяна, въ верхней палатѣ, лордъ Элленборугъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо выразилъ слѣдующее мнѣніе о польскомъ вопросѣ: онъ находилъ, что было бы странно, если бы англійское правительство, разъ уже признавшее принципъ національности (въ дѣлѣ объединенія Италіи), не признало бы этотъ же принципъ и въ дѣлѣ поляковъ. Въ нижней же палатѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Россель прямо осуждалъ несправедливое, по его мнѣнію, поведеніе Россіи относительно поляковъ.

Во главѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ заслуженный канцлеръ князь Горчаковъ, который, въ данномъ случаѣ, ставилъ выше національныхъ интересовъ заботу о томъ, что̀ скажетъ о насъ Европа... который разрѣшеніе польскаго вопроса видѣлъ въ политикѣ примиренія и натворилъ въ этомъ роковомъ „спорѣ“ такъ много неизвиняемыхъ политическихъ ошибокъ, которыя едва ли даже были искуплены послѣдовавшею затѣмъ дипломатическою побѣдою извѣстной отвѣтной ноты князя на дерзкій со стороны Англіи и Франціи вопросъ по поводу происходившей у насъ польской смуты.

Намѣстникомъ въ царствѣ Польскомъ былъ другой князь Горчаковъ (М. Д.), замѣнившій суровый режимъ

тилъ: «Не такъ уже мы безчувственны по отношенію къ нимъ, какъ думаете, ваше величество»... Это были пробные шары относительно Австріи, которую Франція желала втянуть въ свою политику открытаго вмѣшательства въ польскія дѣла.

князя Паскевича благосклонною политикою колебаній и послабленій. Князь Горчаковъ былъ, за его смертію, замѣненъ бывшимъ военнымъ министромъ, престарѣлымъ генераломъ Сухозанетомъ, котораго вскорѣ смѣнилъ полуфранцузъ графъ Ламбертъ, незнакомый ни съ Россіей, въ которой онъ служилъ, ни съ Польшей, которою призванъ былъ управлять. Затѣмъ, его опять смѣнилъ Сухозанетъ, далѣе—великій князь Константинъ Николаевичъ, — и всѣ эти перемѣны и смѣщенія произошли въ теченіе какихъ-нибудь 4—5 лѣтъ... Въ то же время, генералъ-губернаторомъ Литвы (въ Вильнѣ) былъ генералъ Назимовъ, не избѣжавшій всесильнаго польскаго вліянія.

Въ самой Россіи, по предположеніямъ поляковъ (Козьмянъ, т. I, гл. VIII), должна была неминуемо вспыхнуть революція и начаться внутреннія междоусобія, вслѣдствіе несовершенства реформы 19-го февраля 1861 года, освободившей крестьянъ: ожидалось, что крестьяне, недовольные, будто бы, этою реформою, повѣрятъ раскидываемымъ по Волгѣ (польскими эмиссарами) золотымъ грамотамъ и начнутъ бунтъ и рѣзню помѣщиковъ.

Главное же, что̀ поддерживало поляковъ въ ихъ политическихъ иллюзіяхъ и вожделѣніяхъ, это была кроткая и гуманная личность государя Александра II, миролюбивѣйшаго изъ царей, занимавшаго въ то время всероссійскій престолъ. На „уступкахъ“ съ его стороны и сооружалось величественное зданіе будущей Польши — „отъ моря до моря“, отъ Одера до Карпатъ и Днѣпра...

Вотъ какіе розовые горизонты представлялись пламенному воображенію поляковъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ!.. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что большинство этихъ надеждъ были тщетны, — начиная, напр., съ вѣры въ сердечность расположенія Австріи и кончая ожидаемыми междоусобицами внутри самой Россіи и „уступками“ со стороны императора Александра II.

Подготовительныя работы, въ цѣляхъ возбужденія воз-

станія, шли почти одновременно—въ различныхъ мѣстахъ: въ Варшавѣ, въ Парижѣ, въ Львовѣ, въ Краковѣ, въ Литвѣ...

Въ Варшавѣ существовало такъ называемое сельско-хозяйственное общество, съ графомъ Андремъ Замойскимъ во главѣ и съ многочисленными членами, въ числѣ коихъ были крупные и вліятельные землевладѣльцы края, какъ, напримѣръ, графъ Ѳома Потоцкій, Александръ Островскій, Адольфъ Курцъ, Людвигъ Гурскій, графъ Александровичъ, Венглинскій, Желинскій и мн. др. Президентъ общества графъ Андрей Замойскій былъ непримиримымъ врагомъ Россіи, отрицавшимъ всякое соглашеніе съ нею на почвѣ уступокъ, мирныхъ переговоровъ и компромиссовъ.

Совершенно иного взгляда на дѣло былъ маркизъ Велепольскій, человѣкъ чрезвычайно богатый, со всестороннимъ образованіемъ и твердою, непреклонною волею. Онъ вскорѣ былъ поставленъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ во главѣ гражданскаго управленія царства Польскаго, добившись въ Петербургѣ согласія почти на всѣ проектированныя имъ реформы. Маркизъ, какъ и государственный канцлеръ кн. Горчаковъ, вѣрилъ, что политика примиренія погаситъ начинающійся пожаръ, и явился въ Варшаву (изъ Петербурга) въ званіи всевластнаго министра, свободнаго отъ подчиненія русскимъ властямъ и съ самыми широкими полномочіями и прерогативами: такъ, напримѣръ, съ учрежденіемъ въ Варшавѣ особаго „государственнаго совѣта“, коему подчинялись всѣ власти и чиновники въ Царствѣ Польскомъ, за исключеніемъ военныхъ властей, которыя и были совсѣмъ отдѣлены отъ гражданскаго управленія въ краѣ.

Но поляки крайней красной партіи, добивавшіеся непремѣнно возстанія, встрѣтили мирнаго диктатора Польши, маркиза Велепольскаго, крайне враждебно и, предводительствуемые тайнымъ комитетомъ „ржондомъ народовымъ“, и агентами проживавшаго въ Парижѣ генерала Мѣрославскаго, отвѣтили на примирительную политику маркиза цѣлымъ рядомъ покушеній на жизнь высокопоставленныхъ лицъ, начиная съ того же Велепольскаго и кончая командующимъ войсками генераломъ Лидерсомъ и, наконецъ, самимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, только что прибывшимъ въ Варшаву въ санѣ намѣстника царства. Тайный заговоръ покрылъ сѣтью всю Польшу, возникнувъ вначалѣ между молодежью — воспитанниками медицинской академіи, которые образовали вскорѣ особые конспиративные кружки, распространившіеся въ различныхъ мѣстностяхъ царства Польскаго и въ западныхъ губерніяхъ.

Въ Вильнѣ и Ковнѣ нѣсколько магнатовъ, какъ, напримѣръ, графы Плятеры, Тышкевичи и др., открыто высказывали свое сочувствіе подготовлявшемуся возстанію и, исподоволь, устраивали для него, при помощи своего вліянія и матеріальныхъ средствъ, будущую почву.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ добрыя мѣропріятія русскаго правительства были парализованы въ самомъ началѣ самими же поляками, то-есть тѣмъ пассивнымъ отпоромъ, а также явнымъ и тайнымъ многоначаліемъ, которые существовали въ самой Варшавѣ.

Въ то же время въ Парижѣ существовалъ такъ называемый отель Ламберъ, во главѣ котораго стоялъ вначалѣ знаменитый князь Адамъ Чарторыйскій, а затѣмъ, когда онъ въ 1861 году умеръ, его замѣнилъ столь же „непримиримый“ сынъ Владиславъ Чарторыйскій, при которомъ группировались и многіе другіе выдающіеся польскіе магнаты, какъ, напримѣръ, графъ Владиславъ Замойскій (родной братъ варшавскаго князя Андрея), Эдуардъ Козьмянъ, Юліанъ Клячко и др. При отелѣ Ламберъ была основана даже особая газета „Парижское Бюро“, въ которой, какъ мы упоминали, участвовалъ авторъ инкриминируемаго нами сочиненія, г. Станиславъ Козьмянъ. Главари отеля Лам-

беръ склонялись болѣе въ сторону дѣйствія и шли, иногда, по камертону тюильрійскаго кабинета.

Въ Краковѣ и Львовѣ образовались тоже отдѣльные комитеты для подготовленія возстанія. Такъ, въ первомъ изъ этихъ городовъ сформировалась „Краковская Община", главная задача которой, по требованію отеля Ламберъ, состояла въ томъ, что она посылала чрезъ тотъ же отель французскому правительству и заграничнымъ газетамъ, главнымъ образомъ, парижскимъ, телеграммы и письма съ извѣстіями о возстаніи и вообще о событіяхъ, происходящихъ въ Польшѣ. Свѣдѣнія эти, къ сожалѣнію, не всегда были правдивы, а когда шла рѣчь объ успѣхахъ польскаго оружія, то свѣдѣнія эти были совсѣмъ мнимыя; но—„это было необходимо для того, чтобы подогрѣвать общественное мнѣніе",—поясняетъ г. Козьмянъ...

Нѣсколько иной характеръ имѣло тайное общество „Лава", образовавшееся во Львовѣ. Оттуда, изъ среды этого общества, раздавались иногда и трезвые голоса, предостерегавшіе своихъ соотечественниковъ отъ излишнихъ порывовъ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ, вообще, циркуляръ „Лавы" отъ 21 ноября 1862 года, который мы и приведемъ здѣсь, такъ какъ интересъ его заключается еще и въ томъ, что онъ даетъ нѣкоторое представленіе объ организаціи и цѣляхъ „Лавы". Вотъ этотъ циркуляръ:

„Львовская Лава къ своимъ подчиненнымъ.

„Центральный народный комитетъ, находящійся въ Варшавѣ, отдалъ приказаніе, дабы было приступлено какъ можно поспѣшнѣе къ устройству народной организаціи въ Галиціи. Вслѣдствіе этого, львовская „Лава", въ качествѣ автономной власти (въ Галиціи) объявляетъ всѣмъ принявшимъ присягу, что она постановляетъ слѣдующее:

1) „До „Лавы" дошло извѣстіе, что нѣсколько молодыхъ людей, не принадлежащихъ вовсе къ организаціи, желаютъ подать ей руку отъ имени воспитанниковъ низшихъ учебныхъ заведеній, обѣщающихъ будущею весною присоединиться къ отрядамъ генерала Мѣрославскаго. Не говоря уже о легкомысліи подобнаго поступка, безъ нужды отрывающаго отъ занятій молодежь низшихъ учебныхъ заведеній, мы не можемъ допустить такихъ дѣйствій на собственный рискъ, учреждая новый порядокъ организаціи на ряду съ существующей, состоящей въ вѣдѣніи центральнаго народнаго комитета.

2) „Обращаемъ вниманіе своихъ подчиненныхъ на то, что появляются новые организаторы, которые увѣряютъ всѣхъ, будто они дѣйствуютъ по распоряженію центральнаго народнаго комитета; но они напрасно ссылаются на этотъ комитетъ. Въ дѣйствительности же, ихъ агитація ведется подъ руководствомъ генерала Мѣрославскаго, съ которымъ, какъ извѣстно, названный комитетъ не имѣетъ ничего общаго. А потому объявляется для тѣхъ, кто желалъ бы присоединиться къ нимъ: у нихъ есть свой статутъ революціоннаго союза, состоящій изъ 11-ти пунктовъ и короткой присяги; на печати же у нихъ—молотъ и надпись „свобода".

3) „До свѣдѣнія „Лавы" дошло также, что лица, не принадлежащія къ организаціи нашей, отправлялись уже въ нѣкоторыя мѣстности собирать подати. Поэтому мы увѣдомляемъ своихъ подчиненныхъ, что никто не имѣетъ права брать подати отъ частныхъ лицъ безъ особаго разрѣшенія „Лавы", даннаго на имя сборщика, и безъ особой шнуровой книги и квитанцій, которыя сотскіе должны выдавать десятскимъ, а десятскіе — членамъ, вносящимъ въ кассу подати.

4) „Всѣмъ, состоящимъ подъ присягой, повелѣваемъ: не принимать никого въ свою среду, не сообщивъ объ этомъ, предварительно, начальству.

5) „Въ виду усиленнаго надзора со стороны правительства, мы положительно воспрещаемъ принимать въ нашу среду постороннихъ лицъ, и просимъ соблюдать,

вообще, крайнюю осторожность, въ то же время стараться распространить военную и податную организаціи среди вполнѣ надежныхъ и развитыхъ людей. Кромѣ того, наши подчиненные обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы молодежь низшихъ учебныхъ заведеній не отрывалась отъ занятій, сбитая съ толку посторонней агитаціей, такъ какъ это скорѣе всего можетъ обратить на себя вниманіе правительства и компрометировать наши организаціонныя работы предъ посторонними, непосвященными людьми. Вообще, всѣ подчиненные должны наблюдать за поведеніемъ молодежи низшихъ учебныхъ заведеній, которая должна узнать обо всемъ лишь за нѣсколько дней до возстанія.

„Ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается показывать это распоряженіе постороннимъ лицамъ".

(Печать—польскій одноглавый орелъ).

Здѣсь, кстати, приведемъ форму присяги общества „Лава":

„Клянусь съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ нашихъ враговъ. Не буду просить ни у кого помощи, — и одного лишь Бога желаю имѣть въ качествѣ союзника. Обѣщаю покаяніе въ грѣхахъ и исправленіе образа жизни; буду уповать на Господа. Отрекаюсь отъ гордости, лжи и мести (?), дабы оказаться достойнымъ помощи Господа и его Пресвятой Богородицы, царицы моей, какъ теперь, такъ и послѣ смерти моей за родину. Отнынѣ я принадлежу къ народной организаціи, — и всѣ свои силы, всю жизнь и имущество жертвую въ пользу освобожденія родины. Клянусь добросовѣстно исполнять свои обязанности, съ готовностью и при первомъ вызовѣ являться на указанное мѣсто и сражаться съ врагами отечества. Клянусь хранить тайну какъ на свободѣ, такъ и въ темницѣ, несмотря ни на какія мученія (?). Могущество мое въ молчаніи и надеждѣ. Если нарушу сію клятву и сдѣлаюсь предателемъ отечества, да не минуетъ меня заслуженное

наказаніе какъ со стороны Бога, такъ и со стороны людей. Да помогутъ мнѣ Богъ, Пресвятая Богородица и всѣ святые!"

Для иновѣрцевъ (предполагались поляки моисеева закона, т.-е. евреи, а также и ополячившіеся татары, проживающіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края) въ этой присягѣ дѣлались соотвѣтственныя измѣненія.

II.

Голоса благоразумія.—«Актъ» львовскаго комитета.—Лозунгъ руководителей возстанія.—Двуличіе Австріи.—Попытки русскаго правительства къ примиренію. — Сигналъ къ дѣйствію со стороны отеля Ламберъ. — Миссія Л. Водзицкаго. — Бесѣды В. Чарторыйскаго съ Наполеономъ. — Зажигательная рѣчь принца Плонъ-Плона въ сенатѣ.—Мнимыя польскія побѣды надъ русскими войсками. — Горькія воспоминанія г. Козьмяна.

Не одна львовская „Лава" отличалась нѣкоторымъ благоразуміемъ и жалостью, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ молодыхъ людей „изъ низшихъ учебныхъ заведеній", которые стремились принять активное участіе въ возстаніи. Раздавалось много и другихъ голосовъ предосторожности, которые всячески пытались пріостановить и даже не допускать самое начало кровавыхъ столкновеній польскихъ повстанцевъ съ русскими войсками. Такъ, напримѣръ, изъ книги Козьмяна мы узнаемъ, что даже изъ отеля Ламберъ чрезвычайный „гонецъ", нѣкто Г. Ф., извѣщалъ главарей Галиціи, что „возстаніе представляетъ собою безумный, плачевный поступокъ", потому что оно не можетъ разсчитывать, навѣрняка, на помощь со стороны Наполеона III. „Богъ слишкомъ высоко, а Франція очень далеко",—этими словами прекрасно характеризуется положеніе дѣлъ, такъ какъ общее мнѣніе (во Франціи) не одобрило бы войны за освобожденіе Польши". А графъ Левъ Ржевускій прямо, однажды, высказалъ г. Козьмяну: „L'empereur n'aime pas la cuisine qu'il n'a pas faite",—на-

мекая этимъ на всѣмъ извѣстную любовь Наполеона къ устроенію самолично заговоровъ.

Или, напримѣръ, вотъ какой сравнительно умѣренный „актъ“ былъ составленъ и опубликованъ партіею бѣлыхъ въ Львовѣ, которая, по примѣру краковскаго „Комитета о раненыхъ“, настаивала на выжидательномъ положеніи:

„Добросовѣстно разсмотрѣвъ полученныя нами свѣдѣнія о волненіяхъ въ Конгрессовкѣ, мы, къ несчастію, должны считать этотъ шагъ преждевременнымъ, такъ какъ онъ сдѣланъ безъ надлежащей осмотрительности и даже безъ подготовки съѣстныхъ припасовъ и денежныхъ средствъ, не вовремя и при совершенно неподходящихъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условіяхъ. Оправдывать (?) его можетъ только то ужасное положеніе, въ которомъ находится теперь Польша. Упомянутое волненіе (т.-е. возстаніе) не можетъ быть названо **народнымъ** возстаніемъ, а только защитой отъ жестокихъ наборовъ. Если бы, съ первой же минуты, мы (львовскіе поляки) приняли въ немъ дѣятельное участіе, неосмотрительно увлекая и нашу молодежь, плохо или даже совсѣмъ не вооруженную, туда (т.-е. въ Польшу), гдѣ недостатокъ оружія превосходитъ недостатокъ людей, гдѣ нѣтъ никакой организаціи, то этимъ мы не принесли бы отечеству никакой пользы; лишеніе же нашей стороны этой молодежи, безъ всякой для польскаго вопроса выгоды, или съ весьма сомнительной, было бы если не преступленіемъ, то во всякомъ случаѣ легкомысліемъ по отношенію къ дѣлу, которому мы хотимъ помогать. И вотъ, мы, проникнутые горячей любовью къ отечеству и полагая, что священный долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы высказать это наше глубокое убѣжденіе, обращаемся ко всѣмъ своимъ соотечественникамъ, проживающимъ въ этой части Польши (т.-е. въ Галиціи), и предлагаемъ имъ: какъ бы ни было горячо ихъ желаніе помочь отечеству, пусть всетаки примкнутъ къ намъ и примутъ, въ качествѣ пароля, слово—„ждать“.

„Ждать слѣдуетъ потому, что неблагопріятныя въ настоящую минуту внѣшнія обстоятельства могутъ въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться весьма благопріятными, и тогда намъ понадобятся значительныя свѣжія силы. Всѣ благоразумные полководцы, обыкновенно, посылаютъ прежде всего передовые отряды, а затѣмъ уже выступаютъ сами съ главнымъ корпусомъ, оставляя все еще часть войска въ запасѣ; и уже неоднократно бывали примѣры, что запасный отрядъ выигрывалъ битву. Этимъ запаснымъ отрядомъ должны быть мы (т.-е. поляки австрійскихъ провинцій). Но да не будетъ наше выжиданіе мертвымъ и бездѣятельнымъ, тѣмъ выжиданіемъ, которое поощряетъ праздность, лѣнь и низкій эгоизмъ!—мы должны поддерживать воодушевленіе, собирая при этомъ средства и военныя силы. Итакъ, мы повторяемъ, что настоящее волненіе въ Конгрессовкѣ не представляетъ собой всеобщаго возстанія. Подобно тому, какъ въ 1846 и 1848 годахъ, во время возстанія въ княжествѣ Познанскомъ, жителямъ другихъ частей Польши не только никто не ставилъ въ упрекъ, что они не торопились жертвовать своею жизнью и имуществомъ,—напротивъ, всѣ признавали, что благоразуміе и истинный патріотизмъ повелѣваетъ не обрекать всѣхъ польскихъ силъ на вѣрную гибель въ этомъ мятежѣ, который никоимъ образомъ не можетъ послужить къ освобожденію отечества, такъ и теперь мы совѣтуемъ, прежде чѣмъ примкнуть къ возстанію, хорошенько подумать, можетъ ли это принести пользу нашему общему дѣлу, или нѣтъ? По нашему мнѣнію, Галиція только тогда можетъ и должна примкнуть со всѣми силами къ мятежу въ Конгрессовкѣ, когда послѣдній, не имѣющій въ настоящее время большого значенія, сдѣлается **всеобщимъ**, то-есть, когда въ немъ примутъ участіе всѣ классы населенія, въ особенности, если къ нему, хотя отчасти, при-

соединятся крестьяне, или же, если хотя сколько-нибудь измѣнятся внѣшнія обстоятельства: главнымъ образомъ, если въ Россіи произойдутъ болѣе значительныя волненія среди крестьянъ и въ войскѣ, или же, если весной (1863 г.) вспыхнетъ война на Востокѣ, потому что то и другое должно будетъ отвлечь значительную часть русской военной силы; выступивъ же противъ всей ея массы, мы не можемъ питать ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но мы должны признать, что всѣ эти необходимыя условія возстанія могутъ наступить скоро, а потому мы не осуждаемъ его, а только напоминаемъ, что долгъ каждаго патріота— ждать и въ то же время немедленно приступать къ приготовленіямъ, которыя, въ случаѣ надобности немедленно примкнуть къ мятежу въ Конгрессовкѣ, дадутъ намъ возможность оказать могущественную и дѣятельную помощь".

Этотъ въ высшей степени интересный „актъ", изданный въ Львовѣ 4-го февраля 1863 года, довольно рельефно обрисовываетъ не только то выжидательное положеніе, которое приняли львовскій и краковскій комитеты относительно начавшагося уже въ русской Польшѣ открытаго мятежа, но и тѣ несбыточные мечты и расчеты, которые, повидимому, питали всѣ вожаки и главари возстанія по части ожидаемыхъ бѣдствій и смутъ внутри самой Россіи...

Всѣ болѣе благоразумные и опытные люди въ Польшѣ и Литвѣ не одобряли террора, установленнаго тайнымъ правительствомъ въ Варшавѣ, а равно злоупотребленій и самовольныхъ экзекуцій, коимъ подвергали очень часто, по доносамъ и ошибкамъ, совсѣмъ неповинныхъ людей. Самъ авторъ книги, г. Козьмянъ, находилъ въ то время, что было трудно, почти невозможно, съ расчетомъ на какой бы то ни было успѣхъ, защищать сторонниковъ идеи о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 года; а между тѣмъ, этотъ „народный догматъ" былъ лозунгомъ, основаннымъ на совершившемся фактѣ только что объединенной Италіи, и этотъ лозунгъ былъ на знамени взбунтовавшейся Польши и у всѣхъ руководителей возстанія.

Интересно при этомъ сопоставить только что приведенный нами „актъ" львовскаго комитета съ официальными распоряженіями австрійскаго правительства, которыя, по удивительной случайности, совпали одновременно съ появленіемъ на свѣтъ божій этого акта. Такъ, того же 4-го февраля 1863 года, по угламъ краковскихъ улицъ были развѣшены объявленія „отъ полицейской дирекціи" слѣдующаго содержанія:

„Правительство принуждено предостеречь жителей Кракова, что всякія дѣйствія, ведущія къ измѣнѣ отечеству, или къ нарушенію общественной безопасности, хотя бы таковыя были предприняты противъ другого государства, съ которымъ Австрія связана особыми договорами, имѣющими силу закона, составляютъ преступленіе и, на основаніи § 66 положенія о наказаніяхъ, будутъ преслѣдуемы заключеніемъ въ тюрьмѣ, отъ одного года до пяти лѣтъ. Итакъ, мы совѣтуемъ жителямъ Кракова воздержаться отъ какого бы то ни было участія въ возстаніи, вспыхнувшемъ въ царствѣ Польскомъ. Полагаясь на здравый разсудокъ населенія, надѣемся, что никакіе подобнаго рода безпорядки не нарушатъ покоя и безопасности страны, и что правительство не будетъ вынуждено направлять противъ преступниковъ всю суровость закона".

Въ то же время, и во Львовѣ, всего лишь двумя днями раньше, то-есть, 2-го февраля, было распубликовано слѣдующее „объявленіе":

„Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней въ здѣшней столицѣ вербуютъ людей съ цѣлью перейти границу и соединиться съ повстанцами. Уже значительное количество вооруженной молодежи оставило нашъ городъ. Поэтому, дирекція полиціи вынуждена предостеречь, что не только наборъ

людей съ указанною цѣлью, но и переходъ черезъ границу, хотя бы только предпринятый, повлекутъ за собою примѣненіе § 66 положенія о наказаніяхъ".

Это были офиціальныя, гласныя, такъ сказать, распоряженія австрійскихъ властей. Въ дѣйствительности же, это двуличное правительство допускало, какъ указываетъ г. Козьмянъ въ своемъ сочиненіи, явное потворство формированію возстанія и прямо-таки закрывало глаза на все, что происходило съ этою цѣлью на австрійской территоріи. Такъ, напримѣръ, наборъ отрядовъ посредствомъ списка происходилъ въ Краковѣ явно. „Военныя власти ни въ чемъ не препятствовали молодежи, принявшей присягу и спѣшившей въ царство Польское. Наказанія, положенныя за утрату ружей, были настолько незначительны, что какъ бы поощряли эти „утраты"... Газеты, даже подцензурныя, могли свободно писать о возстаніи и почти всѣ были благосклонны къ полякамъ. Вообще, снисходительность австрійскихъ властей, несмотря на вывѣшенныя ими объявленія, доходила до того, что если иногда и задерживали на границѣ немногочисленныя группы (до 40 человѣкъ), направлявшіяся въ царство Польское, то ихъ, по арестованіи, выпускали вскорѣ на волю и не мѣшали, затѣмъ, добраться до лагеря въ Ойцовѣ. Далѣе, офиціальная „Львовская газета" объявила, того же 4-го февраля 1863 года, что покупка оружія въ Львовѣ и Краковѣ допускается лишь съ соизволенія полиціи; между тѣмъ эта покупка продолжалась почти безпрепятственно и на глазахъ у всѣхъ. „Для виду, производились иногда обыски у лицъ, не особенно подозрительныхъ, напримѣръ, въ Краковѣ, у драматической актрисы Германъ; а въ то же время, тайное общество „Лава" (расходившееся съ партіею бѣлыхъ, или умѣренныхъ, существовавшею въ томъ же Львовѣ) могло безнаказанно посылать молодежь въ польскіе отряды. Случалось, конфисковали иногда кое-какой номеръ „Часа" и „Газеты народовой", но вообще позволяли послѣднимъ писать

многое о событіяхъ въ Конгрессовкѣ и одобрительно отзываться о нихъ...

Эти интересныя свѣдѣнія о двоедушіи Австріи сообщаетъ г. Козьмянъ въ своей книгѣ, и мы, такимъ образомъ, находимъ въ рядахъ главныхъ виновниковъ возстанія 1863 года еще одного и совершенно неожиданно...

Русское правительство, съ своей стороны, дѣлало все, что только было возможно сдѣлать, не нарушая своего государственнаго достоинства, чтобы предотвратить кровавыя столкновенія войскъ съ собирающимися въ варшавскихъ костелахъ и на площадяхъ, а равно и въ лѣсахъ царства, нафанатизированными массами польской молодежи. Воспослѣдовалъ цѣлый рядъ милостей и амнистій, рядомъ съ особыми правами и привилегіями для гражданскаго управленія царства, которыхъ не имѣли коренныя великорусскія провинціи имперіи. Мы уже говорили выше о тѣхъ особыхъ полномочіяхъ, которыя были даны правителю гражданской части въ царствѣ, маркизу Велепольскому. Затѣмъ, когда умершаго князя Горчакова смѣнили, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, генералы Сухозанетъ и Ламбертъ, взамѣнъ ихъ былъ назначенъ, въ маѣ 1862 года, намѣстникомъ царства родной братъ государя великій князь Константинъ Николаевичъ. Еще ранѣе была объявлена амнистія всѣмъ тѣмъ изъ повстанцевъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Манифестъ императора Александра II, объявлявшій эту амнистію, обѣщалъ, въ то же время, продолжать реформенную организацію въ царствѣ Польскомъ, начатую, какъ извѣстно, маркизомъ Велепольскимъ, при которой всѣ русскіе гражданскіе чиновники изгонялись со службы въ царствѣ Польскомъ поголовно и замѣнялись поляками, мѣстными уроженцами.

Но, по мѣрѣ уступокъ со стороны Россіи, требованія поляковъ становились смѣлѣе и обширнѣе, и они стали

уже выражать желаніе о возстановленіи автономной Польши въ границахъ цвѣтущаго ягелоновскаго времени. Становилось очевидно, что злая судьба поляковъ подготовляла разрѣшеніе этого рокового вопроса оружіемъ и кровью... Къ этой развязкѣ наталкивали поляковъ со всѣхъ сторонъ.

Изъ отеля Ламберъ пришло распоряженіе, чтобы начинали и, по возможности, долѣе поддерживали войну. Полуправительственныя парижскія газеты и даже „Moniteur" старались придавать повстанцамъ энергію и стали помѣщать о событіяхъ въ Польшѣ очень подробныя извѣстія и разбирать дѣйствія поляковъ съ большою снисходительностью. Наконецъ, самъ Наполеонъ и его правительство, какъ оповѣстилъ комитеты отель Ламберъ, стали высказывать совершенно иное, чѣмъ до сихъ поръ, мнѣніе о возстаніи: они открыто выразили убѣжденіе, что оно послужитъ къ поднятію польскаго вопроса. Дипломатическія дѣйствія уже начаты. Французское правительство сдѣлало первые шаги въ Берлинѣ по случаю конвенціи. „Существованіе возстанія,—говорилось въ письмахъ отеля,—необходимо для благопріятнаго исхода начатаго дѣла и для успѣшности переговоровъ". Затѣмъ, стало извѣстно, что князь Владиславъ Чарторыйскій былъ лично у императора Наполеона и бесѣдовалъ съ нимъ. Въ словахъ послѣдняго видна была нерѣшительность, но онъ не былъ противъ возстанія и далъ понять, что дѣятельность его будетъ зависѣть отъ Англіи и Австріи, къ которымъ онъ, правитель Франціи, и обратился съ вопросомъ по этому дѣлу".

Для бо̀льшаго убѣжденія поляковъ въ необходимости открытаго возстанія, отель Ламберъ, по разсказу Козьмяна, требовалъ, чтобы къ нимъ въ Парижъ выслано было особое уполномоченное отъ комитетовъ лицо, которое бы могло убѣдиться de visu et auditu, каковы шансы на внѣшнюю помощь и поддержку. Такимъ уполномоченнымъ лицомъ былъ избранъ Людовикъ Водзицкій, и вотъ разсказъ Козьмяна объ этой миссіи.

„Водзицкій прибылъ въ Парижъ въ минуту, если можно это сказать, удачную, даже самую подходящую для нашего дѣла: именно, тогда происходили серьезные переговоры между державами. Наполеонъ и его правительство были воодушевлены лучшими надеждами и желаніемъ помочь полякамъ. Это желаніе уже поддерживалось въ то время содѣйствіемъ Англіи, а въ особенности Австріи. Водзицкій былъ въ отелѣ Ламберъ, а также у французскихъ министровъ, имѣвшихъ преимущественное вліяніе на внѣшнюю политику—у графа Валевскаго и Друэнъ-де-Люиса, и видѣлся съ довѣреннымъ лицомъ и секретаремъ императора Моккар'омъ. Всюду и отъ всѣхъ онъ услышалъ то же самое, а именно, что еще ни разу, со времени раздѣла Польши, послѣдняя не имѣла больше шансовъ на помощь со стороны Европы, чѣмъ теперь. Министры поддерживали и распространяли это мнѣніе и до нѣкоторой степени наталкивали на него тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, не долженъ былъ оставаться равнодушнымъ къ ихъ словамъ. Врядъ ли нужно прибавлять, что главнымъ содержаніемъ ихъ разговоровъ съ Водзицкимъ была необходимость поддерживать возстаніе. Графъ Валевскій особенно долго бесѣдовалъ съ Водзицкимъ, объяснилъ ему положеніе дѣлъ и указалъ на необыкновенно благопріятныя условія рѣшенія польскаго вопроса въ данное время: „Правительство,—говорилъ онъ,—вступило въ переговоры съ Англіей и Австріей для того, чтобы начать дѣйствія, первымъ изъ которыхъ будетъ предъявленіе Россіи требованія дать Польшѣ то устройство, которое было въ 1831 году, и притомъ расширить территорію... Въ случаѣ отказа, Польша будетъ объявлена независимой, и на престолъ ея взойдетъ эрцгерцогъ австрійскій. Для исполненія этого—говорилъ Валевскій,—необходимо, чтобы возстаніе не прекращалось, необходимо, чтобы оно получило характеръ общенародный и было очищено отъ революціонной окраски:

„Faites durer et faites élargir les limites de l'insurrection“,— прибавилъ онъ...

„Наконецъ, Водзицкій видѣлся съ человѣкомъ, пользовавшимся наибольшимъ довѣріемъ Наполеона, съ человѣкомъ, перо котораго чаще всего выражало мнѣнія самого императора, — съ его личнымъ секретаремъ Моккар'омъ. Онъ подтвердилъ во всей полнотѣ то, что Водзицкій только что услышалъ отъ государственнаго министра, графа Валевскаго, но при этомъ Моккаръ еще въ болѣе яркихъ краскахъ представилъ ему необходимость продолженія возстанія и съ еще большей выразительностью сказалъ: „Etendez l'insurrection territorialement, car cela peut influer sur les limites dans les quelles la reconnaissance des droits nationaux sera exigée et comprise“.

Такъ какъ князь В. Чарторыйскій въ первую свою аудіенцію у Наполеона не добился разрѣшенія главнаго вопроса относительно продолженія возстанія, то онъ, вскорѣ же, имѣлъ возможность говорить съ императоромъ еще разъ и, желая непремѣнно узнать его мнѣніе, прямо спросилъ: „Думаете ли, ваше величество, что продолженіе возстанія еще необходимо?“—Да,—отвѣтилъ императоръ,—и я даже уполномочиваю васъ сказать „да!“...

Принцъ же Наполеонъ (Плонъ-Плонъ) пошелъ еще далѣе. Во время разбирательства въ сенатѣ петицій, касающихся польскаго вопроса, начатаго 17-го марта (1863 г.), принцъ произнесъ длинную и красивую по своей формѣ рѣчь въ пользу Польши и заключилъ ее слѣдующими словами: „Печально было бы совѣтовать Польшѣ прекращеніе возстанія, такъ какъ обстоятельства теперь особенно благопріятны: императоръ въ расцвѣтѣ лѣтъ и генія своего, а имя Франціи пользуется въ настоящую минуту громаднымъ авторитетомъ. Пришло время дѣйствовать. Дѣйствуйте, поэтому, какъ можно скорѣе! Какимъ образомъ?— не знаю, не могу этого знать, но дѣйствуйте. Возстаніе будетъ продолжаться, если его будутъ поощрять. Пусть

императоръ дѣлаетъ, что хочетъ. Жребій брошенъ; всякій пусть повинуется голосу своей совѣсти. Что касается меня, то я увѣренъ, что дѣло, за которое принялся императоръ, окончится благополучно“.

Вотъ какія авторитетныя уста бросали искры въ пороховой погребъ легковѣрной польской націи!.. И несчастная нація слѣпо повѣрила этимъ политическимъ авантюристамъ и начала „дѣйствовать“... Посыпались телеграммы и корреспонденціи въ парижскія и вѣнскія газеты о поголовномъ, будто бы, возстаніи народа въ русской Польшѣ и Литвѣ, о постоянныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ, одержанныхъ надъ русскими войсками... „Побѣды“ эти были иногда настолько невѣроятны, что имъ не вѣрили даже сами поляки, когда имъ приходилось читать о нихъ! Такъ, напр., однажды вышелъ такой забавный случай, разсказанный Козьмяномъ: когда онъ прибылъ изъ Кракова въ Парижъ и зашелъ въ отель Ламберъ, то въ это время какъ разъ была получена въ отелѣ телеграмма, извѣщающая о большой побѣдѣ, одержанной польскими войсками. Клячко прочиталъ эту телеграмму (изъ Кракова) вслухъ Козьмяну и спросилъ: — Возможно ли это? — „Да,— отвѣтилъ Козьмянъ, — коль скоро не я выслалъ эту телеграмму“...

„Безразсудныя предпріятія, — съ горечью говоритъ и вспоминаетъ г. Козьмянъ, — въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякія другія, нуждаются во лжи. Умышленно преувеличенныя и оптимистическія извѣстія первоначально принесли пользу, но послѣдствія были вредны. Дурными средствами можно помочь разумнымъ предпріятіямъ, но безразсудныхъ предпріятій они не спасаютъ и только оставляютъ послѣ себя унижающее воспоминаніе о пользованіи ими“.

III.

Послабленія русскихъ властей и заискиванія предъ поляками.—Взглядъ Бисмарка на это дѣло. — Приглашеніе на вечеръ къ великому князю Константину Николаевичу. — Варѳоломеевская ночь.—Роль въ возстаніи польскаго духовенства и женщинъ. — Рекрутскій наборъ въ царствѣ.— Открытый мятежъ и первые отряды въ лѣсахъ. — Сочувствіе простого народа русскимъ властямъ. — Взаимныя жестокости на войнѣ.— Объявленіе амнистіи и непринятіе ея.—Вмѣшательство западныхъ державъ.— Отпоръ князя Горчакова и результаты вмѣшательства. — Результаты возстанія.

Если бы русскія власти въ 1861 и 1862 гг. были хотя немножко суровѣе и, въ виду обостряющихся событій, перестали бы вести опасную игру въ великодушіе, то, по всей вѣроятности, не было бы вовсе возстанія, а если бы и проявились вспышки мятежа, то онъ не охватилъ бы всей Польши и западныхъ губерній [1]); кровавыхъ жертвъ было бы принесено, вѣроятно, вдесятеро меньше, и край не былъ бы такъ опустошенъ и разоренъ, какъ это произошло потомъ. Не только сами поляки того времени, т.-е. болѣе благоразумные изъ нихъ, сѣтовали на эту неумѣстную галантность и колебанія русскихъ властей, но даже и теперь, спустя 40 лѣтъ, г. Козьмянъ не разъ указываетъ въ своемъ правдивомъ сочиненіи на этотъ удивительный

[1]) Пишущему эти строки довелось быть, всего годъ спустя послѣ окончанія возстанія, мировымъ посредникомъ въ Могилевской губерніи, въ которой во время возстанія 1831 года были приняты бывшимъ въ то время губернаторомъ М. Н. Муравьевымъ слѣдующія мѣры. Какъ только начался бунтъ въ Варшавѣ, Муравьевъ вызвалъ въ Могилевъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства и объявилъ имъ слѣдующее: что всѣ они вызваны сюда въ видѣ, такъ сказать, заложниковъ и останутся въ губернскомъ городѣ до конца возстанія, происходящаго въ Польшѣ. Если же произойдутъ въ ихъ уѣздахъ бунтъ или политическія убійства, то гг. маршалки отвѣтятъ не только своею свободою, но и жизнію... Муравьевъ хорошо зналъ, конечно, что всѣ польскія смуты— дѣло панскихъ рукъ, а не народа,—и достигъ цѣли: въ 1831 году Могилевская губернія была спокойна. И. З.

фактъ постоянныхъ расшаркиваній русскихъ властей предъ поляками, въ Варшавѣ, наканунѣ, такъ сказать, возстанія... Мы просто поражаемся, видя на каждомъ шагу неумѣстныя послабленія, робкія заигрыванія и даже искательства, недостойныя сильной власти, представительницы такого мощнаго государства, какъ Россія.

Эти наши авансы предъ поляками не мало удивляли бывшаго въ то время въ Петербургѣ прусскаго посланника фонъ-Бисмарка, который рѣшился даже высказать свои по этому поводу недоумѣнія нашему государственному канцлеру, объяснивъ ему, что въ либеральныхъ реформахъ [1]), даруемыхъ Польшѣ, западныя государства склонны увидѣть уступки и страхъ предъ политическимъ натискомъ поляковъ... Но князь Горчаковъ, однако, не только отвергъ мудрый совѣтъ великаго дипломата, но еще и далъ ему понять, что его совѣты — излишни, что Россіи уже наскучило быть въ глазахъ Европы какимъ-то варварскимъ государствомъ, вѣчно давящимъ Польшу...

Еще болѣе могло придать чванства и бодрости польской аристократіи, то-есть главарямъ возстанія, такое, напримѣръ, происшествіе, передаваемое въ книгѣ г. Козьмяна. „Когда, однажды, пришло въ Варшаву извѣстіе о какомъ-то кровопролитномъ сраженіи русскаго войска съ

[1]) Реформы эти, въ главномъ, сводились къ слѣдующему: по проекту маркиза Велепольскаго, предполагалось возстановить конституцію, или, во всякомъ случаѣ, либеральное устройство, дарованное Польшѣ въ 1815 году, оставить неприкосновеннымъ варшавскій сенатъ произвести должныя реформы въ сферѣ высшаго образованія, при обязательномъ открытіи вновь Варшавскаго университета; затѣмъ разрѣшить, въ либеральномъ же духѣ, крестьянскій вопросъ, даровать евреямъ всѣ гражданскія права, а прежде всего уволить всѣхъ русскихъ чиновниковъ въ краѣ, замѣнивъ ихъ мѣстными уроженцами. Эта послѣдняя «реформа», приведенная въ исполненіе, дала потомъ, во время вспыхнувшей революціи, доминирующее положеніе нѣсколькимъ стамъ агентовъ этой революціи.

поляками, члены варшавскаго сената получили приглашеніе на вечеръ къ великому князю Константину Николаевичу. Братья Левонскіе—генералъ и сенаторъ,—Грушецкій, Александръ Куржъ, Венглинскій и другіе собрались, чтобы посовѣтоваться, что имъ дѣлать... На этомъ собраніи присутствовали и не сенаторы. А. Куржемъ было громко высказано мнѣніе, что въ то время, когда проливается кровь, нельзя идти пить чай къ великому князю... Венглинскій тотчасъ же согласился съ Куржемъ. Но одинъ изъ сенаторовъ настаивалъ на томъ, чтобы принять приглашеніе великаго князя, чтобы отказомъ не оскорбить его, а главное, чтобы изъ-за такого пустяка не перемѣнять направленіе въ принятой ими политикѣ (?)... Кто-то даже предостерегъ, что могутъ быть дурныя послѣдствія, и что, принимая ихъ во вниманіе, приглашенные должны идти. Рѣшили, однако, не ходить. Тотъ сенаторъ, который былъ противоположнаго мнѣнія, исполнилъ по крайней мѣрѣ приличіе и написалъ графу Хребтовичу, управляющему дворомъ великаго князя, что по болѣзни матери не можетъ прійти...

„Уайтъ, замѣнявшій англійскаго консула, бывшій въ тотъ вечеръ во дворцѣ въ числѣ же приглашенныхъ, сказалъ потомъ одному изъ неявившихся сенаторовъ: „Что же вы сдѣлали?! Глаза великаго князя были все время обращены на дверь, и онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ, придете ли вы“...

„Всѣ эти господа не видѣлись больше съ великимъ княземъ“,—прибавляетъ г. Козьмянъ. Но зато они еще смѣлѣе стали подливать масло въ огонь...

Собственно возстаніе, или открытый мятежъ, начался рѣзнею ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ солдатъ въ ночь съ 23 на 24 января 1863 года. Къ сожалѣнію, рускія военныя власти не были достаточно предувѣдомлены, такъ какъ всѣ служащіе, даже мелкіе полицейскіе чины и варшавскіе городовые, были поляки и считали, конечно,

своимъ долгомъ служить „ойчизнѣ“, а не рускому правительству.

Вслѣдъ за этою безжалостною, ночною рѣзней, возстаніе открыто заявило себя въ краѣ и охватило постепенно даже такія исконныя русскія области, какъ, напримѣръ, Бѣлоруссію (гдѣ даже былъ взятъ польскимъ отрядомъ и разграбленъ уѣздный городъ Горки) и Кіевскую губернію... Пожаръ захватывалъ очень большой раіонъ,—и совершенно неожиданно для русскихъ властей, такъ что, напримѣръ, въ Могилевской губерніи не оказалось вовсе войскъ... Въ лѣсахъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и даже Кіевской и Волынской губерніи появились многочисленные польскіе отряды, сформированные изъ шляхты, учащейся молодежи, дворовой челяди и разнаго городского люда. Отряды эти не были ни достаточно вооружены, ни обучены, такъ что обрекались на вѣрнѣйшую гибель. Польское духовенство стало въ костелахъ призывать всѣхъ къ оружію и фанатизировало женщинъ, а тѣ, въ свою очередь, посылали въ лѣса своихъ сыновей, мужей и братьевъ...

Стало извѣстно, что распространеніе пожара идетъ по сигналу изъ Тюильри: по крайней мѣрѣ, Козьмянъ въ одномъ мѣстѣ своего повѣствованія говоритъ: „Я долженъ замѣтить, что князь В. Чарторыйскій совершенно ясно помнитъ, какъ гр. Валевскій, въ присутствіи моего отца, употребилъ выраженіе, что „кровь возстанія обозначитъ будущія границы Польши“,—и Чарторыйскій при этихъ словахъ сдѣлалъ движеніе, выражающее удивленіе и нѣкоторое опасеніе“. И вотъ, когда, напримѣръ, во Львовѣ сталъ формироваться отрядъ для похода въ Волынь и Подолію, и всѣ благоразумные и честные патріоты, какъ Францискъ Смолка, стали умолять не дѣлать этого, не губить польскихъ мужей и юношей, посылая ихъ на вѣрную смерть, то „Комитетъ“ восточной Галиціи, во главѣ котораго стоялъ князь Адамъ Сапѣга, прямо объявилъ, что онъ выполняетъ лишь желаніе Парижскаго

правленія „расширить область возстанія до дальнихъ странъ“, такъ какъ границы будущей Польши будутъ означены кровію возстанія...

Такимъ образомъ, изъ нашего бѣлаго очерка читатели видять, кто были главные виновники польскаго возстанія въ 1863 году, кто его подготовилъ, сложилъ пригодный для него горючій матеріалъ и поджегъ... Западные историки возстанія утверждаютъ, что искрою, брошенною въ порохъ, было, будто бы, распоряженіе русскаго правительства произвести рекрутскій наборъ въ царствѣ Польскомъ. Но едва ли можно ставить въ вину правительству, что оно задумало привести въ исполненіе самое ординарное и законное свое распоряженіе произвесть наборъ, котораго давно уже, то-есть со времени крымской войны, не было. Правда, наборъ этотъ, или конскрипція, какъ называли его поляки, происходилъ не особенно удачно: предполагалось забрать въ рекруты самые безпокойные элементы въ Варшавѣ и въ краѣ, а между тѣмъ, когда начался наборъ, то изъ намѣченныхъ къ призыву 4.500 молодыхъ людей явилось въ присутствіе менѣе трети; все остальное и какъ разъ всѣ подозрѣваемые въ политической неблагонадежности успѣли скрыться и затѣмъ образовали изъ себя первые отряды въ лѣсахъ вблизи Варшавы, Люблина и Петрокова. Наборъ можно признать лишь удачнымъ предлогомъ, послужившимъ къ открытому бунту: такъ, наборъ былъ производимъ въ ночь съ 14 на 15 января 1863 года, а всего десять дней спустя, именно въ ночь съ 24 на 25 января, поляки устроили новую варѳоломеевскую ночь и пустили въ дѣло цѣлый отрядъ жандармовъ-вѣшателей, послѣ чего, понятно, спала завѣса съ глазъ русскаго правительства, и никакіе уже компромиссы съ виновниками пролитія русской крови стали немыслимы.

Въ Польшу и въ западныя губерніи были двинуты войска. Въ царство Польское назначенъ былъ намѣстникомъ графъ Бергъ, въ Вильну посланъ былъ всевластнымъ диктаторомъ М. Н. Муравьевъ, и возстаніе было въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно подавлено. Это было тѣмъ легче для русскихъ войскъ, что простой народъ, крестьяне, только что получившіе предъ тѣмъ свободу, не только не участвовали въ мятежѣ, но открыто стали на сторону законной власти и много даже помогали отрядамъ русскихъ войскъ при преслѣдованіи и разбитіи бандъ, скрывавшихся въ громадныхъ лѣсахъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Волыни.

При подавленіи возстанія было немало, конечно, пролито крови съ обѣихъ сторонъ и немало учинено жестокостей. Поляки немилосердно казнили всѣхъ, кого подозрѣвали въ измѣнѣ, часто ошибочно, иногда казнили даже безоружныхъ и беззащитныхъ стариковъ и женщинъ, нѣсколькихъ священниковъ и старообрядцевъ, заподозрѣнныхъ въ услугахъ русскимъ войскамъ; въ Горкахъ раненыхъ русскихъ солдатъ (изъ мѣстной инвалидной команды) брали за руки и за ноги, раскачивали и кидали въ середину горящихъ домовъ. Русскіе одинаково казнили жандармовъ-вѣшателей и разстрѣливали главныхъ начальниковъ бандъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, а равно и всѣхъ тѣхъ бывшихъ русскихъ офицеровъ, которые дезертировали въ лѣса, въ польскіе отряды, изъ рядовъ арміи.

Какъ только были разбиты и уничтожены главные отряды польскихъ повстанцевъ и мятежъ утратилъ уже свой общій характеръ, русское правительство, не желая далѣе проливать кровь своихъ подданныхъ, объявило 12 апрѣля 1863 года всеобщую амнистію всѣмъ, кто сложитъ оружіе до 1 мая. Газета „Часъ“ получила, по словамъ г. Козьмяна, депешу объ этой амнистіи въ тотъ же день, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Манифестъ императора Але-

ксандра даетъ полякамъ амнистію, съ условіемъ сложить оружіе до 1 мая (ст. стиля). При этомъ, государь обѣщаетъ продолжать организацію царства Польскаго, начатую маркизомъ Велепольскимъ".

Тутъ, кажется, и должно бы было покончиться возстаніе... Самъ Козьмянъ находилъ, что эта амнистія „представляла собою, въ данномъ случаѣ, ниспосылаемый Провидѣніемъ исходъ изъ плачевнаго, почти отчаяннаго положенія"... Между тѣмъ, нашлось очень немного истинно мужественныхъ людей, какъ графъ А. Потоцкій, которые настаивали на принятіи амнистіи. Но ихъ не слушали, — и тогда Потоцкій, въ порывѣ краснорѣчія, кинулъ въ лицо „непримиримымъ" краковскаго Комитета слѣдующую фразу: „На ваши головы упадетъ вся кровь, которая отнынѣ будетъ пролита!"—и ушелъ изъ собранія...

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ редакціи „Часа" была получена другая телеграфическая депеша тайнаго польскаго „правительства" изъ Варшавы, гласящая, что „ноты державъ посланы въ Петербургъ"... Было ясно, что эта депеша, извѣщающая о нотахъ, которыя въ то время еще не были посланы, хотѣла парализовать доброе впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, объявляющимъ амнистію, и не допустить окончательнаго прекращенія возстанія и примиренія поляковъ съ русскими, — и коварная цѣль была достигнута: въ особомъ „прибавленіи" къ газетѣ „Часъ", вышедшемъ въ тотъ же день вечеромъ, были помѣщены обѣ телеграммы рядомъ: одна сообщала о высочайшемъ манифестѣ, а другая объ отправленіи въ Петербургъ нотъ европейскихъ державъ... А на другой день, въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты, появилась, по словамъ г. Козьмяна, статья, „нисколько не отступавшая отъ стараго гибельнаго направленія и указывающая на поводъ, по которому, очевидно (?), хочетъ дать амнистію русское правительство, на связь ея съ посылкою нотъ и возлагающая всѣ надежды на дипломатическое вмѣшательство державъ. Въ этой статьѣ между прочимъ говорилось:

„Манифестъ, обѣщающій амнистію полякамъ, добивающимся съ оружіемъ въ рукахъ народныхъ правъ и свободы, стремится прежде всего сдѣлать польскій вопросъ изъ общеевропейскаго чисто внутреннимъ вопросомъ. Россія не признаетъ за Европой права вмѣшиваться въ ея отношенія къ Польшѣ, и однимъ этимъ шагомъ хочетъ отдѣлаться отъ дипломатическихъ нотъ, которыя уже посланы въ Петербургъ изъ Вѣны, Парижа и Лондона— словомъ, хочетъ поставить дѣло въ тѣсныя границы системы политическаго единства Россійской имперіи. Состояніе польскаго вопроса не столько можетъ измѣниться, сколько выясниться вслѣдствіе этого указа (то-есть, манифеста). Правительства, которыя послали свои представленія въ Петербургъ, застигнуты, такъ сказать, врасплохъ. Указъ вышелъ не до посылки нотъ и не послѣ полученія ихъ; поэтому онъ не могъ быть сдѣланъ по доброй волѣ (?) и не представляетъ собою уступки, вызванной этимъ первымъ шагомъ дипломатическихъ дѣйствій [1]). Дальнѣйшіе поступки державъ не могутъ быть предвидѣны, такъ какъ они будутъ зависѣть отъ того, какъ отнесется къ манифесту Польша... Итакъ, три правительства ожидаютъ результатовъ, которые обнаружатся 1-го (12) мая. Если эти результаты окажутся таковыми, какихъ желаетъ русское правительство, то тремъ державамъ останется только согласиться съ волею народа, который онѣ взялись защищать. Въ противномъ случаѣ, онѣ не могутъ предоставить рѣшеніе польскаго вопроса русскому государю, — чѣмъ онѣ показали бы, что отрекаются отъ правъ, которыя принадлежатъ имъ, державамъ, что дало бы Россіи побѣду въ данной дипломатической борьбѣ".

[1]) «Указъ» этотъ, увы!—представлялъ именно «уступку», никѣмъ и ничѣмъ не вызванную, если не считать великодушнаго сердца императора Александра II.

Если мы припомнимъ, что „Часъ“ былъ очень вліятельнымъ органомъ въ Польшѣ, и что во главѣ его стояли всесильные люди, рѣшавшіе въ то время судьбу возстанія, то будетъ понятно, что̀ сдѣлала эта статья въ смыслѣ совершенной парализаціи благихъ намѣреній всепрощенія, выраженныхъ въ манифестѣ русскаго правительства...

Наконецъ, въ концѣ апрѣля, были дѣйствительно представлены Россіи первыя ноты трехъ державъ. Г. Козьмянъ такъ характеризуетъ эти ноты: „Французская нота, адресованная къ кн. Монтебелло, французскому посланннику въ Петербургѣ, подписанная Дрюэнъ-де-Люисомъ, отличалась умѣренностью и серьезностью. Англійская, написанная гр. Росселемъ къ англійскому послу лорду Напиру, самая горячая изъ всѣхъ трехъ, основывавшаяся на вѣнскомъ трактатѣ, сильно возставала противъ претензіи Россіи, считавшей польскій вопросъ чисто внутреннимъ дѣломъ. Самой блѣдной изъ этихъ нотъ и въ то же время самой важной была австрійская. Она написана была гр. Рехбергомъ и адресована къ графу Ревертеру, chargé d'affaires въ Петербургѣ. Нота исходила изъ того, что возстаніе принимаетъ уже меньшіе размѣры послѣ того, какъ уже разбиты всѣ наиболѣе значительные отряды, и указывала на опасность для Галиціи въ случаѣ продолженія возстанія. Каждая изъ этихъ трехъ нотъ въ отдѣльности налегала на то, чтобы русское правительство придумало средство, которое бы могло дать Польшѣ условія незыблемаго мира. Лицамъ, получившимъ эти ноты, было поручено прочитать ихъ князю Горчакову, государственному канцлеру“.

На эти предварительныя ноты, или, вѣрнѣе, пробные шары [1]), кн. Горчаковъ отвѣчалъ отъ себя г. Балабину,

[1]) Мы находимъ не безъинтереснымъ упомянуть здѣсь, со словъ г. Козьмяна, еще объ одной курьезной «нотѣ» — святѣйшаго отца изъ Рима; папа, какъ оказывается, дважды вступался за поляковъ: въ первый разъ онъ обратился къ императору Францу-Іосифу, прося его за-

послу въ Вѣнѣ, барону Будбергу въ Парижѣ и барону Бруннову въ Лондонѣ особыми письмами, въ которыхъ съ большою осторожностью, не исключающей необходимости въ дальнѣйшихъ переговорахъ, обращалъ вниманіе кабинетовъ, при которыхъ были аккредитованы эти господа, на то обстоятельство, что онѣ сами—Англія, Франція и Австрія — могутъ способствовать успокоенію царства Польскаго, „такъ какъ надежда и вѣра въ постороннюю помощь суть главные мотивы возстанія“.

Въ отвѣтъ на эти нерѣшительныя депеши кн. Горчакова, посланныя 26 апрѣля, были отправлены въ Петербургъ французская и англійская ноты, а затѣмъ и австрійская. Онѣ заключали въ себѣ шесть пунктовъ, составленныхъ Австріей и нѣсколько измѣненныхъ двумя другими кабинетами. Вотъ эти знаменитые пункты:

1) Полная и всеобщая амнистія.

2) Національное представительство, принимающее участіе въ областномъ законодательствѣ.

3) Доступъ поляковъ къ публичнымъ правительственнымъ должностямъ, дающій возможность развиться особой народной администраціи.

4) Совершенная и полная свобода совѣсти и устраненіе ограниченій въ исполненіи католическихъ обрядовъ.

5) Употребленіе исключительно польскаго языка, какъ офиціальнаго, въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ, и

6) Правильная и законная рекрутская система.

Кромѣ того, въ этихъ нотахъ былъ намекъ на созваніе международной конференціи державъ, подписавшихся на трактатѣ 1815 г., а графъ Россель прибавилъ пожеланіе, чтобы обѣ воюющія стороны сложили оружіе...

ступничества за поляковъ, а затѣмъ присоединился къ манифестаціи Европы и самымъ горячимъ образомъ поддерживалъ первыя ноты трехъ державъ въ особомъ своемъ письмѣ къ императору Александру II.

Вотъ до какой неслыханной дерзости дошли непрошенные заступники Польши!.. „Князь Горчаковъ, какъ извѣстно, далъ на эти ноты одинъ изъ самыхъ надменныхъ, смѣлыхъ и дерзкихъ отвѣтовъ, какіе только мы знаемъ,— говоритъ г. Козьмянъ, — въ исторіи международныхъ отношеній. Онъ пріобрѣлъ своимъ отвѣтомъ необыкновенную популярность среди своего народа, усилилъ ненависть его къ польскому народу, лишилъ польскій вопросъ общеевропейскаго характера и превратилъ его передъ глазами изумленнаго свѣта въ чисто русскій вопросъ, нанеся въ то же время ударъ внѣшнему блеску Наполеона, а также и поколебавъ общее убѣжденіе въ непогрѣшимости его политики“.

Вотъ какъ неудачно было вмѣшательство иноземной политики въ нашъ „домашній, давній споръ“, окончившееся полнѣйшимъ фіаско!.. Къ сожалѣнію, это безтактное дипломатическое вмѣшательство державъ, по словамъ г. Козьмяна, имѣло очень тяжія послѣдствія именно для тѣхъ, кому оно мнило помочь, то-есть для самихъ поляковъ: „оно не только затянуло возстаніе со всѣми сопряженными съ нимъ дѣйствіями, но и вовлекло въ него цѣлыя толпы благоразумныхъ людей (пребывавшихъ до того въ выжидательномъ положеніи) и побудило „Краковское Общество“ поддерживать возстаніе въ теченіе долгаго времени. Въ то же время это вмѣшательство воспрепятствовало соглашенію поляковъ съ русскимъ правительствомъ и, задѣвая и оскорбляя самолюбіе Россіи, породило и развило глубокую ненависть (?) русскаго общества къ польскому“..:

Такъ говоритъ почтенный авторъ „Rzecz'и o roku 1863“, забывающій, повидимому, отличительную черту характера русскаго народа, его незлопамятность, исключающую всякую „ненависть“ русскаго общества къ польскому.

Не по винѣ добродушнаго и незлобиваго русскаго народа польскій вопросъ сталъ роковымъ: какъ мы видимъ изъ книги того же г. Козьмяна, немало находится виновниковъ этой междоусобной вражды двухъ родственныхъ славянскихъ націй. Самое возбужденіе въ 1863 году вопроса объ автономіи Польши, въ силу провозглашеннаго передъ тѣмъ Наполеономъ III принципа національностей, являлось чистѣйшимъ политическимъ абсурдомъ, такъ какъ въ силу именно этого самаго принципа, Польша, какъ государство славянское, должна бы была слиться воедино съ болѣе крупнымъ славянскимъ же государствомъ—Россіей, а не отдѣляться отъ него.

Замѣтимъ еще, что злой рокъ помѣшалъ полякамъ въ томъ же 1863 году познать и еще одну политическую истину, ясную, какъ божій день: къ числу своихъ друзей и, въ то же время, враговъ ненавистной имъ Россіи они сопричисляли и Австрію, которая всего лишь за 15 лѣтъ передъ тѣмъ, самымъ безпощаднымъ образомъ подавила въ Галиціи вспыхнувшее въ то время (въ 1848 году) польское движеніе, ту самую Австрію, которая не разъ уже изумляла міръ дуализмомъ своей иностранной политики, и которая, владѣя обширною польскою провинціей, едва ли могла настойчиво и искренно желать автономіи польскаго государства, хотя бы и съ австрійскимъ принцемъ на ея престолѣ, какъ о томъ фантазировали поляки нѣмецкаго происхожденія.

Наконецъ, какіе устои были подъ этимъ съ виду величественнымъ зданіемъ, выстроеннымъ на пескѣ? Какъ могло удаться возстаніе этой несчастной и легковѣрной, хотя въ то же время въ высшей степени симпатичной и благородной націи, при томъ хаосѣ и усобицѣ, которые не прекратились даже и съ наступленіемъ кроваваго 1863 года? Какая революція изъ всѣхъ, бывшихъ когда либо въ мірѣ, представляетъ такой чудовищный и маловѣроятный фактъ, какъ тотъ, что произошелъ въ Варшавѣ въ самомъ началѣ возстанія, когда двѣнадцать отчаяннѣй-

шихъ молодыхъ людей, образовавъ изъ себя самозванный „комитетъ“ и заказавъ подходящую для того печать, объявили себя распорядителями судебъ возстанія и терроризировали весь край, послушно исполнявшій всѣ приказы — до убійствъ включительно — этихъ таинственныхъ незнакомцевъ, наименовавшихъ себя „ржондомъ народовымъ?“... [1]). Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало образованію многочисленныхъ другихъ распорядителей и руководителей возстанія, другъ другу противодѣйствующихъ и противорѣчащихъ. Вѣдь стоитъ только припомнить, что „бѣлые“ противодѣйствовали „краснымъ“, отель Ламберъ шелъ въ разрѣзъ съ распоряженіями галицкаго и львовскаго комитетовъ, дѣйствія Лангевича не согласовались съ распоряженіями Мѣрословскаго и пр... Во всемъ этомъ несчастномъ возстаніи было такое многоначаліе, такой хаосъ и путаница, такія неурядицы и междоусобія, что слѣдуетъ, поистинѣ, удивляться, какъ могло оно просуществовать и продолжаться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ!..

Неумолимый рокъ, — говоритъ г. Козьмянъ, — родившійся вслѣдствіе незаконной связи заблужденія безумныхъ съ ошибкою разумныхъ, создалъ это ужасное дѣло и толкалъ людей все далѣе и далѣе, все къ новымъ событіямъ и бѣдствіямъ...

Дай Богъ, конечно, чтобы эти „заблужденія“ не повторялись, и чтобы уроки исторіи, за которые полякамъ пришлось поплатиться своею кровью, послужили имъ на пользу!

---

[1]) Этотъ «ржондъ» издавалъ иногда такія бестактныя распоряженія, которыя лишь дискредитировали все дѣло, наживая враговъ въ лицѣ Австріи и Пруссіи. Таково, напримѣръ, было обращеніе «ржонда» «Do Narodu», отъ 31 іюля, гдѣ обѣщалось возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года. И. З.

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ.

Эпизоды изъ времени возстанія 1863 года.

(Изъ записокъ и воспоминаній).

Сообщаемые мною разсказы изъ времени послѣдняго польскаго мятежа — не выдуманные: излагаемыя въ нихъ, хотя и въ повѣствовательной формѣ, событія происходили въ дѣйствительности, въ 1863 г., въ Ковенской и Минской губерніяхъ.

Мнѣ не довелось быть прямымъ свидѣтелемъ мятежа: я прибылъ въ край въ маѣ 1864 года, т.-е. годъ спустя, и вскорѣ занялъ должность мирового посредника въ Могилевской губерніи. Но я засталъ еще послѣдній актъ этой ужасной трагедіи, слышалъ живые, свѣжіе разсказы о происходившихъ событіяхъ, а многое довелось увидѣть своими глазами. Такъ, напримѣръ, при сценѣ разстрѣлянія въ мѣстечкѣ Логойскѣ, Борисовскаго уѣзда Минской губерніи, въ іюлѣ 1864 года, мнѣ довелось присутствовать лично, — и я до сихъ поръ, несмотря на то, что съ того времени прошло уже 38 лѣтъ, не могу безъ ужаса и глубокаго содроганія и отвращенія вспомнить объ этой сценѣ...

Нѣкоторыя мѣста дѣйствій и лица не называются въ моихъ разсказахъ, вслѣдствіе нѣкотораго неудобства называть ихъ по имени.

I.

Любовь — и долгъ.

На одномъ изъ глухихъ фольварковъ Р—скаго уѣзда, Ковенской губерніи, въ апрѣлѣ 1863 года, въ небольшой, но уютной гостиной панскаго дома сидѣло двое молодыхъ людей: панна Розалія С—ская, дочь обладателя этого фольварка, небогатаго польскаго помѣщика, и подпоручикъ N—скаго пѣхотнаго полка Марлинъ, совсѣмъ еще юный на видъ офицерикъ, всего два года назадъ выпущенный изъ кадетскаго корпуса. Между молодыми людьми происходило, повидимому, очень рѣшительное и серьезное объясненіе: оба были страшно блѣдны и взволнованы, у обоихъ ярко блистали молодые глаза... Разговоръ ихъ приходилъ уже къ концу.

— Одно изъ двухъ, — произнесла наконецъ панна Розалія сдержаннымъ, но очень рѣшительнымъ шопотомъ:— или панъ поручикъ будетъ нашъ, и я буду принадлежать ему, или...

— Или что? — испуганно переспросилъ молодой человѣкъ.

— Или... мы должны будемъ разстаться навсегда.

— И вы, панна Розалія?...

— Я буду принадлежать пану... Казимиру, который меня, я знаю, безумно любитъ.

— Клянусь честью, этому никогда не бывать!—и Марлинъ крѣпко стукнулъ кулакомъ по столу.

Молодые люди давно уже любили другъ друга; по крайней мѣрѣ, цѣлый годъ красивый подпоручикъ Марлинъ вздыхалъ и ухаживалъ за миловидною и бойкою паненкой, жалъ ей и цѣловалъ потихоньку ручки, а она, въ свою очередь, отвѣчала ему взаимными пожатіями, нѣжными взглядами и томными вздохами. Ея отецъ и мать— панъ Станиславъ и пани Станиславова С—скіе—смотрѣли на это ухаживанье не совсѣмъ-то благосклонно: во-первыхъ, такое уже тогда, въ началѣ 1863 года, было время, что русскихъ офицеровъ или совсѣмъ перестали принимать въ польскихъ домахъ, или же принимали ихъ скрѣпя сердце и крайне неохотно; а, во-вторыхъ, родители панны Розаліи были убѣждены въ томъ, что если только ихъ цурка (дочка) выйдетъ—бронь Боже!—за пана поручика, то онъ первымъ долгомъ завезетъ ее въ Москву и обратитъ въ свою схизматичну вѣру. Они болѣе ласково смотрѣли, въ этомъ случаѣ, на своего сосѣда по имѣнію, довольно богатаго пана Казимира З—скаго, ухаживавшаго за Розаліей уже давно и съ очевиднымъ, конечно, намѣреніемъ вступить съ нею въ законный бракъ. Но бѣда была въ томъ, что этотъ панъ Казимиръ былъ очень некрасивъ собою, совсѣмъ необразованъ и вдобавокъ довольно грубъ и неловокъ въ обращеніи; даже мазурку— этотъ національный изящный польскій танецъ — онъ танцовалъ плохо и неохотно. Любимою и чуть ли не единственною его страстью была охота съ гончими и борзыми: тутъ у него являлась и удаль, и ловкость, и увлеченіе. Паннѣ Розаліи онъ положительно не нравился, и она всячески избѣгала его грубоватыхъ любезностей и признаній въ любви. Она въ душѣ своей дѣлала иногда сравненіе между рыжимъ и неуклюжимъ шляхтичемъ и благовоспитаннымъ, изящнымъ и красивымъ Марлинымъ, — и сердце ея невольно склонялось въ пользу „москаля“, но она искренно жалѣла лишь о томъ, что Марлинъ — „схизматикъ“, и что по смерти, его душа непремѣнно попадетъ въ „пекло“, т.-е. въ адъ... Объ этомъ говорилъ не разъ въ костелѣ ксендзъ — т.-е. о душахъ москалей вообще,— говорила и мама; слѣдовательно, въ этомъ не можетъ быть и сомнѣнія... Въ послѣднее время панъ Казимиръ оставилъ ее въ покоѣ, — съ тѣхъ поръ, какъ она, однажды, послѣ неловкихъ намековъ его на свою любовь,

прямо сказала ему съ смѣлостью и развязностью истой польки:

— Я бы пошла за пана лишь тогда, если бы у него въ домѣ не осталось ни одной собаки; а то я никогда не буду знать, кого панъ больше любитъ — свою жену или своихъ гончихъ?..

Панъ Казимиръ покраснѣлъ, какъ ракъ, но, тѣмъ не менѣе, твердо объяснилъ, что онъ готовъ отдать паннѣ свою душу, но что эту жертву принести не можетъ — съ собаками не разстанется.

Панна Розалія получила тогда за эту выходку строгій выговоръ отъ своихъ родителей; но зато громко и долго смѣялась она потомъ съ Марлинымъ, разсказывая ему о деклараціи З—скаго и о своемъ отвѣтѣ.

Ея отношенія къ Марлину заходили все далѣе и далѣе: онъ не разъ уже втихомолку цѣловалъ ея розовыя губки и щечки, и она не особенно сильно сопротивлялась этимъ поцѣлуямъ...

Политическія событія, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ: въ костелахъ пѣлись гимны, по городамъ собирались деньги „на офяру", по фольваркамъ заготовлялись сухари и лились пули, въ сосѣднихъ лѣсахъ Виленской губерніи появились уже первыя банды... Изъ Гродненской и Минской губерній приходили тоже тревожныя извѣстія, и силы повстанцевъ, по разсказамъ, измѣрялись уже не сотнями и тысячами, а десятками тысячъ... Франція главнымъ образомъ стала подливать масла въ огонь: сочувственныя полякамъ, публично произнесенныя, фразы императрицы Евгеніи и зажигательныя рѣчи принца Наполеона совсѣмъ вскружили имъ голову: по ихъ увѣреніямъ, къ нимъ на подмогу должна была выступить изъ Франціи цѣлая армія... Словомъ, легкомыслію и легковѣрію поляковъ не было ни мѣры, ни предѣловъ, — и въ этомъ сказывалась ихъ характерная и національная черта. Въ дѣйствительности же, пока одно лишь царство Польское (Привислинскій край), да и то далеко не все, было охвачено полымемъ возстанія, а въ такъ называемомъ Сѣверо-Западномъ краѣ кое-гдѣ лишь десятки и сотни горячихъ и безумныхъ молодыхъ головъ, соединившись въ партіи, уходили въ лѣса и уводили за собою, иногда насильно, шляхту изъ околицъ (поселковъ) и бывшую свою дворню. Главари мятежа, скрываясь за-границей, искусно руководили начавшимся броженіемъ, ксендзы разжигали политическія страсти въ женщинахъ, а эти командовали мужьями, братьями и сыновьями и настойчиво отправляли ихъ въ лѣса—на вѣрную смерть и погибель.

Въ этотъ именно моментъ возстанія и происходилъ приведенный нами въ началѣ разговоръ между молодымъ русскимъ офицеромъ и польскою панною. Она, съ свойственною женщинамъ тонкостью, хорошо знала, чѣмъ сильнѣе всего можно было подѣйствовать на пылкое, юношеское сердце своего поклонника, и потому умышленно упомянула имя пана Казимира.

— Клянусь честью, этого не будетъ, панна Розалія!— еще разъ горячо повторилъ Марлинъ и, обнявъ правою рукою талію дѣвушки, притянулъ ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ.

Она не уклонилась отъ поцѣлуя; но затѣмъ, медленно отведя его руку, встала и отошла отъ него, сѣла на диванъ, пригласивъ его сѣсть vis-à-vis, въ кресло.

— Теперь не время для поцѣлуевъ, — тихо и какъ-то непривычно строго проговорила она: — ты знаешь ли, что черезъ три дня меня уже не будетъ здѣсь въ фольваркѣ?

— Гдѣ же ты будешь?—испуганно спросилъ Марлинъ.

— Я буду тамъ, гдѣ соберутся всѣ мои братья — всѣ дѣти одной нашей общей матери — отчизны... нашей Польши.

— То-есть, въ лѣсу?

— Да, въ лѣсу, ты отгадалъ.

Марлинъ опустилъ голову на руку и задумался...

— Къ вамъ тотчасъ же придутъ войска и разобьютъ васъ,—тихо проговорилъ онъ.

— Это еще неизвѣстно, ктò кого разобьетъ, — бойко отвѣтила она. — А если это несчастье и случится, то мы уйдемъ за-границу и будемъ ждать болѣе лучшаго времени... А пока станемъ съ мужемъ трудиться тамъ вмѣстѣ: панъ Казимиръ посвятитъ мнѣ всю свою жизнь...

— Не будетъ этого, не будетъ, говорю тебѣ!.. Панъ Казимиръ тебя не стоитъ и никогда не будетъ твоимъ мужемъ. Ты знаешь, Розалія, какъ сильно я тебя люблю... больше жизни моей...

Онъ быстро всталъ съ кресла и сѣлъ съ ней рядомъ. Она на этотъ разъ не отодвинулась отъ него и тихо, почти шепотомъ, отвѣтила:

— Я тебя люблю также много: я готова пожертвовать для тебя всѣмъ. Ты это хорошо знаешь. Докажи и ты свою любовь—рѣшайся!..

— На все, только не на это! Идти съ тобой въ лѣсъ... бить, потóмъ, своихъ!.. Вѣдь это подлость будетъ,—и ты первая перестанешь тогда уважать меня.

— Кто-жъ заставитъ тебя бить своихъ?!. Ты только будешь со мною вмѣстѣ, мой коханый... И ничто въ мірѣ насъ не разлучитъ тогда. А послѣ ты перемѣнишь фамилію, и мы обвѣнчаемся...

Она нѣжно склонилась головой ему на плечо и сама обняла его рукой. Ея горячее дыханіе жгло ему щеку, словно огнемъ; другою рукой она тихо перебирала его волосы на головѣ... У него, отъ ея прикосновенія и близкаго счастія, совершенно потемнѣло въ глазахъ и затмился разсудокъ... Ея предложеніе и на самомъ дѣлѣ становилось уже для него такъ возможнымъ и, главное, извиняемымъ. А она вдругъ заговорила нѣжнымъ, но въ то же время и рѣшительнымъ тономъ:

— Если ты сегодня же, сейчасъ же, не отвѣтишь мнѣ рѣшительно, то мы съ тобой не должны видѣться... Отецъ

мнѣ прямо сказалъ, чтобы я попросила тебя не бывать у насъ. Ксендзъ пригрозилъ отлучить насъ всѣхъ отъ костела, если ты будешь пріѣзжать сюда; тебя боятся... ты можешь замѣтить что-нибудь, узнать и передать пану-полковнику... Я, можетъ быть, съ ума сойду, когда тебя перестану видѣть, когда ты отвернешься отъ меня!.. Но что же мнѣ дѣлать, Езусъ-Марія! что мнѣ дѣлать!!.

Она быстро и горячо обняла его обѣими руками, положила голову ему на грудь и нервно и истерически зарыдала...

— Клянусь тебѣ, — говорила она сквозь слезы: — я люблю тебя, какъ Бога! Клянусь тебѣ въ этомъ на святомъ крестѣ!..

И она, немного откинувшись отъ него, быстро достала изъ-за корсажа своего платья золотой крестъ съ распятіемъ и поцѣловала его.

— Если любишь, поцѣлуй и ты этотъ крестъ,—шептала она...

Юноша смотрѣлъ на нее безумными, восторженными глазами,—и вдругъ наклонился и поцѣловалъ этотъ крестъ, и ея руку, и ее самое...

— Я на все рѣшился!... Я на все согласенъ!... Я твой, твой навѣки!!. — прошепталъ наконецъ онъ, оторвавшись отъ поцѣлуевъ и глядя на нее глазами, въ которыхъ блистали и любовь, и счастіе, и полная безповоротная рѣшимость на все... А она, словно ласточка, щебетала ему:

— Сейчасъ вернутся изъ костела отецъ и мама; мы имъ разскажемъ все... Они будутъ, я знаю, такъ рады и довольны, что ты „нашъ“... А черезъ три дня — помни! — ты пріѣзжай верхомъ ровно въ одиннадцать часовъ ночи къ той святой капличкѣ (часовнѣ), которая, ты знаешь, стоитъ въ сосновомъ лѣсу, по дорогѣ къ Шадову... Я буду тамъ одна, верхомъ же, ждать тебя... Никто и ничто не помѣшаетъ нашему счастію... А оттуда мы прямо проѣдемъ съ тобою лѣсною дорогою на Стульпинскую греблю (гать)...

Я вѣдь всѣ тропинки знаю въ этихъ лѣсахъ — я здѣсь родилась и выросла... А тамъ ужь насъ будутъ ждать. Ахъ, да! я и забыла тебѣ сказать: ты приготовь себѣ чамарку, а этотъ мундиръ сбросишь...

Марлинъ смотрѣлъ на нее, слушалъ и ничего почти не понималъ отъ счастія; онъ помнилъ лишь одно: черезъ три дня, въ 11 часовъ ночи, онъ долженъ быть у знакомой каплички... Это онъ исполнитъ, хотя бы для этого нужно было умереть... Вѣдь онъ сейчасъ цѣловалъ крестъ, клялся... Правда, онъ еще такъ недавно, менѣе двухъ лѣтъ назадъ, цѣловалъ тоже крестъ—совсѣмъ иной, и произносилъ тоже клятву—совсѣмъ иную—тамъ, въ Петербургѣ, въ дорогой для его воспоминаній кадетской церкви.. Но вѣдь тогда онъ былъ почти мальчикъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста... А теперь! — теперь онъ женихъ, почти мужъ первой красавицы въ уѣздѣ, панны Розаліи С—ской...

— Да, ужъ рѣшено это!—подумалъ онъ:—такъ, видно, суждено мнѣ...

Въ это время на дворъ фольварка въѣхала и подкатила прямо къ крыльцу дома красивая нэйтычанка, въ которой сидѣли отецъ и мать панны С—ской. Дѣвушка быстро встала съ дивана и, какъ вихрь, понеслась черезъ всѣ комнаты въ переднюю, громко хлопая въ ладоши и также громко выкрикивая фразу, состоящую всего изъ трехъ словъ:

— Панъ Марлинъ нашъ! панъ Марлинъ нашъ!!.

Юноша глядѣлъ ей вслѣдъ счастливыми, влюбленными глазами и тихо вторилъ за нею:

— Да, я теперь твой, моя дорогая!...

Тихими, осторожными шагами, словно ощупью, подвигался среди ночной тишины небольшой русскій отрядъ по Шадовской дорогѣ. Это была та самая проселочная дорога,

ведущая къ святой капличкѣ, у которой, двѣ недѣли назадъ, панна Розалія назначила ночное свиданіе подпоручику Марлину.

Отрядъ былъ невеликъ: въ немъ было всего двѣ роты N—скаго пѣхотнаго полка, въ которомъ служилъ Марлинъ, и при нихъ сотня донскихъ казаковъ. Отрядомъ этимъ командовалъ майоръ Нордквистъ, баталіонный командиръ N—скаго полка, финнъ по національности, большой службистъ и человѣкъ строгій и исполнительный. Инструкція, данная ему предъ выступленіемъ отряда, заключалась въ очень немногомъ: ему было приказано разбить банду, которая, по полученнымъ секретнымъ свѣдѣніямъ, только что сформировалась. Затѣмъ, онъ имѣлъ второй приказъ, но уже „совершенно секретный“: взять въ этой бандѣ дезертировавшаго, три недѣли назадъ, изъ ихъ же полка, подпоручика Марлина, — взять его живого или мертваго.

Въ подобныхъ случаяхъ, т.-е., когда знали навѣрное, что въ такой-то бандѣ состоитъ перебѣжавшій нашъ же офицеръ, — практиковалась иногда въ русскихъ отрядахъ слѣдующая мѣра: по взаимному и, такъ сказать, безмолвному соглашенію между офицерами отряда, рѣшалось не брать несчастнаго въ плѣнъ живымъ... А чтобы достигнуть этого, показывалась унтеръ-офицерамъ отряда фотографическая карточка дезертира, находившаяся у кого-нибудь изъ его бывшихъ товарищей по полку. Это дѣлалось по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, мученія преступнаго офицера сокращались, такимъ образомъ, на нѣсколько недѣль, которыя требовались бы для военнаго суда и для утвержденія конфирмаціи смертной казни; а вѣдь извѣстно, что не казнь страшна, а приготовленія къ ней... А, во-вторыхъ, заграничныя, руссофобскія газеты лишались, такимъ образомъ, удобнаго случая заявить лишній разъ о „сочувствіи“ русскихъ офицеровъ дѣлу возстанія и о новой смертной казни. Вотъ поэтому-то и

судьба Марлина была рѣшена при самомъ выступленіи отряда.

Объ его исчезновеніи узнали, конечно, въ полку очень скоро; но куда именно онъ исчезъ, этого въ началѣ не зналъ никто. Узнали только, что онъ уѣхалъ куда-то вечеромъ, верхомъ, взявъ съ собой охотничье ружье и свою лягавую собаку... Рѣшили, что онъ, разсчитывая, вѣроятно, поохотиться въ какой-нибудь отдаленной мѣстности, отправился туда и затѣмъ, по дорогѣ гдѣ-нибудь, въ лѣсу, наскочилъ на повстанцевъ, которые его и ухлопали.

Дано было знать, конечно, полиціи, отправлены были во всѣ стороны казачьи разъѣзды для розысковъ, но все было напрасно: подпоручикъ Марлинъ какъ въ воду канулъ. Совершенно случайное происшествіе обнаружило, однако, что онъ живъ, и даже его мѣстопребываніе.

Такъ какъ въ уѣздномъ городѣ, гдѣ находился штабъ полка, сдѣлалось извѣстнымъ, что въ сосѣднихъ лѣсахъ начинаютъ уже бродить повстанцы, уѣздный военный начальникъ — онъ же и командиръ N — скаго полка — отправилъ по разнымъ направленіямъ нѣсколько мелкихъ казачьихъ разъѣздовъ для наблюденій. Одинъ изъ такихъ разъѣздовъ, проѣзжая Стульпинскимъ лѣсомъ, замѣтилъ издали, что какой-то ѣхавшій съ возомъ еврей, завидѣвъ казаковъ, быстро свернулъ въ бокъ, въ лѣсъ, въ самую чащу. Еврея этого тотчасъ же, конечно, нагнали и вывели его возъ обратно на дорогу.

На возу у него не было, впрочемъ, ничего подозрительнаго — бочка съ дегтемъ, и больше ничего. Еврей объяснилъ, что зовутъ его Ицкой Либерманомъ, что онъ „честный и бѣдный еврейчикъ“, возитъ по деревнямъ деготь на продажу и этимъ существуетъ и кормится.

— Зачѣмъ же ты, собачій сынъ, утекалъ отъ насъ въ лѣсъ?—спросилъ казачій урядникъ.

— А я дюже злякался (испугался), оттого и утекалъ.

— Чего же ты злякался, если ты честный еврей?—продолжали допрашивать его.

— А якъ же мнѣ не злякаться! Я бачу, ѣдуть москали, съ такими страшными — ховай Боже! — пиками... ну, и съ саблями, и съ фузеями... Ну, я и злякался.

— Однако, братцы, обыщите-ка этого жида, на всякій случай,—приказалъ урядникъ.

Еврей сильно встревожился и заволновался:

— Ну, и зачѣмъ меня обыскивать?.. Я не злодѣй якой. Я буду кричать „гвалтъ“...

— Кричи себѣ, сколько хочешь, мы тебѣ не мѣшаемъ,—замѣтили ему казаки.

И вотъ двое изъ нихъ, соскочивъ съ коней, принялись тормошить и обыскивать „пана Ицку“. Еврей топорщился, упирался, но его все-таки свалили на землю и обыскали. Ничего подозрительнаго не нашли. Отыскали лишь еврейское „богомолье“ да засаленный бумажникъ, въ которомъ было, однако, около трехсотъ рублей кредитными билетами. Урядникъ возвратилъ еврею все въ цѣлости, — и отрядъ хотѣлъ-было уже ѣхать дальше, напутствуемый ворчаньемъ и бранью Ицки, уже расхрабрившагося, какъ вдругъ казаки вспомнили, что не разували его и не осматривали его обувь.

— Однако, сядь на траву да разуйся; мы посмотримъ, нѣтъ ли чего въ твоихъ сапогахъ, — какой нибудь бумаги отъ поляковъ?—предложили казаки.

Еврей мгновенно поблѣднѣлъ, какъ смерть, и сразу сдѣлался меньше ростомъ, униженно согнувшись и сгорбившись... Онъ торопливо вынулъ изъ бумажника нѣсколько мелкихъ ассигнацій и сунулъ ихъ уряднику въ руку. Тотъ взялъ, поблагодарилъ Ицку, даже шапку приподнялъ съ головы въ знакъ благодарности.

— А все-таки разуйся, панъ Ицко!—приказалъ онъ.

Еврей отказался разуться наотрѣзъ, и казаки должны были и на этотъ разъ употребить насиліе. Ицку вновь

посадили на землю и, какъ онъ ни брыкался ногами, его разули-таки: сняли одинъ сапогъ, потомъ другой... Стали казаки трясти эти сапоги — изъ одного выпала пара офицерскихъ золотыхъ погоновъ съ нумеромъ той дивизіи, въ которой служилъ Марлинъ, а изъ другого сапога — нѣсколько писемъ...

— Ага, жидюга, это ты, значитъ, убилъ подпоручика!.. Вотъ и погоны, — проговорилъ урядникъ, взявъ въ руки погоны и разглядывая ихъ.

Еврей былъ блѣднѣе полотна и лишь дико озирался по сторонамъ, какъ бы выбирая мѣсто, куда можно бы было скрыться.

— Вяжите его! — приказалъ урядникъ, — это дѣло его рукъ: непремѣнно онъ убилъ.

— Я его не убивалъ... Зачѣмъ я буду его убивать, коли онъ живъ?—тихо проговорилъ Ицко.

— Заговаривай мнѣ зубы-то! Такъ я и повѣрилъ тебѣ!— отвѣчалъ урядникъ и распорядился свалить бочку съ телѣги на землю, а на возъ положить связаннаго по рукамъ и ногамъ Ицку.

Но когда казаки стали сваливать бочку на землю, она показалась имъ что-то легка... Оттолкнули втулку — съ одного конца потекъ дѣйствительно деготь; ударили пикой въ противоположное дно — оказалась пустота. Одинъ изъ казаковъ запустилъ въ сдѣланное пикою отверстіе руку и вытащилъ двухфунтовую жестянку съ прусскимъ порохомъ...

— Эге, жидъ! добрый у тебя деготь! — засмѣялись казаки, оглядывая со всѣхъ сторонъ вынутую жестянку.

— Это не моя бочка... Это не моя лошадь, — шепталъ совершенно убитый, помертвѣвшій отъ страха, еврей...

Его доставили, вмѣстѣ съ поличнымъ, въ уѣздный городъ, и тамъ „панъ Ицко“ вынужденъ былъ во всемъ признаться и разсказать всю подноготную. Оказалось, что онъ ѣхалъ прямо изъ банды, въ которой былъ Марлинъ;

что тамъ вмѣстѣ съ нимъ въ костюмѣ „хлопца“ находится и панна Розалія С—ская. Золотые офицерскіе погоны, погубившіе Ицку, онъ, по еврейской страсти покупать все, что попадается подъ руку, добылъ въ бандѣ же за два злота (30 коп.) отъ какого-то хлопа, который споролъ эти погоны съ брошеннаго Марлинымъ мундира. А въ числѣ найденныхъ писемъ оказалось одно отъ панны Розаліи къ ея родителямъ, на фольваркъ: она подробно описывала свое поэтическое житье въ лѣсу, вмѣстѣ съ „наржечёнымъ“ (женихомъ), т.-е. съ Марлинымъ, называя его „довудцей“— начальникомъ банды.

Такимъ-то, вотъ, случайнымъ образомъ и было открыто мѣстопребываніе безъ вѣсти пропавшаго подпоручика Марлина и той польской банды, въ которую онъ попалъ. Для поимки его и для уничтоженія банды и была, нарочно, послана командиромъ полка и та рота, въ которой Марлинъ былъ субалтернъ-офицеромъ.

— Онъ осрамилъ эту роту, и пусть она же и возьметъ его, живого или мертваго, это все равно, — сказалъ полковникъ майору Нордквисту, отправляя отрядъ.

Отрядъ этотъ выступилъ изъ города тотчасъ послѣ сумерекъ (чтобы никто не видѣлъ его отправленія) и долженъ былъ идти форсированнымъ маршемъ всю ночь, съ такимъ расчетомъ, чтобы подойти къ бандѣ предъ разсвѣтомъ; затѣмъ, предположено было дать людямъ маленькій отдыхъ, и на разсвѣтѣ, когда можно будетъ уже хорошо оглядѣться въ лѣсу, напасть на банду врасплохъ и уничтожить ее. Въ проводники отряду данъ былъ „панъ Ицко“, знакомый, по его словамъ, со всѣми тропинками въ лѣсу. Ицкѣ было объявлено, что если онъ проведетъ нашъ отрядъ незамѣтнымъ образомъ, лѣсными тропами, прямо къ бандѣ, то наказаніе за его вину будетъ значительно смягчено; а если онъ вздумаетъ „утечь“, его тотчасъ же приколятъ. Такимъ образомъ, Ицко изъ комисіонера банды превратился въ ея предателя.

Лица солдатъ и офицеровъ были сосредоточенныя и серьезныя, въ виду предстоящаго „дѣла"; бѣдный Ицко, шедшій во главѣ отряда со связанными назади руками, трясся, какъ въ лихорадкѣ... Такъ шли лѣсомъ всю ночь. Холодно было и сыро въ лѣсу, несмотря на то, что на дворѣ уже былъ май; да и жутко было: лѣсъ старинный, вѣковой, то и дѣло попадались корабельныя деревья, въ нѣсколько обхватовъ толщины. Много видали на своемъ вѣку эти сосны и ели!.. и вотъ теперь имъ вновь пришлось увидать новое человѣческое безуміе—возстаніе.

Наконецъ, надъ головами людей, кое-гдѣ между соснами, стало немножко бѣлѣть небо... Востока не было видно въ лѣсной чащѣ; но было ясно, что до разсвѣта уже недалеко...

— Скоро ли дойдемъ? — спросилъ Ицку майоръ, подойдя къ нему.

— Зàразъ, панъ полковникъ, зàразъ (скоро), — отвѣчалъ Ицко.

— Близко уже?

— Зàразъ, зàразъ...

Прошли еще минутъ пятнадцать. Клочки неба надъ головами совсѣмъ уже побѣлѣли... Но вотъ Ицко остановился, осмотрѣлся внимательно кругомъ и сталъ оглядывать деревья, бормоча что-то по-еврейски себѣ пòдъ носъ и какъ будто соображая и припоминая... Потомъ онъ поводилъ носомъ вокругъ, словно обнюхивая эту мѣстность...

— Здѣсь!—тихо проговорилъ онъ:—Вотъ тутъ зàразъ будетъ криница (ключъ), откуда они берутъ воду, а за ней, морговъ (десятинъ) за пять, будетъ поляна... На этой самой полянѣ стоятъ повозки и брички, и нэйтычанки, и будовàные шалаши; а въ этихъ самыхъ повозкахъ и въ бричкахъ, и въ нэйтычанкахъ, и въ будовàныхъ шалашахъ спятъ паны... и хлòпы при нихъ есть...

— А можно зайти имъ въ тылъ?—спросилъ майоръ:— тутъ нѣтъ съ боковъ болота?

— Чему не можно—можно: болота нѣтъ.

Въ это время въ лѣсу, не болѣе какъ въ полуверстномъ, повидимому, разстояніи отъ отряда, заржала лошадь; ей тотчасъ же отозвалась другая, и затѣмъ все вновь стихло и умолкло.

Майоръ подозвалъ одного изъ офицеровъ и отдалъ ему слѣдующее приказаніе: взять съ собой шесть барабанщиковъ, одного унтеръ-офицера и двадцать человѣкъ рядовыхъ и зайти стороною, въ тылъ расположенія банды; затѣмъ, какъ только это обходное движеніе будетъ выполнено, то разставить барабанщиковъ въ линію, длиною, примѣрно, въ 200 шаговъ, и бить „атаку", при пальбѣ и крикахъ „ура"; потомъ, медленно, шагъ за шагомъ, подаваться впередъ, скучиваясь на случай нападенія. Въ проводники этому маленькому отряду былъ данъ тотъ же злосчастный Ицко.

Какъ только этотъ отрядъ отдѣлился и ушелъ, майоръ вызвалъ нѣсколько человѣкъ „охотниковъ" и отправилъ ихъ впередъ, для осмотра мѣста расположенія банды, приказавъ имъ тотчасъ же возвращаться назадъ, какъ только они сдѣлаютъ свое дѣло. Отряду тѣмъ временемъ позволено было стоять „вольно" и „поправиться", а кто сильно усталъ, тотъ могъ присѣсть и отдохнуть немного. Ни говорить громко, ни курить, конечно, не было позволено.

Минутъ черезъ двадцать воротился „секретъ", сообщивъ все, что̀ имъ было замѣчено, и прибавивъ, что весь польскій отрядъ, не исключая и караульныхъ, спитъ мертвымъ сномъ. Майоръ тотчасъ же собралъ всѣхъ офицеровъ отряда, которыхъ было, съ двумя казачьими, восемь человѣкъ, и тихо передалъ имъ о расположеніи банды и описаніе мѣстности.

— Ну, что, люди не очень устали? — спросилъ онъ у ротныхъ командировъ.

— Отдохнули уже,—отвѣчали тѣ.

— Такъ поднимайте ихъ и стройте потихоньку. Совсѣмъ уже разсвѣло вѣдь.

Едва успѣлъ отрядъ, послѣ этого необходимаго отдыха, выстроиться кое-какъ въ свободныхъ пространствахъ между деревьями, какъ вдругъ по лѣсу загрохотали барабаны, послышалась ружейная пальба и громкое „ура“... Это—обходный отрядъ началъ свое дѣло.

Отрядъ майора Нордквиста, взявъ тотчасъ же ружья „на-перевѣсъ“, двинулся впередъ бѣглымъ шагомъ, но молча, тихо, точно всѣ бѣжали по землѣ разутыми ногами...

Въ то же время, тамъ, впереди, на полянѣ, происходило нѣчто хаотическое и ужасное: повстанцы, раздѣтые, вскакивали со сна, какъ безумные, метались безтолково по лагерю, отыскивая своихъ лошадей и оружіе, наталкивались другъ на друга, посылая взаимныя проклятія... Этотъ людской крикъ и шумъ сливался съ ржаніемъ коней и воемъ охотничьихъ собакъ, которыхъ въ лагерѣ у повстанцевъ было множество... Наконецъ, вся эта масса людей, еще не опомнившихся хорошенько отъ сна и охваченная паническимъ страхомъ, шарахнулась, какъ испуганное стадо, въ лѣсъ, въ сторону, противоположную отъ приближающагося къ ней треска барабановъ, пальбы и криковъ „ура“... Но едва только повстанцы выскочили на поляну, какъ передъ ними, словно изъ земли, выросъ стройный и грозный отрядъ майора Нордквиста, далъ залпъ и съ оглушительнымъ „ура“ кинулся на нихъ въ штыки, смялъ и охватилъ кругомъ.

Черезъ какіе нибудь полчаса все было уже кончено... Часть повстанцевъ была убита и переранена, большая часть взята въ плѣнъ и перевязана, и только пятая, можетъ быть, часть всей банды успѣла скрыться—кто верхомъ на неосѣдланной лошади, а кто, просто забившись въ овраги, въ лѣсную чащу и трущобы...

Подпоручикъ Марлинъ, котораго видѣли въ самомъ

началѣ боя впереди отряда, былъ найденъ въ числѣ убитыхъ: пуля, попавъ ему въ грудь, съ боку, пробила сердце и легкія навылетъ. Смерть его, повидимому, послѣдовала мгновенно. Въ боковомъ карманѣ надѣтой на немъ чамарки была найдена фотографическая карточка красавицы-панны Розаліи С—кой. Ея самой не оказалось ни между убитыми, ни между забранными „въ плѣнъ“: должно быть, спаслась-таки какъ нибудь...

II.

Старообрядецъ Червонецъ.

Мирно и тихо шла жизнь въ заѣзжемъ домѣ старообрядца, по фамиліи Червонца, въ мѣстечкѣ Роговѣ, Вилкомирскаго уѣзда, Ковенской губерніи [1]). Заѣзжій домъ этотъ—или корчма, какъ его называли, рѣзко выдѣлялся изъ таковыхъ же, принадлежащихъ и содержимыхъ евреями: у Червонца, на чистой половинѣ, „для пановъ“, было дѣйствительно, чисто и опрятно: большая комната была выбѣлена, въ углу висѣли образа, на стѣнахъ были прибиты различныя дешевыя гравюры и картины, въ комнатѣ стояли стулья и плетеные диванчики, бѣлые липовые столы были покрыты скатертями и клеенками. Водка у Червонца была крѣпкая, хорошая, не разбавленная водою. Паны, чиновники и офицеры, проѣзжая чрезъ мѣстечко и останавливаясь въ немъ для кормежки лошадей или для ночлега, гораздо охотнѣе завертывали къ Червонцу, чѣмъ въ другую корчму, находившуюся vis-à-vis и принадлежавшую еврею Беркѣ Запаснику, гдѣ была и грязь, и еврейская вонь, а главное, гдѣ водка была разбавлена водою, а чтобы это было не особенно замѣтно, еврей клалъ въ

[1]) Фамилія Червонецъ и названіе мѣстечка—подлинныя.

нее для настоя стручковый перецъ и даже табачные листы, такъ что, когда, бывало, проѣзжій крестьянинъ литвинъ выпивалъ стаканъ такой водки, то у него захватывало дыханіе въ горлѣ, темнѣло въ глазахъ и дурѣла голова... Только евреи и ихъ балагулы [1]) заѣзжали непремѣнно къ Беркѣ; но отъ нихъ не велика была корысть, такъ какъ пассажиры балагулъ были, по большей части, народъ очень не богатый—евреи, писаря, мелкая шляхта, прислуга и пр.; все же мало-мальски пановитое обходило Берку и направлялось въ заѣзжій домъ Червонца.

Такъ шло дѣло нѣсколько лѣтъ. И вотъ наступилъ роковой 1863 годъ, когда, по мѣткому и вѣрному выраженію бѣлорусскихъ крестьянъ, ихъ „паны сдурѣли"... Начались волненія и огнеустныя проповѣди сначала въ костелахъ, а затѣмъ отъ словъ поляки перешли къ дѣлу, и въ лѣсахъ стали появляться банды, мелкія и крупныя.

Русскія власти, захваченныя мятежомъ врасплохъ, сначала бездѣйствовали, или же дѣйствовали очень безтолково, и это самое лишь подбодряло поляковъ, поощряя ихъ къ безнаказаннымъ уходамъ въ лѣса... Потомъ, когда первое впечатлѣніе неожиданности прошло, а власти немного опомнились, и къ нимъ на помощь стали прибывать изъ внутреннихъ губерній войска, тогда и польскимъ бандамъ въ лѣсу пришлось плохо: ихъ стали, одна за другою, разбивать и преслѣдовать.

Неподалеку отъ м. Рогова, въ старинныхъ лѣсахъ, которые шли въ тѣ времена вплоть до прусской границы, была въ маѣ 1863 года разбита одна изъ польскихъ бандъ. Русскій отрядъ, схватившійся съ этою бандою, не имѣлъ при себѣ ни регулярной кавалеріи, ни казаковъ, а потому

[1]) Балагула—это громадная, длинная, крытая телѣга, запряженная тройкою или парою лошадей, съ хозяиномъ евреемъ на козлахъ. Экипажи эти путешествуютъ отъ одного города до другого, взадъ и впередъ, въ районахъ, гдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, и перевозятъ преимущественно бѣдный людъ, не могущій ѣздить въ почтовыхъ экипажахъ.

дальнѣйшее преслѣдованіе разбитыхъ повстанцевъ оказалось невозможнымъ, и они, разсыпавшись и попрятавшись по лѣсу, на половину спаслись и, затѣмъ, соединившись съ остатками другой также разбитой банды, сформировались вновь, и стали вновь бродить въ лѣсахъ, расположенныхъ по близости м. Рогова.

Вотъ тогда-то и вздумалъ Берко избавиться отъ своего конкуррента.

Однажды, въ темную и дождливую ночь, къ Беркѣ въ корчму, со стороны огородовъ и лѣса, пришло нѣсколько человѣкъ продрогшихъ и голодныхъ повстанцевъ, которыхъ привелъ одинъ молодой панъ, проживавшій неподалеку, у котораго Берко ранѣе былъ факторомъ (комиссіонеромъ) по продажѣ ржи и льна. Они пришли съ тѣмъ, чтобы получить въ корчмѣ сколько можно хлѣба, водки и провизіи для себя и для тѣхъ повстанцевъ, которые теперь, послѣ разбитія банды и потери запасовъ, совсѣмъ голодали въ лѣсу. Берко тихо впустилъ ночныхъ гостей въ стадолу, находящуюся на заднемъ дворѣ корчмы, просилъ обождать, а самъ побѣжалъ къ женѣ—совѣтоваться, что выгоднѣе: объявить ли потихоньку проживавшему въ мѣстечкѣ становому приставу, что у него въ стадолѣ сидятъ пять человѣкъ повстанцевъ, или же не объявлять и извлечь изъ этого посѣщенія какія-нибудь другія выгоды?..

Такъ какъ русскія власти могли въ концѣ концовъ или совсѣмъ ничего не заплатить Беркѣ за его доносъ, или же заплатить обычные по 3 рубля за человѣка, выдаваемые за поимку каждаго бѣглаго солдата и арестанта, то рѣшено было не выдавать повстанцевъ, а лишь побольше взять съ нихъ за водку, хлѣбъ, мясо, бублики и прочую снѣдь, оказавшуюся на лицо въ кладовой корчмы. Въ то же время Берко рѣшилъ воспользоваться обстоятельствами и оборудовать еще одно дѣло...

Тихо, незамѣтно и неслышно прокрались въ стадолу Берко и его жена съ мѣшками, наполненными разною провизіей, и затѣмъ, когда повстанцы укладывали все это и собирались уже въ обратный путь, въ лѣсъ, еврей началъ издалека выражать свое сожалѣніе, что панская банда потерпѣла такую неудачу...

— И никогда бы москали не нашли пановъ, коли-бъ не этый подлый быдло—проводникъ ихъ...

— Какой проводникъ? — живо спросилъ одинъ изъ пановъ.

— А развѣ панъ не знаетъ — какой?! Все мѣстечко знаетъ, а панъ не знаетъ...

— Да говорятъ же тебѣ, что не знаемъ! Мы только были удивлены, какъ тихо и незамѣтно подкрались москали — нэхъ ихъ дьябли везьмутъ! — но не знаемъ, кто провелъ ихъ...

— А кто жъ ихъ провелъ, какъ не „кацапъ“ [1]) нашъ, Червонецъ... Онъ добре заробилъ, пане: панъ полковникъ заплатилъ ему сто карбованцевъ.

— Эге! такъ вотъ оно что!.. такъ вотъ кто провелъ по лѣсу москалей!.. — восклицали, скрежеща зубами, повстанцы: — за сто карбаваньцевъ, пся крэвъ! Добре же! постараемся, чтобы и отъ насъ онъ заробилъ...

Они безусловно повѣрили оговору еврея, такъ какъ оговоръ этотъ былъ очень и очень вѣроятенъ. Во-первыхъ, „кацапы“ были съ самаго начала возстанія очень ревностными помощниками и союзниками русскихъ людей и войскъ. Крестьяне — особливо, напримѣръ, въ царствѣ Польскомъ — первое время, какъ бы еще колебались, къ кому пристать, выжидая, чья возьметъ. Старообрядцы же, первые, не ожидая иногда даже и войскъ (какъ, напримѣръ, въ Динабургскомъ уѣздѣ, въ дѣлѣ съ бандой графа

[1]) «Кацапами» называютъ въ Гродненской и Ковенской губерніи русскихъ старообрядцевъ и крестьянъ-чернорабочихъ, являющихся изъ внутреннихъ, великорусскихъ губерній.

Плятера), нападали на повстанцевъ; а затѣмъ, когда собрались, наконецъ, въ краѣ въ достаточномъ числѣ войска, эти же самые старообрядцы явились усердными проводниками для нашихъ войскъ по лѣсамъ Литвы и Бѣлоруссіи, такъ что сообщеніе Берки было очень правдоподобно. Во-вторыхъ, паны повѣрили еврею очень скоро и охотно еще и потому, что дѣйствительно подозрѣвали кого-либо изъ мѣстныхъ жителей въ указаніи русскому отряду лѣсныхъ дорогъ и тропъ, среди которыхъ могъ оріентироваться только лишь человѣкъ, хорошо и давно знакомый съ мѣстными лѣсами.

Въ дѣйствительности же, старообрядецъ Червонецъ былъ не при чемъ: русскій отрядъ провелъ по лѣсу одинъ солдатикъ, недавно поступившій въ службу изъ этой же мѣстности.

Спустя нѣкоторое время, посѣтители корчмы Берки тихо подъ покровомъ ночи и дождя вышли изъ стадолы, дошли до лѣсу и скрылись въ его чащѣ.

Спустя всего нѣсколько дней, ночью же, нѣсколько конныхъ повстанцевъ тихо, крадучись, подъѣхали къ корчмѣ старообрядца Червонца и осторожно постучались въ окно. Оно тотчасъ же отворилось, высунулась голова работника, и одинъ изъ подъѣхавшихъ людей попросилъ его разбудить и вызвать на улицу самого хозяина по очень важному дѣлу. Червонецъ спалъ на дворѣ, на сѣновалѣ. Работникъ разбудилъ его и послалъ на улицу, а самъ преспокойно вошелъ въ корчму и завалился опять спать. Червонецъ, ничего не подозрѣвавшій, какъ былъ раздѣтъ — босой, въ однихъ лишь порткахъ и рубахѣ, — такъ и вышелъ на улицу.

— Кто тамъ и что нужно? — спросилъ онъ, выйдя за ворота.

— Мы казаки, — отвѣчали ему: — покажи, пожалуйста, дорогу на Вилкомиръ.

Такъ какъ всадники стояли уже въ это время отъ воротъ корчмы шагахъ въ пятидесяти, то Червонецъ, не понявъ, должно быть, сразу, какую дорогу имъ нужно, подошелъ къ нимъ вблизь и готовился разспросить ихъ какъ слѣдуетъ... Но едва только онъ отошелъ отъ своего дома, какъ нѣсколько человѣкъ, пѣшихъ уже, мгновенно бросились на него, закутали ему голову шубой, свалили на земь, связали по рукамъ и ногамъ, быстро подняли съ земли, положили поперекъ сѣдла, привязали и повезли съ собою въ лѣсъ... Все это заняло собою не болѣе двухъ-трехъ минутъ. Несчастный едва лишь успѣлъ въ началѣ крикнуть... но этотъ крикъ услыхалъ одинъ лишь его работникъ, еще не успѣвшій уснуть; онъ вышелъ на улицу, сталъ громко звать хозяина и, догадавшись, что дѣло не ладно, поднялъ всполохъ...

Рано утромъ становой поспѣшилъ дать знать по начальству объ исчезновеніи, „неизвѣстно куда", владѣльца заѣзжаго дома въ м. Роговѣ, старообрядца Червонца, и его стали разыскивать...

Совсѣмъ уже на разсвѣтѣ, черезъ два или три часа мучительной дороги по лѣсу, со связанными руками и ногами, на спинѣ лошади, въ согнутомъ положеніи, несчастный человѣкъ былъ доставленъ въ лѣсной оврагъ, расположенный въ самой глубинѣ лѣса, гдѣ въ это время уже подымалась со сна банда польскихъ повстанцевъ. Плѣнника сняли съ лошади и поставили на ноги, развязавъ ихъ; руки же его были попрежнему скручены назадъ и крѣпко связаны веревкою.

Червонца обступили со всѣхъ сторонъ, подвергли его всевозможнымъ оскорбленіямъ и оплеванію, и на его же глазахъ стали приготовлять на деревѣ петлю...

— Куда же ты дѣвалъ тѣ сто карбованьцевъ, которые получилъ за кровь нашу? — спросилъ его довудца отряда.

Несчастный ничего, конечно, не понималъ...

— Какіе сто рублей?! Богъ съ вами!..—тихо отвѣчалъ онъ.

— Не мѣшай пана Бога въ свое проклятое дѣло! — прикрикнули на Червонца:—мы все знаемъ: и за сколько ты нанялся у москалей, и какъ ты ихъ провелъ по этому лѣсу къ нашему отряду, и какъ помогалъ имъ...

Червонецъ тутъ только понялъ, въ чемъ его подозрѣваютъ и обвиняютъ, и затрясся всѣмъ тѣломъ...

— Спросите, у кого хотите, я не виноватъ! — молилъ онъ. — Когда на васъ напали, я былъ на кирмашѣ въ Яновѣ... Вотъ вамъ Христосъ—свидѣтель!

Но ударъ по головѣ чѣмъ-то тяжелымъ заставилъ его замолчать... по лицу несчастнаго заструилась кровь...

— Ты велъ отрядъ ночью, то, значитъ, хорошо видишь,—заговорилъ ироническимъ тономъ начальникъ: — а чтобы ты видѣлъ еще лучше, мы тебѣ вставимъ окуляры (очки)... А такъ какъ ты скоро ходишь, поспѣлъ даже за казаками отряда, то чтобы не стопталъ обуви, мы тебѣ подобьемъ подошвы... Пусть всѣ узнаютъ, что и мы тебѣ тоже заплатили, сколько могли...

Довудца сдѣлалъ знакъ, и нѣсколько человѣкъ бросились на несчастнаго: его повалили на землю, и одинъ изъ повстанцевъ выкололъ ему вилкою глаза. Затѣмъ другіе, схвативъ его босыя ноги, принялись вбивать ему въ подошвы короткіе гвозди съ большими круглыми шляпками...

Когда эта звѣрская казнь была закончена, Червонца связали, положили вновь поперекъ сѣдла и вывезли изъ лѣса на большую дорогу, гдѣ, снявъ съ лошади, и оставили на произволъ судьбы... Несчастный былъ найденъ въ тотъ же день проѣзжими крестьянами, еле живой, обсыпанный и искусанный комарами и лѣсными мухами. Онъ былъ доставленъ въ мѣстечко Рогово, гдѣ, спустя нѣсколько дней, и скончался—собственно отъ потери крови, вытекшей изъ глазъ и ногъ.

Мѣсяцъ спустя, когда эта банда была вновь и оконча-

тельно уже разбита, то плѣнные на допросахъ показали, что на старообрядца Червонца, какъ на проводника русскаго отряда, имъ указалъ содержатель корчмы, еврей Берко Запасникъ.

III.

Разстрѣляніе.

Лѣтомъ 1863 года, когда мятежъ былъ въ самомъ разгарѣ, застрѣленъ былъ становой приставъ Минской губерніи Борисовскаго уѣзда, по фамиліи Ляцкій. Этого пристава сильно недолюбливали поляки, и главнымъ образомъ вотъ почему. До возстанія Ляцкій былъ католикомъ, и ему, какъ только начались смуты, предстоялъ или переводъ во внутреннія губерніи Россіи, или же совершенное увольненіе отъ службы. И вотъ Ляцкій явился къ борисовскому уѣздному военному начальнику, полковнику Домбровскому [1]), и просилъ оставить его на прежнемъ мѣстѣ и должности, заявивъ при этомъ, что принимаетъ православіе.

— Католицизмъ меня не поитъ и не кормитъ, г. полковникъ; а Богъ одинъ, какъ у насъ, католиковъ, такъ и у православныхъ. Я буду служить такъ же вѣрно и честно, какъ служилъ и до этого. Переводиться же внутрь Россіи я не желаю, потому что я незнакомъ ни съ русскимъ бытомъ, ни съ характеромъ тамошняго народа. А здѣсь я родился и служу, и здѣсь же позвольте мнѣ и продолжать служить.

И Ляцкій дѣйствительно принялъ православіе и былъ оставленъ на своемъ мѣстѣ попрежнему; а его слова, обращенныя къ полковнику Домбровскому, стали скоро из-

[1]) О полковникѣ Р. Э. Домбровскомъ мнѣ довелось уже однажды говорить въ моихъ «Воспоминаніяхъ о службѣ въ Бѣлоруссіи» («Историческій Вѣстникъ» мартъ, 1884 года). И. З.

вѣстны всему уѣзду и возбудили въ полякахъ глубокое негодованіе. Ненависть къ Ляцкому среди мѣстнаго католическаго населенія усилилась еще и потому, что онъ, подобно многимъ ренегатамъ, сталъ отличаться особенною суровостью къ полякамъ: не разъ дѣлалъ по собственной инціативѣ внезапные обыски на панскихъ фольваркахъ, при чемъ достаточно было иногда самомалѣйшаго повода, въ родѣ, напримѣръ, нахожденія старой сабли или никуда негоднаго пистолета [1]), чтобы послѣдовалъ арестъ и отправленіе въ Борисовскій острогъ.

Здѣсь я сдѣлаю маленькій перерывъ въ своемъ разсказѣ, чтобы сообщить, что въ это тяжелое время случалось иногда, что паны отправлялись въ тюрьму по поводу скорѣе комическому, чѣмъ серьезному. Въ подтвержденіе моихъ словъ, я приведу здѣсь слѣдующій фактъ, происшедшій въ Могилевской губерніи. Крестьяне пана П—ка, съ которымъ они за что-то враждовали, донесли становому, что ихъ панъ печетъ сухари для повстанцевъ. Становой съ своими сотскими налетѣлъ на фольварокъ ночью, перепугалъ семью П—ка, сдѣлалъ въ кладовыхъ, амбарахъ и въ домѣ самый тщательный обыскъ, и, найдя дѣйствительно ящикъ съ нѣсколькими фунтами пшеничныхъ, посыпанныхъ корицею сухарей, подаваемыхъ обыкновенно въ каждомъ небогатомъ польскомъ домѣ къ чаю, арестовалъ П—ка и въ ту же ночь, не давъ ему опомниться, отправилъ при бумагѣ въ Могилевъ, а тамъ упрятали его въ острогъ...

Полгода спустя, дошла наконецъ очередь и до пана П—ка. Слѣдственная военно-судная комиссія вызвала къ

[1]) Все оружіе въ краѣ было у католиковъ отобрано, и на право имѣть ружье нужны были особая благонадежность и особое разрѣшеніе губернатора. Благодаря этому распоряженію, особенно благопріятному для волковъ, эти звѣри такъ расплодились въ то время, что бѣгали совершенно открыто, среди бѣлаго дня, по лѣсамъ и полямъ, на виду у людей безъ всякой уже опаски.

допросу донесшихъ на него крестьянъ, поименованныхъ въ бумагѣ станового, и стала ихъ допрашивать.

— Пекъ и заготовлялъ вашъ панъ сухари?

— А якъ же? пекъ,—отвѣчали бѣлоруссы.

— Сухари эти были, конечно, изъ ржаной муки; такіе, какъ заготовляютъ для солдатъ?

— Бронь Боже! николи ёнъ черныхъ сухарей ѣсть не станетъ. Пекъ ихъ изъ бѣлой, пшеничной муки... Смачные сухари!

— Ну, и отправлялъ ихъ въ лѣсъ, въ банду, для повстанцевъ?—спрашиваетъ, подсказывая, военный слѣдователь.

— Эге! чи такій это панъ, кабъ далъ кому отвѣдать! Ни въ жизнь не дастъ!.. Ёнъ дюже скупый панъ.

— Такъ для кого же онъ заготовлялъ эти сухари?—спросилъ, наконецъ, недоумѣвающій слѣдователь.

— Самъ ѣу (ѣлъ)!—отвѣтили крестьяне...

Эффектъ этого отвѣта былъ чрезвычайный: хохоталъ и слѣдователь, и предсѣдатель слѣдственной и военно-судной комиссіи, и мужички... Не смѣялся одинъ только злосчастный панъ П—къ, отсидѣвшій ни за что, ни про что полгода въ острогѣ. Передъ нимъ, конечно, извинились и тотчасъ же освободили.

— A la guerre, comme à la guerre,—оправдывались потомъ чиновники. Случай этотъ могъ бы быть смѣшнымъ анекдотомъ, если бы не былъ фактомъ.

Теперь продолжаю прерванный разсказъ.

Злоба на Ляцкаго накоплялась все болѣе и болѣе, чему способствовала главнымъ образомъ масса совсѣмъ ненужныхъ жестокостей, обнаруженныхъ имъ относительно поляковъ. И наконецъ его убили...

Убитъ онъ былъ среди бѣла дня. Онъ выѣхалъ изъ мѣстечка Логойска въ м. Гайну, въ открытой нэйтычанкѣ, на тройкѣ лошадей, съ колокольчикомъ, и отъѣхалъ отъ Логойска не болѣе двухъ—трехъ верстъ, какъ вдругъ въ

лѣсу, изъ-за кустовъ, съ обѣихъ сторонъ дороги грянули два выстрѣла, ранившіе одну изъ лошадей и самого Ляцкаго въ плечо и въ бокъ.

Онъ, раненый уже, громко крикнулъ кучеру: „пошелъ!“ — а въ это время раздались еще два выстрѣла, и Ляцкій упалъ въ нэйтычанкѣ навзничь, съ него свалилась фуражка, а кучеръ ударилъ по лошадямъ и помчался... Было ясно, что стрѣляло двое, у которыхъ были двустволки въ рукахъ. Когда кучеръ доскакалъ до ближайшей корчмы и остановился, то Ляцкій былъ уже мертвъ; въ него попало нѣсколько картечей, которыми были заряжены ружья убійцъ.

Началось, конечно, слѣдствіе, розыски... но виновные какъ въ воду канули. Власти, впрочемъ, подозрѣвали, кто стрѣлялъ: были сильныя улики противъ двухъ молодыхъ людей, родныхъ братьевъ жены Ляцкаго, которые не разъ высказывались въ польскомъ обществѣ въ томъ смыслѣ, что имъ-де просто совѣстно за своего швагра за то, что онъ сталъ схизматикомъ, и за его поступки противъ поляковъ... Главнымъ же образомъ, молодыхъ людей заподозрѣли потому, во-первыхъ, что ихъ видѣлъ пастухъ въ день убійства въ томъ самомъ лѣсу, хотя они и были безъ ружей; а, во-вторыхъ, они исчезли съ своего фольварка въ тотъ же день, неизвѣстно куда...

Подозрѣнія русскихъ властей оправдались очень скоро. Въ Игуменскомъ уѣздѣ была разбита значительная польская банда, находившаяся подъ начальствомъ бывшаго нашего офицера генеральнаго штаба, поляка же (псевдонимъ Козелъ). Въ этой бандѣ въ числѣ смертельно раненыхъ былъ взятъ и одинъ изъ молодыхъ людей, подозрѣвавшихся въ убійствѣ Ляцкаго. Перевезенный въ уѣздную больницу, онъ передъ смертью признался въ этомъ убійствѣ — и ксендзу, напутствовавшему его, и больничному начальству, и убѣдительно просилъ передать его раскаяніе сестрѣ, вдовѣ Ляцкаго, и испросить ея прощеніе... Онъ

оказался старшимъ братомъ. Младшаго же, бывшаго, по показанію плѣнныхъ, въ той же бандѣ и заподозрѣннаго тоже въ убійствѣ Ляцкаго, не удалось захватить: онъ послѣ происшедшей стычки успѣлъ скрыться, и самые тщательные розыски не привели ни къ чему. Наконецъ, военныя и слѣдственныя власти прибѣгли къ крайней мѣрѣ, употреблявшейся въ подобныхъ случаяхъ: была объявлена награда въ 300 рублей тому, кто укажетъ мѣстонахожденіе скрывшагося преступника. Но и эта мѣра въ теченіе болѣе восьми мѣсяцевъ не привела ни къ чему.

Лѣтомъ 1864 года, когда военно-судныя комиссіи, судившія по полевымъ военнымъ законамъ, были уже на половину закрыты, къ полковнику Домбровскому, въ городъ Борисовъ, явился пахторъ [1]) еврей, проживавшій на одномъ изъ мелкихъ фольварковъ, по сосѣдству съ Логойскомъ, и объявилъ ему, съ глазу на глазъ, въ его кабинетѣ, что ему, пахтору, извѣстно мѣстопребываніе второго убійцы станового Ляцкаго, что онъ, повидимому, скрывается въ имѣніи графа Тышкевича, вблизи м. Логойска же, въ звѣринцѣ графа; что мѣстопребываніе преступника извѣстно лишь его родному дядѣ, смотрителю этого звѣринца, шляхтичу, пріютившему бѣглеца втайнѣ отъ самого графа и безъ его вѣдома и согласія, а что онъ, доносчикъ, узналъ объ этомъ лишь потому, что смотритель - хорошій и давній его знакомый—попросилъ его достать для кого-то полный крестьянскій костюмъ, далъ ему деньги на эту покупку и пообѣщалъ подарить еще 25 рублей, если онъ поможетъ как-нибудь „нѣкоему человѣку“ укрыться на одной изъ „берлинъ“ (рѣчныя суда),

[1]) Пахторъ — это арендаторъ молочныхъ скоповъ въ имѣніи. Такими арендаторами, во всемъ Западномъ краѣ, состоятъ преимущественно евреи.

отходящихъ изъ Борисова обратно—по Березинѣ, каналу, по Двинѣ—въ Ригу и за-границу... По его, еврея, соображеніямъ, этотъ „человѣкъ“ и есть ни кто иной, какъ тотъ панычъ, котораго разыскиваютъ по дѣлу убійства Ляцкаго.

Получивъ такое важное донесеніе, полковникъ Домбровскій, задержавъ еврея, послалъ тотчасъ же секретное предписаніе участковому военному начальнику, майору Свирскому, находившемуся въ томъ же Логойскѣ: ему приказывалось немедленно оцѣпить солдатами звѣринецъ графа Тышкевича, произвести въ немъ тщательный обыскъ и арестовать одного важнаго политическаго преступника, убійцу, тамъ скрывающагося (слѣдовали примѣты разыскиваемаго).

Майоръ Свирскій, тотчасъ же по полученіи такого экстреннаго и „совершенно секретнаго“ приказа, потребовалъ людей изъ 2-ой роты Малоярославскаго пѣхотнаго полка, расположенной въ Логойскѣ, и окружилъ звѣринецъ графа Тышкевича со всѣхъ сторонъ... Бросились, конечно, прежде всего къ пустымъ клѣткамъ,—и въ одной изъ нихъ, въ ворохѣ соломы, нашли несчастнаго молодого человѣка, очень ослабѣвшаго, вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія движенія.

О поимкѣ преступника дано было знать въ Минскъ, губернатору, генералъ-майору Шелгунову, тотъ снесся съ Вильной, гдѣ еще держался М. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи графъ), и молодого человѣка велѣно было судить по законамъ военнаго времени—въ виду серьезности его вины, а также потому, что весь тотъ край находился еще „на военномъ положеніи“.

Недолго тянулся судъ, — и несчастный юноша (ему не было и 20-ти лѣтъ) былъ приговоренъ къ смертной казни черезъ разстрѣляніе, которое губернаторъ Шелгуновъ приказалъ привести въ исполненіе въ мѣстечкѣ Логойскѣ, то-есть тамъ, откуда въ двухъ верстахъ, въ лѣсу, было совершено и самое убійство Ляцкаго.

Изъ Борисовскаго тюремнаго замка преступникъ былъ отправленъ ночью, въ почтовой телѣжкѣ, окруженный конвоемъ казаковъ. Къ разсвѣту этотъ печальный кортежъ прибылъ въ м. Логойскъ и остановился на заранѣе приготовленной квартирѣ. Въ тотъ же день прибылъ въ Логойскъ и уѣздный военный начальникъ, полковникъ Домбровскій, пожелавшій исполнить приговоръ суда въ своемъ присутствіи. Весь этотъ день — наканунѣ казни — казаки, по распоряженію Домбровскаго, объѣзжали всѣ близъ лежащіе „застѣнки", „околицы" (поселки) и хутора, приказывая, чтобы утромъ, къ семи часамъ, всѣ собирались въ Логойскъ, для присутствованія при исполненіи приговора суда надъ убійцею становаго Ляцкаго.

Преступникъ былъ помѣщенъ въ небольшомъ еврейскомъ домикѣ-особнякѣ, находящемся на краю мѣстечка. Всѣ обитатели дома были изъ него на это время удалены, а самый домъ охранялся густою цѣпью пѣшей стражи изъ солдатъ Малоярославскаго полка и донскими казаками. Власти, очевидно, боялись возможности нечаяннаго нападенія со стороны поляковъ, съ цѣлью отбить преступника, хотя въ это время—въ іюлѣ 1864 года—не существовало уже въ лѣсахъ ни одной банды.

Осужденный зналъ, конечно, и видѣлъ, что̀ его ожидаетъ, такъ какъ смертный приговоръ былъ ему объявленъ еще въ Борисовѣ, въ засѣданіи суда, а равно и то, что приговоръ былъ конфирмованъ и утвержденъ, а его просьба о помилованіи отклонена.

Наканунѣ казни, вечеромъ, къ осужденному былъ допущенъ ксендзъ, который его и исповѣдывалъ... Затѣмъ къ нему вошелъ караульный офицеръ и спросилъ, не желаетъ ли онъ сдѣлать какихъ-либо распоряженій и, вообще, не имѣетъ ли какой просьбы... Тогда юноша выразилъ, со слезами на глазахъ, единственное желаніе, чтобы его мать,

проживавшая вблизи мѣстечка Гайны, не присутствовала завтра при его казни, и чтобы ей, если можно, совсѣмъ не сообщали о его злой судьбѣ... Ему это было обѣщано,— и по мѣстечку бросились разузнавать, не пріѣхала ли эта несчастная?.. Дѣло было поздно вечеромъ, и не нашли удобнымъ безпокоить ложившихся уже спать жителей, а потому ограничились лишь одними заѣзжими домами и корчмами, гдѣ, къ счастію, матери осужденнаго не оказалось.

Двое часовыхъ съ ружьями были помѣщены на ночь, наканунѣ казни, въ одну комнату съ осужденнымъ, что̀ его видимо стѣсняло, такъ что онъ долго не могъ уснуть и все ворочался на своей постели... Ночникъ слабо освѣщалъ эту комнату, гдѣ проводилъ свою послѣднюю ночь этотъ несчастный юноша, полный силъ, едва начавшій жизнь.

Онъ не дотронулся ни до вина, ни до вкусныхъ кушаній, которыя были ему, по разрѣшенію властей, доставлены. Онъ выкурилъ лишь, одну за другою, нѣсколько сигаръ и, замѣтивъ часовымъ, что давно не курилъ и что у него сильно, поэтому, закружилась голова, легъ въ постель. Лишь подъ утро онъ уснулъ мертвымъ, предсмертнымъ сномъ...

Въ семь часовъ утра полковой аудиторъ, въ сопровожденіи распорядителей казни, вошелъ въ комнату осужденнаго и сталъ будить его... Юноша моментально вскочилъ на ноги и улыбнулся со сна, не сознавая, очевидно, окружающей его обстановки и наступившихъ минутъ... Но—это было одинъ моментъ,—и тотчасъ же его красивое, почти дѣтское, лицо покрылось смертельною блѣдностью...

— Уже?!..—могъ только проговорить несчастный... и сталъ торопливо одѣваться.

— А мама?..—вдругъ спросилъ онъ:—ея нѣтъ въ Логойскѣ?..

Ему сказали, что матери нѣтъ. Онъ, видимо, успокоился, и блѣдность стала исчезать съ его лица... Онъ попросилъ воды умыться и причесалъ себѣ голову. Потомъ прошепталъ молитву, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ...

Минутъ черезъ двадцать, онъ вышелъ уже на улицу, гдѣ стояло военное и гражданское начальство, войска, казаки и нѣсколько тысячъ народу... Онъ, видимо, былъ подавленъ и устрашенъ этимъ ужаснымъ вниманіемъ многихъ тысячъ людей, ожидавшихъ его смерти, и съ радостью остановилъ свой испуганный взоръ на знакомомъ ксендзѣ, который уже стоялъ съ крестомъ въ рукахъ, поджидая его... Онъ перекрестился и приложился ко кресту. Ксендзъ пошелъ впереди его, и шествіе началось...

Было прекрасное лѣтнее утро — съ яркимъ солнцемъ, съ благоуханіемъ сосѣднихъ смоляныхъ и лиственныхъ лѣсовъ, окружающихъ Логойскъ... Съ одной стороны мѣстечка, на холмахъ, расположилось въ ожиданіи еще нѣсколько тысячъ народа, и стало ясно, что шествіе направится именно туда, къ этимъ холмамъ, гдѣ ждутъ эти тысячи любопытныхъ, и гдѣ, слѣдовательно, наступитъ для этого тщедушнаго, юнаго существа смерть...

Шествіе продолжалось минутъ 20 — 25... Подошли къ холмамъ,—и вдругъ всѣ, какъ бы невольно, взглянули впередъ и явственно увидѣли у подножія одного изъ холмовъ невысокій, свѣже-оструганный бѣлый столбъ, врытый въ землю...

И онъ взглянулъ тоже, и вдругъ его шагъ замедлился: онъ сталъ какъ будто спотыкаться... Но это продолжалось лишь нѣсколько секундъ, и я замѣтилъ, что онъ вновь пошелъ тѣми же обыкновенными—ровными, неширокими—своими шагами.

Но вотъ подошли и къ бѣлому столбу, позади котораго была вырыта свѣжая могила; выкопанная изъ ямы

земля, пополамъ съ желтой и сѣроватой глиной, выглядывала замѣтнымъ бугромъ изъ-за этого столба...

По командѣ „стой!“ все вдругъ остановилось и замерло. Послышалась еще команда: „На пле-чо“!.. „Слушай: на кра-улъ!“. Обнажились головы, и аудиторъ сталъ читать приговоръ. Голосъ его негромкій, дрожитъ... Кончилъ... Опять командныя слова,—и солдаты берутъ ружья „къ ногѣ“.

Полковой адъютантъ сдѣлалъ знакъ ксендзу, и тотъ, съ крестомъ въ рукахъ, подошелъ къ осужденному, стоявшему все время у столба, и что-то тихо сталъ говорить ему... Боже! какъ ужасно тянулись минуты! И какая была могильная, страшная тишина вокругъ: все какъ будто замерло и затаило дыханіе...

Вотъ осужденный поцѣловалъ крестъ и быстро опустился на колѣни; тогда ксендзъ перекрестилъ его наклоненную голову широкимъ большимъ крестомъ, затѣмъ нагнулся, взялъ въ руку горсть земли, свѣжіе комья которой лежали повсюду вокругъ столба, посыпалъ ею голову несчастнаго юноши и быстро отошелъ отъ него въ сторону и ушелъ въ толпу. Слезы совсѣмъ душили его, и онъ силился только ихъ скрыть...

Осужденный тотчасъ же приподнялся съ колѣнъ, а въ это же время къ нему живо подошли два солдатика; одинъ изъ нихъ накинулъ на него саванъ — длинную бѣлую рубаху съ холщевымъ же башлыкомъ и съ длинными, аршина по три, рукавами... На одно мгновеніе мелькнуло изъ-подъ холста это почти дѣтское, испуганное лицо, съ прекрасными голубыми глазами и съ свѣтлорусыми кудрями на головѣ и исчезло подъ накинутымъ на голову башлыкомъ... Барабаны забили учащенную дробь...

Какъ только холщевый мѣшокъ накрылъ лицо осужденнаго, солдатики живо взяли его подъ руки, прислонили къ столбу спиною и, затѣмъ, взявъ длинные рукава съ продѣтыми въ нихъ руками, обернули ихъ нѣсколько разъ вокругъ столба, крѣпко завязали и отошли прочь.

А въ то время, когда несчастнаго привязывали къ столбу, изъ рядовъ войска вышли впередъ 12-ть человѣкъ стрѣлковъ съ заряженными ружьями и выстроились на разстояніи 12-ти шаговъ отъ столба. При нихъ былъ унтеръ-офицеръ.

Всѣ эти стрѣлки подняли разомъ свои ружья и навели ихъ на бѣлый столбъ и на того, кто былъ привязанъ къ этому столбу...

Вдругъ, среди глухой барабанной дроби, раздался оттуда, изъ холщеваго савана, громкій и ясный вскрикъ и послышались отчетливыя слова:

— Не жалѣйте меня, братцы!..

Вслѣдъ затѣмъ послышалось еще какое-то не то слово, не то вскрикъ, но этотъ звукъ изъ груди осужденнаго еще не успѣлъ окончиться, какъ унтеръ-офицеръ махнулъ платкомъ, и раздался залпъ 12-ти ружей...

Голова осужденнаго, послѣ залпа, моментально откинулась взадъ, ударилась затылкомъ о столбъ, такъ же быстро опустилась на грудь и безжизненно повисла... Въ то же время, тѣло несчастнаго заколотилось и забилось... Еще двѣ-три секунды, и его ноги ослабли, подогнулись, и весь корпусъ держался лишь на рукавахъ холста, на которомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ особенности на груди, алѣли свѣжія пятна крови...

Быстро приблизился военный медикъ, послушалъ у сердца покойнаго, дощупался до кисти руки и пульса и что-то сказалъ стоявшимъ вблизи офицерамъ. Тѣ отдали какое-то приказаніе, и къ казненному живо подошли тѣ же два солдатика, ловко и скоро разрѣзали холстъ рукавовъ, и онъ грузно кувыркнулся въ открытую яму-могилу... Тотчасъ же замелькали въ воздухѣ желѣзныя лопаты солдатъ, и, спустя нѣсколько минутъ, яма была засыпана, утоптана и уровнена.

А къ столбу, тихо рыдая, подошло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ въ глубокомъ траурѣ (жалóбѣ), достали изъ кармановъ бѣлые платки и тщательно вытерли ими оставшуюся на столбѣ кровь разстрѣленнаго, на память о немъ.

Спустя нѣсколько дней, въ Борисовѣ стало извѣстно, что мать несчастнаго, которая, конечно, узнала-таки о смерти сына, потеряла разсудокъ.

IV.

Безцѣльное убійство.

Въ августѣ 1864 года я сидѣлъ въ „заѣздномъ домѣ“ города Борисова, содержимомъ паномъ Юзефомъ, въ небольшомъ и довольно грязномъ номерѣ и толковалъ съ посѣтившими меня гостями — докторомъ Безобразовымъ, землемѣромъ Рахманинымъ и поручикомъ Марковымъ. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и мы наливали, каждый для себя, и пили чай.

Вдругъ тихо скрипнула дверь номера, и въ полуоткрытую щель показалась голова моего человѣка Савелія: онъ дѣлалъ мнѣ какіе-то таинственные знаки, желая, очевидно, вызвать меня отъ гостей.

— Въ чемъ дѣло? входи сюда!—крикнулъ я ему.

Онъ вошелъ какъ-то нерѣшительно, и я замѣтилъ въ его рукахъ теплое пальто изъ сѣраго офицерскаго сукна, съ бѣлыми, посеребрянными пуговицами.

— Что это за пальто, и зачѣмъ ты принесъ мнѣ его?— спросилъ я.

— А вотъ... вотъ, посмотрите-ка...—отвѣчалъ Савелій дрожащимъ отъ волненія голосомъ и сталъ разворачивать пальто.

Мои гости встали отъ чайнаго стола и тоже подошли къ намъ, вглядываясь въ принесенное пальто и не понимая, въ чемъ дѣло.

Но вотъ пальто было развернуто, и мы всѣ въ ужасѣ отступили прочь... Это было болѣе чѣмъ ужасное зрѣлище!..

Вся спина пальто была изрублена топорами и еще какими-то желѣзными орудіями, отъ которыхъ остались меньшія дары (оказалось—косами). Кое-гдѣ изъ дыръ торчала вата съ запекшеюся на ней кровью... Та же кровь, вся уже почернѣвшая отъ времени и ссохшаяся, была видна и на сѣромъ суквѣ пальто, вокругъ сдѣланныхъ топорами дыръ. Воротникъ былъ въ одномъ мѣстѣ съ круглою дырою отъ косы, плечо пальто имѣло продолговатую большую дыру отъ топора же, такъ что докторскій оберъ-офицерскій погонъ былъ разрубленъ пополамъ...

Савелій объяснилъ намъ слѣдующее.... Внизу, въ общей столовой гостиницы, сидѣла и ждала владѣлица этого пальто, несчастная и очень бѣдная старушка, полька, мать баталіоннаго врача И—ича, совсѣмъ еще молодого человѣка, два года назадъ окончившаго курсъ въ медико-хирургической академіи, поступившаго въ полкъ и годъ назадъ убитаго повстанцами. Бѣдная старуха, истратившая на воспитаніе и обученіе сына всѣ свои скудныя средства, получила по его смерти единовременное пособіе и оставшуюся незначительную движимость, среди которой пальто медика было самою цѣнною вещью. Въ постоянной пенсіи старушкѣ отказали, въ виду очень короткой службы ея сына. И вотъ теперь, годъ спустя, когда это пособіе было прожито, старушка рѣшалась иногда, чтобы не умереть съ голода, обращаться къ пріѣзжимъ лицамъ, останавливавшимся въ гостинницѣ. Она была, какъ оказалось, еще и не одна: съ нею жила ея дочь, дѣвушка лѣтъ тридцати, бывшая швеею, скудный заработокъ которой тоже оборвался—вслѣдствіе смерти же брата: когда она съ матерью явилась по вызову въ Борисовское полицейское управленіе, еще не зная собственно, зачѣмъ ихъ вызываютъ, и секретарь, объявивъ имъ о смерти медика, предложилъ принять оставшіяся послѣ него вещи и росписаться въ ихъ полученіи, то старуха, взглянувъ на пальто, упала тутъ же безъ чувствъ, а дѣвушка, нѣжно любившая своего единственнаго брата, такъ испугалась, что съ нею приключилась навсегда болѣзнь, называемая пляскою св. Витта, и она вслѣдствіе сильнаго трясенія рукъ не могла уже потомъ брать шитье; машины же швейныя были въ тѣ времена большою рѣдкостью.

Мы позвали несчастную старушку къ себѣ въ номеръ, предложили ей чаю и затѣмъ помогли, насколько были въ силахъ. Бѣдная женщина была очень словоохотлива, и хотя часто прерывала свой разсказъ горькими слезами, тѣмъ не менѣе мы узнали отъ нея нѣкоторыя обстоятельства, сопровождавшія это безцѣльное и безжалостное убійство ея сына.

Это произошло въ той же Минской губерніи, въ сосѣднемъ Игуменскомъ уѣздѣ, въ іюлѣ 1863 года.

Небольшой русскій отрядъ посланъ былъ на розыски извѣстной банды Козла, скрывавшейся въ вѣковыхъ, старинныхъ лѣсахъ, существовавшихъ еще въ тѣ времена въ Минской губерніи. Идя сплошными лѣсами и застигнутый ночью, отрядъ расположился вокругъ еврейской корчмы, одиноко стоявшей тутъ же въ лѣсу. Солдатики и казаки расположились бивуаками, а офицеры—въ самой корчмѣ. При этомъ отрядѣ слѣдовалъ молодой медикъ И—ичъ, въ сопутствіи фельдшера и летучей аптечки.

Переночевавъ, отрядъ рано на зорькѣ выступилъ въ дальнѣйшій походъ. И—ичъ спалъ въ это время крѣпкимъ и беззаботнымъ сномъ молодости... Фельдшеръ попробовалъ-было будить его, но неудачно: молодой человѣкъ проснулся лишь на нѣсколько секундъ и приказалъ ему отправляться съ отрядомъ:

— А я вотъ немножко еще посплю, напьюсь чайку и догоню отрядъ,—сказалъ онъ.

Фельдшеръ такъ и сдѣлалъ: ушелъ вмѣстѣ съ отря-

домъ, а пара обывательскихъ лошадей въ крестьянской телѣгѣ осталась вмѣстѣ съ подводчикомъ дожидаться пробужденія И—ича. Начальникъ отряда или не замѣтилъ, можетъ быть, отсутствія молодого врача, или подумалъ то же, что и докторъ: на парѣ лошадей, дескать, легко нагнать пѣшій отрядъ...

Молодой врачъ проснулся, напился не торопясь чайку и затѣмъ усѣлся въ неуклюжую бѣлорусскую телѣгу и поѣхалъ нагонять отрядъ. Но едва только онъ отъѣхалъ отъ корчмы съ версту, какъ изъ лѣсу выскочило нѣсколько человѣкъ „косиньеровъ" (то-есть, повстанцевъ изъ бѣдной польской шляхты, вооруженной косами и топорами), остановили лошадей и, принявъ доктора за москаля-офицера, накинулись на него и въ нѣсколько секундъ изрубили топорами и искололи косами, нанеся болѣе сорока ранъ... Подводчикъ, закричавшій было „ратуйте!"—получилъ ударъ обухомъ по головѣ и свалился подъ лошадей. Изъ докторскихъ вещей повстанцы не тронули ничего: они взяли только полувоенную, форменную шашку, лежавшую сбоку телѣги, завернутую въ замшевый чахолъ.

Между тѣмъ въ отрядѣ, видя, что медика нѣтъ-какъ-нѣтъ, стали уже безпокоиться о его судьбѣ, и начальникъ послалъ въ корчму двухъ казаковъ узнать, что его задержало... Казаки наткнулись, конечно, на телѣгу, въ которой лежалъ безжизненный и уже остывшій трупъ несчастнаго, а подъ телѣгою нашли обезпамятѣвшаго отъ страха и полученнаго по головѣ удара подводчика—бѣлорусса-крестьянина.

Казаки помчались обратно къ отряду, который тотчасъ же былъ остановленъ и возвращенъ обратно къ мѣсту катастрофы, раздѣленъ на части и посланъ по лѣсу разыскивать убійцъ. Тутъ же убитаго врача перевезли въ корчму, обмыли, одѣли въ чистое бѣлье и мундиръ и отправили подъ охраною особаго конвоя въ уѣздный городъ для погребенія.

V.

„Глухая пани".

Прошло со времени мятежа много лѣтъ, стихли страсти, угасла взаимная вражда и ненависть. Истинные, главные виновники всего этого возстанія остались въ тѣни и внѣ отвѣта. Лишь главнѣйшаго изъ нихъ—императора французовъ, постигъ справедливый гнѣвъ Немезиды: остатокъ дней своихъ онъ прожилъ въ изгнаніи, многими забытый и всѣми презираемый.

И въ Россіи царствовалъ уже другой государь, „не помнящій стараго", благодушный и тишайшій царь-миротворецъ Александръ Александровичъ. Всѣ виновники и преступники возстанія 1863 года были прощены и помилованы. Край жилъ иною уже жизнію—мирнаго процвѣтанія и благоденствія.

Лѣтомъ 1885 года я жилъ и служилъ въ Ковно, управляя мѣстнымъ отдѣленіемъ крестьянскаго поземельнаго банка. Въ августѣ, въ отдѣленіе поступила „сдѣлка" изъ N—скаго уѣзда: нѣсколько старообрядцевъ, числившихся государственными крестьянами и проживавшихъ въ какой-то околицѣ сосѣдняго уѣзда, составивъ изъ себя небольшое „товарищество", приторговали у одного изъ некрупныхъ землевладѣльцевъ три уволоки земли (около 60 десятинъ), внесли ему задатокъ и просили „съѣхать на мѣсто—осмотрѣть ихъ покупку". Я взялъ у нихъ маршрутъ поѣздки и обѣщался въ скорости быть.

Недѣли двѣ спустя, я добрался по желѣзнымъ дорогамъ до той станціи, откуда предстояло ѣхать на лошадяхъ, нанялъ ямщика и отправился розыскивать покупщиковъ и приторгованную ими землю. Ѣхать надо было верстъ 30. Кругомъ была жмудь, и крестьяне очень мало понимали по-русски; однако, при помощи польскаго языка

мнѣ кое-какъ удалось попасть по разнымъ проселкамъ и лѣснымъ дорогамъ на тѣ „уволоки", которыя покупались. На приторгованной землѣ мужики устроили уже нѣсколько землянокъ, въ которыхъ пока и пріютились, разсчитывая современемъ, когда земля будетъ за ними закрѣплена, устроить избы.

Окончивъ осмотръ земли и сильно измучившись отъ продолжительной и плохой дороги, отъ ходьбы и голода, я узналъ, однако, что будущіе кліенты никакого гостепріимства оказать мнѣ не могутъ: у нихъ не оказалось ничего — ни молока, ни яицъ, ни даже самовара... Они, какъ объяснили, перебрались сюда лишь на время, для уборки покосовъ и для озимаго посѣва ржи, ѣздятъ за провизіей каждую субботу „къ себѣ въ околицу" и по понедѣльникамъ возвращаются обратно. Черствый хлѣбъ, квасъ, плохія селедки и картошка — вотъ все, что у нихъ было.

Положеніе мое являлось непріятнымъ еще потому, что я разсчитывалъ къ ночи вернуться на желѣзнодорожный вокзалъ, никакъ не предвидя той отвратительной дороги, по которой пришлось ѣхать, а между тѣмъ наступалъ уже вечеръ, и надо было подумать о ночлегѣ. Я сталъ разспрашивать, далеко ли до ближайшаго волостного правленія, — оказалось, что оно въ 12-ти верстахъ, и дорогу до него мой возница совсѣмъ не знаетъ.

— Нѣтъ ли поблизости какой-нибудь околицы, или фольварка?—спросилъ я.

Оказалось, что околица есть и не далеко; но жмудяки— народъ угрюмый, злой и негостепріимный: ни за что не пустятъ къ себѣ; фольварокъ же находился всего въ двухъ верстахъ, и съ его владѣлицами старообрядцы-покупщики были уже хорошо знакомы. Они стали уговаривать меня ѣхать именно на этотъ фольварокъ, такъ какъ владѣлица его разсчитываетъ тоже продать часть своей земли крестьянамъ, при помощи же банка, и просила своихъ будущихъ сосѣдей дать ей знать, когда я пріѣду.

— Да кто тамъ живетъ-то?—полюбопытствовалъ я.

— Глухая пани съ дочкой,—былъ отвѣтъ.

— А мужчинъ въ домѣ развѣ нѣтъ?

— Есть: ейный свекоръ, старый уже панъ; но только фольварокъ принадлежитъ ей, глухой пани. А у нея тоже торгуютъ часть земли жмудяки, сосѣди, и тоже чрезъ вашу банку.

Я рѣшилъ ѣхать къ „глухой пани",—и минутъ черезъ двадцать, по отвратительной лѣсной дорогѣ, мы добрались до фольварка. Я послалъ сказать, кто̀ я такой, и просилъ позволенія заѣхать. Спустя нѣсколько минутъ, вышелъ изъ дому и подошелъ къ моей почтовой телѣжкѣ очень почтенный, старый панъ и попросилъ меня „до покòю".

Я вошелъ въ домъ и изъ передней прошелъ въ гостиную... Ко мнѣ навстрѣчу вышла совершенно сѣдая дама; она держала въ зубахъ какой-то, никогда невиданный мною ранѣе, аппаратъ, состоящій изъ тонкой и довольно большой — въ столовое блюдо средней величины — доски, на которой виднѣлись небольшія дырочки... Я сталъ ей представляться... Она быстро вынула изо рта этотъ аппаратъ (называвшійся, кажется, микрофономъ), сказала свою фамилію и попросила меня говорить какъ можно громче...

Въ это время въ комнату вошла молодая дѣвушка, очень похожая на старую даму, оказавшаяся ея дочерью:

— Мама почти ничего не слышитъ, — предупредила она меня:—говорите громче.

Мы усѣлись у стола. Подали чай. Явился старый панъ, и мы стали говорить о дѣлахъ: я разсказывалъ имъ о порядкѣ, принятомъ при продажѣ земли съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка, а они расхваливали продаваемую ими землю... Такъ прошло съ часъ, и я, зная, что лошади мои уже отдохнули, пожелалъ откланяться. Но польское гостепріимство не дозволяло моимъ любезнымъ хозяевамъ отпустить меня голоднаго, да еще чуть не ночью, и свекоръ хозяйки — онъ же и управляющій имѣніемъ — пригласилъ

меня отужинать и переночевать. Я охотно согласился, приказалъ ямщику отпрячь и выкормить нанятыхъ мною лошадей, и мы вновь сидѣли въ уютной гостиной и вели бесѣду: хозяева говорили по-польски, я отвѣчалъ имъ порусски, и мы отлично понимали другъ друга... Между прочимъ, я спросилъ стараго пана, давно ли приключилась болѣзнь хозяйки дома, ея глухота.

Въ отвѣтъ мнѣ пришлось услышать тяжелую трагическую исторію изъ эпохи все того же рокового 1863 г., разсказанную мнѣ самою пани.

... „Мнѣ было всего 19 лѣтъ, — начала свой разсказъ глухая пани, — когда я вышла за своего мужа. Это было осенью 1862 года. Мы съ мужемъ знали другъ друга съ дѣтства, и онъ былъ старше меня лишь на три года. Имѣніе его отца находилось отъ этого, вотъ, фольварка, принадлежавшаго моей матери, вдовѣ, всего въ 4-хъ верстахъ. Моя мать была подругою, по виленскому пансіону, съ его матерью, и видѣлись онѣ почти каждый день. Отецъ его — вотъ этотъ мой свекоръ — былъ занятъ хозяйствомъ и, кстати, присматривалъ и за нашимъ маіонткомъ. Такъ шло время моего дѣтства и отрочества. Мы — я и мой будущій мужъ — были единственными дѣтьми у своихъ родителей, и наши матери втайнѣ желали, чтобы мы полюбили другъ друга... Но желать это — было лишнее, такъ какъ между нами и безъ того уже установились нѣжныя, добрыя чувства. Пріѣзжая домой на каникулы, Стась — такъ звали моего мужа — былъ со мною неразлученъ. Онъ былъ въ Варшавскомъ университетѣ, медикомъ, и мы ждали лишь окончанія имъ курса, чтобы объявить о нашей любви родителямъ. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что родители и сами все видѣли и знали, и только радовались нашему сближенію.

„Въ 1861 и 1862 годахъ начались въ польскомъ обществѣ Варшавы броженія, а затѣмъ стало наступать и „замѣшанье", постепенно проникая и къ намъ, на Жмудь и въ Литву, и далѣе — въ Бѣлоруссію, Подолію и Волынь... По фольваркамъ стали разъѣзжать особые сборщики и требовать деньги на предстоящую „войну" („на офяру"), записывать и вербовать молодежь для будущихъ отрядовъ... Стасю оставался до окончанія курса съ небольшимъ годъ — онъ былъ уже на четвертомъ курсѣ, — какъ вдругъ ему дали въ Варшавѣ сюда, на Жмудь, какое-то порученіе, и онъ, весною 1862 года, бросилъ университетъ и пріѣхалъ къ отцу... Родители его были сильно огорчены и всячески уговаривали его отказаться отъ даннаго ему ржондомъ порученія, ѣхать обратно въ Варшаву и поступить опять въ университетъ. Но Стась объявилъ, что не рѣшится на эту „подлость", какъ выражался онъ, что, наконецъ, его, какъ не исполнившаго распоряженіе ржонда, немедленно убьютъ, какъ измѣнника...

„Тогда его родители обратились ко мнѣ... Но что̀ могла сдѣлать я, 19-лѣтняя дѣвочка, въ такомъ дѣлѣ, котораго я вдобавокъ совсѣмъ не понимала?!.. Когда я стала просить Стася ѣхать въ Варшаву и поступить опять въ университетъ, то онъ только пожалъ плечами, поцѣловалъ мою руку и спросилъ:

— „Значитъ, ты хочешь, чтобы я сталъ негодяемъ?.. Или я тебѣ такъ уже противенъ, что ты хочешь какъ можно скорѣе сбыть меня съ своихъ глазъ?..

„Въ отвѣтъ я залилась слезами, бросилась ему на шею и долго и крѣпко цѣловала его...

„Я, конечно, сообщила его родителямъ и мамѣ о неуспѣшности возложеннаго на меня порученія... Тогда они рѣшились на послѣднее, самое вѣрное, по ихъ мнѣнію, средство, чтобъ вырвать его изъ рукъ ржонда и отвлечь отъ революціонной пропаганды среди жмудяковъ, за которую онъ уже принялся: рѣшили женить его какъ можно скорѣе, разсчитывая, что тогда, ради любви ко мнѣ, онъ пожалѣетъ губить себя.

„Лѣтомъ того же 1862 года насъ обвѣнчали, и я была

безконечно счастлива и благодарила Бога за это ниспосланное мнѣ счастіе. Рѣшено было, чтобы мы жили въ домѣ моихъ родителей — вотъ, въ этомъ самомъ домѣ,—и всѣ замѣтили, что Стась какъ будто и въ самомъ дѣлѣ забылъ про свой ржондъ: мы часто ѣздили къ его и моимъ родственникамъ въ Вильно, танцовали, веселились, принимали гостей и пр. Но это продолжалось недолго: черезъ два — три мѣсяца онъ вновь отдался тому „порученію", которое варшавскій революціонный комитетъ возложилъ на его юную, несчастную голову: онъ часто, запершись вотъ въ этомъ кабинетѣ (она показала рукою на маленькую комнату съ письменнымъ столомъ, примыкавшую къ гостиной), раскладывалъ какіе-то планы и бумаги, доставалъ чистые листы съ изображеніемъ на нихъ, въ видѣ виньетки, топора и кинжала, и писалъ на этихъ листахъ различныя распоряженія. Иногда, поздними вечерами, а то и по ночамъ, къ намъ на фольварокъ являлись неизвѣстныя, очень подозрительныя личности, съ мрачными и несимпатичными физіономіями, запирались съ мужемъ въ этомъ же кабинетѣ и долго о чемъ-то совѣщались, разговаривая шепотомъ, едва слышнымъ для нихъ самихъ... Я въ это время крѣпко уже спала въ нашей спальнѣ и часто даже не слышала, когда возвращался мой молодой мужъ.

„Наконецъ, въ началѣ 1863 года Стась началъ какъ-то таинственно исчезать изъ фольварка — иногда, случалось, на нѣсколько дней. Его не удерживало при мнѣ даже и то, что я вскорѣ ожидала быть матерью... Наконецъ, наступило и самое страшное: мы узнали, что вокругъ насъ, въ лѣсахъ, формируются отряды польскихъ повстанцевъ... Таинственныя ночныя посѣщенія стали все чаще и чаще... И вотъ, однажды, ночью, когда я крѣпко и сладко спала, мужъ разбудилъ меня. Я взглянула на него и обмерла отъ страха; онъ былъ одѣтъ по дорожному и вооруженъ: съ боку висѣла сабля, на поясѣ былъ револьверъ и кин-

жалъ. Онъ крѣпко обнялъ меня, долго цѣловалъ, просилъ успокоиться и, наконецъ, обнявъ въ послѣдній разъ, сказалъ:

— „Прощай! Я иду туда, куда призываетъ меня мой долгъ и честь и любовь къ ойчизнѣ... Богъ дастъ, скоро увидимся. Чрезъ старика Шмуля я буду писать тебѣ... (Шмуль—это былъ очень добрый и честный старый еврей, арендаторъ нашей корчмы).

„Онъ еще разъ поцѣловалъ меня и быстро вышелъ изъ спальни. Я была неутѣшна: встала съ постели, плакала, молилась, отворяла окно, выходившее въ садъ, и громко звала мужа по имени, умоляя вернуться ко мнѣ и предполагая, что онъ меня слышитъ... Наконецъ, пошла я на половину мамы и разбудила ее. Но что̀ могла сдѣлать она?!.. Мы обѣ лишь проплакали до утра... А затѣмъ, велѣли заложить экипажъ и поѣхали къ его родителямъ; тѣ были поражены, какъ громомъ.

— „Все пропало!... — говорилъ съ слезами на глазахъ его отецъ — вотъ тотъ самый старый панъ, который встрѣчалъ васъ: — и самъ онъ пропалъ, и мы пропали!!..

„Напрасно моя матушка дѣлала ему знаки, показывая на меня, чтобы онъ не выражалъ при мнѣ такое горькое отчаяніе за участь моего мужа, и я тутъ, вдругъ, поняла опасность, догадалась, что Стась можетъ „пропа̀сть", погибнуть... Я разрыдалась, со мной сдѣлался обморокъ, и я только на другой день могла возвратиться къ себѣ домой.

„Такъ прошло двѣ недѣли. За это время вѣрный и преданный намъ старикъ Шмуль принесъ мнѣ три коротенькія записки отъ мужа: въ нихъ говорилось, что онъ живъ, здоровъ, любитъ меня попрежнему и ежеминутно вспоминаетъ обо мнѣ... Отвѣта онъ не требовалъ; да и Шмуль, кажется, не былъ уполномоченъ принимать отъ

меня отвѣты: онъ далъ мнѣ однажды это понять, когда я хотѣла-было написать Стасю нѣсколько строкъ:

— „Зачѣмъ пани будетъ безпокоиться писать?!.. сказалъ онъ:—я все передамъ словами... Скажу, что видѣлъ пани, что пани ба̀рзо жалу̀е и пла̀че, и все другое... А зачѣмъ писать?! ѐще — ховай Боже! — меня злапа̀ютъ и найдутъ той листъ!.. Я и съ письмами пана страху набираюсь немало...

„Вскорѣ я узнала, что Стась находится въ отрядѣ не въ качествѣ простого повстанца, а довудцей — начальникомъ. А его отецъ, какъ узналъ объ этомъ, то испугался еще болѣе, и все твердилъ одно:

— „Теперь мы ужь совсѣмъ пропали! всѣ пропали!...

„Затѣмъ, старикъ Казиміръ, давній нашъ слуга, бывшій крѣпостной моего отца, служившій у насъ на фольваркѣ ночнымъ сторожемъ, передалъ мамѣ по секрету, что гминный войтъ обѣщалъ ему десять рублей, если онъ дастъ знать въ гмину (волость), когда молодой панъ, т.-е. мой мужъ, пріѣдетъ ночью на фольварокъ. Днемъ уже, какъ это всѣ понимали, Стась не могъ явиться.

„Наступило, наконецъ, для меня время сдѣлаться матерью... Когда я почувствовала первыя боли и еще не укладывалась въ постель, у меня явилась мысль, что я непремѣнно умру... Меня охватило безумное желаніе увидѣть моего дорогого мужа, хотя на одну минуту, хотя на нѣсколько секундъ!... Въ это самое время, я услышала въ передней голосъ Шмуля: онъ спрашивалъ о моемъ здоровьѣ... Я позвала его къ себѣ, схватила изъ его рукъ записку Стася — это была послѣдняя его записка ко мнѣ! — и только успѣла проговорить:

— „Дай знать мужу, что я мучаюсь... Пусть пріѣдетъ. Я навѣрно умру... Ради Бога, добрый Шмуль! прошу тебя...

„Но въ это время вошла мама, взяла меня за руку, увела въ спальню и уложила въ постель. Спустя нѣсколько часовъ, у меня родилась дочка, которую вы видѣли. Ее назвали въ честь мужа — Стасей же.

„Ночь прошла благополучно, и мысль о смерти стала покидать меня. Но желаніе увидѣть отца моей дочери, показать ему ее, обнять его—оставалось у меня прежнее, безумное... Я то-и-дѣло спрашивала маму и свою свекровь, находившуюся тоже при мнѣ: можетъ ли пріѣхать Стась?.. скоро ли пріѣдетъ Стась? — на что всякій разъ его мать отвѣчала:

— „Ты совсѣмъ не понимаешь того, чего хочешь! Стась можетъ совсѣмъ пропа̀сть, если рѣшится пріѣхать сюда: хло̀пы (крестьяне) могутъ дать знать становому, и его схватятъ...

— „Да вѣдь онъ долженъ возвратиться когда-нибудь къ намъ?—допрашивала я:—Неужели же онъ все въ лѣсу будетъ жить...

„На это мнѣ отвѣчали и успокоивали меня, что современемъ, можетъ быть, ему и возможно будетъ вернуться, если, напримѣръ, вмѣшаются въ повстанье другія державы, или же если Ковенская губернія отойдетъ къ Пруссіи; но что теперь — бронь Боже, если Стась пріѣдетъ!... Его уже ищутъ...

„Такъ прошелъ весь день, и наступила вторая ночь. У меня явилось молоко, и я покормила грудью въ первый разъ свою дорогую цурку... Едва только мама взяла ее изъ моихъ рукъ, какъ въ передней, за стѣной моей спальни, послышался тихій шумъ и шепотъ... Я громко вскрикнула отъ радости, такъ какъ тотчасъ же почувствовала, что это пріѣхалъ Стась...

„Онъ осторожно вошелъ въ спальню, крѣпко-крѣпко поцѣловалъ и меня, и обѣ мои руки, взглянулъ на дочку и осторожно ее поцѣловалъ... Въ это время, я увидѣла,

глаза его были полны слезъ, хотя онъ всячески удерживался и не хотѣлъ показать этого... Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что Шмуль еще минувшею ночью далъ ему знать о болѣзни, и что онъ хотѣлъ-было тотчасъ же летѣть ко мнѣ, но что наступившій разсвѣтъ помѣшалъ этому; что онъ весь день съ утра мучился ожиданіемъ, и, какъ только смерклось, сѣлъ на коня и поскакалъ ко мнѣ...

„Мы стали тихо бесѣдовать... Его мама находилась тутъ же; она часто подходила къ нему, брала его голову обѣими руками, долго и пристально вглядывалась въ его лицо и затѣмъ, крѣпко поцѣловавъ, отходила прочь... Потомъ хлопотала съ чаемъ и закусками: ей казалось, что онъ голоденъ... Какъ только чай и ужинъ были окончены (онъ кушалъ въ моей же спальнѣ, не желая отлучаться отъ меня ни на минуту), моя мама потребовала, чтобы мнѣ дали покой, и чтобы Стась тоже шелъ уснуть въ свой кабинетъ.

— Нѣтъ, мама, мнѣ некогда спать, — отвѣчалъ онъ:— Я вотъ попрощаюсь съ нею (т.-е. со мною), посижу немножко съ вами, да и поѣду, пока не разсвѣло.

„И онъ сталъ прощаться со мною...

— „Если мнѣ доведется эмигрировать за границу, — шепталъ онъ мнѣ:—я тебя тотчасъ же извѣщу, и ты тогда пріѣзжай ко мнѣ, съ нашей маленькой Стаськой...

„Онъ уже собирался уходить изъ спальни, какъ вдругъ въ передней послышались спѣшные и громкіе шаги, и къ намъ въ комнату вбѣжалъ, блѣдный какъ полотно, старый Шмуль и, обращаясь къ мужу, проговорилъ, задыхаясь отъ волненія:

— „Утекайте, пане! москали!..

— „Гдѣ? гдѣ?!—стали спрашивать его.

— „Ужь близко!.. Хлопы видѣли, какъ проѣхалъ панъ, и дали знать въ гмину...

„Я лежала ни жива, ни мертва на своей постели и не въ силахъ была выговорить ни одного слова: у меня все помутилось въ глазахъ, и я лишь понимала одно — что у меня хотятъ отнять моего дорогого Стася и разлучить насъ...

„Мой мужъ никуда не побѣжалъ. Я видѣла, что онъ лишь поблѣднѣлъ слегка и взялся рукою за висѣвшій на поясѣ револьверъ, и что его мама схватила за руку...

„Тогда онъ бросился ко мнѣ:

— „Ничего не бойся! будь спокойна! Господь съ тобой!—торопливо проговорилъ онъ, и тотчасъ же вышелъ изъ комнаты.

„Почти вслѣдъ затѣмъ, я услышала сильный конскій топотъ на нашемъ дворѣ, словно отъ сотни лошадиныхъ копытъ... Затѣмъ, въ передней произошелъ шумъ и стукъ отъ нѣсколькихъ вошедшихъ человѣкъ, и я услышала громкій голосъ мужа, назвавшаго себя по имени... Еще нѣсколько секундъ — и въ мою спальню вошелъ, не снимая фуражки, жандармскій офицеръ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, равнодушно взглянулъ въ мою сторону, извинился и принялся выдвигать ящики комода и шифоньерки, отыскивая письма и бумаги... Я лишилась чувствъ, и что́ было дальше, уже ничего не помню...

„Опомнилась я нѣсколько недѣль спустя и узнала отъ мамы, что была на краю смерти, что молоко бросилось мнѣ въ голову, и что мнѣ, по опредѣленію лѣчившихъ меня врачей, предстояла или смерть, или потеря разсудка. Но неожиданно для всѣхъ вышло иначе: Богу угодно было спасти меня для моей дорогой дочки, и я лишь совершенно потеряла слухъ и бываю подвержена страшнымъ головнымъ болямъ.

„Я узнала также, что мужа моего судили военнымъ судомъ и приговорили, какъ начальника „банды“, къ смертной казни, которая была потомъ замѣнена безсроч-

ною каторжною работою въ рудникахъ,—въ виду того, что онъ былъ взятъ въ домѣ, а не въ лѣсу и не съ оружіемъ въ рукахъ, и что онъ лично не совершилъ ни убійства, ни другихъ тяжкихъ преступленій. Я узнала также, что насъ предали хлопы, разсчитывая, что въ ихъ пользу поступитъ даромъ наша земля. Бѣдный старый Шмуль за свои сношенія съ мужемъ и за посѣщеніе въ лѣсу его отряда былъ тоже арестованъ и сосланъ, но дорогою въ Сибирь умеръ. Отецъ моего мужа былъ тоже арестованъ, но потомъ его, по неимѣнію уликъ, выпустили изъ тюрьмы, ограничившись лишь конфискаціей его фольварка, въ который въ скорости и переѣхалъ жить какой-то жандармскій полковникъ, получившій это имѣніе „на льготныхъ правахъ“. Нашъ маіонтокъ тоже едва-едва удалось спасти отъ секвестра; но пришлось всетаки уплатить наложенную на насъ контрибуцію, очень крупную, такъ что надо было распродать даже лошадей и скотъ.

„Такъ какъ, я считала себя главною виновницею ареста мужа, то рѣшила ѣхать къ нему въ Сибирь на каторгу и раздѣлить съ нимъ его судьбу и облегчить, хотя своимъ присутствіемъ вблизи, его горькую участь. Меня пробовали отговаривать, но не успѣли въ этомъ, такъ какъ я въ душѣ дала клятву, что поѣду къ нему. Мама заложила въ банкѣ этотъ самый фольваркъ, и я стала собираться въ путь. Я никакъ не хотѣла разстаться съ своею дочкой, да и знала къ тому же, какая радость будетъ для Стася увидѣть ее, а потому пришлось брать въ путь и кормилицу ея. И вотъ, какъ только я окончательно выздоровѣла и окрѣпла, то и пустилась въ путь-дорогу... Я даже не знала, куда именно ѣду, такъ какъ, не получая отъ мужа ни одной строки, не знала, гдѣ онъ находится, и мнѣ сказали, что объ этомъ я могу узнать лишь въ Тобольскѣ, гдѣ имѣется пересыльный приказъ и точные

списки и свѣдѣнія о распредѣленіи ссыльно-каторжныхъ по рудникамъ.

„Тогда еще не было на востокѣ Россіи желѣзныхъ дорогъ, и я ѣхала до Тобольска цѣлый мѣсяцъ: до Нижняго—по желѣзной дорогѣ, потомъ пароходомъ по Волгѣ и Камѣ до Перми, а потомъ уже купила тарантасъ и ѣхала на лошадяхъ. Одному Богу извѣстно, сколько я перенесла мукъ, огорченій и лишеній за время этого долгаго пути'..

„По пріѣздѣ въ Тобольскъ, я долго не могла добиться никакого толку,—и пришлось вездѣ платить деньги, чтобы узнать то, что было нужно. Наконецъ я узнала... И это былъ самый жестокій ударъ для меня—то, что я узнала!.. Мнѣ сообщили и потомъ подтвердили официальными справками и документами, что мой несчастный мужъ не долго пожилъ въ тяжкой и непривычной для него обстановкѣ: работая въ глубинѣ земли, въ страшной сырости и сквознякахъ, онъ сильно простудился, заболѣлъ и скончался въ острожномъ лазаретѣ города Читы.

„Это былъ второй ударъ, ниспосланный мнѣ судьбою за тѣ немногіе мѣсяцы счастія, которыми я воспользовалась въ жизни... Въ Тобольскѣ я была вновь на краю могилы: такъ потрясло меня внезапное извѣстіе о смерти мужа. Однако, любовь къ маленькому неповинному существу, меня сопровождавшему, возвратила меня къ жизни, и я потомъ рѣшила отдать всю себя заботамъ и попеченіямъ о своей дочкѣ...

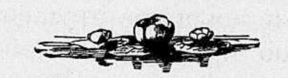
„Переживъ зиму въ Тобольскѣ, я съ наступленіемъ весны 1864 года пустилась въ обратный путь...

„Вотъ, сколько горя, „панъ директоръ“ (такъ называла меня разсказчица), перенесла я на своемъ вѣку!—и не удивляйтесь поэтому, что я вся сѣдая, какъ семидесятилѣтняя старуха, и что я такая „калѣка“, съ которою, по ея глухотѣ, трудно даже и говорить...

„Мать Стася, а также и моя мама, убитыя горемъ, недолго тоже пожили на свѣтѣ, и мнѣ пришлось разстаться и съ ними—похоронить ихъ.

„И какъ подумаешь, право: зачѣмъ нужны были всѣ эти страданія?—и для кого?.. и для чего?!“...

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужны были всѣ эти страданія и жестокости, порожденныя мятежемъ?!.. Зачѣмъ??!!... И какой вѣчный позоръ и проклятія должны лечь на головы тѣхъ „виновниковъ возстанія“, о которыхъ мы говорили въ предыдущей статьѣ!..



ПАМЯТИ В. В. ЧУЙКО.

Памяти В. В. Чуйко.

Марта 28-го 1899 года, скончался въ Петербургѣ Владимiръ Викторовичъ Чуйко—этотъ милый, душевный человѣкъ и одинъ изъ образованнѣйшихъ старыхъ литераторовъ; говорю — „старыхъ" потому, что В. В. умеръ 60-ти лѣтъ отъ роду.

В. В. Чуйко происходилъ изъ малорусской дворянской семьи и воспитывался въ Петербургскомъ университетѣ. Затѣмъ, нѣкоторое время проживалъ за-границей — во Франціи и Италіи, оканчивая свое эстетическое самообразованіе, а съ 1871 г. обосновался въ Петербургѣ, отдавшись всецѣло литературнымъ занятіямъ въ многоразличныхъ и разнохарактерныхъ изданіяхъ: въ „Женскомъ Вѣстникѣ", „Будильникѣ", въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (Корша), въ „Голосѣ", „Пчелѣ" (Микѣшина), въ „Живописномъ Обозрѣніи" и мн. др.; при чемъ въ двухъ послѣднихъ журналахъ покойный Чуйко былъ, непродолжительное время, редакторомъ de facto. Позднѣе онъ работалъ во „Всемірной Иллюстраціи", въ „Новостяхъ", въ „Историческомъ Вѣстникѣ", въ „Лучѣ" Вольфа (гдѣ тоже былъ недолгое время редакторомъ), въ „Наблюдателѣ" и „Гласности". Несмотря на нѣкоторую разнохарактерность названныхъ изданій, трудно, повидимому, совмѣстимыхъ для трудовъ одного и того же литератора, какъ, напри-

мѣръ, „Новости“ и „Наблюдатель“, или „Лучъ“ и „Гласность“, — покойный Владиміръ Викторовичъ былъ, тѣмъ не менѣе, принимаемъ повсюду, какъ самый желанный и цѣнный сотрудникъ — главнымъ образомъ потому, что его гуманизмъ, его серьезное философское образованіе, знаніе исторіи искусствъ, громадная эрудиція и весь эстетическій складъ его благородной и деликатной души значительно выдвигали его изъ толпы обыкновенныхъ литературныхъ работниковъ; немалымъ достоинствомъ умершаго писателя было абсолютное отсутствіе въ немъ человѣконенавистничества, партійности и тенденціозности. И все, что было прекраснаго и возвышеннаго въ немъ, какъ въ человѣкѣ, отражалось и въ томъ, что имъ писалось. Этимъ и объясняется нѣкоторая индифферентность, съ которою относился покойный къ тѣмъ изданіямъ, гдѣ могъ работать и гдѣ никогда, во всю свою долгую, труженическую жизнь, не поступился ни однимъ словомъ противъ своихъ гуманныхъ убѣжденій и возвышенныхъ идей.

За время своихъ 35-лѣтнихъ, непокладныхъ и тяжелыхъ литературныхъ работъ въ различныхъ журналахъ и газетахъ, покойный Чуйко написалъ такое множество статей, монографій и библіографическихъ рецензій, что перечисленіе ихъ заняло бы нѣсколько страницъ. Всѣ эти статьи, какъ бы спѣшно иногда онѣ ни были писаны, всегда были интересны и отличались особымъ изяществомъ слога — характернымъ отличіемъ покойнаго — и ясностью изложенія. Владиміръ Викторовичъ могъ бы, несомнѣнно, писать, а слѣдовательно и зарабатывать бы вдвое болѣе, если бы онъ не писалъ такъ тщательно и добросовѣстно, да еще часто по два раза — начерно и набѣло; но онъ, въ силу старосвѣтскихъ традицій литературной порядочности, предпочиталъ придерживаться въ своихъ писаніяхъ тѣхъ правилъ добросовѣстности, которыми руководствовался всю свою жизнь и отъ которыхъ ни разу не отступалъ.

Благодаря своему замѣчательному трудолюбію, покойный Чуйко, помимо обычныхъ журнальныхъ и газетныхъ работъ, оставилъ довольно значительное количество отдѣльныхъ, столь же серьезныхъ литературныхъ трудовъ, заключающихся въ отдѣльно изданныхъ книгахъ. Такъ, извѣстна его интересная монографія о Шекспирѣ, отдѣльныя книжки сочиненій выдающихся иностранныхъ писателей и нѣкоторыхъ классиковъ (выпущено всего 18-ть книгъ); извѣстны его переводы Данте, Свифта и др.; отдѣльно также издана книга „Современные русскіе поэты“, составленная изъ критическихъ статей покойнаго, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ и газетахъ.

Къ этимъ краткимъ свѣдѣніямъ о трудахъ покойнаго писателя слѣдуетъ прибавить, что онъ, проживая за-границей, былъ нѣкоторое время корреспондентомъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (редакторства В. Ѳ. Корша), а во время франко-прусской войны 1870 года состоялъ корреспондентомъ „Голоса“ и „Биржевыхъ Вѣдомостей“ и находился при сформированномъ тогда итальянскомъ отрядѣ Гарибальди. Можно добавить, что, проживая за-границей, В. В. познакомился съ проф. Г. Н. Вырубовымъ, съ о. Мартыновымъ, съ Герценомъ и В. Гюго, слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ, былъ хорошъ съ И. С. Тургеневымъ.

Вотъ почти и весь некрологъ В. В. Чуйко. Но я позволю себѣ не ограничиться этимъ, такъ сказать, формулярнымъ литературнымъ спискомъ Чуйко, сухимъ и мало объясняющимъ свѣтлый и благородный образъ почившаго писателя. Я зналъ покойнаго съ 1875 года, не разъ намъ приходилось работать вмѣстѣ, т.-е. въ однихъ и тѣхъ же изданіяхъ; а потому я нахожу возможнымъ помянуть В. В. болѣе теплымъ и пространнымъ словомъ, основываясь на личныхъ впечатлѣніяхъ.

Знакомство мое съ покойнымъ Чуйко началось въ 1875 году, вотъ по какому поводу. Въ сентябрьской книгѣ „Вѣст-

ника Европы“ того года была напечатана моя статья „Холерный бунтъ въ Тамбовѣ“, осторожно (страха ради Лонгинова) озаглавленная М. М. Стасюлевичемъ „Холера въ Тамбовѣ въ 1831 году“. Я въ то время жилъ въ Москвѣ, писалъ, преимущественно, въ тамошнихъ изданіяхъ, изрѣдка посылалъ статьи въ петербургскіе журналы и пріѣзжалъ иногда сюда по этимъ литературнымъ дѣламъ. И вотъ, въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, въ октябрѣ 1875 года, я прочелъ въ „Голосѣ“, въ фельетонѣ „Очерки литературы“, похвальный отзывъ о названной статьѣ, при чемъ изъ нея дѣлались обширныя выписки. Мнѣ, какъ молодому тогда писателю, это вниманіе солидной газеты было, конечно, пріятно, — и я пожелалъ узнать имя критика, такъ благосклонно и внимательно ко мнѣ отнесшагося. Оказалось, что буквами X. Y. Z. подъ критическими фельетонами „Голоса“ подписывается В. В. Чуйко, съ которымъ вскорѣ мнѣ и довелось потомъ встрѣтиться и познакомиться, а затѣмъ сойтись и ближе.

Даже и первое впечатлѣніе, получавшееся отъ знакомства съ Владиміромъ Викторовичемъ, было чрезвычайно хорошее: передъ вами былъ образованный и вполнѣ благовоспитанный человѣкъ, всегда искренній и душевный и никогда не лукавившій. Впослѣдствіи, когда знакомство устанавливалось болѣе прочно, и правдивая, честная душа Чуйко раскрывалась предъ вами яснѣе и полнѣе, васъ поражало въ немъ еще одно достоинство, которое многими считалось за недостатокъ—это крайняя непрактичность Владиміра Викторовича, дѣлавшая его человѣкомъ не отъ міра сего, ставившая его не разъ въ тяжелыя матеріальныя условія и постоянно мѣшавшая ему обосноваться въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ онъ сотрудничалъ. Онъ всегда былъ жертвою, которую чрезвычайно легко было съинтриговать, выжить изъ редакціи, занявъ его мѣсто...

Живя съ семьею въ Петербургѣ исключительно однимъ лишь литературнымъ трудомъ и не имѣя никакихъ иныхъ

средствъ къ жизни, покойный сознавалъ, конечно, не разъ эту свою „непрактичность“, но измѣнить свою довѣрчивую, чисто русскую и вѣчно жизнерадостную натуру все-таки не могъ—и все также продолжалъ оставаться и впредь беззащитнымъ въ этомъ отношеніи. Я разскажу здѣсь нѣсколько случаевъ, иллюстрирующихъ натуру этого душевнаго и крайне непрактичнаго человѣка.

Первый случай едва не стоилъ жизни покойному Владиміру Викторовичу; о немъ онъ разсказывалъ неохотно, и я узналъ это совершенно неожиданно. Въ одномъ моемъ стихотвореніи, „Самоубійца“, напечатанномъ въ „Дѣлѣ“, стоялъ слѣдующій эпиграфъ изъ Марка Аврелія: „Оставить жизнь, когда она дѣлается несносной, нисколько не труднѣе, чѣмъ выйти изъ комнаты, въ которой дымитъ“. Цензоръ Юферовъ („Дѣло“ издавалось подъ цензурою) исключилъ этотъ эпиграфъ, — и я, встрѣтивъ какъ-то Чуйко, разсказалъ ему объ этомъ казусѣ, упомянувъ и эпиграфъ Марка Аврелія... Лицо Владиміра Викторовича вдругъ измѣнилось, стало серьезнымъ, мрачнымъ, и онъ, сильно жестикулируя руками, — что было въ немъ всегда признакомъ большого волненія, — проговорилъ:

— Маркъ Аврелій высказалъ свой личный взглядъ на жизнь, — и его совѣту не легко иногда слѣдовать...

Затѣмъ, я узналъ вотъ что. Въ 60-хъ годахъ, во время проживанія покойнаго въ Генуѣ, онъ, по своей непрактичности, дошелъ постепенно до того, что пришлось, наконецъ, въ буквальномъ смыслѣ умирать съ голоду... Дѣло въ томъ, что предъ отправленіемъ за-границу, Владиміръ Викторовичъ, побывавъ въ двухъ редакціяхъ большихъ петербургскихъ газетъ и заполучивъ ихъ согласіе печатать его заграничныя корреспонденціи и высылать ему гонораръ, вполнѣ понадѣялся на эти розовыя обѣщанія и, имѣя въ карманѣ всего 300 рублей, преспокойно уѣхалъ въ свое заграничное странствованіе. Сначала дѣло шло хорошо: онъ, посѣщая Сорбонну, пописывалъ изъ

Парижа; его письма печатали и высылали ему скромный, того времени, гонораръ. Но уже и въ Парижѣ Чуйко сталъ замѣчать, что далеко не всѣ его письма появлялись въ печати: или они перлюстрировались и не доходили по назначенію, или же редакція почему либо не находила возможнымъ печатать ихъ. Затѣмъ, съ переѣздомъ въ Швейцарію, а послѣ въ Италію, самъ Чуйко сталъ уже писать рѣже. Оставивъ свою молодую супругу въ Миланѣ, онъ поѣхалъ одинъ въ Геную, — и вотъ тутъ-то онъ и очутился въ крайне бѣдственномъ и безвыходномъ положеніи. Идти за пособіемъ въ консульство, или же обращаться къ какимъ-нибудь богатымъ соотечественникамъ,—для Чуйко, по его натурѣ и характеру, было немыслимо; заработать что-нибудь въ Генуѣ литературнымъ трудомъ оказалось тоже невозможно, — и дѣло кончилось тѣмъ, что въ одно прекрасное итальянское утро генуэзская полиція нашла подъ колоннадой одного изъ храмовъ молодого человѣка, иностранца, въ состояніи, близкомъ къ смерти. Когда его доставили въ больницу, то врачи констатировали крайнее истощеніе организма, вслѣдствіе продолжительнаго голода... Уже потомъ его выручила пріѣхавшая изъ Милана Наталья Павловна, его молодая жена, — и они вскорѣ вернулись въ Россію. Произошелъ этотъ случай въ концѣ 1871 г., то-есть въ годъ женитьбы Владиміра Викторовича, которая состоялась въ Женевѣ.

Второй случай произошелъ уже на моихъ глазахъ, вскорѣ же послѣ моего перваго знакомства съ Чуйко. Случилось съ нимъ это, благодаря крайней любезности покойнаго и его безотказности. Многіе гг. литераторы позволяли себѣ злоупотреблять этими слабыми сторонами характера Владиміра Викторовича, преподносили ему, какъ журнальному обозрѣвателю вліятельной газеты, свои сочиненія и книжки, прося, какъ водится, „обратить на нихъ благосклонное вниманіе"... Тогда, въ ноябрѣ 1875 года, нѣкто Бортневскій, имѣвшій книжный магазинъ, купилъ и издалъ

въ свѣтъ собраніе сочиненій покойнаго Шеллера, литератора-беллетриста довольно талантливаго, но всегда крайне тенденціознаго въ своихъ произведеніяхъ. Авторъ долго заискивалъ предъ Чуйко и, наконецъ, сумѣлъ склонить покойнаго и взялъ отъ него обѣщаніе написать объ его вышедшихъ сочиненіяхъ. По своему добродушію и безотказности, Владиміръ Викторовичъ исполнилъ свое обѣщаніе, не разсчитавъ, однако, того и не пожелавъ сообразоваться, что въ редакціи „Голоса" не долюбливали Ш.— именно за его тенденціозность. И вотъ, появляется въ одинъ изъ четверговъ обычный фельетонъ В. В. въ „Голосѣ", но очень коротенькій, безъ упоминанія о сочиненіяхъ Ш.; а между тѣмъ, въ оглавленіи фельетона, между прочимъ, стояло: „Полное собраніе сочиненій Шеллера, изданіе Бортневскаго". Было очевидно, что авторъ фельетона, г. X. Y. Z. (т.-е. Чуйко), говорилъ объ изданныхъ сочиненіяхъ Ш., а редакція исключила все это, но второпяхъ позабыла сдѣлать соотвѣтствующую купюру и въ оглавленіи фельетона... Эта выходка редакціи „Голоса" ставила, конечно, автора фельетоновъ „Очерки литературы" въ крайне неловкое положеніе. Чуйко пріостановился писать дальше, полагая, что редакція, нуждаясь въ немъ, какъ въ талантливомъ сотрудникѣ, сама первая пойдетъ на компромиссъ. Но вышло иначе: положеніе В. В. ухудшилось еще болѣе при появленіи слѣдующаго очередного фельетона „Голоса", съ тѣми же „Очерками литературы", но въ которыхъ „Собраніе сочиненій Ш." подвергалось совсѣмъ уже иной оцѣнкѣ и довольно безпощадной—по ихъ стоимости и достоинству. Подъ фельетономъ стояла уже и иная подпись — г. Лароша. Такимъ образомъ, благодаря, съ одной стороны, своему добродушію, а съ другой—назойливости пріятеля, покойный В. В. потерялъ въ „Голосѣ", въ концѣ 1875 года, солидное мѣсто еженедѣльнаго журнальнаго и литературнаго обозрѣвателя.

Третій случай „непрактичности" В. В., мнѣ извѣстный, произошелъ менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ исторіи съ „Голосомъ", именно лѣтомъ 1877 года.

Этотъ довольно интересный „случай" произошелъ такъ. Въ началѣ 1876 года я переѣхалъ въ Петербургъ, по приглашенію моего давняго товарища и друга, редактора-издателя „Живописнаго Обозрѣнія", отставного артиллерійскаго офицера, Д. А. Карчъ-Карчевскаго. Въ 1863 г. Карчевскій, какъ полякъ, выйдя въ отставку, принялъ участіе въ возстаніи и, по разбитіи отряда, въ которомъ онъ находился, успѣлъ перейти границу и эмигрировалъ въ Америку. Затѣмъ, воспользовавшись двумя милостивыми манифестами (1866 и 1868 гг.), вернулся въ Россію, въ Петербургъ; здѣсь, встрѣтившись и познакомившись съ собственникомъ „Живописнаго Обозрѣнія" и его редакторомъ, Н. И. Зуевымъ, имѣлъ неосторожность дать ему взаймы 12.000 рублей. Этихъ денегъ Зуевъ не возвратилъ, а предоставилъ Карчевскому взять за долгъ его умирающій въ то время журналъ. Вотъ, въ этотъ-то журналъ Карчевскій, будучи утвержденъ редакторомъ-издателемъ, и пригласилъ вначалѣ В. Турбу, а затѣмъ меня для завѣдыванія редакціей. Болѣе года я велъ дѣло, но, по непривычкѣ къ здѣшнему климату, постоянно хворалъ и, въ концѣ концовъ, рѣшилъ-таки уѣхать куда-нибудь на югъ, въ провинцію. Въ апрѣлѣ 1877 года я получилъ мѣсто мирового судьи, по назначенію отъ правительства, въ Подольской губерніи, и сталъ подыскивать себѣ, какъ принято выражаться, преемника. По соглашенію съ Карчевскимъ, мы остановилась на В. В. Чуйко, который и согласился принять на себя редакторскія тяготы — за тѣ же двѣ тысячи рублей въ годъ, которыя получалъ и я. Надо замѣтить еще, что въ это самое время покойный В. В. редактировалъ, неофиціально же, Микѣшинскую „Пчелу"; но такъ какъ оба изданія были еженедѣльныя, то и не представлялось, повидимому, большихъ неудобствъ

этого совмѣстительства, — и В. В. былъ чрезвычайно доволенъ, что получилъ постоянныя журнальныя занятія при ассюрированномъ, опредѣленномъ вознагражденіи. Но — увы! — это продолжалось недолго... Лѣтомъ того же 1877 года, онъ переѣхалъ на дачу въ Знаменку, а Карчевскій, завѣдывавшій всею хозяйственною частью журнала, — на станцію Сиверскую, совсѣмъ въ другой бокъ отъ Петербурга; постоянно сноситься редактору съ издателемъ было, конечно, довольно трудно, — и вотъ, въ результатѣ дачной жизни вышло то, что нумера „Живописнаго Обозрѣнія" стали запаздывать выходомъ въ свѣтъ, чѣмъ и воспользовались нѣкоторые ловкіе господа, поспѣшившіе оттереть Чуйко отъ редакціи названнаго журнала совсѣмъ и захватить эту редакцію въ свои руки. А вскорѣ прекратилась и „Пчела", — и опять В. В. — этотъ литературный труженикъ не отъ міра сего—остался не у дѣлъ и безропотно перешелъ на амплуа „случайнаго" сотрудника разныхъ журналовъ и газетъ и, между прочимъ, того же „Живописнаго Обозрѣнія"...

А насколько это „случайное" сотрудничество было подчасъ тяжело для Чуйко и неблагодарно, можно судить, напримѣръ, по слѣдующему факту, подтвержденіе котораго мнѣ довелось слышать еще разъ, уже послѣ смерти В. В., отъ его близкихъ родныхъ. Оказывается, что въ „Новостяхъ" Чуйко сталъ сотрудничать тотчасъ же по переходѣ ихъ въ руки г. Нотовича, завѣдуя тамъ критическимъ отдѣломъ, художественнымъ и, въ экстренныхъ случаяхъ, театральнымъ. При этомъ, онъ получалъ всего по 3 к. за строку; по крайней мѣрѣ, этотъ именно гонораръ онъ согласился получать за свои статьи о Росси, чтобы только имѣть возможность высказаться о геніальной игрѣ знаменитаго артиста [1]).

[1]) Свѣдѣнія эти сообщаются мною со словъ жены покойнаго, Н. П. Чуйко.

И. З.

Послѣдній, извѣстный мнѣ (а сколько я не знаю!..) случай крайней „непрактичности" покойнаго Чуйко произошелъ всего два года тому назадъ (въ 1897 г.). В. В. было въ это время уже 58 лѣтъ; много, конечно было литературнаго опыта и знанія, но давала чувствовать себя и наступившая старость: онъ уже не могъ работать по 12-ти и болѣе часовъ въ сутки, какъ случалось работать прежде... Въ это-то время и улыбнулась ему судьба-мачиха: онъ былъ приглашенъ А. Вольфомъ и утвержденъ главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати редакторомъ въ основанную г. Вольфомъ газету „Лучъ", съ жалованьемъ въ пять тысячъ рублей въ годъ и очень необременительными обязательными работами. Кажется, ужь какого бы лучше желать положенія?!... Но вся бѣда, какъ оказалось потомъ, произошла все отъ той же „непрактичности" Чуйко, не выговорившаго себѣ заранѣе тѣхъ прерогативъ, которыя довлѣли ему, какъ „редактору". Г. Вольфъ, пригласивъ, формальнымъ договоромъ, Чуйко въ редакторы „Луча", не предоставилъ ему обычнаго, въ такихъ случаяхъ, права пригласить и подобрать извѣстный ему, редактору, составъ сотрудниковъ по отдѣламъ, а сдѣлалъ этотъ подборъ самъ, помимо соглашенія съ В. В. Результаты этого редакціоннаго дуализма не преминули сказаться очень скоро. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ, — и добродушнаго Владиміра Викторовича стали вызывать „на объясненія" — въ цензурный комитетъ... А тамъ онъ весьма наивно, въ простотѣ своей искренней души, сталъ объяснять, что погрѣшности газеты, замѣченныя въ такомъ-то и такомъ-то отдѣлѣ, до него, Чуйко, вовсе не касаются, такъ какъ онъ не завѣдуетъ этими отдѣлами въ „Лучѣ" и не онъ приглашалъ лицъ, руководящихъ этими отдѣлами... Въ концѣ концовъ, пришлось, конечно, распроститься и съ редакторствомъ въ „Лучѣ" — и перейти, по-старому, на тяжелую роль „случайнаго" сотрудника петербургскихъ журналовъ и газетъ.

Рѣдкій человѣкъ могъ относиться къ своимъ неудачамъ и литературнымъ злоключеніямъ съ такимъ добродушіемъ и чисто-евангельскимъ незлобіемъ, съ какими относился въ этихъ случаяхъ Чуйко. Даже болѣе: онъ такъ юмористично, съ такимъ добрымъ, милымъ и заразительнымъ смѣхомъ, жестикулируя, по обыкновенію, пальцами, разсказывалъ самъ объ этихъ злоключеніяхъ, что невольно заставлялъ и слушателя, прежде всего, улыбаться... На его журфиксахъ, въ началѣ 1877 года (въ домѣ на площади Александринскаго театра, черезъ домъ отъ теперешняго Кредитнаго общества, въ самомъ углу), собирались очень многіе; радушіе хозяевъ и разностороннія познанія самого В. В. въ сферѣ изящныхъ искусствъ дѣлали вечера его чрезвычайно интересными, такъ что иногда гостямъ приходилось засиживаться до разсвѣта. Я помню на этихъ вечерахъ Д. В. Григоровича, П. Д. Боборыкина, покойныхъ Н. И. Шульгина, П. И. Пашино и Карчъ-Карчевскаго, художника-литератора Н. Александрова, поэта Омулевскаго, В. И. Данченко, А. К. Шеллера, В. В. Иностранцева, А. Аксакова, М. А. Антоновича, В. И. Жуковскаго и мн. др. Не мало содѣйствовала оживленію этихъ вечеровъ и Наталья Павловна Чуйко, жена покойнаго писателя, бывшая постоянною ему помощницею и сотрудницею на трудномъ и тернистомъ литературномъ поприщѣ. Въ Петербургѣ, среди писательской братіи, не легко было встрѣтить такіе милые, радушные и интересные журфиксы, какъ тѣ, что существовали въ квартирѣ Чуйко, 26 лѣтъ тому назадъ, — и даже теперь, когда прошли съ того времени цѣлыя десятилѣтія, я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю милыхъ, радушныхъ хозяевъ, встрѣчавшихъ насъ, шумныхъ гостей, въ своей скромной, уютной квартирѣ.

Мои краткія воспоминанія о покойномъ В. В. Чуйко, конечно, не полны. Найдутся, несомнѣнно, люди, знавшіе этого литературнаго труженика ближе, чѣмъ я, и кото-

рые, можетъ быть, напишутъ о немъ болѣе и обстоятельнѣе. Статья моя пишется наскоро — съ тѣмъ, чтобы она могла попасть въ майскую книгу журнала [1]), а потому и прошу не видѣть въ ней ни подробной біографіи покойнаго, ни подробныхъ о немъ „воспоминаній", которыя, по нѣкоторымъ причинамъ, даже и преждевременны.

[1]) Рѣчь идетъ объ «Историческомъ Вѣстникѣ», въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1899 года.

У Л. Н. ТОЛСТОГО.

У Льва Николаевича Толстого.

(Личныя впечатлѣнія).

Я уже давно собирался посѣтить какъ-нибудь Льва Николаевича Толстого, но это мнѣ все какъ-то не удавалось: ѣхать къ нему въ Ясную Поляну я никакъ не удосуживался, да и не рѣшался, — такъ какъ находилъ, что пріѣхать безъ зова къ незнакомому человѣку прямо въ деревню — это значило бы потребовать насильственно гостепріимства; а когда мнѣ случалось, по дорогѣ въ Питеръ, проѣзжать Москву, гдѣ я, обыкновенно, останавливался всегда дня на два на три, то всегда выходило такъ, что или Льва Николаевича не было въ Москвѣ, или я самъ никакъ не могъ удѣлить время на путешествіе къ нему въ Хамовники (гдѣ былъ его домъ), отстоящія отъ центра Москвы верстахъ въ четырехъ, если не больше. Разъ рѣшился уже было заѣхать, написалъ ему письмо, прося разрѣшить мнѣ обезпокоить его,—но отвѣта не получилъ.

Заочно же я былъ знакомъ со Львомъ Николаевичемъ давно, почти 10 лѣтъ [1]),—и это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ 1889 году я издалъ свои народные разсказы, печатавшіеся въ различныхъ журналахъ. Книжку мою, носящую заглавіе „Люди Темные“, я выслалъ Льву Николаевичу въ Ясную Поляну. Въ скорости, ко мнѣ въ Орен-

---

[1]) Статья писана въ 1899 году; напечатана (въ «Историч. В.») въ 1900 году.

бургъ, гдѣ я управлялъ тогда Отдѣленіемъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка, пришелъ и отвѣтъ отъ Л. Н.: писала его дочь, Марья Львовна (вышедшая впослѣдствіи замужъ за кн. Оболенскаго), по порученію отца, который—она сообщала — былъ въ это время нездоровъ; она писала, что мои разсказы „очень понравились“ Льву Николаевичу, и онъ желалъ бы, чтобы нѣкоторые изъ нихъ были изданы для народа — существовавшею въ то время московскою книжною фирмою „Посредникъ“, во главѣ которой стояли В. Г. Чертковъ (высланный впослѣдствіи изъ Россіи) и разбогатѣвшій книготорговецъ Сытинъ,—и чтобы я, въ случаѣ согласія, сообщилъ бы о томъ г. Черткову.

Я былъ очень порадованъ этимъ добрымъ отзывомъ о моихъ разсказахъ со стороны такого геніальнаго писателя, какъ Толстой; но въ то же время, былъ не мало и изумленъ этимъ его желаніемъ—чтобы мои разсказы были отданы Черткову... Дѣло въ томъ, что я, когда моя книжка только еще набиралась въ Петербургѣ, представилъ, для ускоренія дѣла, ея корректурные листы въ существовавшее тогда на Лиговкѣ отдѣленіе этой издательской фирмы, предлагая воспользоваться — конечно, безплатно — моими разсказами для дешевыхъ народныхъ изданій „Посредника“, —и эти корректуры, какъ я узналъ, поступили на просмотръ именно г. Черткову, жившему тогда, въ ноябрѣ 1889 года, въ Петербургѣ; затѣмъ, спустя нѣсколько дней, я зашелъ справиться, и узналъ, что г. Чертковъ находитъ мои разсказы „не подходящими для народныхъ изданій „Посредника“...

Теперь, съ полученіемъ письма М. Л. Толстой, выходило совершенно непонятное для меня qui pro quo... И я рѣшилъ отвѣтить и объяснить прямо, что, съ своей стороны, совершенно согласенъ на изданіе моихъ разсказовъ „Посредникомъ“, но что обращаться къ г. Черткову не рѣшаюсь, такъ какъ, мои разсказы были уже у него и имъ не одобрены...

Спустя всего нѣсколько дней, получаю длинное посланіе отъ самого г. Черткова, гдѣ онъ пишетъ, что неодобреніе моихъ разсказовъ для народныхъ изданій московской фирмы есть не болѣе, какъ недоразумѣніе: что онъ, Чертковъ, не могъ прочесть ихъ когда я представлялъ ихъ ему въ Петербургѣ, такъ какъ въ то время его жена была очень больна; что онъ очень извиняется за это недоразумѣніе, и пр., и пр... Письмо было, вообще, очень любезное и заканчивалось такъ: „Да поможетъ вамъ Богъ во всѣхъ вашихъ добрыхъ и честныхъ дѣлахъ“..

Я тотчасъ же, конечно, изъявилъ еще разъ свое полное согласіе—и между мною и В. Г. Чертковымъ шла нѣкоторое время переписка, принявшая даже, въ концѣ, философско-религіозный характеръ. Лично въ то время знакомы мы не были, и я познакомился съ г. Чертковымъ лишь весною 1896 года.

Но съ моими разсказами вышла потомъ новая исторія—довольно интересная, какъ увидятъ читатели: ихъ не пропустили, для отдѣльныхъ изданій, ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, ни въ Казани,—и цѣлый годъ у меня съ фирмою „Посредникъ“ шла переписка; но, вмѣсто Черткова, уѣхавшаго съ больною женою за границу, со мною переписывался начинающій — въ то время — писатель-народникъ И. И. Горбуновъ-Посадовъ. Въ мартѣ 1891 года я, будучи переведенъ изъ Оренбурга въ Ставрополь, заѣхалъ въ Петербургъ представиться новому начальнику, поэту-лавреату гр. А. Голенищеву-Кутузову, назначенному, передъ этимъ, Управляющимъ Крестьянскимъ Поземельнымъ Банкомъ вмѣсто Картавцева, — и вотъ, живя въ Питерѣ, отнесъ желаемые „Посредникомъ“ разсказы въ цензурный комитетъ, прося разрѣшить издать ихъ отдѣльно. Черезъ недѣлю захожу и узнаю отъ секретаря комитета, Н. И. Пантелеева, немножко мнѣ знакомаго, что „разсказы едва ли будутъ дозволены“... что они находятся на просмотрѣ у цензора г. Пеликана. Отправляюсь къ нему на квар-

тиру. Г. цензоръ встрѣчаетъ меня очень любезно, но заявляетъ, что мои разсказы „не могутъ быть дозволены для дешевыхъ народныхъ изданій“...

— Почему же?—съ изумленіемъ спрашиваю я.

— А вотъ почему, — отвѣчаетъ г. Пеликанъ: — у васъ, напримѣръ, въ разсказѣ „Дядя Гаврилычъ“ выведенъ полицейскій урядникъ, не пожелавшій покрыть невольнаго вора, дядю Гаврилыча, который потомъ отъ стыда и повѣсился...

— А если вмѣсто урядника будетъ фигурировать сельскій староста, тогда можно?

— Тогда я пропущу этотъ разсказъ.

Точно такъ же состоялся пріятный для меня компромиссъ и съ другими разсказами. Оказывалось, напр., что въ „Василисѣ—сладкій медъ“ наша „слишкомъ чопорная цензура“ увидѣла порнографію — потому, изволите ли видѣть, что тамъ бабу Василису, отбивающуюся отъ мужа и исчезавшую по ночамъ, мать и свекровь рѣшили „поучить“ и высѣкли.... Вмѣсто „сѣкутъ“, поставлено было „наказываютъ“—и разсказъ былъ дозволенъ. Въ „Отходчивомъ сердцѣ“ цензоръ находилъ большой соблазнъ въ томъ, что въ отсутствіе сына солдата свекоръ вступаетъ въ связь со снохою; но мнѣ удалось-таки отстоять этотъ разсказъ во всей его неприкосновенности, и онъ былъ, тоже, дозволенъ. Такимъ образомъ, благодаря доступности г. цензора и его любезности, мои разсказы получили надлежащую санкцію, а затѣмъ, были вскорѣ и изданы — названною книгоиздательскою фирмою.

Вотъ, благодаря этимъ-то разсказамъ, и завязалось у меня 10 лѣтъ тому назадъ, заочное знакомство съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ. Затѣмъ, съ теченіемъ времени эти сношенія стали забыватся; я все собирался поблагодарить его какъ-нибудь лично за оказанное вниманіе, но всѣ эти сборы откладывались въ дальній ящикъ... Потомъ, я было уже и совсѣмъ отложилъ свое намѣреніе увидѣться съ Л. Н., въ виду того, что, судя по газетамъ, его черезчуръ уже стали тормошить нежданные посѣтители — не только со всѣхъ концовъ Россіи и изъ Европы, но даже изъ Америки,—и я очень сожалѣлъ, что не придется, пожалуй, и совсѣмъ его увидѣть. Но въ зиму 1898-99 гг. случилось одно обстоятельство, давшее мнѣ, наконецъ, рѣшимость посѣтить Льва Николаевича.

Въ эту зиму мнѣ довелось бывать довольно часто въ Зимнемъ Дворцѣ, у камеръ-фрейлины графини Александры Андреевны Толстой,—н не только бывать, но и разбирать отчасти ея бумаги и переписку. Это была та самая графиня Толстая, которая смѣнила, въ 1866 году, воспитательницу великой княжны Маріи Александровны, А. Ѳ. Тютчеву, вышедшую замужъ за И. С. Аксакова, занявъ ея мѣсто. Въ перепискѣ графини оказались письма многихъ знаменитостей, начиная съ гр. Бисмарка и В. А. Перовскаго и кончая громкими литературными именами русской земли — Жуковскаго, Тургенева, Гончарова и, главное, графа Л. Н. Толстого, писемъ котораго оказалось около ста. И вотъ, когда я читалъ эти увлекательныя письма Льва Николаевича, обнимающія собою пространство времени съ 1857 года — болѣе 40 лѣтъ—и дышащія, къ тому же, величайшей и столь свойственной Льву Николаевичу искренностью, у меня явилось непреодолимое желаніе увидѣть автора этихъ писемъ, литературнаго генія нашего времени. Обстоятельства сильно посодѣйствовали этому желанію: графиня Софья Андреевна, супруга Льва Николаевича, должна была въ началѣ апрѣля пріѣхать въ Петербургъ для какихъ-то хлопотъ, и я надѣялся быть ей представленнымъ графинею Александрою Андреевной и испросить при этомъ разрѣшеніе посѣтить ея мужа; вдругъ, гр. А. А. получаетъ извѣстіе, что супруга Льва Николаевича заболѣла въ Москвѣ и что вслѣдствіе этого, самъ графъ Л. Н. пріѣхалъ изъ Ясной Поляны въ Москву же и находится неотлучно при больной графинѣ. За-

тѣмъ, въ половинѣ апрѣля стало извѣстно, что гр. Софьѣ Андреевнѣ много легче и что она на пути къ выздоровленію; а 24 апрѣля я долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга, — и, такимъ образомъ, могъ разсчитывать найти Льва Николаевича въ Москвѣ. Графиня А. А. придала мнѣ рѣшимости посѣтить Льва Николаевича и даже предлагала написать къ нему письмо, какъ бы рекомендательное; но я нашелъ на этотъ разъ такой путь знакомства неудобнымъ и не рѣшился принять предложенную мнѣ любезность.

25 апрѣля, вечеромъ, я пріѣхалъ въ Москву, а 26 утромъ, часовъ въ 12-ть, былъ уже въ Хамовническомъ переулкѣ, въ домѣ, на воротахъ котораго было написано, что онъ принадлежитъ „графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой".

Домъ этотъ — деревянный, двухъ-этажный, былъ выстроенъ отступя сажени на двѣ отъ улицы и войти въ него надо было со двора. На этомъ дворѣ росли деревья, виднѣлся какой-то каменный подвалъ, на которомъ красовалась надпись: „Складъ изданій Л. Н. Толстого", а за дворомъ, вдали, виденъ былъ большой тѣнистый садъ. Единственное крыльцо, которое было видно, служило, очевидно, „парадными" и было заперто. Я позвонилъ,—и на звонокъ вышелъ шустрый, молодой лакей, объявившій мнѣ, что Льва Николаевича „нельзя теперь видѣть", что „они занимаются"... Я спросилъ человѣка—нельзя ли видѣть кого-нибудь изъ семейства Льва Николаевича.

— А вотъ, я вызову къ вамъ г. Ге, — отвѣчалъ онъ, и ушелъ въ сосѣднюю съ передней комнату, служившую, повидимому, столовой, такъ какъ тамъ продолжался еще стукъ тарелокъ и чашекъ и слышенъ былъ шумъ многихъ разговаривающихъ голосовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, ко мнѣ вышелъ молодой человѣкъ, въ блузѣ, средняго роста, довольно красивый блондинъ, сынъ извѣстнаго недавно умершаго художника

Н. Н. Ге, находившагося со Львомъ Николаевичемъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Я объяснилъ г. Ге, что хотѣлъ бы повидать Льва Николаевича, что я — литераторъ, немножко знакомый ему, по перепискѣ, и что въ Москвѣ остановился всего на два дня и долженъ поскорѣе выѣхать на Кавказъ, лѣчиться.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ мнѣ, полушепотомъ, что Левъ Николаевичъ „не болѣе какъ 1/4 часа тому назадъ позавтракалъ, отпилъ кофе и ушелъ къ себѣ — заниматься".—Послѣ обѣда, отъ семи часовъ, Л. Н. свободенъ, и тогда, вѣроятно, васъ приметъ, — прибавилъ г. Ге.

Съ тѣмъ я тогда и уѣхалъ, — передавъ лишь г-ну Ге для Льва Николаевича мою книжку „Хива", въ которой былъ подробно описанъ злосчастный зимній походъ въ Хиву графа В. А. Перовскаго въ 1839 году. Я зналъ изъ писемъ Льва Николаевича къ гр. Толстой, что онъ послѣ „Войны и мира", задумавъ своихъ „Декабристовъ", сильно интересовался эпохою 20-хъ и 30-хъ годовъ въ Россіи — русскимъ обществомъ того времени, а также и замѣчательною личностью самого Перовскаго (Василія Алексѣевича), а потому, и рѣшился преподнести ему эту мою книжку, годъ назадъ вышедшую и имѣвшую успѣхъ [1]).

[1]) Вотъ, напримѣръ, какого былъ мнѣнія Левъ Николаевичъ объ этой эпохѣ и о самомъ Перовскомъ (В. А.), побочномъ сынѣ одного изъ графовъ Разумовскихъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. А. А. Толстой (въ 1878 году) онъ, между прочимъ, писалъ ей:

... «Очень, очень вамъ благодаренъ за ваше обѣщаніе дать мнѣ свѣдѣнія о Перовскомъ. Ваше обѣщаніе было бы для меня большой заманкой для петербургской поѣздки, если бы, кромѣ этого, у меня не было сильнѣйшаго желанія побывать въ Петербургѣ; желаніе это уже дошло до maximum; теперь нуженъ толчекъ... А толчка этого нѣтъ; даже, скорѣе, случился толчекъ обратный, въ видѣ моего нездоровья... Буду ждать. Перовскаго личность вы совершенно вѣрно опредѣляете à grands traits; — такимъ и я его представляю себѣ; и такая фигура — одна, наполняющая картину; біографія его—была бы груба; но съ другими, противоположными ему, тонкими, мелкой работы, нѣжными характерами, какъ, напр., Жуковскій, котораго вы, кажется, хорошо знали,

Ге обѣщалъ исполнить мою просьбу, „какъ только Левъ Николаевичъ кончитъ писать“...

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, часу въ седьмомъ, я нанялъ извозчика — изъ Газетнаго переулка, гдѣ тогда остановился, въ Хамовники — и отправился. На бѣду, извозчикъ мнѣ попался плохой, и я ѣхалъ почти часъ; а затѣмъ, къ крайнему моему неудовольствію, случился еще слѣдующій казусъ. Я приказалъ возницѣ везти меня въ „Хамовники“, назвавъ вообще ту мѣстность, гдѣ находился домъ Л. Н. (въ Хамовническомъ переулкѣ), — и, мало зная эту часть Москвы, не могъ судить—правильно, или нѣтъ онъ меня везетъ; тѣмъ болѣе, что были уже

а главное съ декабристами, — эта крупная фигура, составляющая тѣнь (оттѣнокъ) къ Николаю Павловичу, самой крупной и à grands traits фигуры, выражаетъ вполнѣ то время.—Я теперь весь погруженъ въ чтеніе изъ времени 20-хъ годовъ и не могу вамъ выразить то наслажденіе, которое я испытываю, воображая себѣ это время. Странно и пріятно думать, что то время, которое я помню—тридцатые года—ужь исторія!.. Такъ и видишь, что колебаніе фигуръ на этой картинѣ прекращается—и все останавливается въ торжественномъ покоѣ истины и красоты... Я испытываю чувство повара (плохого), который пришелъ на богатый рынокъ и, оглядывая всѣ эти къ его услугамъ предлагаемыя овощи, мяса, рыбы, мечтаетъ о томъ, какой бы онъ сдѣлалъ обѣдъ... Такъ и я мечтаю,—хотя и знаю, какъ часто приходилось мечтать прекрасно, а потомъ портить обѣды, или ничего не дѣлать... Ужь какъ пережаришь рябчиковъ, потомъ ничѣмъ не поправишь!.. И готовить трудно и страшно. А обмывать провизію, раскладывать—ужасно весело...

Молюсь Богу, чтобы онъ мнѣ позволилъ сдѣлать хоть приблизительно то, что я хочу. Дѣло это для меня такъ важно, что, какъ вы ни способны понимать все, вы не можете представить — до какой степени это важно: такъ важно, какъ важна для васъ ваша вѣра; и еще важнѣе,—мнѣ бы хотѣлось сказать; но важнѣе ничего не можетъ быть. И оно то самое и есть.

Цѣлую руки у вашей матушки и дружески жму вашу руку.

Вашъ Л. Толстой».

(Письмо это подарено мнѣ, какъ автографъ Льва Николаевича, графинею А. А. Толстой и хранится у меня). И. З.

сумерки... Утромъ же я ѣхалъ конками, а потомъ шелъ пѣшкомъ, постоянно разспрашивая—гдѣ домъ графа Толстого?—и оказывалось, что всѣ, къ кому я ни обращался, отлично знали этотъ домъ и направляли меня къ нему вѣрно; а тутъ вдругъ, вижу, подъѣзжаемъ мы къ какому-то громадному зданію, около котораго мой извозчикъ и останавливается.

— Вотъ и пріѣхали,—говоритъ онъ.

— Да куда же ты пріѣхалъ?—спрашиваю его.—Мнѣ вѣдь нужно въ Хамовническій переулокъ.

— Это казармы,—отвѣтилъ онъ:—Вы меня рядили въ Хамовники; ну, вотъ, эти казармы и зовутся Хамовниками...

Дѣлать было нечего: пришлось отпустить этого извозчика съ его заморенною клячей и взять другого—до Хамовническаго переулка. И такимъ образомъ, вмѣсто желаемыхъ семи часовъ, я, къ величайшей досадѣ, подъѣхалъ къ дому Льва Николаевича лишь въ восемь.

На дворѣ стояла запряженная коляска и осѣдланная лошадь. Дверь парадмаго крыльца оказалась на этотъ разъ открытою. Я вошелъ, и опять пришлось ждать въ той же передней, опять явился Ге и начались переговоры... Я съизнова долженъ былъ объяснить—кто я и зачѣмъ... Ге пошелъ наверхъ, по деревянной лѣстницѣ... Въ его отсутствіе, въ переднюю вошелъ новый гость, очень изящно одѣтый господинъ высокаго роста, съ какими-то папками въ рукахъ...

Черезъ нѣсколько минутъ, Ге вернулся и, указывая на лѣстницу, ведущую наверхъ, сказалъ:

— Левъ Николаевичъ васъ приметъ. Вотъ, поднимитесь по этой лѣстницѣ наверхъ; — тамъ васъ проведутъ...

— Пожалуйста, доложите ужь кстати и обо мнѣ, — обратился къ нему новый гость.

— Извините: Левъ Николаевичъ собирается ѣхать

верхомъ, а потому, не успѣетъ принять и васъ, — отвѣчалъ Ге.

— Да помилуйте!—запротестовалъ гость:—я уже въ третій разъ пріѣзжаю, и вы мнѣ все отказываете...

Я оставилъ спорящихъ и поспѣшилъ подняться наверхъ. Когда я поднялся и вступилъ на площадку, то въ углу ея оказалось большое общество: нѣсколько дамъ и молодыхъ людей сидѣли около стола, на которомъ горѣла лампа. По видѣннымъ мною ранѣе портретамъ, я тотчасъ же узналъ графиню Софью Андреевну, супругу Льва Николаевича, и подошелъ къ ней. Я назвалъ себя и сказалъ, что желалъ бы видѣть Льва Николаевича.

— Надо узнать отъ Сержа [1]) можно ли его видѣть,— проговорила графиня.

Я объяснилъ, что можно — что именно г. Ге это мнѣ и сказалъ... Затѣмъ, чтобы сказать еще что-нибудь, я сообщилъ, что лишь на-дняхъ видѣлся въ Петербургѣ съ ея уважаемой родственницей, графиней Александрой Андреевной Толстой, которая ждала ее въ Питеръ...

— А вы знакомы съ графиней Александрой Андреевной?—спросила она.

Я сказалъ, что да, знакомъ, и что графиня предлагала мнѣ даже рекомендательное письмо къ Л. Н.

Тогда, графиня-хозяйка послала за господиномъ Ге, а въ это время обмѣнялась со мною нѣсколькими фразами и, между прочимъ, сообщила, что ея поѣздкѣ въ Петербургъ помѣшала, въ началѣ, ея собственная болѣзнь, а затѣмъ болѣзнь ея младшей дочери Саши (крестницы гр. Александры Андреевны) и внуковъ — дѣтей ея сына Ильи и Сергѣя.

— У насъ теперь, внизу, цѣлый лазаретъ; а потому-то, наша гостиная и находится въ этомъ маленькомъ

---

[1]) Сергѣй Львовичъ Толстой, старшій сынъ Льва Николаевича.

уголкѣ, —и она показала на маленькій, дѣйствительно, уголокъ на площадкѣ, гдѣ мы сидѣли, уставленный мягкою мебелью.

Наконецъ, явился Ге и хозяйка поручила ему „проводить“ меня къ Л. Н.

Почти впотьмахъ—такъ какъ былъ 9-й часъ вечера,— я пошелъ по какому-то неосвѣщенному корридору; потомъ, я и мой провожатый вступили въ маленькія и низенькія комнаты; въ одной изъ нихъ, въ углу, горѣло нѣчто въ родѣ электрической лампочки... Ге, показавъ мнѣ рукой на сосѣднюю комнату и сказавъ вполголоса:—Вонъ тамъ, въ той комнатѣ,—ушелъ отъ меня.

Я не рѣшился прямо-таки войти въ комнату Льва Николаевича, которая, оказалось, была его рабочимъ кабинетомъ, и сдѣлалъ нѣсколько громкихъ шаговъ по полу. Въ это время въ дверяхъ показался самъ Левъ Николаевичъ.

— Здравствуйте! заходите сюда,—пригласилъ онъ.

Я вступилъ въ его комнату, поздоровался съ нимъ и назвалъ себя, объяснивъ, что немножко, можетъ быть, ему знакомъ (Тутъ я въ нѣсколькихъ словахъ напомнилъ ему о моихъ народныхъ разсказахъ изъ книги „Люди темные“)...

— Какъ же, какъ же! я помню ваши разсказы: они мнѣ очень понравились,—сказалъ Левъ Николаевичъ.

— Вотъ, я и собирался все поблагодарить васъ, Левъ Николаевичъ, лично за это ваше вниманіе и лестный для меня отзывъ, сообщенный мнѣ тогда вашей дочерью, Марьей Львовной.

— Что же вы такъ долго собирались—десять лѣтъ?

— Да такъ случилось... Я, впрочемъ, разъ какъ-то написалъ вамъ — просилъ разрѣшить мнѣ посѣтить васъ,— но отвѣта не получилъ.

— Ну, ужь извините въ этомъ случаѣ меня: я рѣдко отвѣчаю на письма, — такое множество получаю ихъ со

всѣхъ сторонъ... Прежде, когда мнѣ помогала одна изъ дочерей, я еще отвѣчалъ; но теперь — рѣдко: не имѣю времени...

Въ это время, вдругъ, въ самыхъ дверяхъ его маленькой комнатки-кабинета показался тотъ самый высокій, рыжій молодой человѣкъ, котораго я оставилъ спорящимъ съ Ге внизу, въ передней.

— Простите, Левъ Николаевичъ! я на минутку,— проговорилъ онъ...

Левъ Николаевичъ тотчасъ же пошелъ ему на встрѣчу:

— Ничего, очень радъ,— проговорилъ онъ,— и повелъ вошедшаго куда-то дальше, въ одну изъ сосѣднихъ комнатъ, которыми я только-что проходилъ... Я лишь слышалъ, что этотъ, безцеремонно вошедшій господинъ говорилъ Льву Николаевичу:

— Я художникъ М—евъ; позвольте мнѣ иллюстрировать вашу повѣсть...

Далѣе я уже не слышалъ ихъ разговора. Потомъ я узналъ, что этотъ г. художникъ, послѣ довольно продолжительнаго спора съ Ге, внизу, видя, что Левъ Николаевичъ „принимаетъ“ и узнавъ маршрутъ по лѣстницѣ и комнатамъ, который сообщилъ мнѣ Ге, вышелъ изъ передней на дворъ, а потомъ вернулся, да и пошелъ самъ по той лѣстницѣ вверхъ, по которой только-что поднялся я, преодолѣвъ, затѣмъ, всѣ преграды, встрѣтившіяся на пути, и дошелъ-таки до кабинета Льва Николаевича.

Когда я остался одинъ, то оглянулся вокругъ себя въ полутемной комнатѣ и былъ чрезвычайно пораженъ простотою обстановки этого „кабинета“, въ которомъ работалъ нашъ геніальный писатель. Комната была очень небольшая, почти квадратная, не болѣе восьми аршинъ въ каждой сторонѣ, и къ тому же очень низкая: я рукой чуть не доставалъ до потолка... Со входа налѣво, перпендикулярно къ окну, выходящему въ садъ, стоялъ самый обыкновенный письменный столъ, весь заваленный

большими полулистами исписанной бумаги (Левъ Николаевичъ передѣлывалъ въ это время свое „Воскресеніе“, печатавшееся въ „Нивѣ“ [1]), а сбоку стола, подъ прессъ-папье, лежало нѣсколько розовыхъ листковъ, денежныхъ повѣстокъ Московскаго почтамта—на голодающихъ крестьянъ. У стола не было кресла, а просто вѣнскій стулъ, на которомъ, очевидно, и сидѣлъ Левъ Николаевичъ во время письма. По одну сторону, противоположную отъ окна, у письменнаго стола было мягкое, обитое темною шагреневою кожей кресло, а у стѣны направо, въ самомъ углу комнаты, стояла такая же отоманка, служившая, вѣроятно, и постелью Льву Николаевичу. Затѣмъ, въ комнатѣ стояло еще нѣсколько простыхъ вѣнскихъ стульевъ, позади письменнаго стола книжный шкапъ, сбоку, слѣва — полка съ книгами и круглый маленькій столикъ съ недопитою бутылкою сельтерской воды и стаканомъ. И на этомъ же столикѣ лежала моя книжка „Хива“, которую я передалъ утромъ Ге для Льва Николаевича. Это и былъ его рабочій кабинетъ въ Москвѣ.

Спустя нѣсколько минутъ, вернулся Левъ Николаевичъ.

— Да что же это мы сидимъ впотьмахъ, — сказалъ онъ.—Или ничего—вамъ не нуженъ огонь?

Я отвѣчалъ, что мнѣ онъ не нуженъ:—Я васъ хорошо знаю, Левъ Николаевичъ, а вы меня, вотъ, тоже узнаете немножко, — разъ вы были уже такъ любезны — приняли меня.

— И отлично: не надо будетъ никого звать и безпокоить. А у меня, кстати, и глаза отдохнутъ въ этихъ сумеркахъ.

---

[1]) Романъ «Воскресеніе», въ его первоначальномъ видѣ, былъ, зимою 1898—1899 гг. привозимъ въ Петербургъ, въ рукописи, однимъ хорошимъ знакомымъ Льва Николаевича, г. Стаховичемъ, для прочтенія въ салонѣ принцессы Евгеніи Максимиліановны, — и такимъ образомъ, романъ сталъ извѣстенъ Петербургу ранѣе, чѣмъ Москвѣ.

— Я вамъ не помѣшалъ ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Я, правда, собирался-было проѣхаться верхомъ, но уже распорядился, чтобы лошадь разсѣдлали. Я всегда радъ, когда меня посѣщаютъ; эти часы у меня свободны, — проговорилъ Левъ Николаевичъ съ чрезвычайно милою и добродушною улыбкою.—Усаживайтесь же.

— Только, ради Бога, не принимайте меня за любопытнаго, или, еще хуже, за газетнаго интервьюера: это было бы для меня—смѣю васъ увѣрить—черезчуръ обидно.

— Да нѣтъ же: вѣдь я хорошо помню ваши народные разсказы, и именно потому помню, что не нашелъ въ нихъ ничего фальшиваго, выдуманнаго, какъ у нѣкоторыхъ писателей—такого, напримѣръ, выдуманнаго, которое встрѣчается у К—ки: вѣдь просто невозможно читать его безъ особеннаго удивленія... Въ одномъ своемъ разсказѣ онъ описываетъ пасхальную заутреню и говоритъ, что люди шли изъ церкви при лунномъ освѣщеніи... Онъ, выдумывая небылицы, не зналъ, между прочимъ, даже того, что Свѣтло-Христова заутреня всегда бываетъ въ темную ночь—то-есть, въ первую субботу послѣ нарожденія весенней луны. И сколько, вообще, выдуманности и неправды у К—ки въ этомъ его разсказѣ! А сравните-ка, напримѣръ, съ нимъ описаніе свѣтлой заутрени у Н. Успенскаго... Помните этотъ разговоръ между парочкой, идущей въ церковь и встрѣтившей препятствіе, въ видѣ лужи грязи... Она спрашиваетъ:

— „Сигать?"... Онъ отвѣчаетъ:—„Сигайте"... И вдругъ, прыжокъ... вскрикъ: „Ухъ!"... и вопросъ молодого человѣка, ея спутника: „Втесались?"...

— Я ставлю — продолжалъ Левъ Николаевичъ — изъ народныхъ писателей Николая Успенскаго, вообще, много выше превознесеннаго другого Успенскаго, Глѣба, у котораго нѣтъ ни той правды, ни той художественности, которая проходитъ во всѣхъ народныхъ разсказахъ Николая Успенскаго.

Тутъ заговорилъ я, такъ какъ предметъ былъ мнѣ очень знакомый.

— А помните, Левъ Николаевичъ, лѣтъ десять назадъ, наша тенденціозная критика прямо-таки объявила, что талантъ Глѣба Успенскаго—„Гоголю равный"...

— Какъ же, помню... Не мало я подивился тогда, прочтя объ этомъ открытіи.

— А вы, вѣроятно, не припомните, почему именно появились эти восторги?.. Все вѣдь вышло изъ-за нѣсколькихъ кабацизмовъ...

— Какъ вы сказали? какіе „кабацизмы?"...—спросилъ, съ веселою нотою въ голосѣ, Левъ Николаевичъ.

— А вотъ какіе. Всѣ эти новѣйшіе писатели-народники происходятъ, по большей части, изъ семинаристовъ — и, къ ихъ несчастію, изъ городскихъ семинаристовъ, т.-е. ихъ отцы служили попами и дьяконами въ городѣ, а не въ селахъ,—и они, поэтому, народа совсѣмъ не знаютъ и принимаютъ за него или пьяный фабричный людъ, или же тѣ подонки, которыя наполняютъ столичные кабаки и трущобы. И вотъ, усердно посѣщая эти кабаки, ради мнимаго ознакомленія съ народомъ, эти литераторы подслушиваютъ иногда мудреныя и скверныя слова, произносимыя пьяницами, запоминаютъ эти слова и возводятъ ихъ потомъ въ перлъ созданія... Такимъ образомъ, появилась, если припомните, Помяловскаго „сипондряція", Глѣба Успенскаго „перекобыльство" и многая другая мерзость... Эти-то словечки я и называю кабацизмами. Напримѣръ, помните сцену у того же Глѣба Успенскаго между двумя пьяными братьями и матерью, состоящую всю изъ немногосложныхъ словъ, произносимыхъ пьянымъ, заплетающимся языкомъ однимъ изъ братьевъ, обирающимъ другого брата: — „Брратъ!.. Манька!.." Критика нашихъ толстыхъ журналовъ нашла эту сцену „геніальной", а автора признала „Гоголю равнымъ"...

— Не читалъ я эту сцену,—отвѣчалъ Левъ Николае-

вичъ:—и не помню ее. Я вообще не читалъ уже послѣднихъ вещей Глѣба Успенскаго, какъ не читаю и Д—ко, у котораго тоже все выдумано, — и вдобавокъ, онъ пишетъ такимъ трескучимъ и витіеватымъ слогомъ и такъ растягиваетъ свои романы и разсказы, что нѣтъ силъ читать. Вотъ подъ вліяніемъ, должно быть, такихъ разсказовъ, которые, къ сожалѣнію, проникаютъ въ народъ, и портится его языкъ. Напримѣръ, у меня въ домѣ есть лакей. По случаю болѣзни жены, приходилось, конечно, звать его довольно часто. И вотъ, однажды мы видимъ въ передней на столикѣ листъ бумаги съ слѣдующимъ мудренымъ заголовкомъ: „Статистическое бюро звонковъ въ домѣ графа Толстого"... и затѣмъ идутъ такія же витіеватыя записи: „Во столько-то часовъ и минутъ пополуночи пронесся по дому первый разливающійся звукъ призывающаго звонка",—и такія же вычурныя фразы о второмъ звонкѣ, о третьемъ и такъ далѣе... Цѣлый день, оказалось, записывалъ...

Въ это самое время, въ кабинетъ тихо вошла графиня Софья Андреевна съ двумя зажженными свѣчами въ рукахъ.

— Что же это, господа, вы сидите въ потемкахъ? Позвольте посвѣтить вамъ, — и она поставила два подсвѣчника на письменный столъ, и затѣмъ, проговоривъ нѣсколько незначительныхъ фразъ, вышла.

Я получилъ возможность разсмотрѣть лицо Льва Николаевича и его самого. Въ общемъ, онъ не имѣлъ никакого сходства ни съ однимъ изъ своихъ прежнихъ портретовъ, — и лишь одинъ, работы московской фотографіи Шереръ и Набгольцъ, продававшійся въ Петербургѣ, въ эстампномъ магазинѣ Аванцо, былъ очень похожъ на того Толстого, котораго я теперь видѣлъ, хотя портретъ былъ снятъ еще въ 1896 году. На немъ Левъ Николаевичъ былъ въ рабочей блузѣ, борода была немного раздвоенная, длинная и сѣдая; но особенно хороши

были на томъ портретѣ глаза: какъ живые, выглядывали они изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, оживляя все его задумчивое, строгое и въ то же время милое и добродушное лицо... То же было и теперь на этомъ живомъ лицѣ генія: голубые блестящіе, какъ у юноши, глаза придавали его старческому лицу какой-то моложавый и красивый видъ. И самъ онъ на видъ былъ очень бодръ и живъ. Станъ его, правда, былъ согнутъ немного (ему исполнилось въ августѣ 1898 года 70 лѣтъ), но цвѣтъ лица былъ совсѣмъ свѣжій, и даже эти густыя, сѣдыя брови не дѣлали его прекраснаго лица суровымъ, а только серьезнымъ;—это было чисто русское, милое и умное старческое лицо, съ этими его сѣдыми, вьющимися вихрами на вискахъ — изъ тѣхъ лицъ, которыя встрѣчаются иногда въ глухихъ русскихъ деревняхъ и понынѣ. Нельзя было оторвать своихъ глазъ отъ этого благороднаго и милаго лица... Бюсты его, мною видѣнные, походили на него также очень мало.

По уходѣ графини, разговоръ нашъ возобновился вновь. Онъ начался съ того, что Левъ Николаевичь заговорилъ о моей книжкѣ „Хива". Оказалось, къ крайнему моему изумленію, что онъ прочелъ уже болѣе половины этой книжки.

— Всю не успѣлъ еще прочесть, — заговорилъ Левъ Николаевичъ. — Меня этотъ походъ очень интересуетъ. А скажите, пожалуйста, я хотѣлъ бы знать, правда или нѣтъ, что Перовскій во время этого похода зарывалъ въ землю живьемъ молодыхъ киргизовъ-проводниковъ въ присутствіи ихъ отцовъ?.. Вы, можетъ быть, это знаете, такъ какъ для своей книги должны были прочесть очень многое объ этомъ несчастномъ походѣ.

Я отвѣчалъ, что это выдумка, что я, живя въ Оренбургѣ и разговаривая со многими участниками похода и подробно разспрашивая ихъ объ этомъ походѣ, не слышалъ ничего подобнаго; что Перовскій, дѣйствительно, во время

бунта киргизовъ въ этомъ походѣ, когда они, получивъ деньги впередъ еще въ Оренбургѣ, хотѣли бросить отрядъ на произволъ судьбы въ снѣжной степи и уйти обратно въ свои кочевья, вмѣстѣ съ верблюдами, покидавъ вьюки, — приказалъ, въ виду упорства взбунтовавшихся, разстрѣлять трехъ человѣкъ,—и только такимъ образомъ спасъ отрядъ, состоящій изъ 4-хъ тысячъ человѣкъ.

— Но откуда же взялся слухъ о такой ужасной жестокости?

Я объяснилъ, что этотъ „слухъ" былъ пущенъ въ русской печати впервые такимъ „достовѣрнымъ свидѣтелемъ", какъ редакторъ одного субсидируемаго въ Москвѣ историческаго журнала, — хотя ему, лучше чѣмъ кому нибудь другому, должно быть извѣстно, что Перовскій, по своему доброму, человѣколюбивому характеру (онъ былъ другомъ Жуковскаго, Плетнева, А. И. Тургенева и др.), не могъ быть способенъ на такую звѣрскую жестокость.

— Ахъ, какъ я радъ, какъ я радъ, что этого не было!— проговорилъ Левъ Николаевичъ. — Я именно былъ увѣренъ, что Перовскій не могъ этого сдѣлать. А вѣдь все-таки — сказалъ Левъ Николаевичъ, послѣ небольшой паузы,—главнокомандующій онъ былъ плохой.

Я отвѣчалъ: — Это несправедливо, Левъ Николаевичъ. О Перовскомъ нельзя судить по одному зимнему походу въ Хиву, ему не удавшемуся: это все равно, напримѣръ, какъ если бы Наполеонъ, въ свой первый походъ въ Италію, потерпѣлъ бы пораженіе со всѣмъ своимъ отрядомъ отъ зноя и жажды; — значитъ, и о немъ бы тогда можно было говорить, что онъ „очень плохой главнокомандующій"... Вѣдь Перовскій потомъ, въ 1853 году, совершилъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ походовъ въ глубь той же средней Азіи.

Левъ Николаевичъ внимательно меня выслушалъ. А затѣмъ, разговоръ перешелъ на графиню Александру Андреевну Толстую, особу, какъ извѣстно, близкую къ по-

койному Перовскому—по своему родству и дружбѣ—и съ которою Левъ Николаевичъ, какъ я уже упоминалъ, состоялъ въ перепискѣ около 40 лѣтъ. Левъ Николаевичъ спросилъ объ ея здоровьѣ, и пр.

— Я отвѣчалъ, что графиня часто похварываетъ; къ нему, Льву Николаевичу, относится съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и любовью: что̀ не далѣе, какъ двѣ недѣли тому назадъ, я, увидя у Аванцо его послѣдній портретъ, преподнесъ его графинѣ, — и она долго всматривалась въ его черты и потомъ поставила его передъ собою, на письменномъ столѣ, въ рамку.

Затѣмъ, разговоръ перешелъ на другую тему. Я спросилъ:

— Доходятъ ли до васъ, Левъ Николаевичъ, сочиненія теперешнихъ марксистовъ? Эти вѣдь еще вреднѣе, чѣмъ псевдо-народники, „лжущіе, народа ради"?..

— Конечно, — оживляясь вновь, заговорилъ Левъ Николаевичъ: — это просто злѣйшіе враги крестьянина, котораго они хотятъ оторвать отъ земли и пристегнуть къ фабрикѣ. Но только, вотъ вопросъ: кто̀ же тогда доставитъ на эти ихъ излюбленныя фабрики ленъ, пеньку, шерсть, кожи и прочее?... Кто̀ будетъ сѣять этотъ ленъ и коноплю и кто̀ займется овцеводствомъ и пастьбою скота?..

Сильно возбужденный, Левъ Николаевичъ выпилъ сельтерской воды и продолжалъ:

— Какъ много теперь развелось этихъ благодѣтелей крестьянства! и всѣ воображаютъ, что спасаютъ отечество!..

— Да вѣдь что-нибудь нужно же сдѣлать, — замѣтилъ я:—вѣдь лукъ натянутъ до послѣдней степени... Возьмите хоть эту минувшую зиму: положительный голодъ въ нѣсколькихъ приволжскихъ и восточныхъ губерніяхъ; затѣмъ, студенческія волненія, принявшія еще необычайные размѣры, и, наконецъ, это выселеніе въ Америку нѣсколь-

кихъ тысячъ самыхъ трудолюбивыхъ и мирныхъ земледѣльцевъ—духоборовъ...

Левъ Николаевичъ быстро всталъ съ своего стула, все лицо его мгновенно оживилось и преобразилось, глаза заблистали, какъ у молодого человѣка:

. . . .

— Я, вотъ, теперь, стараюсь помочь и голодающимъ, и духоборамъ; но вѣдь моя помощь—капля въ морѣ...

Я сказалъ ему:—О духоборахъ я могу сообщить вамъ, Левъ Николаевичъ, интересный фактъ, слышанный прошлымъ лѣтомъ на Кавказѣ. Когда пріѣзжаетъ въ Боржомъ Государыня къ больному Наслѣднику, то ея вещи поручаютъ везти до Аббасъ-Тумана только духоборамъ, т.-е. молоканамъ, на честность которыхъ можно вполнѣ полагаться; между тѣмъ, какъ честность мѣстныхъ жителей—горцевъ и русскихъ переселенцевъ — оказывается сомнительною.

— Стоило только,—проговорилъ Левъ Николаевичъ,— обложить ихъ вмѣсто натуральной воинской повинности, которую они отказывались исполнять, не желая убивать людей на войнѣ, денежною—какъ это допускалось въ Россіи до 1871 года,—и нѣсколько тысячъ честныхъ, лучшихъ людей не ушли бы отъ насъ. Забыли даже серьезную услугу, оказанную ими Россіи еще такъ недавно, именно въ послѣднюю турецкую войну, когда они доставили на армію, находившуюся въ Малой Азіи, и нѣсколько тысячъ лошадей, и фургоны для перевозки фуража, и раненыхъ.

Левъ Николаевичъ подошелъ къ книжному шкапу:

— Вотъ, мнѣ недавно пришлось получить изъ Швеціи коллективное письмо отъ членовъ рейхстага, профессоровъ, журналистовъ и врачей, по поводу этой кукольной комедіи—конференціи о разоруженіи,—и я уже отвѣтилъ на него. То и другое заключается вотъ здѣсь, — и онъ подалъ мнѣ литографированную брошюру, озаглавленную „Письмо изъ Швеціи по поводу конференціи о разоруженіи—и отвѣтъ на него Л. Н. Толстого“.

— А вотъ, еще одна брошюра, на ту же тему, — проговорилъ Левъ Николаевичъ, передавая мнѣ свое второе письмо по поводу воинской же повинности.

Я поблагодарилъ его за оказываемое мнѣ вниманіе и постарался перемѣнить разговоръ, такъ какъ видѣлъ, что вопросъ о несчастной и злой судьбѣ духоборовъ сильно волнуетъ Льва Николаевича:

— Благодарю васъ, Левъ Николаевичъ, за все ваше вниманіе ко мнѣ. А вѣдь я вамъ лично обязанъ очень и очень многимъ, и вы даже не подозрѣваете чѣмъ.

Левъ Николаевичъ сѣлъ, успокоился и спросилъ, улыбаясь:

— А чѣмъ же именно вы мнѣ обязаны? — это интересно узнать.

— Позвольте мнѣ разсказать это послѣдовательно. Въ маѣ 1888 года, я служилъ въ Вильнѣ — предсѣдателемъ Отдѣленія Крестьянскаго Поземельнаго Банка,—и у меня произошло съ начальствомъ маленькое столкновеніе. И вотъ, командируютъ ко мнѣ на ревизію члена совѣта Храповицкаго. Пріѣхалъ онъ, сталъ ревизовать и, что называется, и рветъ, и мечетъ: все не такъ, все не этакъ... И вдругъ, зайдя въ мой кабинетъ, который былъ рядомъ съ канцеляріей (у меня была казенная квартира—при Отдѣленіи), онъ увидѣлъ на стѣнѣ ваше изображеніе — извѣстную гравюру Рѣпина, гдѣ вы пашете... увидѣлъ — и смягчился. Оказалось, что онъ былъ самымъ усерднымъ вашимъ поклонникомъ и послѣдователемъ. А какъ только онъ умягчился, то сталъ относиться къ дѣлу спокойно и справедливо—и все кончилось для меня благополучно.

— Какой это Храповицкій? — спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Новгородскій помѣщикъ; онъ уже умеръ. Его сынъ —архіерей, ректоръ к—ской академіи.

— А, знаю. Этотъ архіерей пріѣзжалъ ко мнѣ, однажды, съ Гротомъ...

— А чѣмъ еще вы мнѣ обязаны?—спросилъ, продолжая прежній разговоръ, Левъ Николаевичъ.

— Еще вотъ чѣмъ. Покойный С. П. Боткинъ совѣтовалъ мнѣ бросить курить, говоря, что я сокращаю свой вѣкъ, а я никакъ все-таки не могъ бросить: трудно было оставить привычку, которой придерживался болѣе 25 лѣтъ. И вотъ, лѣтъ десять тому назадъ, я узнаю, что вы бросили курить. Мнѣ стало досадно, что, вотъ, вы смогли одолѣть свою привычку, а я нѣтъ, — и я рѣшилъ попробовать сдѣлать то же. И послѣ нѣкотораго колебанія, одолѣлъ-таки эту привычку—и курить бросилъ. И сталъ здоровѣе. Только, вотъ, печень мучитъ, — и изъ-за этого ѣзжу на Кавказъ.

— Бросьте еще одну привычку, — вдругъ заговорилъ душевнымъ тономъ, отъ сердца, Левъ Николаевичъ: — бросьте ѣсть мясо. Вѣдь вы, навѣрное, ѣдите мясо... Бросьте — и ваша печень пройдетъ сама собою... Вотъ я этимъ и лѣчусь; у меня тоже печень не въ порядкѣ.

Я возразилъ, что не имѣю средствъ готовить у себя на кухнѣ два стола—мясной и вегетаріанскій.

— Да, я вотъ, отучилъ себя отъ двухъ дурныхъ привычекъ — продолжалъ Левъ Николаевичъ: — отъ мяса и куренія; только вотъ отъ третьей дурной привычки — отъ чтенія газетъ — не могу еще себя вполнѣ отучить,— и изрѣдка все-таки просматриваю ихъ. Впрочемъ, дней пять уже не читалъ никакихъ газетъ.

— Значитъ, вы не знаете, —сказалъ я, — послѣдней новости: инспекторъ Кіевской семинаріи іеромонахъ Филаретъ заколотъ кинжаломъ.

Левъ Николаевичъ быстро оживился.

— Не знаю. Кѣмъ же, кѣмъ? — и лицо его приняло страдальческое выраженіе...

— Нѣкіимъ Крещенскимъ, первымъ ученикомъ и по наукамъ, и по поведенію въ старшемъ классѣ, — отвѣчалъ я. — Его братъ вступился за товарища, котораго умышленно „рѣзалъ“ одинъ учитель на экзаменѣ... Товарища этого исключили, а равно и брата этого перваго ученика исключили же — за то, что онъ рѣшился вступиться за товарища... И вотъ, они всѣ трое поѣхали по Днѣпру въ лодкѣ кататься — чтобы хоть немножко забыться отъ постигшаго ихъ горя... Узнало объ этомъ катаньѣ начальство — и на другой же день исключили изъ семинаріи и этого перваго ученика. Молодое и пылкое сердце юноши необыкновенныхъ способностей не могло перенести этой первой горькой несправедливости, разбившей и всю его послѣдующую жизнь, и жизнь брата, и всѣ надежды и упованія бѣдняковъ родителей... И вотъ, онъ купилъ на базарѣ какой-то старый кинжалъ, — и на другой день, придя къ инспектору за увольнительнымъ билетомъ, ударилъ его этимъ кинжаломъ...

— Умеръ онъ, или нѣтъ? — волнуясь, спросилъ Левъ Николаевичъ.

— Пока, еще нѣтъ.

— Слава Богу!—съ чувствомъ проговорилъ онъ.—Можетъ быть, выживетъ... Вотъ новость! а?!.. И когда это напечатано? гдѣ?

— Да только дня два-три назадъ. Найдете въ „Новомъ Времени“.

— Найду, непремѣнно найду... И удивительно, право,— продолжалъ Левъ Николаевичъ, — какъ это и религіозность не помогла въ данномъ случаѣ... Ужь чего бы, кажется, лучше: стѣны семинаріи, кругомъ образа и монахи, спеціально религіозное образованіе,—и вдругъ, кинжалъ и убійство!..

Потомъ онъ продолжалъ:

— Меня вообще сильно удивляетъ наружная религіозность нашей молодежи... Я, напримѣръ, замѣчаю теперешнихъ студентовъ, правовѣдовъ и лицеистовъ: постоян-

но крестятся... идетъ мимо церкви или часовни—крестится, везутъ Иверскую икону — крестится, несутъ покойника—крестится... Вотъ и вы были офицеромъ и, конечно, помните, что и мы, бывало, крестились: войдешь въ церковь—перекрестишься; а чтобы такъ, на каждомъ шагу—этого я не понимаю и это меня даже возмущаетъ. Что это такое: ханжество или наружная вѣра?...

Послѣ нѣкотораго молчанія, я сталъ говорить Льву Николаевичу:

— Вся эта „наружная", какъ вы называете, вѣра исчезаетъ въ человѣкѣ отъ перваго, иногда случайнаго и чисто внѣшняго, толчка...

. . . .

— Да, вы-таки много видали на своемъ вѣку,—проговорилъ Левъ Николаевичъ.

— Не мало, — отвѣчалъ я. — Вѣдь я еще помню всѣ ужасы крѣпостного права: въ 1861 году, когда освободили крестьянъ, я былъ уже подпоручикомъ въ стрѣлкахъ. Къ ужасу своему, я видалъ наказанія плетьми на эшафотахъ и однажды мнѣ довелось присутствовать при прогнаніи сквозь строй...

— Вы не описали этого ужаснаго наказанія?

— Нѣтъ.

— Напрасно. Такія вещи надо непремѣнно печатать.

. . . .

— Вы непремѣнно, непремѣнно это напишите, — и у васъ это, я увѣренъ, выйдетъ хорошо... Разсказъ долженъ производить самое тяжелое—страшное—впечатлѣніе. Мнѣ, къ счастію, не довелось видѣть этого ужаса.

— Да вѣдь и я видѣлъ поневолѣ: я долженъ былъ, „по наряду", то-есть по приказу, присутствовать при этой страшной экзекуціи, — и отказаться было немыслимо.

Такъ какъ я зналъ — изъ писемъ Льва Николаевича къ графинѣ А. А. Толстой, — что онъ видѣлъ однажды

въ Парижѣ смертную казнь (и три дня послѣ этого ничего не могъ ѣсть), то сказалъ ему:

— Мнѣ извѣстно отъ графини Александры Андреевны, что вы тоже видѣли въ Парижѣ страшную вещь — казнь на гильотинѣ...

— Да, да, видѣлъ, — и долго не могъ опомниться; не могъ ничего ѣсть... тотчасъ же уѣхалъ изъ Парижа въ Швейцарію. Это было въ 1857 году, — и вотъ тогда-то я и встрѣчался съ Александрою Андреевной очень часто.

Я продолжалъ: — Смертную казнь я видѣлъ въ 1864 году, въ Минской губерніи: разстрѣляли одного польскаго шляхтича. Разсказъ этотъ будетъ напечатанъ въ этомъ году въ „Историческомъ Вѣстникѣ", — и, если позволите, я вамъ его вышлю.

— Пожалуйста; это интересуетъ меня. А что̀ вами напечатано за послѣднее время?

Я назвалъ Льву Николаевичу нѣсколько моихъ позднѣйшихъ статей и, между прочимъ, напечатанную въ августовской книгѣ „Вѣстника Европы" за минувшій годъ „Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году".

— Такъ вы видѣли Шамиля?

— Да, я его видѣлъ и даже представлялся ему, какъ и всѣ офицеры, пріѣзжавшіе по дѣламъ службы въ Калугу.

— Какое же онъ вообще производилъ впечатлѣніе?

— Впечатлѣніе громадной силы — и физической, и властной.

— Я служилъ на Кавказѣ до крымской войны, при господствѣ тамъ Шамиля; но увидѣть его потомъ, когда онъ былъ взятъ въ плѣнъ, мнѣ не довелось, — проговорилъ Левъ Николаевичъ.

— Въ той же моей статьѣ — продолжалъ я, — я описалъ свое путешествіе, сдѣланное шагомъ, съ транспортомъ пороха изъ Калуги въ Кузнецкъ, Саратовской губерніи, по нѣсколькимъ внутреннимъ губерніямъ Россіи.

Останавливался я всегда на постоялыхъ дворахъ, и извозчики, чтобы укоротить путь, ѣхали иногда самыми глухими проселочными дорогами. Дѣло было почти наканунѣ освобожденія крестьянъ... Наступала самая интересная и великая эпоха, — и я кое-что, болѣе интересное, записывалъ и запоминалъ тогда. Особенно интересенъ и трагиченъ былъ одинъ разсказъ извозчика на постояломъ дворѣ, — и я помѣстилъ его въ эту статью, „Поѣздка къ Шамилю въ Калугу“; но М. М. Стасюлевичъ немного испортилъ мнѣ этотъ разсказъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Левъ Николаевичъ.

— У меня въ разсказѣ извозчикъ, повѣствуя свои бѣдствія въ захватившую его преждевременную распутицу, говоритъ о той тоскѣ смертной, охватившей его, когда пали, надорвавшись дорогою, его лошади, — и затѣмъ прибавляетъ: ...„И напала на меня вошь... И такая-то, братцы мои, напала вошь, что источила меня, ровно червь“... и т. д. И вотъ это, въ сущности, глубоко скорбное мѣсто г. Стасюлевичъ взялъ да и вычеркнулъ...

— Не понимаю, почему это надо было исключать!— сказалъ Левъ Николаевичъ: — Я иногда просто никакъ не могу обойтись безъ этихъ словъ въ своихъ народныхъ разсказахъ.

Въ это время въ сосѣдней съ кабинетомъ комнатѣ послышались чьи-то шаги — очевидно, женскіе. Можетъ быть, это была вновь графиня, его супруга... Левъ Николаевичъ прислушался къ этимъ шагамъ, но не вышелъ изъ кабинета. Было уже десять часовъ вечера,—и я сталъ прощаться и благодарить его, что онъ удѣлилъ мнѣ этотъ вечеръ, и сталъ извиняться, что такъ долго злоупотребилъ его временемъ. Онъ, съ свойственною ему — по рожденію и воспитанію — деликатностью, остановилъ меня:

— Напротивъ, вы мнѣ доставили большое удовольствіе, — такъ какъ мы сходимся и въ эстетическихъ вкусахъ, и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ... И знаете ли что?— улыбаясь, прибавилъ Левъ Николаевичъ:—какъ вы относитесь къ русской банѣ?

Я отвѣчалъ, что всякій разъ, какъ проѣзжаю чрезъ Москву, нарочито посѣщаю это русское „заведеніе“.

— Вотъ и прекрасно. Чтобы продлить нашу бесѣду, поѣдемте сейчасъ же въ баню. Я сегодня хотѣлъ побывать въ ней.

Мое положеніе было немного неловкое; я былъ одѣтъ, такъ сказать, въ лучшія свои одежды: нарочно принарядился въ крахмальную рубашку, бѣлый жилетъ и галстухъ и только-что сшитый въ Питерѣ англійскій черный сюртукъ съ модными шелковыми отворотами; у меня не было ни своей простыни, ни своего мыла, ни мягкой рубашки,— безъ чего мнѣ было бы непривычно и неудобно ѣхать въ баню. Да и семья моя—я зналъ—сильно обезпокоилась бы такимъ моимъ долгимъ отсутствіемъ...

Левъ Николаевичъ замѣтилъ, должно быть, мое колебаніе.

— Вотъ, постойте-ка, я сейчасъ пойду и узнаю — поѣдетъ ли съ нами моя компанія?

И онъ вышелъ изъ кабинета. Спустя нѣсколько минутъ, онъ вернулся.

— Оказывается, одиннадцатый часъ, и „моя компанія“ находитъ, что въ баню ѣхать поздно,—проговорилъ Левъ Николаевичъ.

Я сталъ прощаться и попросилъ у него позволенія прислать ему мои народные разсказы „Люди темные“, во второмъ ихъ изданіи, куда вошло восемь новыхъ, ему неизвѣстныхъ. Онъ очень любезно разрѣшилъ мнѣ это и спросилъ: какіе именно новые разсказы? Я назвалъ ихъ и, между прочимъ, передалъ ему содержаніе одного разсказа—„Что мы имѣемъ“.

— Я знаю,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—одну восточную же легенду, нѣсколько схожую съ этимъ разсказомъ:

какъ одинъ царь послалъ своего приближеннаго министра по провинціямъ — собирать подати съ народа. Тотъ собралъ, но, возвращаясь, проѣзжалъ чрезъ провинцію, постигнутую голодомъ, и роздалъ нуждающимся въ хлѣбѣ всѣ собранныя имъ деньги. Когда онъ явился къ царю съ пустыми руками, а царь узналъ, что деньги были имъ собраны, то велѣлъ его казнить — за утаеніе, или за растрату этихъ денегъ. Передъ казнью царь призвалъ его и спросилъ—куда онъ спряталъ похищенныя имъ деньги? и министръ отвѣтилъ: — Я ихъ передалъ тебѣ, государь.

— Какъ, мнѣ? — спросилъ изумленный царь.

— Да, тебѣ, государь — отвѣчалъ министръ: — Я роздалъ ихъ отъ твоего имени твоему же умирающему съ голоду народу, который и благословляетъ теперь твое имя;—и затѣмъ, разсказалъ подробно: гдѣ, кому и сколько онъ роздалъ... И царь помиловалъ его.

На этомъ и окончилась въ тотъ достопамятный для меня вечеръ моя бесѣда съ Львомъ Николаевичемъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку—и мы разстались [1]).

Общее впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Левъ Николаевичъ, было сильное и чарующее — по той деликатности, искренности и простотѣ, которыми было проникнуто каждое его слово и сужденіе о дѣлахъ, лицахъ и предметахъ. Къ этому прибавлялось еще особое изя-

[1]) Я привелъ здѣсь, къ сожалѣнію, не всѣ разговоры мои съ Львомъ Николаевичемъ, записанные вкратцѣ въ тотъ же вечеръ. Если при этомъ я позволилъ себѣ, рядомъ съ мнѣніями и словами генія, привести и свои ему отвѣты и разсужденія, то сдѣлалъ это поневолѣ: иначе, не было бы связи между рѣчами Льва Николаевича, — и онѣ носили бы на себѣ лишь отрывочный и мало понятный характеръ, въ особенности же въ виду значительныхъ пропусковъ, сдѣланныхъ мною, по необходимости, въ этомъ разсказѣ. Всѣ пропуски и сокращенія обозначены точками. И. З.

щество въ обращеніи; наконецъ, его привѣтливость и эта ласковость — и многое другое, изъ чего сложился этотъ геніальный писатель. Изъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, которыхъ мнѣ довелось видѣть и знать въ моей долгой жизни, лишь одинъ покойный Сергѣй Петровичъ Боткинъ, по мягкости и симпатичности, подходилъ къ Толстому. Левъ Николаевичъ, видѣвшій меня въ первый разъ въ жизни, бесѣдовалъ со мною, какъ съ добрымъ знакомымъ, равнымъ себѣ, несмотря на мою скромную роль въ литературѣ,—и эта бесѣда глубоко врѣзалась въ моей памяти.

Я лишь подосадовалъ послѣ, что не успѣлъ все-таки переговорить съ Л. Н. объ очень многомъ, о чемъ думалъ говорить, когда ѣхалъ къ нему. Это всегда такъ бываетъ, когда создаешь себѣ заранѣе программу бесѣды, которая, однако, принимаетъ иногда совсѣмъ неожиданный характеръ и направленіе... Эти два часа, проведенные мною съ Львомъ Николаевичемъ tête-à-tête, пролетѣли какъ бы одно мгновеніе, волшебное и чудное — словно, какая-то дивная сказка...

Когда я вышелъ изъ дома на улицу, то-есть, на тотъ Долго-Хамовническій переулокъ, куда выходилъ домъ Толстыхъ, темь была страшная и лишь гдѣ-то вдали тускло горѣлъ керосиновый фонарь... Я дошелъ до Зубовскаго бульвара, не встрѣтивъ ни одного извозчика,— и лишь тутъ мнѣ удалось нанять какого-то запоздавшаго „ваньку“, который и повезъ меня, мелкой рысцой, по слабо освѣщеннымъ въ этихъ мѣстахъ улицамъ и закоулкамъ Москвы...

На другой день утромъ, я взялъ съ собою книжку моихъ народныхъ разсказовъ и вновь поѣхалъ въ домъ Л. Н. Толстого, рѣшивъ не безпокоить его лично, а передать черезъ Ге.

Я такъ и сдѣлалъ. Къ счастію, я засталъ г. Ге никуда не отлучившимся и, передавая ему книжку для Льва Николаевича, вручилъ кстати и 25 рублей — на голодающихъ крестьянъ. Я горько сожалѣлъ въ душѣ, что не могъ дать больше...

20 августа 1899 г.
Кисловодскъ.

ГЕНЕРАЛЪ ШАМИЛЬ.

Генералъ Шамиль — и его разсказы объ отцѣ [1]).

I.

Встрѣча съ генераломъ Магометъ-Шефи-Шамилемъ въ Кисловодскѣ. — Первое знакомство съ нимъ въ 1860 году, въ Калугѣ.—Особенное вниманіе горцевъ къ сыну Шамиля.—Имѣніе, пожалованное императоромъ Александромъ II Шамилю-отцу. — Вторая женитьба Магометъ-Шефи. — Служба въ Конвоѣ. — Просьба сына Шамиля въ турецкую войну. — Нечаянная встрѣча генерала Шамиля съ императоромъ Александромъ III.— Безвыходное положеніе и услуга портного. — Шамиль-самозванецъ въ Парижѣ.

Моя статья въ августовской книжкѣ „Вѣстника Европы", 1898 года, „Поѣздка къ Шамилю въ Калугу", послужила поводомъ къ новой встрѣчѣ съ сыномъ бывшаго кавказскаго имама, генераломъ Магометъ-Шефи, единственнымъ изъ трехъ сыновей Шамиля, вступившимъ на русскую службу и проживающимъ въ Россіи. Встрѣча эта произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Лѣтомъ 1899 года я жилъ въ Кисловодскѣ. Просматривая, однажды, въ „Сезонномъ Листкѣ" списки лицъ, пріѣхавшихъ лѣчиться на минеральныя воды, я прочелъ въ этомъ спискѣ и имя генерала Магометъ-Шефи-Ша-

[1]) Статья эта вошла, ранѣе, въ книгу «Кавказъ и его герои», изданную въ концѣ 1901 года.

миля, прибывшаго въ Кисловодскъ. Такъ какъ я встрѣчалъ его назадъ тому 39 лѣтъ, въ Калугѣ, когда онъ былъ еще 17-лѣтнимъ юношей, то меня очень интересовало, конечно, встрѣтиться съ нимъ вновь — при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Нѣсколько дней спустя, я съ нимъ, дѣйствительно, и встрѣтился. Это произошло такъ. Я и генералъ В. А. Потто сидѣли въ паркѣ и разговаривали о прошломъ Кавказа.

— Вотъ, кто многое могъ бы поразсказать о былыхъ герояхъ Кавказской войны,—сказалъ вдругъ Василій Александровичъ, и указалъ въ сторону подходившаго къ намъ еще нестараго генерала, очень полнаго блондина съ рыжеватою подстриженною бородою, высокаго роста и атлетическаго тѣлосложенія, въ которомъ я никакъ не могъ бы признать того, небольшого роста, безусаго юношу, котораго встрѣчалъ въ Калугѣ. Оказалось, это и былъ средній сынъ Шамиля, Магометъ-Шефи.

Василій Александровичъ представилъ насъ другъ другу, и генералъ Шамиль тотчасъ же спросилъ меня:

— Это не ваша ли статья была напечатана въ „Вѣстникѣ Европы", въ прошломъ году, о моемъ отцѣ?

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Очень радъ, что съ вами встрѣтился,—сказалъ Магометъ-Шефи,—и имѣю возможность поблагодарить васъ лично за эту статью. Въ ней нѣтъ ничего выдуманнаго—какъ, напримѣръ, въ статьѣ бывшаго пристава при моемъ отцѣ, полковника Пржецлавскаго.

Генералъ говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, какимъ обыкновенно говорятъ наши горцы, не бывшіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но его рѣчь была правильная и округленная. Далѣе онъ продолжалъ:

— Я лѣчился въ прошломъ году морскими ваннами въ Кеммернѣ, и въ это время генералъ С. прислалъ мнѣ книжку журнала съ этою вашею статьей.

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ я спросилъ его: помнитъ

ли онъ, какъ я и нѣсколько другихъ офицеровъ окружили его въ одной изъ боковыхъ залъ калужскаго дворянскаго собранія и просили вынуть изъ ноженъ и показать намъ кинжалъ?

— Чуть помню,—отвѣчалъ генералъ.

Съ того времени мы стали почти ежедневно встрѣчаться въ Кисловодскомъ паркѣ и разговаривать. Затѣмъ, стали и бывать другъ у друга. Однажды, Магометъ-Шефи засталъ у меня артиста В. П. Д—ова.

— Мы немножко знакомы,—сказалъ генералъ артисту; когда вы были въ Казани, я наслаждался вашею игрою въ театрѣ.

В. П. поблагодарилъ за любезность и прибавилъ:

— А я вамъ, генералъ, былъ очень обязанъ тогда за черкесскій костюмъ. Вашъ сынъ [1]) выручилъ меня, однажды, доставъ вашу черкеску, которая была нужна мнѣ въ одной пьесѣ.

— Да, да, помню. Сынъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: дай, папа, артисту Д—ову свою черкеску; она ему необходима на сценѣ, а ни у кого въ Казани ея нѣтъ. Она вамъ не была мала?—улыбаясь, спросилъ генералъ.

— Какое, мала! пришлось дѣлать складки,—смѣясь, отвѣчалъ г. Д—овъ, мужчина тоже не худенькій.

Въ концѣ августа, Магометъ-Шефи-Шамиль уѣхалъ изъ Кисловодска. Наступила зима; я жилъ въ Петербургѣ. Однажды, въ рождественскій сочельникъ, я слышу, кто-то въ передней спрашиваетъ служанку, дома ли я? Оказалось, это былъ генералъ Шамиль, разыскавшій меня въ Питерѣ. Онъ пріѣхалъ на цѣлый мѣсяцъ и жилъ въ Офицерскомъ собраніи, на Литейной, гдѣ я потомъ и посѣщалъ его. И вотъ, во время этихъ нашихъ свиданій, какъ и въ Кисло-

[1]) Сынъ генерала Шамиля живетъ въ Казани же, при отцѣ, состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при тамошнемъ губернаторѣ и извѣстенъ за большого любителя театра.

водскѣ же, Магометъ-Шефи-Шамиль разсказывалъ мнѣ очень много о своемъ знаменитомъ отцѣ.

Я нахожу небезъинтереснымъ привести здѣсь часть этихъ разсказовъ — главнымъ образомъ то, что можетъ служить поправками къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, напечатаннымъ какъ о самомъ имамѣ Шамилѣ, такъ и объ его семьѣ, а равно и такія свѣдѣнія, которыя не были напечатаны вовсе.

Но прежде, скажу нѣсколько словъ о пребываніи генерала Шамиля въ Кисловодскѣ, такъ какъ это тоже представляетъ нѣкоторый интересъ, какъ увидятъ читатели.

За все время своего пребыванія на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, Магометъ-Шефи-Шамиль былъ, можно сказать, самымъ популярнымъ человѣкомъ: имъ всѣ пріѣзжіе въ Кисловодскъ очень интересовались, какъ сыномъ имама, которому такъ еще недавно принадлежала часть этого Кавказа, который былъ полновластнымъ владыкою горцевъ, имѣвшимъ право на ихъ жизнь и смерть, и который 25 лѣтъ велъ неустанную войну съ Россіей, считавшеюся самымъ могущественнымъ военнымъ государствомъ въ мірѣ. Еще болѣе, чѣмъ пріѣзжіе на воды, интересовались сыномъ Шамиля горцы. Какъ только прошелъ по Кисловодску и сосѣднимъ ауламъ слухъ, что сынъ Шамиля пріѣхалъ на Кавказъ, и объ этомъ узнали ближайшія горскія племена—кабардинцы, карачаевцы и другія,—то вскорѣ же въ аллеяхъ Кисловодскаго парка стали появляться совсѣмъ необычные посѣтители водъ: можно было встрѣтить сѣдыхъ уже, но все еще статныхъ и величавыхъ стариковъ-горцевъ, въ ихъ живописныхъ національныхъ костюмахъ, выжидавшихъ возможности взглянуть „на сына Шамиля"... И Богъ вѣсть, какое чувство западало въ душу этихъ былыхъ героевъ, закалившихся въ своей давно минувшей, героической, чисто-легендарной борьбѣ съ Россіей, когда передъ ними проходилъ сынъ ихъ бывшаго духовнаго владыки и неограниченнаго

свѣтскаго повелителя, одѣтый, обыкновенно, въ военную тужурку съ генеральскими погонами!..

Генералъ Магометъ-Шефи не могъ, конечно, не замѣчать этого страстнаго любопытства, возбуждаемаго имъ въ горцахъ. Все дѣло, впрочемъ, только и ограничивалось этимъ безмолвнымъ—и совершенно безвреднымъ—созерцаніемъ: горцы никогда не рѣшались заговорить съ генераломъ или разспрашивать его о чемъ-нибудь... Самъ генералъ тоже никогда ихъ не останавливалъ и не заговаривалъ съ ними. Разъ только при мнѣ ему встрѣтилась цѣлая семья довольно, повидимому, богатыхъ кабардинцевъ въ ихъ національныхъ костюмахъ, но безъ чадръ у женщинъ, т.-е. съ открытыми лицами, состоящая изъ двухъ женщинъ и дѣтей, и онъ заговорилъ съ ними на туземномъ нарѣчіи: спросилъ ихъ, изъ какого онѣ аула и зачѣмъ пріѣхали?.. Оказалось, что кабардинки лѣчились въ Пятигорскѣ, а затѣмъ пріѣхали доканчивать свое лѣченіе въ Кисловодскъ. Самъ Магометъ-Шефи пріѣхалъ на воды изъ Казани, тоже ради лѣченія; онъ пользовался, собственно, ессентукскими водами, которыя пилъ, живя въ Кисловодскѣ и купаясь въ Нарзанѣ. Ничто другое не призывало его на Кавказъ и не связывало съ нимъ.

Изъ всѣхъ его родныхъ проживалъ на Кавказѣ лишь одинъ его шуринъ—Абдурахимъ, женатый на дочери Шамиля, Фатиматъ, дано уже умершей. Абдурахимъ, бывшій тоже на русской службѣ, имѣлъ чинъ подполковника, получалъ пенсію и жилъ „на своемъ хозяйствѣ", въ Кази-Кумухѣ.

У генерала же Шамиля никакого имѣнія на Кавказѣ не было. Его покойному отцу императоръ Александръ II „подарилъ" въ Дагестанѣ (нынѣшняя Дагестанская губернія), въ Аварскомъ округѣ, селеніе (аулъ) Гимры, гдѣ именно и родился имамъ, „съ прилежащими къ нему землями"; но съ этимъ высочайшимъ даромъ случилась исторія. Когда Шамиль, въ 1870 году, отправился въ Мекку,

то поручилъ управленіе этимъ обширнымъ имѣніемъ своему родственнику (племяннику), Джемалъ-Эдину, съ тѣмъ, чтобы половину доходовъ тотъ бралъ бы себѣ въ вознагражденіе за труды по управленію имѣніемъ, а другую половину отдавалъ бы на содержаніе сиротъ, дѣтей воиновъ, какъ русскихъ, такъ и черкесовъ, убитыхъ въ сраженіяхъ во время Кавказской войны. Затѣмъ, прошли долгіе годы; умеръ Шамиль, равно и умеръ и Джемалъ-Эдинъ,—и вотъ въ этомъ лишь году генералъ Магометъ-Шефи, пріѣхавъ въ Петербургъ, возбудилъ ходатайство о возвращеніи ему высочайше пожалованнаго его отцу имѣнія, находящагося во владѣніи наслѣдниковъ Джемалъ-Эдина. Имѣніе это довольно цѣнное: его прессованные фрукты—персики, абрикосы и пр.—въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ идутъ по всей Россіи, и преимущественно въ Москву и Петербургъ.

Въ настоящее время, генералъ Магометъ-Шефи-Шамиль, продолжая числиться въ Конвоѣ Его Величества, состоитъ въ распоряженіи командующаго войсками Казанскаго военнаго округа и проживаетъ постоянно въ Казани. Въ Казани же Шамиль и женился, такъ какъ его первая жена, Амминатъ, дочь Чохскаго наиба, въ Дагестанѣ, Энькоу-Хаджіо, умерла тоже въ Калугѣ, не перенеся тамошняго климата. Магометъ-Шефи женился на ней еще до своего плѣна, именно въ 1858 году, когда ему, жениху, было всего только 15 лѣтъ, а невѣстѣ—12-ть. Теперешняя супруга генерала Шамиля — дочь именитаго казанскаго мурзы; у нихъ двѣ дочери — красивыя молодыя дѣвушки,—судя по портретамъ, которые мнѣ довелось видѣть у ихъ отца.

Магометъ-Шефи-Шамиль принялъ присягу на вѣрноподданство ранѣе, чѣмъ всѣ остальные члены семьи, — и уже въ 1863 году былъ зачисленъ въ Конвой. Въ сентябрѣ 1866 года, на парадѣ, бывшемъ въ день свадьбы наслѣдника-цесаревича Александра Александровича, молодой

Шамиль подъѣзжалъ, въ качествѣ ординарца отъ Конвоя Его Величества, къ государю Александру II; затѣмъ, вечеромъ, во время торжественнаго бала въ Зимнемъ дворцѣ, на которомъ присутствовалъ и старый Шамиль, государь, подойдя къ нему, сказалъ: „Я сегодня любовался твоимъ сыномъ—какимъ онъ молодцомъ былъ на конѣ“.

Во время послѣдней нашей войны съ турками, Магометъ-Шефи былъ уже полковникомъ. Желая доказать свою преданность государю и своему новому отечеству, онъ, однажды, обратился къ императору съ просьбою—послать его на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Турцію; но покойный Александръ II, съ свойственною ему деликатностью, отказавъ въ просьбѣ, пояснилъ:

— Я не хочу, чтобы ты воевалъ съ единовѣрцами.— И затѣмъ, улыбаясь, прибавилъ:—Вотъ, подожди войны съ прусаками,—я тебя, тогда, въ первый огонь пошлю.

Не лишенъ также интереса разсказъ генерала Шамиля о милостивомъ отношеніи къ нему и императора Александра Александровича. Пріѣхавъ, однажды, въ Петербургъ изъ Казани въ двухъ-дневный отпускъ, чтобы повидать тяжко больнаго генерала Черевина, ранѣе бывшаго начальникомъ Конвоя, генералъ отправился къ нему въ Царское Село, гдѣ жилъ въ то время и Дворъ. Когда онъ сидѣлъ у больнаго въ спальнѣ, туда неожиданно вошелъ ординарецъ и доложилъ:

— Его величество государь императоръ.

Магометъ-Шефи хотѣлъ-было уйти въ другую комнату, такъ какъ онъ, пріѣхавъ въ Петербургъ всего на два дня, не думалъ представляться ни государю, ни военному министру, и даже не имѣлъ съ собою мундира и орденовъ; но генералъ Черевинъ сказалъ, что это невозможно, т.-е., чтобы Шамиль какъ бы прятался отъ государя.

Государь, войдя въ комнату, прямо подошелъ къ Магометъ-Шефи:

— Здравствуйте, Шамиль! Давно ли пріѣхали?

— Только вчера, ваше величество, — отвѣчалъ Магометъ-Шефи.

Государь пробылъ у больнаго Черевина болѣе получаса и все время былъ очень любезенъ съ Шамилемъ. Такимъ образомъ, необходимо надо было представляться ему оффиціально. Орденà достать было легко; но являлся вопросъ—гдѣ добыть генеральскій мундиръ, который пришелся бы на высокую, атлетическую фигуру Шамиля? Заказывать шить его было немыслимо, такъ какъ надо было представиться въ слѣдующій же день... Въ виду такого безвыходнаго положенія, генералъ Шамиль обратился къ придворному военному портному—не сможетъ ли онъ помочь горю? Портной объявилъ, что въ одинъ день сшить мундиръ никакъ нельзя; но что у него, въ мастерской, имѣется почти законченный, обще-генеральскій мундиръ для государя, которому онъ вовсе не къ спѣху, вслѣдствіе чего онъ, портной, успѣетъ сдѣлать ему новый. Магометъ-Шефи примѣрилъ мундиръ—и онъ, къ изумленію его и портнаго, оказался сшитымъ какъ-будто бы прямо по немъ. Въ этомъ мундирѣ пріѣзжій генералъ и представлялся, а для государя сдѣлали новый.

Но еще болѣе интересный эпизодъ въ жизни генерала Магомета-Шефи случился съ нимъ въ Парижѣ. Онъ жилъ тамъ вмѣстѣ съ графомъ К—ымъ; и вотъ, однажды, пробѣгая „Фигаро", графъ былъ пораженъ публикаціей-рекламой, приглашающей почтеннѣйшую публику посѣтить въ пассажѣ—сообщался адресъ—„сына знаменитаго Шамиля, бывшаго владыки Кавказа, воевавшаго съ русскими варварами въ теченіе сорока лѣтъ"; затѣмъ прибавлялось, что сынъ этотъ, по имени Магометъ-Шефи, имѣетъ множество ранъ и лишь чудомъ спасся отъ смерти во время гунибскаго боя. Въ концѣ прибавлялось, конечно, что это удовольствіе стòитъ всего одинъ франкъ... Нечего говорить, какъ глубоко былъ возмущенъ этою

публикаціей дѣйствительный сынъ Шамиля, находившійся, по счастію, въ это время въ Парижѣ, и графу К. стоило не малаго труда удержать бывшаго горца отъ немедленной поѣздки къ обманщику, для расправы съ нимъ... Когда чувство перваго пыла негодованія улеглось, полковникъ Шамиль и графъ К. поѣхали по указанноиу адресу. Заплативъ два франка, они были допущены къ лицезрѣнію „сына Шамиля"... Это былъ громаднаго роста человѣкъ, брюнетъ, одѣтый въ черкесскій костюмъ и обвѣшанный съ ногъ до головы оружіемъ; по національности, онъ оказался армяниномъ. Черезъ переводчика, знающаго армянскій и французскій языки, онъ изъяснялся съ публикою. Графъ К. обратился къ нему на французскомъ языкѣ и сталъ разспрашивать... Но молодой Шамиль все-таки не вполнѣ выдержалъ свою роль посторонняго посѣтителя: онъ спросилъ обманщика прямо по-русски:

— Вы, дѣйствительно, сынъ Шамиля?

Армянинъ, услышавъ русскій языкъ, вначалѣ сконфузился-было немного, но затѣмъ, оправившись, началъ свое безстыдное вранье...

Шамиль взялъ подъ руку графа К., отвелъ его въ сторону и сказалъ:

— Поѣзжайте въ посольство, разскажите посланнику всю эту исторію и попросите немедленно принять мѣры къ арестованію этого обманщика. А я останусь здѣсь и не отойду отъ него ни на шагъ.

Спустя нѣкоторое время, графъ К. вернулся обратно, въ сопутствіи нѣсколькихъ французскихъ полицейскихъ чиновниковъ, и армянинъ былъ тотчасъ же арестованъ и, затѣмъ, препровожденъ въ Россію, на расправу.

Въ послѣдній разъ, я видѣлся съ генераломъ Шамилемъ въ Петербургѣ, въ его скромномъ номерѣ въ Офицерскомъ собраніи. Онъ жилъ одинъ, безъ семьи, сильно расхворался и находился, вдобавокъ, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ вѣстія о внезапной смерти въ Казани одного

изъ близкихъ своихъ знакомыхъ, генерала Богуславскаго, который, въ послѣднее время, жилъ вмѣстѣ съ нимъ въ Офицерскомъ же собраніи и только за недѣлю передъ своею смертью выѣхалъ изъ Петербурга. Между прочимъ, я сталъ разсказывать генералу о томъ сочувствіи, которое возбуждаютъ къ себѣ воюющіе буры — со стороны почти всѣхъ европейскихъ державъ и даже Америки. Генералъ Шамиль внимательно слушалъ меня и, затѣмъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— А вотъ, моему отцу, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, никто не помогалъ!..

II.

Поправка къ біографіи Шамиля—и его юность. — Его первыя схватки съ русскими. — Его легендарный подвигъ въ Гимрахъ. — Шашка Шамиля. — Невиновность Шамиля въ избіеніи аварскихъ хановъ. — Фатализмъ Гамзатъ-Бека и предостереженія Шамиля. — Нападеніе на соннаго Шамиля въ Веденѣ. — Религіозная терпимость Шамиля. — Его намѣреніе уничтожить рабство на Кавказѣ.

Перехожу, затѣмъ, къ тѣмъ дополненіямъ о покойномъ имамѣ Шамилѣ, которыя мнѣ довелось слышать отъ его сына, генерала Магометъ-Шефи.

Нѣкоторые біографы Шамиля сообщаютъ, что онъ въ дѣтствѣ былъ, будто бы, пастухомъ козъ въ Дагестанѣ. Это не вѣрно: Шамиль былъ сыномъ аварскаго узденя Денгау-Магомета; мать же его была дочерью аварскаго бека, Пиръ-Будоха; имя ея было Баху-Меседу. Уздень— это именитый гражданинъ, бекъ — дворянинъ, иногда владѣтельный; собственно князей въ Дагестанѣ нѣтъ. И впослѣдствіи, когда Шамиль предсталъ предъ княземъ Барятинскимъ въ 1859 году, онъ самъ назвалъ себя узденемъ: „Я—простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за религію и свободу моего края“, — говорилъ онъ, между прочимъ, въ своей рѣчи... Воспитаніе Шамиля и обученіе было

очень серьезное — для горца: онъ, послѣ первоначальнаго обученія, былъ отправленъ отцомъ въ Унцукуль, къ знаменитому среди горцевъ ученому Джемалъ-Эддину, у котораго и пробылъ съ 12-ти до 20-ти лѣтъ, обучаясь различнымъ наукамъ и, между прочимъ, арабскому языку, философіи и законовѣдѣнію. Въ особенности, юнаго Шамиля плѣняли разсказы о жизни и подвигахъ древнихъ героевъ Греціи и Рима. Вся жизнь его въ тотъ цвѣтущій возрастъ проходила въ занятіяхъ науками и молитвѣ, такъ какъ учитель его былъ, въ то же время, и очень религіозный человѣкъ. Лишь иногда, жизнь молодого Шамиля разнообразилась боевыми схватками съ русскими, для чего приходилось становиться въ ряды дагестанцевъ, предпринимавшихъ набѣги въ русскіе предѣлы. Онъ обладалъ необычайною физическою силою и былъ очень отваженъ. Его физическая ловкость въ прыганьѣ и бѣгѣ не имѣла себѣ равныхъ, — и мы далѣе увидимъ, какъ эти, чисто-физическія доблести, въ соединеніи съ феноменальною его силою, спасали, не разъ, ему жизнь. Въ единоборствѣ онъ между своими сверстниками и горцами вообще не имѣлъ равныхъ.

Главныя военныя отличія Шамиля въ рядахъ чеченцевъ начинаются, собственно, съ тридцатыхъ годовъ, подъ начальствомъ перваго имама Кавказа, Кази-Магомета (Кази-Муллы), въ учиненныхъ имъ набѣгахъ на Аварію, преданную, въ лицѣ своихъ хановъ, русскому правительству. Самый же легендарный подвигъ Шамиля, обратившій на него вниманіе всѣхъ горскихъ племенъ, произошелъ, какъ извѣстно, въ Гимрахъ, въ 1832 году, когда Кази-Магометъ, окруженный со всѣхъ сторонъ отрядомъ барона Розена и покинутый дагестанцами, заперся съ Шамилемъ и пятнадцатью самыми преданными ему мюридами въ башнѣ. И вотъ, когда половина мюридовъ были уже перебиты, Кази-Мулла предложилъ Шамилю выскочить съ нимъ изъ башни и попытаться пробиться. Шамиль согласился. Кази-

Мулла выскочилъ первымъ и былъ тотчасъ же заколотъ штыками. Шамиль же, видя у дверей двухъ солдатъ съ ружьями, готовыми выстрѣлить по тому смѣльчаку, который рѣшится выскочить, подобно Кази-Муллѣ, выпрыгнулъ изъ верхнихъ дверей башни, — и такъ ловко и далеко, что очутился позади этихъ двухъ солдатъ и, мгновенно изрубивъ ихъ, погнался за третьимъ солдатомъ, убѣгавшимъ отъ него, нагналъ его и убилъ. Такъ какъ стрѣлять въ Шамиля въ это время никто не рѣшался, потому что кругомъ были солдаты и легко можно было, поэтому, попасть въ своихъ же, то борьба велась лишь холоднымъ оружіемъ. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда Шамиль рубилъ на смерть третьяго солдата, къ нему подбѣжалъ четвертый и ударилъ его штыкомъ въ грудь, и такъ сильно, что штыкъ вышелъ въ спину, у правой лопатки, и правая рука была парализована; тогда Шамиль быстро перехватилъ шашку въ лѣвую руку [1]), однимъ сильнымъ ударомъ разрубилъ солдату голову и побѣжалъ къ находившимся неподалеку густымъ деревьямъ. Охваченные паническимъ страхомъ и изумленные необычайною силою и отчаяннымъ мужествомъ Шамиля, изрубившаго уже четырехъ человѣкъ, солдаты отхлынули отъ него... Въ этотъ моментъ, вблизи него очутился мюридъ Магометъ-Али, единственный нераненый горецъ изъ бывшихъ въ башнѣ: пользуясь тѣмъ, что всеобщее вниманіе было сосредоточено на Шамилѣ, онъ безпрепятственно выскочилъ изъ башни,— и съ крикомъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ явился на помощь Шамилю... Вдвоемъ они добѣжали до деревьевъ и скрылись; но вскорѣ Шамиль, истекая кровью, упалъ въ изне-

[1]) Во многихъ описаніяхъ и разсказахъ объ этой памятной для Шамиля и русскихъ битвѣ утверждается, что Шамиль былъ лѣвша. Это невѣрно: генералъ Магометъ-Шефи, передавшій мнѣ всѣ подробности этого эпизода, объяснилъ, что его отецъ могъ рубить одинаково и правою и лѣвою руками — т.-е., когда уставала въ бою одна рука, онъ бралъ шашку въ другую руку.

моженіи, снялъ съ себя шашку и, отдавая ее Магомету-Али, сказалъ: „Сбереги мою шашку; она мнѣ не нужна больше, — я умираю“... Съ этими словами Шамиль склонилъ голову, и изъ его рта хлынула кровь... Русскіе сочли его убитымъ и оставили въ покоѣ, а Магометъ-Али, отбѣжавъ въ сторону, наблюдалъ за Шамилемъ издали, и съ наступленіемъ вечера поспѣшилъ къ нему на помощь и перевязалъ ему раны, а ночью отвелъ его въ ближайшій аулъ Унцукуль, гдѣ жилъ тесть Шамиля, Абдулъ-Азисъ, славившійся въ Дагестанѣ, какъ искусный врачъ. Три мѣсяца Шамиль находился между жизнью и смертью, но могучая натура превозмогла, — и онъ понемногу оправился. Раны помѣшали лишь избранію его въ имамы, каковое званіе и перешло къ Гамзатъ-Беку. Шашка Шамиля, сослужившая ему такую службу, была очень тяжелая, такъ что никто изъ горцевъ не могъ владѣть ею. Эта шашка находится въ настоящее время, какъ сообщилъ мнѣ генералъ Шамиль, въ Меккѣ, у старшаго сына Шамиля, Кази-Магомы.

Въ общемъ, Шамиль, по словамъ его сына, Магометъ-Шефи, имѣлъ 19-ть ранъ холоднымъ оружіемъ и три раны пулевыхъ; одна русская пуля такъ и осталась въ немъ навсегда и похоронена вмѣстѣ съ нимъ.

При слѣдующемъ имамѣ (второмъ), Гамзатъ-Бекѣ, въ 1834 году, произведено было нападеніе мюридовъ на Хунзахъ, принадлежащій преданнымъ намъ аварскимъ ханамъ, при чемъ произошло и самое избіеніе этихъ хановъ. Разсказывая объ этомъ кровавомъ эпизодѣ, почти всѣ историки Кавказской войны обвиняютъ Шамиля, внушившаго, будто бы, Гамзатъ-Беку мысль воспользоваться пребываніемъ хановъ въ лагерѣ дагестанцевъ при рѣкѣ Тоботѣ и перебить ихъ, съ цѣлью подчинить своему вліянію аварцевъ и склонить ихъ, затѣмъ, къ газавату — то-есть, къ веденію священной войны противъ русскихъ, — такъ какъ ханскій аварскій домъ былъ главнымъ препятствіемъ введе-

нію газавата въ Аваріи и къ распространенію власти имамовъ въ ея горахъ и аулахъ.

Въ дѣйствительности же, по словамъ генерала Шамиля, отецъ его отнюдь не подстрекалъ Гамзатъ-Бека къ избіенію рода аварскихъ хановъ (Шамиль, будто бы, сказалъ Гамзатъ-Беку, когда аварскіе ханы явились въ его лагерь: „Куй желѣзо, пока горячо!..") и не хотѣлъ происшедшей рѣзни. Какъ на доказательство неучастія Шамиля въ этомъ трагическомъ и вѣроломномъ событіи, генералъ Шамиль указываетъ на то обстоятельство, что когда его отецъ, послѣ убіенія Гамзатъ-Бека, былъ избранъ имамомъ, онъ тотчасъ же приказалъ снести головы всѣмъ тѣмъ, кто, по приказу Гамзатъ-Бека, убивалъ аварскихъ хановъ и ихъ свиту. Равно, онъ приказалъ казнить и тѣхъ аварцев, которые потомъ, два года спустя послѣ избіенія ихъ хановъ, убили Гамзатъ-Бека. При этомъ, передавая мнѣ обстоятельства избіенія хановъ, генералъ Шамиль сообщилъ слѣдующую интересную подробность. Когда, съ наступленіемъ ночи, началась между аварцами и мюридами Гамзатъ-Бека рѣзня, то рубился, конечно, и Шамиль, защищаясь отъ нападавшихъ на него нукеровъ, которые, зная его за друга Гамзатъ-Бека, хотѣли непремѣнно его убить. Среди самаго пыла битвы, одинъ аварскій бекъ крикнулъ: „Изрубите Шамиля! онъ въ бѣлой чалмѣ"... Тогда Шамиль быстро снялъ съ себя чалму (бѣлую) и надѣлъ ее на перваго, подвернувшагося ему мюрида, а его черную папаху надѣлъ на себя; мюридъ, слышавшій тоже крикъ аварца, безпрекословно повиновался Шамилю—и вскорѣ былъ изрубленъ въ куски, а Шамиль остался живъ. получивъ лишь легкую рану шашкой. Какъ извѣстно, вся эта страшная рѣзня началась почти случайно. Мюриды Гамзата хотѣли, по его приказу, взять изъ свиты аварскихъ хановъ лишь одного узденя Буга, жителя селенія Цудахаръ, убившаго когда-то двоюроднаго брата Гамзатъ-Бека, нѣкоего Амира-Али; аварцы отказались выдать

Буга, и когда мюриды стали брать его силою, начался споръ, во время котораго одинъ изъ нукеровъ сдѣлалъ въ мюрида выстрѣлъ; это и послужило сигналомъ къ общей рѣзнѣ между давно уже враждовавшими между собою аварцами съ одной стороны, и партіею мюридовъ Чечни и Дагестана,—съ другой.

Передъ убійствомъ Гамзатъ-Бека, Шамиль всячески предостерегалъ его отъ возможности со стороны аварцевъ отмщенія за смерть ихъ хановъ: Шамиль совѣтовалъ имаму, между прочимъ, не избирать своей резиденціей аварскій Хунзахъ, а находиться попрежнему въ Гоцатлѣ; но Гамзатъ-Бекъ не внималъ его совѣтамъ и, какъ бы фатально, шелъ на встрѣчу смерти. Чрезвычайно интересныя свѣдѣнія сообщилъ мнѣ по этому поводу генералъ Магометъ-Шефи (узнавшій ихъ отъ своего покойнаго отца). Отецъ его, Шамиль, за два дня до убійства предостерегалъ Гамзатъ-Бека отъ поѣздки, по случаю предстоящаго праздника, въ мечеть; но Гамзатъ, будучи фаталистомъ, отвѣчалъ ему:

— Не боюсь. Будетъ то, что написано мнѣ на доскахъ предопредѣленія. — Посланному же Шамиля, подавшему ему письмо, онъ сказалъ: — Никто не можетъ остановить ангела, если Аллахъ пошлетъ его за душой человѣка...

Получивъ эти отвѣты, Шамиль тотчасъ же отправилъ Гамзатъ-Беку второе письмо, въ которомъ писалъ: „Ты очень слѣпо вѣришь въ предопредѣленіе. Это хорошо; но попробуй, однако, кинуться со скалы,—и ты увидишь, что навѣрное погибнешь, хотя бы тебѣ, по здоровью твоему, можно было прожить еще много лѣтъ". Это второе письмо не дошло уже до Гамзата, а первое было найдено въ карманѣ архалука убитаго имама.

Не менѣе трагическіе эпизоды происходили, иногда, съ Шамилемъ и внѣ столкновеній съ партійными врагами въ горахъ и съ русскими отрядами. Такъ, напр., однажды,

въ Веденѣ, ночью, произошелъ съ нимъ слѣдующій случай. Къ нему въ Ведень былъ доставленъ уздень (а не русскій солдатъ, какъ утверждаетъ г-жа Чичагова въ своихъ запискахъ), заподозрѣнный въ желаніи передаться русскимъ, т.-е. объявить себя и свое селеніе „мирнымъ". Шамиль приказалъ его ослѣпить, а затѣмъ, посадить пока въ глубокую яму, служившую мѣстомъ ареста для виновныхъ. Какъ могъ выбраться оттуда ослѣпленный уздень, какъ могъ онъ подкрасться къ двумъ соннымъ тѣлохранителямъ Шамиля, вздремнувшимъ у входа въ домъ имама и даже, безъ всякаго шума, убить ихъ обоихъ и кто далъ ему кинжалъ,—все это осталось неизвѣстнымъ... Но только жизнь Шамиля висѣла въ эту страшную для него ночь на волоскѣ: убійца, прикончивъ часовыхъ, тихо прокрался въ его спальню и ударилъ соннаго Шамиля, раздѣтаго и безоружнаго, кинжаломъ въ бокъ, нанеся ему, по счастію, не опасную рану. Шамиль спасся, благодаря лишь своей необычайной силѣ: онъ, проснувшись, быстро обхватилъ нападавшаго руками и совсѣмъ сдавилъ его въ своихъ могучихъ, желѣзныхъ объятіяхъ, а зубами сталъ грызть его за голову. Когда, наконецъ, прибѣжали къ Шамилю на помощь и онъ разжалъ руки, то на полъ упалъ совсѣмъ уже умирающій человѣкъ, который спустя нѣсколько минутъ и испустилъ духъ, унеся съ собою въ могилу тайну оказаннаго ему кѣмъ-то содѣйствія... Шамиль, послѣ этого ночного нападенія на него, нѣсколько реформировалъ лишь свой личный конвой, состоявшій изъ двухъ сотъ тѣлохранителей, набранныхъ, преимущественно, изъ жителей аула Чиркей, питавшаго особую ненависть къ русскимъ.

Въ сферѣ управленія подвластными ему племенами горцевъ и вообще въ администраціи, имамъ Шамиль не былъ особеннымъ фанатикомъ и проявлялъ иногда удивительную для магометанина снисходительность къ чуждой ему религіи. Такъ, напримѣръ, онъ разрѣшилъ нашимъ раскольникамъ, бѣжавшимъ къ нему въ горы отъ религіозныхъ преслѣдованій со стороны русскихъ властей, открыто отправлять свое богослуженіе въ устраиваемыхъ ими часовняхъ, а также предоставилъ имъ право устраивать и свои скиты—гдѣ пожелаютъ. Онъ даже не бралъ съ нихъ за это право никакихъ налоговъ. По словамъ генерала Магометъ-Шефи, отецъ его хотѣлъ даже освободить всѣхъ рабовъ подвѣдомственныхъ ему горскихъ племенъ; но наибы, владѣтельные „султаны" и беки, прослышавъ объ этомъ, явились въ его резиденцію, въ Ведень, и прямо угрожали имаму, что если только онъ приведетъ въ исполненіе эту мѣру, то они всѣ примутъ русское подданство—и у нихъ, слѣдовательно, будутъ существовать русскіе порядки съ ихъ крѣпостнымъ правомъ... Это сообщеніе чрезвычайно интересно и знаменательно.

III.

Столкновеніе Шамиля съ приставомъ Пржецлавскимъ —Отказъ Шамиля подписать петицію въ пользу поляковъ. — Мщеніе пристава Шамилю, его козни и интриги.—Жалоба Шамиля губернатору Лерхе.—Несостоявшееся прибытіе новаго пристава. — Обращеніе Шамиля къ заступничеству новаго калужскаго губернатора, Спасскаго. — Прибытіе въ Калугу полковника Брока на слѣдствіе.—Увольненіе пристава Пржецлавскаго.— Смертность въ семьѣ Шамиля въ Калугѣ. — Переводъ его въ Кіевъ. — Увольненіе въ Мекку.—Смерть Шамиля.—Его популярность въ Меккѣ и Константинополѣ. — Его записки о войнѣ на Кавказѣ.

По милости полковника Пржецлавскаго, бывшаго приставомъ при Шамилѣ въ Калугѣ же (послѣ А. И. Руновскаго), знаменитый плѣнникъ едва не былъ сосланъ въ Вятку. Исторія этого столкновенія между имамомъ и приставомъ не могла быть своевременно опубликована — по крайней деликатности Шамиля, не выдавшаго даже и своего врага; но теперь, когда со времени этой исторіи прошло 40 лѣтъ, представляется возможнымъ огласить истин-

ныя причины, послужившія къ столкновенію, или, скорѣе, ко взаимной ненависти между Шамилемъ и его стражемъ. Объ этихъ „истинныхъ причинахъ“ разсказалъ мнѣ генералъ Шамиль, и его разсказъ долженъ, въ то же время, опровергнуть многія неточности и даже, просто, выдумки, занесенныя полковникомъ Пржецлавскимъ въ его „Дневникъ“, появившійся въ 1877 году на страницахъ „Русской Старины“.

У пристава Пржецлавскаго произошло, уже на первыхъ порахъ, съ Шамилемъ слѣдующее неудовольствіе. Этотъ приставъ, служившій ранѣе на Кавказѣ, добылъ тамъ отъ какого-то лѣтописца-муллы рукопись на арабскомъ языкѣ „О трехъ имамахъ“ — т.-е. о Кази-Муллѣ, Гамзатъ-Бекѣ и Шамилѣ; затѣмъ, переведя эту рукопись на русскій языкъ съ цѣлью напечатать ее, онъ далъ переводъ (но не подлинникъ) Шамилю, прося его засвидѣтельствовать своею подписью вѣрность фактовъ, изложенныхъ въ разсказѣ. Шамиль, не видя въ глаза подлинника и не читая вовсе по-русски, категорически отказался подписать переводъ Пржецлавскаго. Это и послужило первымъ, хотя еще и не особенно важнымъ, поводомъ къ непріятнымъ отношеніямъ, установившимся между приставомъ и плѣннымъ имамомъ. Объ этомъ неудовольствіи упоминается, между прочимъ, и въ книгѣ г-жи Чичаговой о пребываніи Шамиля въ Калугѣ. Но истинная причина, особенно озлобившая пристава Пржецлавскаго противу Шамиля, была не та; она заключалась — какъ разсказалъ мнѣ генералъ Шамиль—въ слѣдующемъ.

Въ концѣ 1863 года, когда польскій мятежъ былъ уже подавленъ, а надъ виновными лицами чинился судъ и расправа, полковникъ Пржецлавскій, полякъ родомъ, сталъ очень часто заговаривать съ Шамилемъ объ этомъ мятежѣ, постоянно описывая въ самыхъ мрачныхъ краскахъ тѣ жестокости, какимъ, будто бы, подвергались поляки по распоряженію Муравьева въ Литвѣ и графа Берга въ Варшавѣ. При этомъ, Пржецлавскій всячески старался внушить Шамилю, что обо всѣхъ этихъ „жестокостяхъ“ государь ничего не знаетъ и не вѣдаетъ — и было бы-де истинною услугою для самого царя, если бы кто-нибудь замолвилъ ему слово за „несчастныхъ“... Шамиль, нисколько не интересовавшійся польскимъ мятежомъ, пропускалъ всѣ эти подходы пристава мимо ушей, считая ихъ лишь обыкновенными разговорами. Но вотъ, въ одно прекрасное утро полковникъ Пржецлавскій, поговоривъ нѣсколько минутъ въ обычномъ минорномъ тонѣ о „жестокостяхъ“, претерпѣваемыхъ его соотечественниками, и считая, по всей вѣроятности, почву достаточно уже подготовленной, неожиданно вынулъ изъ кармана и подалъ Шамилю письмо на имя государя, прося подписать его... Письмо оказалось написаннымъ въ два текста — на арабскомъ и русскомъ языкахъ: на арабскомъ для Шамиля, а по-русски — для государя. Шамиль, пораженный такою назойливостью, взялъ все-таки письмо изъ рукъ Пржецлавскаго и прочелъ его арабскій текстъ. Въ письмѣ говорилось приблизительно вотъ что: „Четыре года тому назадъ, русскому государю была дарована Богомъ полная побѣда надъ кавказскими горцами, воевавшими болѣе полувѣка съ Бѣлымъ царемъ. По своему величайшему милосердію, государю угодно было забыть о вредѣ и кровопролитіяхъ, учиненныхъ за время войны горскими племенами, а самому имаму—даровать полное прощеніе и осыпать его величайшими благодѣяніями и щедротами. Теперь, повторилось-де то же самое: побѣдоносныя войска государя одолѣли возставшихъ поляковъ—и война окончилась. Но послѣдствія побѣды въ настоящее время не тѣ, что были 4 года назадъ: тогда, дагестанцамъ и другимъ племенамъ даровано было прощеніе; теперь же, побѣжденныхъ и виновныхъ постигаетъ тяжкая кара: смертныя казни, ссылка на каторгу, тюрьма, конфискація имуществъ, и пр. И вотъ, онъ, смиренный старецъ Шамиль, освѣдо-

мившись обо всемъ этомъ, осмѣливается-де обратиться къ сердцу великаго государя и молить его о проявленіи того же великодушія къ побѣжденнымъ полякамъ, какое онъ, государь, проявилъ въ 1859 году къ нему, Шамилю, къ его семьѣ и всѣмъ, воевавшимъ вмѣстѣ съ нимъ наибамъ"... и т. д.

Вотъ смыслъ письма, преподнесеннаго, по разсказу генерала Шамиля, приставомъ Пржецлавскимъ, для подписи, плѣнному его отцу. Дѣло задумано было недурно— въ смыслѣ заступничества поляка Пржецлавскаго за своихъ, дѣйствительно несчастныхъ, собратій. Но оказалось, что Пржецлавскій мало зналъ характеръ осторожнаго и умнаго Шамиля, если позволилъ себѣ такой подходъ. Имамъ вѣжливо и терпѣливо выслушалъ своего приставника, внимательно прочелъ письмо и, возвращая его неподписаннымъ, проговорилъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Прошу васъ, полковникъ, не обращаться ко мнѣ съ подобными предложеніями. Я никогда не осмѣлюсь безпокоить государя такими письмами.

Полковникъ Пржецлавскій съумѣлъ въ это время не только скрыть предъ Шамилемъ свое неудовольствіе, но еще и взялъ съ него обѣщаніе никому не говорить обо всемъ этомъ дѣлѣ. Вотъ этотъ-то отказъ и послужилъ главною и единственною причиною положительной ненависти и злобы, которую съ тѣхъ поръ сталъ питать приставъ къ своему плѣннику: съ того времени онъ и началъ постепенно, но систематически, изводить Шамиля. Полковникъ Пржецлавскій сталъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки жизни Шамиля и его семьи, сталъ ссорить членовъ его семьи между собою и прислугою; оскорблялъ Шамиля самымъ назойливымъ досмотромъ за каждымъ его шагомъ, когда онъ выходилъ изъ дому; распускалъ о немъ по Калугѣ такіе нелѣпые слухи и сплетни, что почетные жители города почти совсѣмъ перестали

посѣщать имама; затѣмъ, въ своихъ донесеніяхъ военному министру онъ сталъ сообщать о постоянномъ, будто бы, недовольствѣ Шамиля государемъ и его милостями; что онъ ропщетъ, будто бы, на скудость назначеннаго ему содержанія [1]); что онъ мечтаетъ о возвращеніи своего владычества, и пр.

Шамиль, измученный всѣми этими мелочными оскорбленіями и непріятностями, въ конецъ отравлявшими его и безъ того тяжелую жизнь, попросилъ губернатора Лерхе походатайствовать о смѣнѣ пристава. Вскорѣ, дѣйствительно, пріѣхалъ изъ Москвы въ Калугу деньщикъ капитана по фамиліи Семенова, назначеннаго на смѣну Пржецлавскаго, съ письмомъ къ нему, въ которомъ Семеновъ писалъ приставу: „Я назначенъ на ваше мѣсто; примите, пока, мои вещи", и пр.; но, спустя нѣкоторое время, стало извѣстно, что полковникъ Пржецлавскій оставленъ, попрежнему, на своемъ мѣстѣ... Предполагалось, что имъ былъ совершенъ положительный подлогъ, съ цѣлью удержаться на своей должности: по выраженному самимъ Шамилемъ подозрѣнію, впослѣдствіи подтвердившемуся, — Пржецлавскій написалъ, отъ имени имама, письмо въ военное министерство, съ просьбою оставить при немъ, Шамилѣ, прежняго пристава...

Такъ прошло еще два года. Полковникъ Пржецлавскій продолжалъ, по-прежнему, всячески изводить и принижать Шамиля... Тогда имамъ, съ свойственною ему прямотою, обратился прямо къ генералъ-маіору Чичагову, недавно прибывшему въ Калугу на только-что учрежденную должность губернскаго воинскаго начальника, прося его доложить губернатору его, Шамиля, просьбу, чтобы тотъ, въ присутствіи всѣхъ высшихъ властей города, вы-

---

[1]) Шамиль получалъ въ это время въ Калугѣ вполнѣ достаточное содержаніе: готовую квартиру въ домѣ Сухотина, экипажъ и 15.000 руб. въ годъ.

слушалъ бы его жалобу на приставленнаго къ нему полковника Пржецлавскаго.

Желаніе знаменитаго плѣнника было исполнено, и въ квартирѣ губернатора Спасскаго, въ присутствіи генерала Чичагова, вице-губернатора графа Шуленберга и губернскаго предводителя дворянства Щукина, Шамиль сообщилъ, чрезъ переводчика, о причиняемыхъ ему приставомъ Пржецлавскимъ оскорбленіяхъ и непріятностяхъ и просилъ собраніе ходатайствовать объ его смѣнѣ. Между прочимъ, онъ разсказалъ и о своемъ отказѣ удостовѣрить рукопись „О трехъ имамахъ", но не упомянулъ все-таки ни однимъ словомъ, въ силу даннаго Пржецлавскому обѣщанія, — о петиціи въ пользу поляковъ, которую предлагалъ ему къ подписи полковникъ Пржецлавскій.

Собраніе внимательно выслушало Шамиля, и губернаторъ ходатайствовалъ у военнаго министра о смѣнѣ пристава. Но результаты этого представленія были для Шамиля, на первыхъ порахъ, очень неожиданны и непріятны. Въ Калугу прибылъ изъ Петербурга полковникъ Брокъ, командированный военнымъ министромъ для производства дознанія, но не надъ интриганомъ-приставомъ, а надъ плѣннымъ Шамилемъ.

— „Шамиль здѣсь дуритъ... Его надо отправить въ Вятку",—вотъ фраза, которою встрѣтилъ Брокъ Чичагова.

Къ счастью для Шамиля, губернскій воинскій начальникъ Чичаговъ успѣлъ уже, за время своего пребыванія въ Калугѣ, не только хорошо ознакомиться съ имамомъ и всею его семьею, но замѣтить также и всѣ козни и интриги, подводимыя подъ него приставомъ; онъ помогъ полковнику Броку раскрыть всѣ сложныя махинаціи и обстоятельства этого непріятнаго дѣла и всѣ интриги пристава—до подложнаго письма отъ имени Шамиля къ военному министру включительно.

Въ концѣ концовъ, приставъ былъ смѣненъ, и Шамиль былъ, такимъ образомъ, избавленъ отъ проступка, который онъ неминуемо бы совершилъ и отъ котораго онъ, не разъ, былъ на одинъ только шагъ: онъ, хорошо понимая и чувствуя всѣ интриги, козни и клеветы пристава Пржецлавскаго и будучи человѣкомъ прямымъ, вспыльчивымъ, властнымъ и необузданнымъ, едва-едва, иногда, удерживался отъ кровавой расправы съ своимъ неблагороднымъ врагомъ...

Дальнѣйшая жизнь и судьба Шамиля были таковы. Суровый — сравнительно съ Кавказомъ — климатъ Калуги сдѣлалъ то, чего не могли сдѣлать 19-ть имѣвшихся у него ранъ: его исполинская, желѣзная натура стала видимо ослабѣвать... Этотъ климатъ еще сильнѣе и быстрѣе сталъ отражаться на женщинахъ семьи Шамиля: вначалѣ, умерла отъ скоротечной чахотки самая красивая изъ всѣхъ женщинъ семьи Шамиля—Кериматъ, жена старшаго его сына Кази-Магомы; затѣмъ, умерла отъ чахотки же любимѣйшая дочь Шамиля, Нафисата, жена Абдуррахмана, и т. д.; вообще, въ Калугѣ, за время десятилѣтняго пребыванія тамъ Шамиля, умерло, всего, семнадцать человѣкъ — изъ семьи и свиты плѣнника, — считая въ томъ числѣ и прислугу. Вольнымъ сынамъ горъ, привыкшимъ къ мягкому горному воздуху и дремучимъ хвойнымъ лѣсамъ своей родины, было тяжело и душно жить въ Калугѣ... Разъ, Шамиль, будучи въ Петербургѣ, въ 1861 году, просился въ Мекку; но ему дано было понять, что эта просьба преждевременна. Въ бытность же свою въ томъ же Петербургѣ въ 1866 году, на торжествахъ бракосочетанія цесаревича Александра Александровича, онъ не рѣшился возобновлять свое ходатайство. Наконецъ, въ октябрѣ 1869 года, онъ былъ переведенъ на жительство въ Кіевъ, гдѣ климатъ былъ все-таки мягче и теплѣе. Затѣмъ, въ началѣ 1870 года, Шамиль, имѣя уже 74 года, получилъ разрѣшеніе отправиться въ Мекку со всѣмъ своимъ семействомъ — съ женами, дочерьми, зятьями и младшимъ сыномъ Магоме-

томъ, за исключеніемъ двухъ сыновей: Кази-Магомы, проводившаго отца до Одессы, и Магомета-Шефи, уже служившаго въ то время въ Конвоѣ Его Величества офицеромъ.

Недолго—менѣе года—пожилъ старый Шамиль на волѣ: 4-го февраля 1871 года онъ умеръ, окруженный почти всею своею семьею, такъ какъ и Кази-Магому было потомъ дозволено уѣхать къ умирающему отцу. По разсказу генерала Шамиля, смерть его отца произошла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Имамъ, удачно совершивъ, въ 1870 году, свое первое путешествіе изъ Медины въ Мекку, пожелалъ, въ концѣ января 1871 года, поѣхать туда помолиться еще разъ. Такъ какъ онъ былъ, отъ многихъ ранъ и преклонныхъ лѣтъ, очень слабъ и не могъ уже ѣхать верхомъ, то ему было приспособлено особое сидѣнье-стулъ, укрѣпленное между двумя верблюдами, которыхъ и долженъ былъ вести, ровнымъ шагомъ, особый поводарь. Случилось, что, въ первую же ночь по выѣздѣ изъ Медины, поводарь не досмотрѣлъ какъ-то, и одинъ изъ верблюдовъ шагнулъ впередъ другого, вслѣдствіе чего одинъ конецъ сидѣнья сорвался съ горба продвинувшагося впередъ верблюда, и старикъ Шамиль упалъ на землю и сильно расшибся. Караванъ тотчасъ же вернулся въ Медину, гдѣ вскорѣ Шамиль и скончался. Онъ былъ похороненъ въ Мединѣ же, на кладбищѣ Джаннатъ-Эмъ-Баки.

Популярность Шамиля между магометанскимъ населеніемъ Мекки, Медины и даже Константинополя была очень велика, и никто даже изъ владыкъ Турціи не пользовался такимъ обожаніемъ и поклоненіемъ, каковыя выпали на долю бывшаго властителя Кавказа. Напримѣръ, въ мечетяхъ Мекки въ то время, когда туда приходилъ молиться Шамиль, происходила всегда такая страшная давка, что турецкая полиція и муллы рѣшили, наконецъ, назначить для Шамиля особые ночные часы, когда жители города и богомольцы отправлялись спать. Народъ бросался за

нимъ вслѣдъ и цѣловалъ не только его руки, ноги и одежду, но и тѣ мѣста на плитахъ мечети, гдѣ ступала его нога и гдѣ онъ стоялъ во время молитвы.

Не меньшій почетъ онъ встрѣтилъ и въ Константинополѣ, когда заѣхалъ туда по дорогѣ изъ Одессы. Султанъ принялъ его въ торжественной аудіенціи, какою удостоивалъ только хедива и царственныхъ особъ, и при всѣхъ поцѣловалъ его руку; а когда Шамилю доводилось проѣзжать или идти пѣшкомъ по улицамъ турецкой столицы, то османлисы падали предъ нимъ ницъ и лежали распростертые на землѣ все время, пока онъ мимо нихъ проходилъ или проѣзжалъ. Таково было въ глазахъ турокъ и другихъ восточныхъ народовъ обаяніе человѣка, провоевавшаго съ могущественною Россійскою имперіей почти 25 лѣтъ,—въ то время, какъ та же Турція, начиная съ нами свои войны, всегда вынуждаема была заканчивать ихъ невыгоднымъ для нея миромъ—по истеченіи года, или, много-много двухъ лѣтъ.

Объ этой своей войнѣ съ русскими войсками на Кавказѣ имамъ Шамиль, за время своего десятилѣтняго проживанія въ плѣну, въ Калугѣ, составилъ подробныя записки на арабскомъ языкѣ, которыя находятся, въ настоящее время, у его старшаго сына, Кази-Магомы, проживающаго въ Мединѣ.

IV.

Дальнѣйшая судьба родственниковъ Шамиля. — Смерть его женъ, Зайдаты и Шуанаты. — Смерть отъ чахотки дочерей Шамиля и прочихъ родныхъ. — Измѣна Кази-Магомы. — Судьба младшаго сына Шамиля, Магомета. — Трагическая смерть наиба Хаджіо. — Ссылка его убійцъ въ Сибирь. — Поправка къ книгѣ г-жи Чичаговой о Шамилѣ. — Мнимое «скряжничество» Шамиля по запискамъ пристава Пржецлавскаго. — Гостепріимство генерала Магометъ-Шефи-Шамиля.

Теперь, я нахожу небезъинтереснымъ разсказать о дальнѣйшей судьбѣ членовъ семьи Шамиля и близкихъ къ нему лицъ.

Всѣ женщины, жившія съ Шамилемъ въ Калугѣ—его жены, дочери и снохи—въ настоящее время не находятся въ живыхъ. Я уже упоминалъ о смерти красавицы Keриматъ, жены Кази-Магомы, и о смерти любимой дочери Шамиля, Нафисаты — отъ скоротечной чахотки, приключившейся отъ суроваго, сравнительно съ Кавказомъ, климата Калуги. Точно такъ же и здоровье остальныхъ женщинъ было подорвано десятилѣтнимъ проживаніемъ въ плѣну въ названномъ городѣ. Жена Шамиля Зайдата пережила мужа лишь на три мѣсяца и умерла въ маѣ 1871 года, въ Таифѣ, близъ Мекки, и была въ Меккѣ же и похоронена. Шуаната, любимѣйшая жена имама, мужественнѣе всѣхъ другихъ женщинъ перенесла калужскій климатъ, такъ какъ была, по рожденію, армянка, а не жительница горъ; она была гораздо моложе Зайдаты, пережила мужа на шесть лѣтъ и умерла въ Константинополѣ въ 1878 году; тамъ же она была и похоронена. Умерли также и всѣ дочери Шамиля — Наджаватъ, Фатиматъ, Баху-Меседу и Сафіятъ, а также и жена средняго сына Шамиля, нынѣ генерала Магомета-Шефи,—Аминатъ. Умерли и всѣ зятья Шамиля, кромѣ Абдурахима, о которомъ я упоминалъ выше.

Остались въ живыхъ всѣ три сына Шамиля: старшій Кази-Магома, средній — генералъ-маіоръ Магометъ-Шефи и младшій,—Магометъ, родившійся у Шамиля отъ Зайдаты, въ Калугѣ, въ 1861 году. О старшемъ изъ нихъ, Кази-Магомѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Когда я встрѣчалъ его въ Калугѣ, въ началѣ 1860 года, это былъ громаднаго роста горецъ, немного сутулый и короткошеій, безъ всякой растительности на лицѣ (онъ брился тогда),—что̀ вполнѣ дозволяло видѣть его суровое, непривѣтливое и несимпатичное лицо. Съ нами, молодыми офицерами, онъ былъ угрюмъ и неразговорчивъ, составляя въ этомъ случаѣ полную противоположность своему другому брату Магомету-Шефи и мюриду Хаджіо, которые

были всегда очень привѣтливы и разговорчивы. Не знаю почему, но въ Калугѣ всѣ были увѣрены въ то время, между прочимъ, и въ „преданности“ Кази-Магомы,—и эта увѣренность доходила до того, что назначенный, впослѣдствіи, въ Калугу губернскій воинскій начальникъ генералъ-маіоръ Чичаговъ уговаривалъ даже этого угрюмаго горца ходить въ гимназію и учиться русскому языку. Но послѣдствія, однако, показали, что это были однѣ только иллюзіи и излишняя довѣрчивость, столь свойственныя добродушной русской натурѣ. Да едва-ли и можно было ожидать, чтобы этотъ гордый и самолюбивый горецъ, сынъ всесильнаго и властнаго имама, могъ примириться съ печальною участью военно-плѣннаго... При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что Кази-Магома, будучи всего семи лѣтъ отъ роду, былъ уже раненъ русскою пулею [1]) и испыталъ, слѣдовательно, еще въ дѣтскомъ возрастѣ сильныя физическія мученія, которыя не легко забываются. Затѣмъ, онъ потерялъ въ Калугѣ страстно любимую имъ жену, бывшую первою красавицей Кавказа, Кериматъ, не вынесшую плѣна въ суровомъ климатѣ. Это едва-ли могло поселить въ сердцѣ Кази-Магомы особую пріязнь и расположеніе къ русскимъ,—въ особенности, если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что этотъ человѣкъ, прежде чѣмъ попасть въ Калугу, уже закалилъ себя въ бояхъ, не разъ предводительствуя многочисленными отрядами горцевъ, сдѣлавшихъ даже, подъ его начальствомъ, извѣстный побѣдоносный набѣгъ въ Грузію и Кахетію чрезъ Алазань,

[1]) Это было при взятіи русскими войсками у горцевъ аула Ахульго, когда русскими же пулями была убита жена Шамиля гимрянка Джовгарадъ, въ то время, когда она кормила грудью своего сына Саида, который, вскорѣ, былъ тоже убитъ русскою пулею. Шамиль спасся въ это время лишь чудомъ и только благодаря своей отвагѣ и необычайной физической силѣ: онъ спустился по веревкѣ къ обрыву рѣки Койсу, имѣя на плечахъ семилѣтняго раненаго сына, Кази-Магому.

въ 1853 году, когда, напавъ на Цинандалы, Кази-Магома взялъ въ плѣнъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, съ ихъ дѣтьми, гувернантками и прислугой; слѣдуетъ помнить и то, что онъ и самъ, какъ старшій сынъ Шамиля, имѣлъ уже въ Дагестанѣ громадную власть и вліяніе. Все это, вмѣстѣ взятое, до извѣстной степени можетъ оправдывать вѣроломный поступокъ Кази-Магомы, совершонный имъ въ 1870 году, когда, будучи отпущенъ изъ Россіи въ Мекку, для свиданія съ тяжко больнымъ отцомъ, онъ, похоронивъ Шамиля, не пожелалъ уже вернуться въ Россію и даже не отпустилъ отъ себя младшаго брата Магомета, а также и никого изъ членовъ семьи Шамиля,—такъ что въ Россіи остались лишь средній сынъ, Магометъ-Шефи и зятья—Абдурахимъ и Абдурахманъ. Мало этого: въ 1877 году, Кази-Магома, состоявшій уже въ турецкой арміи въ чинѣ дивизіоннаго генерала, обложилъ Баязетъ и требовалъ сдачи этой крѣпости, въ которой оборонялась небольшая часть нашихъ войскъ подъ начальствомъ мужественнаго капитана Штоквича. Извѣстно, что на это требованіе Штоквичъ отвѣтилъ Кази-Магомѣ слѣдующею фразой: „Кази-Магома, вѣроятно, не научился, воюя съ нами на Кавказѣ, подъ начальствомъ своего знаменитаго отца, что русскіе умѣютъ лишь брать крѣпости, но не сдавать ихъ“...

Предательство Кази-Магомы усугубляется еще и тѣмъ немаловажнымъ обстоятельствомъ, что онъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и зятьями, принялъ, 26-августа 1866 года, въ Калугѣ присягу на вѣрноподданство Россіи. Своимъ вѣроломствомъ Кази-Магома всего больше повредилъ своему младшему брату, Магомету, котораго предполагалось помѣстить въ Пажескій корпусъ и воспитать его такъ же, какъ былъ воспитанъ первенецъ Шамиля, Джемалъ-Эддинъ, взятый въ аманаты и возвращенный впослѣдствіи отцу, въ обмѣнъ на плѣненныхъ княгинь.

Самая злая судьба выпала на долю любимѣйшаго мюрида имама, Хаджіо — его казначея, секретаря и вѣрнаго друга, добровольно раздѣлявшаго съ нимъ плѣнъ и десятилѣтнюю жизнь въ Калугѣ [1]). Принявъ, затѣмъ, вмѣстѣ съ Шамилемъ и его семьею, въ 1866 году, присягу на вѣрноподданство, Хаджіо, по отъѣздѣ Шамиля въ Мекку, пожелалъ возвратиться на родину, и русское правительство предложило ему въ управленіе Ункратльское наибство, въ Дагестанской области, въ Бетлинскомъ округѣ, которое онъ охотно и принялъ, такъ какъ самое званіе наиба было очень почетное и соединялось, кромѣ того, съ большою самостоятельностью и властью; на Кавказѣ это было нѣчто среднее между маленькимъ губернаторомъ и крупной величины исправникомъ.

На первыхъ же порахъ своего управленія Ункратльскимъ наибствомъ, честный и вѣрный Хаджіо возстановилъ противу себя ту худшую и безпокойную часть населенія которая продолжала втихомолку заниматься грабежами и разбоями: Хаджіо строго преслѣдовалъ грабителей и, не щадя, выдавалъ ихъ въ руки русскихъ властей на Кавказѣ. Такимъ образомъ, были сосланы въ Сибирь, за убійства и грабежи, нѣсколько вороватыхъ узденей, пользовавшихся большимъ вліяніемъ среди мѣстнаго населенія. Тогда оставшіеся родичи сосланныхъ рѣшили избавиться отъ Хаджіо и, въ то же время, отомстить ему за ссылку своихъ ближнихъ. Для приведенія своего замысла въ исполненіе, заговорщики воспользовались, однажды, пріѣздомъ Хаджіо, по дѣламъ службы, въ одинъ глухой аулъ, гдѣ онъ долженъ былъ переночевать. Передъ разсвѣтомъ, нѣсколько десятковъ горцевъ окружили саклю, гдѣ спалъ Хаджіо, и старались въ нее проникнуть; но онъ

[1]) Объ этомъ Хаджіо я говорилъ болѣе подробно въ своей статьѣ «Поѣздка къ Шамилю въ Калугу въ 1860 году» («Вѣстникъ Европы», кн. августъ 1898 г.). перепечатанной въ этой книгѣ. И. З.

успѣлъ проснуться — и заперся. Сопровождавшій его конвой, ночевавшій у дверей его сакли и на дворѣ, тотчасъ же разбѣжался — отчасти изъ трусости, а отчасти и изъ сочувствія нападавшимъ,—и мужественный наибъ остался въ саклѣ одинъ одинешенекъ: онъ забаррикадировалъ дверь и окно, оставивъ лишь отверстія для ружья, и сталъ отстрѣливаться. Нѣсколько человѣкъ изъ числа нападавшихъ было имъ, такимъ образомъ, убито и ранено, и это еще болѣе ожесточило разбойниковъ. Наконецъ, Хаджіо разстрѣлялъ всѣ, имѣвшіеся у него ружейные патроны... Нападавшіе замѣтили это, и бросились-было къ дверямъ, но два выстрѣла изъ револьвера, почти въ упоръ, положили еще двухъ смѣльчаковъ... Толпа отхлынула, и рѣшила зажечь саклю. Но едва только имъ это удалось, какъ храбрый наибъ, распахнувъ дверь, выскочилъ изъ сакли и, съ обнаженною шашкою въ рукахъ, ринулся въ толпу нападавшихъ... Не прошло и минуты, какъ нѣсколько разбойниковъ были изрублены, но, въ то же время, подъ многочисленными ударами шашекъ и кинжаловъ. палъ и Хаджіо, — и толпа, звѣрски умертвивъ его, надругалась, затѣмъ, надъ его трупомъ...

Всѣ виновники этого убійства вѣрнаго слуги русскаго правительства были судимы и сосланы въ Сибирь. Такъ погибъ самый мужественный и храбрый изъ бывшихъ мюридовъ Шамиля и самый преданный ему другъ!..

Мнѣ остается еще сдѣлать нѣсколько поправокъ къ невѣрнымъ свѣдѣніямъ, появившимся о Шамилѣ въ печати. Такъ, напр., въ книгѣ г-жи Чичаговой — „Шамиль на Кавказѣ и въ Россіи",—авторъ, описывая важное историческое событіе, совершившееся въ Гунибѣ 25-го августа 1859 года, когда имамъ Шамиль отдался въ плѣнъ русскимъ войскамъ, — говоритъ слѣдующее: „...Прапорщикъ

Узбашевъ прискакалъ отъ графа Евдокимова съ приказаніемъ обезоружить Шамиля. Полковникъ Лазаревъ затруднился исполнить это приказаніе... такъ какъ обезоруженіе считается у горцевъ большимъ безчестіемъ. Вслѣдствіе такихъ соображеній, полковникъ Лазаревъ рѣшился привести Шамиля вооруженнымъ, о чемъ и донесъ графу Евдокимову". И далѣе: „Князь Барятинскій, находившійся въ полуторѣ версты отъ аула Гунибъ, сидѣлъ въ рощѣ, на покатости горы, на камнѣ. Возлѣ князя стояли графъ Евдокимовъ, переводчикъ и полковникъ Трамповскій, а нѣсколько далѣе вся свита. Князь жалѣлъ Шамиля и въ душѣ благодарилъ Бога, что все такъ благополучно кончилось. Шагахъ въ шести отъ князя, Шамиль остановился. Столь храбрый на войнѣ, онъ теперь струсилъ... Онъ былъ въ зеленой чухѣ и большой бѣлой чалмѣ съ хвостомъ, былъ блѣденъ, губы дрожали, но голосъ былъ твердъ. Робко, пугливо озирался онъ вокругъ себя, въ полномъ убѣжденіи, что настала минута, когда онъ долженъ разстаться съ земною жизнію"...

Говорить о трусости Шамиля можетъ только авторъ-женщина... Слово „страхъ" было незнакомо отважному и властному повелителю Кавказа,—и если уже, разъ, зашла рѣчь объ этомъ непохвальномъ чувствѣ, то Шамиль скорѣе всего могъ бы заподозрѣть въ немъ тѣхъ, кто такъ желалъ, чтобы онъ предсталъ „обезоруженный"... И ему ли, храбрѣйшему изъ храбрыхъ, пристало бояться „разстаться съ жизнію", — когда онъ видалъ смерть, лицомъ къ лицу, безсчетное количество разъ — и въ сраженіяхъ съ русскими, и въ междоусобныхъ битвахъ!...

Проживъ двѣ зимы въ Калугѣ — въ то время, когда тамъ жилъ Шамиль,—я и многіе другіе слышали, не разъ, отъ находившагося при особѣ Шамиля, въ качествѣ пристава, А. И. Руновскаго, закаленнаго кавказскаго воина, что Шамиль говорилъ впослѣдствіи, что онъ рѣшилъ за-

колоть себя, на глазахъ князя Барятинскаго, при первомъ оскорбленіи, если бы таковое ему нанесли, — и самымъ, конечно, тяжкимъ оскорбленіемъ было бы отобраніе отъ него оружія... Къ счастью для Шамиля и къ чести для побѣдителей, приказъ гр. Евдокимова не былъ исполненъ.

Въ бытность мою въ Тифлисѣ, въ октябрѣ 1899 года, я видѣлъ въ тамошнемъ военномъ музеѣ „Храмъ Славы" интересную картину перваго представленія плѣннаго Шамиля князю Барятинскому [1]). Чувство невольной жалости къ плѣнному герою вызываетъ въ зрителѣ эта картина... Интересна въ ней, между прочимъ, слѣдующая подробность: почти рядомъ съ вооруженнымъ Шамилемъ, стоящимъ потупивъ голову, виденъ, съ мрачнымъ лицомъ, Голіафъ-горецъ, тѣлохранитель имама, босой, одѣтый въ рваную черкеску и обезоруженный; но отчаянная рѣшимость видна на лицѣ этого удальца: кажется, что, шевельни только его повелитель пальцемъ или скажи хотя одно слово, — и вся эта блестящая толпа побѣдителей и ихъ свита будутъ моментально снесены съ лица земли... И Богъ вѣсть, конечно, что̀ бы произошло, если бы Шамилю показалось въ это время, что ему наносится оскорбленіе...

Вторую, не менѣе серьезную, поправку я долженъ сдѣлать по поводу записокъ пристава Пржецлавскаго, печатавшихся въ „Русской Старинѣ". Между прочими дурными качествами, которыми такъ щедро надѣлилъ г. Пржецлавскій своего знаменитаго плѣнника, онъ говоритъ, что это былъ жалкій старикъ, слабодушный скряга, и пр. Выдуманность и несправедливость этихъ эпитетовъ, въ примѣненіи ихъ къ Шамилю, столь очевидна, что едва-ли даже

[1]) Эту же картину (оригиналъ) я видѣлъ позже, въ апрѣлѣ 1902 года, въ бѣлой—Серебряной — залѣ стараго дворца въ Царскомъ Селѣ.
И. З.

и подлежитъ опроверженію. Я могу лишь, относительно мнимаго скряжничества Шамиля, привести слѣдующій фактъ. Его положительная щедрость — т.-е. чувство совершенно противоположное скряжничеству—была, во время его жизни въ Калугѣ, такъ убыточна для его семьи и домашняго обихода, что мѣстныя власти вынуждены были, по просьбѣ его казначея Хаджіо, принять нѣкоторыя мѣры къ обузданію назойливости калужскихъ нищихъ, постоянно карауливших домъ Сухотина, гдѣ жилъ потомъ Шамиль, ожидая его выхода на прогулку. Шамиль имѣлъ обыкновеніе подавать имъ то, что̀ попадалось подъ руку въ его кошелькѣ—была ли то ассигнація, или золотой, или серебряный рубль (бывшіе въ то время въ обращеніи); и когда его спрашивали, зачѣмъ онъ подаетъ такъ много, то онъ, обыкновенно, отвѣчалъ:

— Я не могу подать нищему мѣдную монету, потому что можетъ случиться, что ему въ тотъ день никто другой не подастъ ничего... Чѣмъ же, тогда, онъ будетъ сытъ въ этотъ день?..

Этимъ я и закончу мою настоящую статью, прибавивъ къ ней лишь нѣсколько строкъ о томъ гостепріимствѣ, которое я примѣтилъ и въ сынѣ Шамиля—генералѣ Магометъ-Шефи. Ужь кажется, какъ нелегко быть гостепріимнымъ и хлѣбосольнымъ въ номерѣ гостиницы, да еще, напр., въ Кисловодскѣ, на курортѣ, но генералъ Шамиль ухитрялся и тутъ подчивать и принимать съ необычайнымъ радушіемъ, при чемъ ему лично приходилось исполнять роль хозяйки — разливать чай, рѣзать хлѣбъ и пр. Или, напр., никакія силы не могли отклонить и уговорить Магомета-Шефи, чтобы онъ не снималъ съ вѣшалки пальто гостя и не подавалъ бы его самъ. На мои

укоризны по этому поводу, генералъ отвѣчалъ очень серьезно:

— Гость — твой господинъ, а ты — его слуга,—это говорилъ мнѣ покойный отецъ, и я, услуживая вамъ, исполняю, между прочимъ, его завѣтъ и приказъ.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ—ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

Русскій театръ — прежде и теперь.

(Артистическая жизнь Москвы въ семидесятыхъ годахъ).

Отрывокъ изъ воспоминаній.

I.

Первоначальная слава и блескъ Артистическаго кружка. — Постановка Тургеневскаго «Нахлѣбника». — Старшина Кружка актеръ Вильде. — Начало распаденія и уходъ артистовъ Малаго театра.—Переходъ Кружка въ домъ Бронникова. — Его выдающіеся члены. — Театръ Кружка въ 1871 году. — Н. X. Рыбаковъ. — Библіотека Кружка. — Танцовальные вечера, маскарады и карточная игра. — Общій характеръ этого клуба.

Въ 1871 году, я поселился въ Москвѣ и занялся литературнымъ трудомъ. На первыхъ же порахъ, я попросилъ моихъ знакомыхъ записать меня въ число лицъ, желающихъ баллотироваться въ дѣйствительные члены тамошняго Артистическаго кружка, и, спустя двѣ-три недѣли, получилъ извѣщеніе, что меня выбрали.

Въ то время Артистическій кружокъ утратилъ уже отчасти свою прежнюю славу и блескъ. Вначалѣ, при самомъ своемъ основаніи, 14-го ноября 1866 года, онъ помѣщался недолго гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ, а потомъ на Лубянкѣ, въ изящномъ барскомъ домѣ, принадлежавшемъ когда-то Воейкову, а затѣмъ занимаемомъ извѣстною го-

стиницей Лябади. Въ члены кружка вступили тогда очень многіе литераторы, профессора университета, артисты, художники, скульпторы, композиторы, архитекторы и пр.; только литераторы изъ кружка Каткова да богатые славянофилы съ Аксаковымъ въ главѣ оставались вѣрны Англійскому клубу, который былъ для большинства литераторовъ и художниковъ недоступенъ Между тѣмъ, въ Артистическомъ кружкѣ каждый чувствовалъ себя, какъ дома: это былъ клубъ, куда члены и гости пріѣзжали съ женами и дочерями, смотрѣли спектакли, танцовали и играли въ карты, рѣдко засиживаясь позднѣе часа.

Театръ кружка былъ въ то время въ самомъ блестящемъ состояніи. На сценѣ его давались спектакли, въ которыхъ, въ качествѣ исполнителей, выступали иногда самые даровитые артисты Малаго театра, а также и провинціальные, наѣзжавшіе въ Москву, и многіе извѣстные литераторы, обладавшіе сценическимъ дарованіемъ. Такъ, напримѣръ, шелъ однажды „Нахлѣбникъ" Тургенева, въ которомъ исполнителями были: даровитая г-жа Кроненбергъ, В. А. Крыловъ, П. М. Садовскій, князь Кугушевъ (авторъ пьесы „Корнетъ Отлетаевъ"), В. А. Макшеевъ. Матеріальныя средства кружка въ то время были очень солидны, и нельзя было, повидимому, ожидать ничего опаснаго съ этой стороны...

Опасность явилась съ той стороны, откуда всего менѣе можно было ожидать ее. Все дѣло вышло изъ-за своевластія артиста Малаго театра, покойнаго Н. Е. Вильде, завѣдывавшаго театромъ кружка и, въ качествѣ старшины, также кассою. Вильде не обладалъ крупнымъ сценическимъ талантомъ, но, за неимѣніемъ въ труппѣ Малаго театра болѣе способнаго и даровитаго jeune premier, занималъ амплуа, чередуясь съ покойнымъ же М. А. Рѣшимовымъ, тоже артистомъ не крупной величины, хотя очень симпатичнымъ и пользовавшимся, въ качествѣ красавца, большимъ вниманіемъ московскихъ дамъ. Оба эти

артиста, надо замѣтить, поступили на сцену не изъ театральнаго училища, а со стороны: Вильде — изъ чиновниковъ нижегородской казенной палаты, Рѣшимовъ — изъ офицеровъ какого-то кавалерійскаго полка. Играя вначалѣ на любительскихъ спектакляхъ Нижняго Новгорода, Вильде, человѣкъ умный и образованный, такъ пристрастился къ сценѣ, что рѣшилъ оставить государственную службу и попытать счастья — поступить въ труппу Малаго театра въ Москвѣ. Это ему удалось, благодаря лишь тому обстоятельству, что онъ понравился Оберу, начальствовавшему въ то время въ Московской конторѣ императорскихъ театровъ. Публикѣ же Вильде положительно не понравился, такъ что, когда онъ, дебютируя въ роли Чацкаго, произнесъ извѣстную фразу: „Вонъ изъ Москвы! сюда я больше не ѣздокъ",—изъ рядовъ партера громкій голосъ произнесъ: „Дорога скатертью!"...

И вотъ этотъ-то Вильде и былъ причиною начала распаденія Артистическаго кружка. Послѣ безконтрольнаго, въ теченіе трехъ лѣтъ, завѣдыванія труппою и кассою, отъ Вильде былъ наконецъ потребованъ ревизіонною комиссіею отчетъ... Этого отчета Вильде не пожелалъ дать; а когда его принудили къ этому, онъ вышелъ изъ состава старшинъ и даже членовъ кружка и возвратилъ въ контору свой членскій билетъ. Потеря эта была для кружка не особенно чувствительна и не крупна; но вслѣдъ за Вильде поспѣшили возвратить свои членскіе билеты и почти всѣ остальные артисты и артистки Малаго театра, между которыми были такія знаменитости, какъ С. В. Шумскій, И. В. Самаринъ, Е. Н. Васильева, Акимова, Никулина и др.; не возвратилъ своего билета одинъ лишь Провъ Михайловичъ Садовскій, настолько привыкшій къ кружку и времяпровожденію въ немъ, что пошелъ въ этомъ случаѣ въ разрѣзъ со всѣми остальными своими товарищами по сценѣ Малаго театра.

Вся эта непріятная для кружка исторія долго ходила

по Москвѣ въ различныхъ варіантахъ, съ примѣсью сплетенъ и небылицъ, и поспособствовала тому, что дѣла кружка немножко пошатнулись, — и главнымъ образомъ потому, что на сценѣ его постоянныхъ, такъ сказать семейныхъ, спектаклей перестали играть артисты Малаго театра, игравшіе до этого въ свободные вечера, подъ различными псевдонимами. Наконецъ, немало повредила дѣлу и московская печать того времени. Въ фельетонахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, которые писалъ талантливый Пановскій, исторія ухода изъ кружка Вильде была разсказана въ самомъ сочувственномъ для него тонѣ и враждебномъ кружку. Въ юмористическомъ же журналѣ „Развлеченіе“, редакторомъ-издателемъ котораго былъ въ то время Ѳ. Б. Миллеръ, дѣло было представлено совсѣмъ въ иномъ видѣ — враждебномъ главному виновнику происшедшаго событія, т.-е. Вильде, который, въ pendant къ тексту, изображенъ былъ еще и въ карикатурѣ: на рисункѣ были два зданія — домъ, гдѣ помѣщался Артистическій кружокъ, и, черезъ площадь, зданіе Малаго театра; между обоими домами былъ протянутъ въ воздухѣ канатъ, по которому, въ видѣ акробата, идетъ Вильде, направляясь изъ кружка: за спиною у него нарисованъ былъ большой мѣшокъ, на которомъ стояли цифры „25.000“.

Въ 1871 году, я засталъ Артистическій кружокъ уже въ другомъ помѣщеніи: изъ дома на Лубянкѣ онъ перешелъ на Театральную площадь, въ домъ Бронникова, гдѣ ранѣе помѣщался столь извѣстный въ мірѣ актеровъ трактиръ Барсова. Въ составѣ его почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ было еще не мало очень почтенныхъ и извѣстныхъ именъ. Такъ, въ сохранившемся у меня спискѣ значились слѣдующія имена: въ числѣ „почетныхъ“ состояли два брата Островскихъ—Александръ Николаевичъ, драматургъ, и Михаилъ Николаевичъ, бывшій потомъ министромъ государственныхъ имуществъ; литераторы: М. Е. Салтыковъ, И. С. Тургеневъ, артистъ П. М. Садовскій,

К. Т. Солдатенковъ и др.; всѣхъ почетныхъ было 12 членовъ и между ними былъ прежній каменщикъ, а впослѣдствіи извѣстный милліонеръ и тайный совѣтникъ П. І. Губонинъ. Дѣйствительныхъ же членовъ было всѣхъ 122 и между ними было также нѣсколько извѣстныхъ въ Москвѣ именъ—изъ числа профессоровъ Московскаго университета, литераторовъ, артистовъ и художниковъ: профессора А. Н. Веселовскій, Н. В. Бугаевъ, С. А. Борзенковъ; литераторы: А. Ѳ. Писемскій, кн. І. А. Мещерскій (извѣстный переводчикъ Мольера), А. Н. Плещеевъ, А. А. Майковъ, Н. А. Чмыревъ и др.; артисты К. Ф. Бергъ, Живокини (Д. В.), Садовскій (сынъ), А. М. Кондратьевъ, В. А. Макшеевъ, кн. Е. П. Урусовъ и пр.; композиторы В. Н. Кашпиревъ, К. П. Вильбоа, художники: академикъ К. А. Трутовскій, К. Г. Астаповъ, Маковскій, адвокаты Н. М. Городецкій, кн. А. И. Урусовъ и др. Членовъ же „посѣтителей“ было болѣе 500 человѣкъ.

Театръ кружка былъ организованъ довольно удачно, и хотя я засталъ труппу, сформированную уже послѣ ухода Вильде, тѣмъ не менѣе, ея составъ былъ все еще солиденъ. Въ особенности же, интересны были спектакли, даваемые на сценѣ Артистическаго кружка въ великомъ посту, когда въ Москву съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи артисты и пѣвцы частныхъ театровъ, для заключенія лѣтнихъ, или же и годовыхъ, контрактовъ съ антрепренерами. Такъ, напримѣръ, на сценѣ кружка я видалъ не разъ знаменитаго актера Николая Хрисанѳовича Рыбакова, М. П. Садовскаго (сына), игравшаго въ кружкѣ подъ фамиліей Ольгина, кн. П. Н. Мещерскаго, М. В. Лентовскаго, г-жъ Садовскую (жену М. П.), В. А. Дюбюкъ, П. А. Стрепетову и мн. др. Наконецъ, многіе изъ числа извѣстныхъ провинціальныхъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ Москву съ цѣлью поступленія въ знаменитую, въ то время, труппу Малаго театра, дебютировали сначала на сценѣ нашего кружка и отсюда уже получали дебюты на

сценѣ Малаго театра. Такъ, въ стѣнахъ кружка и на его сценѣ перебывали: покойный К. Ѳ. Бергъ (Келлеръ), Максшеевъ, Писаревъ и др. Лишь одинъ трагикъ Н. Х. Рыбаковъ, достигшій въ то время, т.-е. въ началѣ 70-хъ годовъ, зенита своей славы и имѣвшій уже за 50 лѣтъ, не дѣлалъ никакихъ поползновеній попасть на казенную сцену Малаго театра. Я былъ лично знакомъ съ покойнымъ Николаемъ Хрисанѳовичемъ, и мы состояли даже, въ одинъ изъ сезоновъ, вмѣстѣ театральными судьями при дебютахъ малоизвѣстныхъ провинціальныхъ артистовъ и „любителей“, для рѣшенія вопросовъ: принимать ихъ, или нѣтъ на нашу сцену. И вотъ, когда я однажды полюбопытствовалъ спросить покойнаго трагика, почему это онъ, имѣя такой крупный талантъ, не попалъ на сцену Малаго театра,—онъ отвѣтилъ:

— Я еще въ 50-хъ годахъ хотѣлъ-было поступить въ труппу императорскихъ театровъ и даже дебютировалъ, и очень удачно; но потомъ, встрѣтивъ противъ себя подкопы и интриги, чуть было не побилъ режиссера... Тогда меня призвалъ къ себѣ директоръ театра Сабуровъ и сталъ говорить мнѣ:

— По твоему таланту, говоритъ, я бы очень охотно принялъ тебя въ труппу...—Но я тотчасъ же перебилъ его:

— Прежде всего, я попрошу ваше превосходительство отличать меня отъ вашего лакея и будочника — не говорить мнѣ „ты“...

Сабуровъ нахмурился и продолжалъ: — По таланту-то вашему я бы васъ принялъ, но по характеру вы не годитесь: вы легко можете угодить въ солдаты...

Вѣдь тогда при Николаѣ Павловичѣ за строптивый нравъ сдавали въ солдаты не только „артистовъ“, но даже и поповъ по представленіямъ архіереевъ... Такъ я и остался весь свой вѣкъ „провинціальнымъ артистомъ—Несчастливцевымъ!“... объяснилъ мнѣ покойный Николай Хрисанѳовичъ...

Ниже я буду говорить объ игрѣ этого даровитѣйшаго трагика во многихъ роляхъ и, между прочимъ, въ роли Несчастливцева, въ пьесѣ „Лѣсъ“ Островскаго. Читателю слѣдуетъ знать, что именно его, Рыбакова, покойный писатель и изобразилъ въ этой роли... И такъ странно было слышать со сцены слѣдующую, произносимую Николаемъ Хрисанѳовичемъ фразу, въ его разсказѣ актеру „Аркашкѣ“ Счастливцеву о своей игрѣ: ...„Кончилъ я и ушелъ за кулисы... И вотъ, подходитъ ко мнѣ Рыбаковъ... самъ Николай Хрисанѳовичъ Рыбаковъ!—кладетъ мнѣ руку на плечо и говоритъ: „Только ты—и я!..“ (т.-е. остались трагики). При этомъ упоминаніи собственнаго имени, голосъ старика Рыбакова задрожалъ и перешелъ въ шепотъ, и онъ едва-едва могъ удержаться отъ нервныхъ слезъ, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ и видѣлъ, что въ старшинской ложѣ, съ правой стороны, сидитъ „самъ“ Александръ Николаевичъ Островскій...

Театръ и труппа кружка поручались всегда вѣдѣнію одного изъ старшинъ, по ихъ между собою выбору. Когда я вступилъ въ кружокъ, его сценою управлялъ старшина А. И. Смирновъ, учитель физики въ коммерческомъ училищѣ, а потомъ его смѣнилъ М. И. Цухановъ, тоже учитель—одной изъ московскихъ гимназій. Дѣла театра шли хорошо.

Библіотека кружка была довольно полная и интересная. Въ ней было собрано, кромѣ обычной беллетристики и журналовъ, множество пьесъ, полныя сочиненія русскихъ писателей и, въ переводѣ, иностранныхъ, не говоря уже о томъ, что выписывались почти всѣ русскіе журналы и газеты. Два года спустя, я былъ избранъ завѣдывать этою библіотекой; вмѣстѣ съ В. Н. Кашпиревымъ, Н. А. Чмыревымъ и извѣстнымъ чтецомъ и разсказчикомъ И. А. Григоровскимъ, мы составляли библіотечный комитетъ. Книги отпускались всѣмъ членамъ кружка безплатно, такъ какъ, къ обычному членскому взносу доплачивался

1 рубль собственно на библіотеку. Библіотекаршей у насъ была очень акуратная и почтенная дама, вдова какого-то чиновника, а помощницею у нея очень милая и красивая дѣвушка, нѣкая Е. К. Трапезникова, жизнь которой, по милости одного негодяя, вскорѣ окончилась самымъ трагическимъ образомъ. Но объ этомъ послѣ, въ свое время.

Карточная игра въ кружкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ московскихъ клубахъ, процвѣтала самымъ исправнымъ образомъ, и иногда въ карточномъ залѣ можно было видѣть за преферансомъ и А. Н. Островскаго, игравшаго исключительно съ своими, т.-е. съ артистами, ему хорошо знакомыми Припоминаю, что видѣлъ иногда играющими съ нимъ П. М. Садовскаго, извѣстнаго композитора В. Н. Кашпирова, помощника режиссера Малаго театра С. А. Черневскаго и др. Карты доставляли, конечно, кружку не малый доходъ. Играли у насъ не по большой, и о шулерахъ никогда не было слышно.

Устраивавшіеся, разъ въ недѣлю, по зимамъ, танцы въ кружкѣ и маскарады были чрезвычайно оживлены. Бывали иногда во время маскарадовъ и скандальчики, учиняемые, обыкновенно „золотою молодежью" и московскими саврасами, т.-е. сынками богатыхъ купцовъ. Гораздо чаще, впрочемъ, случались романическія исторіи...

Вотъ общій характеръ Московскаго Артистическаго кружка въ 1871 году, когда я вошелъ въ него. Это былъ въ то время милый, чисто семейный, пріятный и веселый клубъ и, вдобавокъ, очень недорогой: дѣйствительные члены платили въ годъ 11 рублей—10 рублей членскихъ и рубль на библіотеку; члены-посѣтители—16 рублей. Для небогатыхъ людей клубъ этотъ былъ особенно важенъ еще тѣмъ, что въ немъ отсутствовала роскошь дамскихъ туалетовъ. Такъ какъ, посѣтительницами кружка были преимущественно жены литераторовъ и художниковъ и провинціальныя артистки, то это отсутствіе роскоши стало постепенно входить въ обычай на всѣхъ кружковскихъ

вечерахъ и спектакляхъ. Затѣмъ, этотъ клубъ представлялъ еще одно удобство—по крайней мѣрѣ для дѣйствительныхъ его членовъ: пріѣзжая въ Петербургъ, мы могли бывать безпрепятственно и безплатно въ существовавшемъ въ то время клубѣ художниковъ (на Троицкой, гдѣ нынѣ залъ Павловой) и пользовались всѣми правами, удобствами и удовольствіями, предоставленными дѣйствительнымъ членамъ этого клуба. Одинаково, члены петербургскаго клуба, попадая въ Москву, пользовались, въ свою очередь, нашимъ гостепріимствомъ, — и это представляло, взаимно, большое удобство для дѣйствительныхъ членовъ обоихъ клубовъ.

II.

Журналъ «Бесѣда». — Начало собранія драматическихъ писателей. — Издатель «Бесѣды» А. И. Кошелевъ. — С. А. Юрьевъ и его разсѣянность. — Анекдоты о немъ и карикатуры. — Помощники редактора: А. А. Майковъ и Миропольскій.—Возвращеніе рукописей—К. Н. Леонтьеву, Г. П. Данилевскому и Д. В. Аверкіеву. — «Каширская Старина» и М. Н. Катковъ.

Въ 1871 году была основана въ Москвѣ „Бесѣда" — журналъ славянофильскій и „съ національно-прогрессивнымъ направленіемъ". Такъ какъ редакція этого журнала имѣла нѣкоторое соприкосновеніе съ артистическимъ кружкомъ, а также и съ образовавшимся впослѣдствіи Обществомъ драматическихъ писателей, то я и нахожу неизлишнимъ сказать, попутно, кое-что объ этомъ интересномъ журналѣ и о первоначальномъ „собраніи" нашихъ драматурговъ, превратившемся впослѣдствіи (въ 1874 году) въ правильно организованное „общество".

Журналъ „Бесѣда" былъ основанъ точно такъ же, какъ основываются, къ сожалѣнію, очень многіе и другіе наши журналы—основанъ не литераторомъ, а дѣльцомъ. Основалъ его Александръ Ивановичъ Кошелевъ, человѣкъ не глупый и ловкій, нажившій ранѣе большія деньги по

питейнымъ откупамъ и состоявшій потомъ въ Варшавѣ чѣмъ-то въ родѣ министра польскихъ финансовъ. Затѣмъ, Кошелевъ оставилъ государственную службу, купилъ въ Москвѣ, на Поварской, барскій домъ, подъѣхалъ какимъ-то угломъ къ московскимъ славянофиламъ кратковременно издавалъ журналъ „Русскую Бесѣду“, пріобрѣлъ въ Рязанской губерніи огромное имѣніе, устроилъ тамъ солидный винокуренный заводъ и сталъ, какъ говорится, жить поживать да добра наживать.

Этотъ самый Кошелевъ и сталъ издавать, съ января 1871 года, въ Москвѣ толстый журналъ „Бесѣду“. Въ редакторы былъ приглашенъ человѣкъ, какъ принято выражаться, „не отъ міра сего“, Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, бывшій долгое время учителемъ математики въ николаевскомъ институтѣ при Московскомъ воспитательномъ домѣ и слывшій за большого и глубокомысленнаго философа, послѣдователя Канта. Какимъ образомъ уживалась у покойнаго Юрьева математика рядомъ съ философіей,—этого я не знаю; но что это былъ человѣкъ въ высшей степени симпатичный, честный, добрый и увлекающійся,—въ этомъ я убѣдился впослѣдствіи очень хорошо, когда мнѣ довелось въ качествѣ сотрудника сойтись и познакомиться съ нимъ поближе. Къ сожалѣнію, въ покойномъ Юрьевѣ поражало не одно сосѣдство математики рядомъ съ философіей, но и нѣкоторыя другія особенности.

Онъ былъ, напримѣръ, такъ анекдотически забывчивъ и разсѣянъ, что постоянно давалъ нескончаемыя темы не только анекдотамъ и розсказнямъ, ходившимъ о немъ по Москвѣ, но и карикатурамъ въ мѣстныхъ сатирическихъ листкахъ. Такъ, напримѣръ, о Юрьевѣ разсказывали, какъ фактъ, что однажды его ожидалъ къ себѣ по какому-то дѣлу А. Н. Островскій, а онъ, не имѣя возможности ѣхать къ нему, написалъ извинительное письмо, но, по забывчивости, не отправилъ его по назначенію, а преспокойно положилъ въ карманъ сюртука—и чрезъ нѣсколько минутъ

совсѣмъ позабылъ о немъ. На другой день Островскій, безпокоясь, что Юрьевъ не пріѣхалъ къ нему и ничего не написалъ и предполагая, что онъ захворалъ, ѣдетъ къ нему самъ, застаетъ дома, выслушиваетъ словесное объясненіе, почему именно онъ не могъ къ нему пріѣхать, и, переговоривъ о дѣлѣ, уѣзжаетъ. Юрьевъ провожаетъ его въ переднюю, прощается съ нимъ и въ это время опускаетъ зачѣмъ-то руку въ боковой карманъ сюртука. Нащупавъ тамъ свое письмо, вынимаетъ его, прочитываетъ адресъ и выскакиваетъ на площадку лѣстницы, вслѣдъ за Островскимъ.

— Постой, постой на минутку, Александръ Николаевичъ! — кричитъ Юрьевъ: — тебѣ вотъ письмо, „весьма нужное“...

Островскій взялъ письмо, положилъ его въ карманъ, а по пріѣздѣ домой распечаталъ и сталъ читать... И долго, конечно, смѣялся надъ разсѣянностью своего пріятеля.

Карикатуръ на разсѣянность Юрьева было тоже нарисовано не мало. Я помню одну довольно остроумную, помѣщенную въ юмористическомъ журнальчикѣ „Развлеченіе“; карикатура эта была въ нѣсколькихъ видахъ и красовалась на всѣхъ восьми страницахъ изданія. Юрьевъ въ первой карикатурѣ былъ нарисованъ наклонившимся надъ своимъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ книгами, газетами, различными рукописями и корректурами. Онъ стоитъ надъ столомъ во весь свой большой ростъ и шаритъ по немъ руками... Внизу подпись: „И куда это я засунулъ прекрасную философскую статью?!“... Далѣе, изображается тотъ же все Юрьевъ въ безплодныхъ поискахъ за статьей: онъ ищетъ ее и на книжныхъ полкахъ, и въ книжныхъ шкафахъ, и на этажеркахъ, и на шкафахъ; затѣмъ, лѣзетъ подъ свою кровать—но и тамъ не находитъ статьи... На седьмой карикатурѣ Сергѣй Андреевичъ, снявъ съ себя сапоги, вытряхиваетъ ихъ, въ уповaніи, не вы-

падетъ ли изъ сапогъ искомая статья. На послѣднемъ, восьмомъ, рисункѣ — изъ типографіи приноситъ разсыльный только что вышедшую книжку „Бесѣды", подаетъ ее Юрьеву, тотъ развертываетъ свой журналъ и — о, восторгъ! статья находится: она уже напечатана въ книжкѣ...

Слѣдуетъ сказать, что Юрьевъ не имѣлъ никакого рѣшающаго вліянія въ редакціи, гдѣ распоряжались собственно два его „помощника", ставленники Кошелева, хозяина журнала: это были — какой-то учитель кадетскаго корпуса Миропольскій и А. А. Майковъ, служившій при московскомъ генералъ-губернаторѣ, князѣ Долгорукомъ, старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій и достигшій впослѣдствіи „степеней извѣстныхъ" — чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и званій камергера, а потомъ и гофмейстера. Миропольскій былъ изъ семинаристовъ, человѣкъ тупой и вдобавокъ съ страшнымъ самомнѣніемъ; онъ причинялъ одинъ лишь вредъ редакціи, а между тѣмъ былъ въ фаворѣ у Кошелева, а потому знать не хотѣлъ редактора и его другого помощника.

Второй помощникъ Юрьева А. А. Майковъ былъ человѣкъ очень умный и образованный (ранѣе онъ былъ недолгое, впрочемъ, время адъюнктомъ въ Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ, если не ошибаюсь, исторіи славянскихъ народовъ); но онъ такъ разбрасывался въ своей многосторонней дѣятельности, что положительно не могъ удѣлять соредакторству достаточное время. Онъ былъ, вопервыхъ, богатый помѣщикъ, сильно пристрастившійся къ сельскому хозяйству и деревнѣ; имѣніе его было недалеко отъ Москвы, и онъ часто долженъ былъ отлучаться туда. Во-вторыхъ, онъ обязанъ былъ, какъ говорили, ежедневно прочитывать не только болѣе крупныя русскія, но и нѣкоторыя иностранныя газеты и дѣлать изъ нихъ болѣе интересныя вырѣзки, наклеивать ихъ на бумагу и преподносить эти выборки кн. В. А. Долгорукому. Затѣмъ, въ-третьихъ, онъ, лично отъ себя уже, зорко слѣдилъ за

политикой у славянскихъ народовъ и тѣхъ правительствъ, коимъ они были подчинены, и время отъ времени помѣщалъ въ газетахъ и журналахъ статьи по этому предмету, отличавшіяся всегда большою эрудиціей и интересомъ. Тотъ же А. А. Майковъ вступилъ съ 1874 года въ исполненіе обязанностей казначея общества драматическихъ писателей.

Въ конечномъ результатѣ, въ редакціи „Бесѣды" происходили, напримѣръ, иногда такіе казусы. Захожу я однажды, лѣтомъ 1871 года, къ одному знакомому, нѣкоему начинающему литератору Н. В. Лысцеву, довольно милому и доброму человѣку и большому „либералу". Онъ только что вернулся изъ Ясной Поляны, куда ѣздилъ съ письмомъ Юрьева къ Льву Николаевичу Толстому за повѣстью „Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ" для „Бесѣды". Вижу, лежитъ у Лысцева на столѣ довольно толстая рукопись. На ея обложкѣ крупнымъ почеркомъ написано: „Два генерала".

— Что это за рукопись у васъ?—спрашиваю.

— А это далъ мнѣ Миропольскій для прочтенія.

— Какъ—для прочтенія?

— А такъ: чтобы я прочелъ ее и сказалъ бы свое мнѣніе: удобна она или нѣтъ для помѣщенія въ „Бесѣдѣ",— отвѣчаетъ Лысцевъ.

— Чья же это рукопись?

— Да какого-то Леонтьева... Я, по правдѣ сказать, не особенно внимательно читалъ ее, а лишь перелистывалъ и нахожу неудобною. Во-первыхъ, авторъ ея — какой-то важный баринъ; во-вторыхъ, самая рукопись—это романъ— носитъ заглавіе: „Два генерала"... Ну, можетъ ли тутъ быть что-нибудь интересное?.. И кто такой Леонтьевъ? Въ каждой редакціи есть Леонтьевъ: въ „Русскомъ Вѣстникѣ"—Леонтьевъ, въ „Голосѣ"—Леонтьевъ, въ „Современныхъ извѣстіяхъ"—Леонтьевъ... Вездѣ эти Леонтьевы, какъ и Соловьевы же... Романъ неудобенъ.

Я только руками развелъ... Никакіе мои доводы и убѣ-

жденія, чтобы онъ, Лысцевъ, прочелъ романъ, не помогли, и рукопись, какъ я узналъ послѣ, такъ-таки и была возвращена автору, какъ „неудобная". А авторъ этотъ былъ извѣстный путешественникъ и талантливый писатель К. Н Леонтьевъ, измѣнившій впослѣдствіи заглавіе этого своего романа и напечатавшій его въ „Русскомъ Вѣстникѣ".

Не знаю уже, такимъ же или инымъ порядкомъ, но тою же редакціею „Бесѣды" были возвращены потомъ двумъ еще болѣе талантливымъ авторамъ двѣ интереснѣйшія рукописи: романъ „Девятый валъ" Гр. П. Данилевскому и трагедія „Каширская Старина" Д. В. Аверкіеву. Романъ Данилевскаго устраивалъ въ „Бесѣду" военный докторъ Н. И. Соловьевъ (извѣстный критикъ-эстетикъ). За романъ Данилевскій желалъ получить пять тысячъ. Такъ какъ, такія крупныя траты безъ предварительнаго разрѣшенія самого Кошелева дѣлаемы быть не могли, то обратились къ нему, а бывшій откупщикъ нашелъ, что давать два дорогихъ романа въ одинъ годъ очень жирно будетъ для подписчиковъ. (Первый романъ—„Въ водоворотѣ", Писемскаго — печатавшійся съ первой же книги „Бесѣды", былъ пріобрѣтенъ отъ автора за семь тысячъ рублей). Такъ и возвратили Данилевскому его романъ, который и былъ потомъ напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы" у г. Стасюлевича.

Съ „Каширской Стариной" вышло дѣло еще болѣе курьезное. Авторъ этой талантливой народной трагедіи, нынѣ здравствующій Д. В. Аверкіевъ, только что въ то время, осенью 1871 года, переселился изъ Петербурга въ Москву. Лѣто этого года, гостя въ Тамбовской губерніи у кого-то изъ своихъ знакомыхъ, онъ написалъ эту замѣчательную пьесу. Поселившись въ Москвѣ, онъ сталъ часто бывать въ редакціи „Бесѣды", гдѣ я съ нимъ и встрѣчался. Въ это время, надо замѣтить, въ петербургскихъ либеральныхъ литературныхъ кружкахъ къ Дм. Вас. относились недружелюбно, какъ къ „консерватору". И вотъ,

узнаю я однажды отъ Миропольскаго, что г. Аверкіевъ желалъ напечатать въ „Бесѣдѣ" свою „какую-то новую пьесу", но редакція возвратила ему рукопись, не читая, такъ какъ-де имя автора слишкомъ уже консервативно для такого либеральнаго органа, какъ „Бесѣда"... Эта „какая-то новая пьеса" и была „Каширскою Стариной". Поставленная въ сезонъ того же 1871—1872 года на сценѣ Малаго театра, въ бенефисъ артистки Г. Н. Ѳедотовой, пьеса имѣла огромный и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Тогда авторъ передалъ рукопись въ редакцію „Русскаго Вѣстника". Покойный М. Н. Катковъ не сталъ читать пьесу, находя болѣе пріятнымъ прослушать ее со сцены. Онъ взялъ ложу, поѣхалъ со всей семьей въ театръ, увидѣлъ „Каширскую Старину" и она ему чрезвычайно понравилась. На другой же день авторъ получилъ приглашеніе зайти въ контору „Русскаго Вѣстника", гдѣ ему и выдали 1.000 рублей — гонораръ за его пьесу. Потомъ, когда она была напечатана, то вся эта книжка журнала была раскуплена на расхватъ, такъ какъ пьеса нужна была во всѣ театры, существовавшіе въ Россіи, равно какъ и всѣмъ актерамъ, исполнявшимъ роли первыхъ любовниковъ, а также и драматическимъ актрисамъ, имя же всѣмъ этимъ лицедѣямъ—легіонъ.

III.

Трагическая исторія одного драматурга. — Многоначаліе въ редакціи «Бесѣды». – Исторія съ Ю. Ѳ. Самаринымъ. — Литературныя извѣстности, посѣщавшія редактора «Бесѣды».—Чтеніе артистомъ Ѳедотовымъ «Сказки о Митяяхъ». — Сношенія гр. А. Толстого съ «Бесѣдой». — Разсказы Нефедова. — Стихотвореніе «Сны русскаго царевича». — Арестъ и ссылка кн. А. И. Урусова. — «Рязанскій помѣщикъ». — Л. Н. Антроповъ.—Политическій убійца Нечаевъ.—Балъ у кн. Долгорукаго и М. В. Столыпина. — Безтактность кн. Урусова на балу. — Его жизнь въ Венденѣ. — Смерть Нечаева.

Въ той же „Бесѣдѣ", въ томъ же 1871 году, произошла не менѣе интересная исторія съ переводомъ Ѳ. Б.

Миллера одной нѣмецкой пьесы, авторъ которой, Юліусъ Миндингъ, имѣлъ слѣдующую трагическую судьбу. Онъ писалъ свою пьесу стихами, почти десять лѣтъ, а затѣмъ отлитографировалъ ее и послалъ во всѣ болѣе солидныя театральныя дирекціи въ Германіи и отовсюду получилъ отъ директоровъ отказъ: ему, по обыкновенію, возвращали пьесу не читая. Тогда онъ рѣшилъ совершенно оставить литературу и уѣхалъ въ Америку. Тамъ, не подготовленный къ практической дѣятельности янки, онъ скоро спустилъ всѣ привезенныя съ собою небольшія деньги, дошелъ до нищеты и застрѣлился. Но передъ смертью, однако, онъ все-таки вспомнилъ о своей пьесѣ и послалъ ее какому-то антрепренеру нѣмецкаго театра въ Нью-Іоркѣ, при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, извѣщалъ о своей смерти и просилъ, въ случаѣ постановки пьесы, переслать гонораръ его сестрѣ, въ Нюренбергъ. Антрепренеръ не обратилъ вниманія на письмо, но когда прочелъ въ газетахъ, что авторъ пьесы дѣйствительно привелъ въ исполненіе задуманное имъ самоубійство, то рѣшилъ наконецъ ознакомиться съ пьесой. По прочтеніи, онъ пришелъ отъ нея въ восторгъ и поставилъ на сценѣ, и пьеса эта имѣла такой громадный успѣхъ, что была поставлена во всѣхъ большихъ театрахъ Германіи, а затѣмъ переведена на всѣ европейскіе языки.

Эту пьесу покойный Миллеръ (поэтъ, переводчикъ и редакторъ-издатель юмористическаго журнала „Развлеченіе“) перевелъ стихами же и предложилъ напечатать редакціи „Бесѣды“, но ему также возвратили переводъ, находя, что драмы, да еще съ сюжетомъ изъ иностранной жизни, не могутъ интересовать читателей журнала. Пьеса эта—„Сикстъ V“—была напечатана въ іюньской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1871 года [1]).

[1]) На театрахъ Германіи пьеса Миндинга была поставлена впервые лишь въ 1869 году, режиссеромъ Цюрихскаго театра Райнеромъ и директоромъ Ольденбургскаго театра А. Беккеромъ.

Это многоначаліе въ редакціи „Бесѣды“ и было причиною, что журналъ не пошелъ: въ первый годъ его существованія, т.-е. въ 1871 году, число подписчиковъ едва перешло за тысячу, а на второй годъ — къ тысячѣ прибавилось нѣсколько сотъ новыхъ подписчиковъ, но въ то же время было утеряно почти столько же старыхъ, за минувшій годъ. Между тѣмъ, въ тѣ времена, т.-е. тридцать лѣтъ назадъ, при существовавшихъ тогда скромныхъ цѣнахъ платы сотрудникамъ и переводчикамъ, типографскихъ и на бумагу, толстый журналъ, стоившій 16 рублей въ годъ, могъ существовать, хотя и въ ничью, лишь при трехъ тысячахъ подписчикахъ—не менѣе.

Неуспѣху „Бесѣды“ не мало также способствовало и то обстоятельство, что Кошелевъ постоянно вмѣшивался въ чисто-редакторскія дѣла, чрезъ что происходила иногда замѣтная путаница въ „направленіи“ журнала. Такъ, напримѣръ, однажды во внутреннемъ обозрѣніи редакція указала на одну рѣзкую выходку покойнаго Юрія Самарина, крайне консервативнаго характера, учиненную имъ, въ качествѣ земца, въ Самарской губерніи. Дѣло было лѣтомъ 1871 года. Какъ только вышла книжка „Бесѣды“, Самаринъ написалъ Кошелеву письмо, въ которомъ потребовалъ, чтобы въ слѣдующей же книжкѣ были взяты назадъ слова, сказанныя о немъ. Кошелевъ тотчасъ же пріѣхалъ изъ своей рязанской деревни въ Москву, вызвалъ Юрьева изъ его тверского имѣнія и настоялъ, чтобы требуемое Самаринымъ отреченіе редакціи отъ сказаннаго было напечатано, угрожая въ противномъ случаѣ прекратить изданіе журнала, т.-е., не выдавать болѣе денегъ на его веденіе. Когда это самобичеваніе появилось въ печати, то въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Некрасова и въ „Дѣлѣ“ Благосвѣтлова сдѣланы были ядовитыя указанія на малодушіе московскаго собрата, и это, конечно, не могло не повредить престижу новаго журнала въ мнѣніи большинства читающей публики.

По настоянію того же Кошелева, была напечатана въ „Бесѣдѣ", въ томъ же 1871 году, очень слабая и вдобавокъ тенденціозная драма нѣкоей московской аристократки г-жи Голохвастовой „Чья правда", поставленная вскорѣ на сценѣ Малаго театра и торжественно провалившаяся.

На еженедѣльныхъ журфиксахъ у Юрьева, по пятницамъ, въ его скромной квартирѣ, въ деревянномъ домикѣ на Садовой, собиралось постоянно довольно многочисленное общество, исключительно мужское; я помню нѣсколькихъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ лицъ: тамъ бывали А. Ѳ. Писемскій, А. Н. Веселовскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, Д. В. Аверкіевъ, Н. И. Соловьевъ, Б. Н. Алмазовъ, Ф. Б. Миллеръ, А. И. Левитовъ, Н. М. Богомоловъ, пѣвецъ Д. А. Агреневъ (Славянскій), Ф. Нефедовъ (Уводинъ), тотъ же Кошелевъ и многіе другіе; бывали профессора университета и наѣзжавшіе изъ Петербурга литераторы, а также и нѣкоторые артисты Малаго театра. Эти послѣдніе читали иногда въ присутствіи собравшихся гостей что-нибудь особенно интересное и выдающееся изъ числа тѣхъ литературныхъ новинокъ, которыя не могли появиться въ печати въ то время и имѣли, поэтому, прелесть запрещеннаго плода. Такъ, напримѣръ, артистъ Малаго театра М. А. Рѣшимовъ читалъ однажды „Ѳедòрушку" графа А. Толстого, а артистъ Ѳедотовъ (А. Ф.) — „Сказку о Митяяхъ". Обѣ эти вещи, какъ извѣстно, были впослѣдсвіи напечатаны [1]. „Ѳедòрушку", съ нѣкоторыми сокращеніями, графъ Толстой предлагалъ Юрьеву напечатать въ „Бесѣдѣ", гдѣ въ первой книжкѣ 1871 года было напечатано его очень слабое стихотвореніе эпическаго характера; но Юрьевъ не помѣстилъ „Ѳедòрушку"—по совѣту бывшаго въ то время предсѣдателя московскаго цензурнаго комитета Росковшенко. Тому же Толстому

[1]) «Сказка о Митяяхъ», сочин. Гулевича, была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (ноябрь, 1901 г.).

было возвращено изъ „Бесѣды" и еще одно стихотвореніе, получившее потомъ громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность — „Потокъ-Богатырь": оно не понравилось, какъ самому Юрьеву, такъ и его второму, послѣ А. А. Майкова, помощнику — Миропольскому. Эта чрезвычайно остроумная и злая поэма шутка была признана слишкомъ консервативною для „Бесѣды", такъ какъ въ ней вышучивались и „дѣвицы безъ косъ", и гласный судъ, и „пьяницы-мужики"... И вотъ „Потока-Богатыря" Толстому возвратили; онъ тотчасъ же напечаталъ его въ „Русскомъ Вѣстникѣ", а съ редакціею „Бесѣды" прекратилъ всякія дальнѣйшія сношенія.

О журналѣ „Бесѣда", народившемся въ Москвѣ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, явившемся единственнымъ конкуррентомъ въ Москвѣ журналу Каткова „Русскій Вѣстникъ" и погибшемъ безплодно и безслѣдно послѣ двухъ лѣтъ своего существованія, я распространяюсь собственно потому, что почти всѣ члены редакціи этого журнала, а равно и сотрудники состояли дѣйствительными членами Артистическаго кружка, и, какъ увидимъ ниже, смерть „Бесѣды" не прошла безслѣдно и для литературной партіи этого кружка. Въ концѣ своихъ воспоминаній объ этой очень милой, но крайне оригинальной редакціи, я приведу еще два случая тоже отчасти характерныхъ. Первый изъ нихъ произошелъ съ писателемъ Ф. Нефедовымъ, тогда только еще начинавшимъ свое литературное поприще. Онъ осенью 1871 года доставилъ въ редакцію два разсказа изъ народнаго быта — изъ жизни фабричныхъ Владимірской губерніи. Въ одномъ изъ разсказовъ крестьянинъ, ставшій фабричнымъ, непочтительно отзывается о духовномъ лицѣ; этого оказалось достаточно, чтобы помощникъ Юрьева, тотъ же Миропольскій, происходящій изъ духовнаго званія и предварительно читавшій эти разсказы, нашелъ ихъ „неудобными" для напечатанія. Нефедовъ послалъ рукопись М. М. Стасюлевичу въ Пе-

тербургъ и разсказы появились на страницахъ „Вѣстника Европы“.

Второй казусъ произошелъ съ стихотвореніемъ „Сны русскаго царевича“, написаннымъ мною. Въ одну изъ пятницъ, въ зиму 1871 — 1872 гг., С. А. Юрьевъ прочелъ своимъ гостямъ эти стихи и заявилъ, что напечатаетъ ихъ въ „Бесѣдѣ“. Бывшій на журфиксѣ Д. В. Аверкіевъ сильно запротестовалъ противъ помѣщенія этихъ „Сновъ“, предсказывая, что книжку могутъ сжечь... Этого было вполнѣ достаточно, чтобы присутствовавшій тутъ же А. И. Кошелевъ, страха ради сожженія и убытка, тоже подалъ голосъ противъ помѣщенія стихотворенія, и оно напечатано такъ и не было—ни тогда, ни послѣ.

Осенью 1871 года, надъ Артистическимъ кружкомъ стряслась бѣда, да еще и немалая, какъ поется въ одной изъ пѣсенъ: „что не сто рублей пропало, что не тыща у него“, а исчезъ самый блестящій, самый даровитый и вліятельный изъ его старшинъ, князь А. И. Урусовъ, вынужденный, по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ него не зависящимъ, внезапно выѣхать изъ Москвы на жительство въ городъ Венденъ... Этотъ старшина давалъ кружку тонъ, вліялъ на репертуаръ спектаклей, на характеръ семейныхъ и танцовальныхъ вечеровъ, на составъ вновь избираемыхъ дѣйствительныхъ членовъ, и прочее. Исчезновеніе князя Урусова изъ Москвы произошло такъ. Лѣто 1871 года онъ проводилъ за границей; между прочимъ, онъ заѣхалъ въ Швейцарію и попалъ тамъ въ кружокъ русскихъ революціонеровъ, съ извѣстнымъ Нечаевымъ во главѣ. Этотъ Нечаевъ, послѣ совершоннаго имъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ убійства своего товарища студента, успѣлъ скрыться отъ розысковъ и пробрался въ Швейцарію. Въ то время, когда попалъ туда Урусовъ, русскія власти, въ силу картельной конвенціи, усиленно домогались отъ кантонскихъ властей выдачи Нечаева, ссылаясь на то, что онъ совершилъ убійство не политическое, а обыкновенное — просто мстя товарищу за выходъ изъ состава заговорщиковъ; Нечаевъ доказывалъ швейцарскимъ властямъ противное и шла, поэтому, переписка и обычныя въ этихъ случаяхъ сношенія съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Нечаевъ былъ, конечно, хорошо освѣдомленъ объ угрожающей ему опасности, но все еще не вѣрилъ, что кантоны его выдадутъ, и продолжалъ жить въ Швейцаріи; однако, на всякій случай, онъ, познакомившись съ Урусовымъ, заручился его словомъ, что въ случаѣ выдачи, онъ непремѣнно будетъ защищать его на судѣ. При этомъ, Урусовъ имѣлъ еще неосторожность, посѣщая собранія русскихъ революціонеровъ, держать тамъ рѣчи въ сочувственномъ духѣ цѣлямъ собранія; а такъ какъ на этихъ собраніяхъ были, по всей вѣроятности, тайные агенты нашей полиціи, то обѣщаніе Урусова защищать Нечаева, а равно и его нескромныя „рѣчи“ стали извѣстны Петербургу и его приснопамятному третьему отдѣленію. По крайней мѣрѣ, Урусовъ, уже арестованный, передавая литератору Антропову, а впослѣдствіи и мнѣ, всѣ эти обстоятельства, сообщалъ между прочимъ, что вмѣстѣ съ нимъ, въ одномъ и томъ же вагонѣ I класса, отъ самаго Цюриха чрезъ Эйдкуненъ и вплоть до Москвы, ѣхалъ какой-то господинъ, назвавшійся помѣщикомъ Рязанской губерніи, совершенно очаровавшій Александра Ивановича, но къ которому на Смоленскомъ вокзалѣ, когда они пріѣхали уже въ Москву, подошелъ жандармскій генералъ Слезкинъ, очевидно дожидавшійся этого „рязанскаго помѣщика“, тотчасъ же и исчезнувшаго съ глазъ Урусова, какъ бы провалившагося сквозь землю...

Поздно вечеромъ, въ самый день пріѣзда, князь Урусовъ былъ арестованъ въ своей квартирѣ. Кромѣ Антропова съ женою Евгеніею Николаевною, при Урусовѣ въ это время никого не было изъ постороннихъ; жена самого Урусова съ маленькимъ ребенкомъ была въ ванной, и

когда узнала о приходѣ незваныхъ гостей, съ нею сдѣлался нервный припадокъ... Урусову было объявлено, что онъ долженъ будетъ на другой день отправиться „на жительство“ въ городъ Венденъ, а до того времени онъ никуда уже изъ своей квартиры отлучаться не можетъ; ему разрѣшили лишь передать кому либо всѣ принятыя имъ отъ кліентовъ дѣла и документы, а равно и довѣрить кому нибудь имѣвшійся у него въ одномъ изъ переулковъ, примыкающихъ къ Арбату, домъ, а также и всю движимость. Кому изъ своихъ помощниковъ передалъ князь Урусовъ дѣла,—я теперь не помню; имущество же и домъ были поручены имъ Л. Н. Антропову, короткою запискою, состоявшею изъ двухъ строкъ и подписанною просто: „А. Урусовъ“, безъ слова „князь“. Въ тотъ же вечеръ, пока шелъ осмотръ бумагъ и писемъ у арестованнаго, Антроповъ поѣхалъ къ одному изъ помощниковъ Урусова и привезъ его для принятія отъ своего исчезающаго принципала дѣлъ...

На другой день Урусовъ, сопровождаемый жандармскимъ офицеромъ былъ отвезенъ на Николаевскій вокзалъ, куда явились провожать его, кромѣ Антропова, и множество товарищей и знакомыхъ. При этомъ, произошелъ нѣкоторый инцидентъ, виновникомъ коего оказался тотъ же Л. Н. Антроповъ, дешево, къ счастію, отдѣлавшійся. Произошло вотъ что: когда поѣздъ уже тронулся, и Урусовъ, высунувшись изъ окна вагона, прощался, Лука Николаевичь не выдержалъ: махая въ воздухѣ платкомъ, онъ громкимъ голосомъ прокричалъ на всю платформу: „Vive la république!“... [1]).

---

[1]) Покойный Лука Николаевичъ былъ способенъ и не на такія еще экстравагантности. Вотъ, напр., что учинилъ онъ, лѣтомъ 1868 года, въ Петербургѣ, въ Юсуповомъ саду. Тамъ долженъ былъ подняться шаръ, на которомъ летѣлъ и самъ аэронавтъ, какой-то французъ. Когда онъ сидѣлъ уже въ корзинѣ и до поднятія шара оставалось всего нѣсколько минутъ, къ нему вдругъ подошелъ Л. Н., вручилъ ему 25 рублей и просилъ позволенія летѣть вмѣстѣ... Пока изумленный аэронавтъ колебался и раздумывалъ съ отвѣтомъ, покойный Антроповъ впрыгнулъ въ корзину, а черезъ нѣсколько секундъ шаръ поднялся въ верхъ... Къ счастію, все, потомъ, обошлось благополучно — и шаръ опустился безъ всякихъ приключеній вблизи какой-то чухонской деревни, въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга.

Однако, въ тотъ же день, вечеромъ, Антроповъ пріѣхалъ ко мнѣ въ квартиру сильно встревоженный и попросилъ принять на время небольшую корзину съ бумагами, такъ какъ онъ, послѣ своего возгласа на вокзалѣ, легко можетъ ожидать если не ареста, то, по крайней мѣрѣ, обыска; я охотно согласился. Корзина была ко мнѣ привезена тотчасъ же, стояла у меня нѣсколько недѣль и затѣмъ была взята обратно. Антропова спасло, повидимому, то обстоятельство, что онъ въ это время служилъ и писалъ у Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Русскомъ Вѣстникѣ“, а сила и положеніе Михаила Никифоровича въ Москвѣ были очень велики. Антропову пришлось лишь потомъ немало повозиться съ дѣлами Урусова: его постоянно приглашали въ жандармское управленіе, какъ только приходили изъ-за границы какіе либо ящики и тюки съ вещами, накупленными тамъ, во время своего путешествія, Урусовымъ: при немъ вскрывались всѣ эти вещи, тщательно осматривались и затѣмъ ему же и сдавались на руки.

Собственно ко мнѣ покойный Антроповъ обратился потому, что онъ въ это время только что перебрался изъ Петербурга въ Москву, на службу къ Каткову, и у него въ Москвѣ, кромѣ А. И. Урусова, Д. В. Аверкіева и его друга по кадетскому корпусу, Н. Н. Воскобойникова, никого болѣе изъ близкихъ друзей не было; но Воскобойниковъ, главный сотрудникъ Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и соредакторъ, будучи человѣкомъ одинокимъ, жилъ въ самой редакціи названной газеты, и къ нему не рѣшился обратиться Антроповъ; я же былъ съ

нимъ знакомъ еще съ Вильны, гдѣ мы служили въ одно и то же время: онъ въ комиссіи по устройству быта крестьянъ, а я—мировымъ посредникомъ въ Могилевской губерніи, подчиненной тогда виленскому генералъ-губернаторству.

Затѣмъ, остается сказать еще нѣсколько словъ объ Урусовѣ. Въ то время, т.-е. до ареста его, всѣ знакомые его были увѣрены, что онъ очень богатъ; между тѣмъ, когда состоялся арестъ и оказались нужны на дорогу и предстоящую жизнь въ Венденѣ деньги, то обнаружилось, что въ Купеческомъ банкѣ лежали всего лишь 5 тысячъ рублей, и это было все, чемъ обладалъ въ то время Урусовъ, предпочитавшій громкія уголовныя дѣла гражданскимъ, не получая иногда за эти „громкія" дѣла ни гроша (напримѣръ, съ той оправданной крестьянки, зарубившей топоромъ постылаго мужа, своего истязателя и мучителя). У Урусова осталась въ Москвѣ еще вся движимость да тотъ деревянный, одноэтажный домъ, гдѣ жила его жена съ ребенкомъ и во флигелѣ котораго поселился потомъ Антроповъ.

Объ Урусовѣ слѣдуетъ сказать еще вотъ что. Онъ, самъ того не подозрѣвая, состоялъ, еще задолго до своей заграничной поѣздки и свиданія съ Нечаевымъ, „подъ сомнѣніемъ", то-есть, въ переводѣ на канцелярскій языкъ, подъ надзоромъ полиціи. И случилось это съ нимъ, благодаря исторіи, не совсѣмъ-то обычной и очень интересной, какъ увидятъ читатели.

Я зналъ Урусова съ 1862 года, когда встрѣчался съ нимъ въ Московскомъ университетѣ на лекціяхъ и въ то же время на обычныхъ пятницахъ у покойнаго проф. Ѳ. И. Буслаева. Уже и тогда онъ обращалъ на себя вниманіе своею находчивостью, остроуміемъ, начитанностью, изящными манерами, отмѣннымъ знаніемъ и пониманіемъ театра (онъ, будучи еще студентомъ, написалъ рядъ пи-

семъ о Маломъ театрѣ въ „Библіотекѣ для Чтенія" Боборыкина, подписываясь Александръ Ивановъ). Быстрые и чисто сказочные успѣхи Урусова на аренѣ только что открывшихся тогда, въ 1865 году, гласныхъ судовъ и еще большіе успѣхи въ такъ называемомъ „большомъ свѣтѣ" совсѣмъ вскружили ему голову: въ немъ стала замѣчаться нѣкоторая напыщенность, надутость и, порою, даже фатоватость: въ немъ мало-по-малу сталъ исчезать тотъ искренній, сердечный юноша, который такъ плѣнялъ всѣхъ на вечерахъ и студенческихъ собраніяхъ Буслаева... Вотъ эти-то привившіеся къ Урусову недостатки и сослужили ему очень плохую службу на одномъ изъ публичныхъ баловъ московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукаго.

Это случилось за два года до ссылки. Въ роскошныхъ залахъ генералъ-губернаторскаго дома князь Долгорукій давалъ блестящій балъ, на которомъ присутствовалъ и императоръ Александръ II, прибывшій въ то время въ Москву. Приглашенныхъ было, по обычаю такихъ баловъ, нѣсколько сотъ человѣкъ—„вся Москва", т.-е. все выдающееся по знатности рода, по богатству, учености, талантамъ и красотѣ. Въ числѣ приглашенныхъ былъ и князь А. И. Урусовъ, бывшій тогда въ зенитѣ своей адвокатской славы и извѣстности. И вотъ, на балѣ Урусовъ танцовалъ одну изъ кадрилей съ дѣвицей замѣчательной красоты — М. В. Столыпиною: это была положительная красавица, стройная, очень высокаго роста, съ правильными и тонкими очертаніями матоваго лица, брюнетка съ большими выразителеными глазами. Она была, какъ принято выражаться, царицею бала, и ея кавалеръ, будучи, тоже, довольно виднымъ и красивымъ мужчиною, очень подходилъ къ ней. Покойный государь, обходя залы, остановилъ свое вниманіе на дѣвицѣ Столыпиной любуясь ею точно такъ же, какъ любовались ею и многіе другіе гости

генералъ-губернатора [1]). Но едва только государь остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ С—ной, какъ танцующій съ нею кавалеръ, нашъ Александръ Ивановичъ, вскинулъ pince-nez въ глаза и позволилъ себѣ осматривать его...

— Кто этотъ нахалъ?—спросилъ государь у сопровождавшаго его князя Долгорукова,—и тотчасъ же отошелъ прочь.

И вотъ, когда Урусовъ проштрафился въ Швейцаріи своими рѣчами на собраніи тамошнихъ „русскихъ революціонеровъ", то ему, по всей вѣроятности, поставили въ счетъ и этотъ инцидентъ на московскомъ балу, прошедшій для него тогда, повидимому, благополучно.

Въ Венденѣ жизнь Урусова на первыхъ порахъ была очень тяжела и однообразна: жить въ уѣздномъ нѣмецкомъ городишкѣ, гдѣ нѣтъ ни души знакомой, да еще подъ недреманнымъ окомъ полиціи, было, конечно, не особенно пріятно. Вскорѣ онъ попросилъ Антропова прислать ему охотничье ружье и всѣ атрибуты къ нему, а также и книгъ; затѣмъ, къ нему поѣхала и жена съ ребенкомъ. Спустя недолгое время, какъ только процессъ Нечаева былъ законченъ, князь Урусовъ былъ возвращенъ изъ Вендена и поступилъ на государственную службу въ министерство же юстиціи, на должность товарища прокурора; въ извѣстномъ помпезномъ процессѣ Гулакъ-Артемовской онъ выступилъ ея обвинителемъ, равно какъ и во многихъ другихъ, болѣе выдающихся дѣлахъ, но не поладивъ съ кѣмъ-то изъ высшихъ чиновъ вѣдомства юстиціи, обратился вновь къ профессіи адвоката. Въ послѣдній разъ, я встрѣтился съ А. И. Урусовымъ въ августѣ 1897 года, въ Кисловодскѣ, куда онъ ненадолго пріѣзжалъ. Это былъ на видъ совсѣмъ старикъ, но отвергавшій, къ сожалѣнію, всякій житейскій режимъ, что вскорѣ и свело этого чрезвычайно талантливаго человѣка въ преждевременную могилу.

[1]) М. В. С—ина вышла впослѣдствіи замужъ за генерала К—ова и жила съ мужемъ въ Тифлисѣ, гдѣ считалась одною изъ красивѣйшихъ дамъ тамошняго высшаго общества.

А Нечаева Швейцарія все-таки выдала—при непремѣнномъ условіи, чтобы его судили только, какъ обыкновеннаго убійцу, а отнюдь не какъ политическаго, и съ этою цѣлью на судъ (состоявшійся осенью 1872 года въ Москвѣ) былъ командированъ кантонами особый уполномоченный юристъ, который все время и присутствовалъ на судѣ, имѣя вблизи себя переводчика. Я въ это время уѣхалъ не надолго въ деревню, и въ залъ суда не попалъ; но находившійся тамъ Л. Н. Антроповъ передавалъ мнѣ потомъ о нѣкоторыхъ буйныхъ выходкахъ Нечаева во время суда, такъ что предсѣдатель вынуждаемъ былъ нѣсколько разъ прерывать засѣданіе и удалять подсудимаго. Приговоренный за убійство товарища-студента, завлеченнаго имъ въ гротъ сада, ночью, къ 20-ти годамъ каторги, Нечаевъ по дорогѣ въ Сибирь воспользовался однажды на этапѣ, уже за Ураломъ, оплошностью часового, взялъ его ружье и застрѣлился. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ Москвѣ въ то время. Послѣ я слышалъ, что это невѣрно: что Нечаевъ содержался въ какой-то тюрьмѣ, гдѣ и умеръ.

IV.

Ошиканіе великаго Шекспира. — Основаніе общества драматическихъ писателей. — В. И. Родиславскій. — Первыя собранія общества. — А. Н. Островскій и Дьяченко.—Публичныя чтенія Островскаго и Писемскаго.—Отказъ отъ квартиры въ редакціи «Бесѣды».—Начавшійся въ обществѣ расколъ.—Бенефисъ Г. Н. Ѳедотовой и «Каширская Старина».—Сѣверное сіяніе въ Москвѣ

Въ октябрѣ 1871 года, въ Маломъ театрѣ Москвы шла комедія Шекспира „Укрощеніе строптивой"; во время исполненія этой прелестной и вѣчно живущей пьесы, произошелъ удивительный инцидентъ, вполнѣ достойный занесенія въ театральную лѣтопись того времени и отмѣченный всѣми тогдашними московскими газетами.

Въ этой пьесѣ участвовали корифеи тогдашней труппы Малаго театра: роль Катарины играла Г. Н. Ѳедотова, Петруччіо — покойный И. В. Самаринъ, его слуги—старикъ Живокини и пр. И вотъ, когда „строптивая" была уже укрощена, она, какъ извѣстно, произноситъ монологъ въ послѣднемъ актѣ, обращенный къ женщинамъ вообще и къ сестрѣ Біанкѣ въ частности, въ которомъ преподаетъ правила житейской мудрости, а также и покорности своимъ мужьямъ, говоря, что мужъ есть прежде всего господинъ своей жены, и т. д.; но едва только г-жа Ѳедотова произнесла эти слова, какъ изъ одной ложи верхняго яруса раздалось страшное шиканье, перешедшее вскорѣ въ чисто змѣиное шипѣніе... Артистка, однако, не смутилась этой выходкой: на нѣсколько секундъ пріостановившись, она повернулась въ сторону шикальщиковъ и, прямо глядя на ихъ ложу, смѣло и отчетливо продолжала монологъ... Тогда эти господа стали шикать crescendo и дѣлали даже покушеніе свистать... Но тутъ публика — умная и интеллигентная публика Малаго театра Москвы— вмѣшалась въ дѣло, и по адресу ничтожной горсти шикальщиковъ раздался короткій, но очень энергичный протестъ, при чемъ взоры публики были прямо обращены на ту ложу, гдѣ сидѣли господа, пожелавшіе ошикать Шекспира... Въ виду такого единодушнаго протеста публики, ложа быстро опустѣла, а ея зрители, недовольные консервативными взглядами Шекспира на „женскій вопросъ", сочли за благо оставить театръ. Я былъ на этомъ спектаклѣ вмѣстѣ съ покойнымъ Антроповымъ. Ко второму акту въ партерѣ неожиданно появился В. Н. Кашпиревъ, редакторъ издававшаго въ то время въ Петербургѣ журнала „Заря"; онъ, какъ оказалось, только что пріѣхалъ въ Москву, завезъ въ гостиницу свои вещи, а самъ поспѣшилъ въ театръ посмотрѣть Шекспира и знаменитую драматическую труппу того времени. Когда раздалось шиканье, мы тоже навели свои бинокли на ложу эксцентричныхъ протестантовъ и увидѣли, что въ ней сидитъ группа стриженыхъ дѣвицъ въ очкахъ, а среди нихъ московскій литераторъ Ф. Н—овъ, тогда только еще начинавшій нравоописатель фабричнаго быта. Былъ въ театрѣ и театральный рецензентъ „Московскихъ Вѣдомостей", понынѣ здравствующій К. Н. Цвѣтковъ, который, давая отчетъ о спектаклѣ, разсказалъ и объ этомъ курьезномъ покушеніи ошикать Шекспира, прибавивъ, что въ ложѣ, откуда раздавалось шиканье, сидѣлъ вмѣстѣ съ учеными дѣвицами „какой-то экспансивный юноша съ красными руками", тоже отчаянно шикавшій... Въ слѣдующій же спектакль, въ одинъ изъ антрактовъ, въ фойе, къ К. Н. Ц—ову подошелъ Н—овъ съ объясненіями и, изложивъ ихъ въ довольно грубой и рѣзкой формѣ, расписался, такимъ образомъ, въ своемъ несочувствіи идеямъ Шекспира по женскому вопросу, высказаннымъ—не надо забывать—болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ.

Въ томъ же 1871 году, состоялось въ Москвѣ основаніе будущаго общества драматическихъ писателей.

Въ настоящее время, это общество состоитъ изъ 758 человѣкъ, въ числѣ коихъ имѣется „дѣйствительныхъ" членовъ, т.-е. съ правомъ голоса, 111 человѣкъ; въ минувшемъ 1901 году, одного авторскаго гонорара было выдано членамъ 170.222 рубля, да авансами — 18.920 р.; секретарю уплачено % вознагражденія 11.077 р., да ему же на канцелярію 3.000 р., казначею — 4.540 р. и проч. А 31 годъ тому назадъ общество драматическихъ писателей, какъ общество, не существовало вовсе, а основано было лишь собраніе, не имѣвшее даже мѣста для своихъ засѣданій, а собиравшееся сначала въ редакціи журнала „Бесѣда", на Первой Мѣщанской, въ какомъ-то двухъэтажномъ флигелѣ въ три окна на улицу, а затѣмъ въ квартирѣ В. И. Родиславскаго, въ домѣ генералъ-губернатора,

въ канцеляріи коего Родиславскій служилъ начальникомъ секретнаго отдѣленія. Какая, въ сущности, жестокая иронія судьбы проявилась въ этомъ дѣлѣ: начальникъ секретнаго отдѣленія учреждаетъ собраніе литераторовъ — драматическихъ писателей!.. О Родиславскомъ слѣдуетъ сказать, что, какъ драматургъ, онъ былъ человѣкъ бездарный, но въ то же время это былъ большой хлопотунъ, очень дѣятельный и трудолюбивый: служа въ канцеляріи, онъ написалъ и перевелъ болѣе ста пьесъ, и нѣкоторыя изъ нихъ идутъ на сценѣ и до сихъ поръ въ его переводѣ, какъ, напримѣръ, драма Дюма „La dame aux camelias", нелѣпо озаглавленная въ переводѣ „Какъ поживешь, такъ и прослывешь". Задумавъ оградить, по примѣру Франціи, права драматическихъ писателей, онъ, испросивъ на то согласіе А. Н. Островскаго, стоявшаго тогда во главѣ россійскихъ драматурговъ, и съ разрѣшенія всесильнаго генералъ-губернатора князя Долгорукаго, пригласилъ нѣсколькихъ писателей, имѣвшихъ пьесы своего сочиненія, подписаться подъ слѣдующимъ заявленіемъ: „Мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь заявить всѣмъ содержателямъ театровъ въ Россіи и обществамъ, дающимъ спектакли, что представленіе нашихъ оригинальныхъ пьесъ и переводовъ, безъ предварительнаго нашего на то согласія, никому не дозволяется, подъ опасеніемъ взысканія на основаніи 1684 ст. улож. о наказ. (изд. 1866 г.). За полученіемъ нашего согласія и для переговоровъ объ его условіяхъ, гг. содержатели театровъ и распорядители спектаклей благоволятъ обращаться къ нашему уполномоченному, Владиміру Ивановичу Родиславскому, въ Москву, на Рождественскій бульваръ, въ Малый-Кисельный переулокъ, домъ Мекка, квартира № 6" [1]).

---

[1]) Родиславскій вскорѣ потомъ занялъ казенную квартиру въ домѣ генералъ-губернатора, гдѣ впослѣдствіи и происходили собранія членовъ.

Затѣмъ, заявленіе это съ нашими подписями было троекратно помѣщено въ текстѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (редакціи В. Ѳ. Корша)—газеты въ то время самой распространенной и читаемой въ публикѣ. Подъ этимъ заявленіемъ стояли слѣдующія подписи: „С. Акимова (за себя и по наслѣдству послѣ своего мужа А. Акимова), П. Боборыкинъ, Ѳ. Бурдинъ, П. Вейнбергъ, Н. Вильде, М. Владыкинъ, И. Горбуновъ, Е. Грекова, В. Дьяченко, князь Н. Енгалычевъ, Г. Жулевъ, И. Захарьинъ, В. Ивановъ, М. Ивановъ, В. Крыловъ (Александровъ), князь Г. Кугушевъ, В. Курочкинъ, Н. Курочкинъ, А. Лютецкій, А. Майковъ, князь І. Мещерскій, Н. Некрасовъ, О. Новицкій, А. Островскій, А. Плещеевъ, А. Потѣхинъ, А. Похвисневъ, В. Родиславскій, Г. Сокольниковъ, С. Соловьевъ, К. Тарновскій, графъ А. Толстой, С. Турбинъ, К. Цвѣтковъ, Н. Чаевъ, Е. Щеглова (по наслѣдству послѣ брата своего Ѳ. Руднева), С. Юрьевъ, М. Ѳедоровъ, А. Ѳедотовъ".

Я подписалъ это заявленіе, какъ авторъ пьесы „Свободное семейство", 4-хъ-актной драмы, воспрещенной вначалѣ драматической цензурою, а затѣмъ, послѣ передѣлки по указаніямъ, преподаннымъ мнѣ цензоромъ драматическихъ сочиненій Фридбергомъ, дозволенной къ представленію, подъ новымъ уже заглавіемъ „Семейная бѣда". Пьеса эта была напечатана въ майской книжкѣ 1871 года журнала „Заря" и въ томъ же году шла въ Александринскомъ театрѣ въ бенефисъ тогдашней драматической премьерши Е. П. Струйской (которую замѣнила потомъ г-жа Савина).

Впослѣдствіи, три года спустя, наше „собраніе" было переименовано въ „общество", и существованіе его было офиціально разрѣшено и утверждено. Это было, послѣ московскаго общества любителей россійской словесности, первое чисто-литературное общество, разрѣшенное въ Россіи. Образовавшійся впослѣдствіи въ Петербургѣ, 25 лѣтъ

спустя, союзъ писателей былъ, какъ извѣстно, въ скорости закрытъ.

Хорошо помню первое наше собраніе въ редакціи „Бесѣды“. Въ то время, я только что поселился въ Москвѣ послѣ семилѣтняго отсутствія, а потому многихъ гг. драматурговъ совсѣмъ не зналъ въ лицо; а между тѣмъ меня особенно интересовало увидѣть А. Н. Островскаго, никогда не встрѣчаемаго ранѣе. Когда наступило 8 часовъ вечера — время, къ которому приглашали насъ повѣстки Родиславскаго, — онъ открылъ собраніе очень дѣльною рѣчью, въ которой доказывалъ необходимость учрежденія общества и его будущую полезность; но говорилъ онъ обыкновенно пронзительнымъ, визгливымъ голосомъ, всегда какъ бы волнуясь и кипятясь и какъ бы кого-то опровергая и оспаривая: такой уже у него былъ тембръ голоса и складъ рѣчи. Никто ему ничего не возражалъ, но только, очевидно, многіе недоумѣвали, почему это предсѣдательствуетъ не Островскій... Полагая, что его нѣтъ, я спросилъ сидѣвшаго рядомъ со мною знакомаго мнѣ князя І. А. Мещерскаго, извѣстнаго переводчика Мольера, почему не пріѣхалъ Александръ Николаевичъ.

— Да онъ здѣсь, — тихо отвѣтилъ І. А., и незамѣтно указалъ на господина, скромно помѣстившагося на одномъ изъ стульевъ, позади почти всѣхъ собравшихся писателей. И я увидалъ человѣка, доставившаго мнѣ такъ много высокаго наслажденія своими пьесами, слушая которыя въ театрѣ, я едва иногда удерживался отъ слезъ—въ „Грозѣ“, напримѣръ, или въ „Доходномъ мѣстѣ“ и въ „Грѣхъ да бѣда“; а сколько веселаго и безобиднаго смѣха вызывали его пьесы и ихъ главный исполнитель П. М. Садовскій!.. Островскій былъ выше средняго роста, коренастый и широкоплечій, лысый, съ рыже-красноватою окладистою бородою, съ лицомъ чрезвычайно умнымъ и симпатичнымъ, съ глазами, въ которыхъ сохранился блескъ молодости; голосъ его—когда онъ потомъ заговорилъ—былъ звученъ

и пріятенъ, и я никогда не слышалъ и послѣ, встрѣчая Островскаго въ Артистическомъ кружкѣ, чтобы онъ возвысилъ его въ разговорѣ съ кѣмъ-нибудь; но когда онъ читалъ публично, этотъ голосъ совсѣмъ преображался. Читалъ А. Н. всегда что-либо изъ своихъ же пьесъ, и въ это время голосъ его совсѣмъ видоизмѣнялся: если бы слушать его чтеніе, не глядя на него, то едва можно было вѣрить, что это читаетъ одинъ и тотъ же человѣкъ, — такъ искусно мѣнялъ онъ голосъ, примѣняясь къ характеру, полу и возрасту дѣйствующихъ лицъ. Я слышалъ его два раза: однажды онъ читалъ въ домѣ дворянскаго собранія актъ изъ своей комедіи „Не было ни гроша“, а во второй разъ—въ Славянскомъ базарѣ: онъ читалъ изъ пьесы „Горячее сердце“. По искусству чтенія съ нимъ могъ сравниться лишь А. Ѳ. Писемскій, котораго я слышалъ въ томъ же дворянскомъ собраніи одновременно съ Островскимъ; но онъ читалъ не свое, а извѣстный разсказъ Генслера „Гаваньскіе чиновники“.

Только поосмотрѣвшись, заговорили господа драматурги на этомъ первомъ своемъ собраніи. Въ принципѣ, конечно, всѣ были согласны съ Родиславскимъ, что нельзя же въ самомъ дѣлѣ работать на провинціальныхъ антрепренеровъ безданно-безпошлинно, и коль скоро они получаютъ съ публики извѣстную плату за представленіе пьесы, то должны же хотя что-нибудь заплатить и собственнику этой пьесы, ея автору. На этомъ мы всѣ и покончили, пригласивъ, однако, предсѣдательствовать на будущихъ собраніяхъ А. Н. Островскаго; а затѣмъ повыдавали у московскаго нотаріуса Поля надлежащія довѣренности Родиславскому на охраненіе своихъ авторскихъ правъ.

Не меньшею скромностью на этомъ первомъ собраніи отличался и присутствовавшій покойный драматургъ Дьяченко, давшій русской сценѣ цѣлую серію пьесъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, „Гувернеръ“, не сходятъ съ репертуара и по сіе время.

Но въ слѣдующемъ же засѣданіи господа драматурги были немножко озадачены: С. А. Юрьевъ сдѣлалъ заявленіе, что „по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ", онъ вынужденъ отказать собранію въ гостепріимствѣ, такъ какъ находитъ, что собраніе драматурговъ въ помѣщеніи редакціи „Бесѣды" дѣлаетъ ее, эту самую редакцію, какъ бы солидарною съ тѣмъ принципомъ обложенія платою провинціальныхъ антрепренеровъ, который положенъ собственно въ основу собранія.

— Значитъ, и вы, Сергѣй Андреевичъ, несогласны съ тѣмъ, чтобы антрепренеры платили намъ авторскія деньги?—спросилъ его Родиславскій.

— О, нѣтъ! Я ничего противъ этого не имѣю,—отвѣчалъ слегка сконфуженный Юрьевъ:—но Александръ Ивановичъ...

Дѣло было ясно: Александръ Ивановичъ — это былъ Кошелевъ, собственникъ „Бесѣды", о которомъ я говорилъ выше: ему-то и показалась цѣль нашихъ собраній несимпатичною... Самъ Юрьевъ оказался тутъ ни при чемъ: онъ перевелъ нѣсколько пьесъ, преимущественно испанскихъ (Кальдерона, Лопе-де-Веги и др.), пьесы эти ставились и въ провинціи, но онъ не получалъ за нихъ ни гроша, а между тѣмъ былъ человѣкомъ очень небогатымъ. Слѣдуетъ сказать, что не только Кошелевъ, но далеко не всѣ и драматическіе писатели раздѣляли въ то время взгляды нашего собранія и даже отказывались вступить въ число членовъ: въ числѣ таковыхъ были довольно крупные писатели, какъ, напримѣръ, Аверкіевъ, Маннъ, А. Пальмъ и др.; впослѣдствіи, впрочемъ, и эти драматурги присоединились къ числу первоначальныхъ членовъ, учредителей собранія.

Вслѣдствіе отказа въ помѣщеніи, наши собранія стали происходить на новой квартирѣ Родиславскаго, въ домѣ генералъ-губернатора; а послѣ, когда собраніе преобразовалось въ „общество",—въ домѣ училища живописи и

ваянія, на Мясницкой, любезно предоставленнаго для засѣданій академикомъ К. А. Трутовскимъ.

Въ настоящее время, къ крайнему сожалѣнію, въ этомъ обществѣ возникъ расколъ: при учрежденномъ пять лѣтъ назадъ театральномъ обществѣ образовался „союзъ драматическихъ писателей", куда постепенно и переходятъ изъ стараго общества члены, недовольные, по ихъ словамъ, существующею въ немъ канцелярскою тайной, которою обставляетъ общество свои дѣйствія, и чрезвычайно крупными расходами на администрацію.

Въ тотъ же сезонъ 1871—1872 года, на сценѣ Малаго театра Москвы, въ бенефисъ Г. Н. Ѳедотовой, была поставлена пьеса, колоссальный успѣхъ которой былъ равенъ успѣху самыхъ выдающихся пьесъ, шедшихъ въ этомъ театрѣ раньше, въ его лучшія времена—„Горю отъ ума", „Ревизору", „Свадьбѣ Кречинскаго" и другимъ; это была народная трагедія „Каширская старина", о которой я упоминалъ выше. Пьесу эту пересмотрѣла „вся Москва", она шла до самаго конца сезона, билетовъ въ кассѣ „обыкновеннымъ смертнымъ" не выдавали, и театральные барышники наживали тысячи, продавая мѣста по двойной и тройной цѣнѣ, пользуясь тѣмъ, что въ столицѣ не имѣли въ то время права существовать частные театры, гдѣ эта пьеса могла бы быть также поставлена.

Я въ то время, съ осени 1871 года, завѣдывалъ московскимъ отдѣленіемъ редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей", издававшихся въ Петербургѣ К. В. Трубниковымъ и редактировавшихся покойнымъ профессоромъ - криминалистомъ А. П. Чебышевымъ-Дмитріевымъ, и писалъ въ эту газету о московскихъ театрахъ и обязанъ былъ, поэтому, бывать на бенифисахъ. Никогда, ни ранѣе, ни позже, я не видѣлъ такихъ шумныхъ и необычайныхъ овацій, которыхъ удостоились въ этотъ спектакль бенефиціантка,

авторъ, а также и всѣ остальные исполнители. За то, вѣдь, и какой же былъ составъ артистовъ въ этотъ вечеръ!—по всей вѣроятности, пьесѣ г. Аверкіева никогда уже не суждено имѣть подобныхъ исполнителей въ будущемъ. Вотъ эти достославныя въ исторіи русскаго театра имена: Марьицу играла Ѳедотова, Глашу—Никулина, Живулю—Садовскій (отецъ), Бородавку—Шумскій, его жену, Дарьицу—Васильева (Е. Н.), Перепелиху—Акимова, Коркина—Самаринъ, Савушку—Рѣшимовъ, его брата, Абрама—Живокини (сынъ), Василія Коркина—Вильде... О силѣ и талантахъ этого даровитѣйшаго персонала можно сказать лишь слѣдующее: самыми слабыми изъ исполнителей считались тогда Вильде и Рѣшимовъ; теперь же оба эти артиста были бы на сценѣ, напримѣръ, Александринскаго театра звѣздами первой величины — послѣ гг. Варламова и Давыдова.

„Каширскую Старину" я видѣлъ въ тотъ же сезонъ еще разъ: такъ соблазнительно и велико было наслажденіе, испытанное мною въ первое представленіе! Во второй разъ не было, конечно, тѣхъ шумныхъ бенефисныхъ овацій, но зато труппа такъ чудно сыгралась въ пьесѣ и былъ такой ансамбль, что я испыталъ удовольствіе еще бо́льшее; къ тому же, и не надо уже было ничего запоминать для театральной рецензіи, и всецѣло можно было отдаться чувству и наслажденію.

Возвращаясь въ тотъ вечеръ изъ театра, я видѣлъ, въ первый разъ въ жизни, сѣверное сіяніе; оно красовалось надъ Москвою въ эту морозную ночь во всемъ своемъ дивномъ величіи: цѣлые снопы радужныхъ цвѣтовъ появлялись и быстро исчезали на небѣ, которое, казалось, то вспыхивало все на сѣверной своей сторонѣ, то потухало... Послѣ, я читалъ въ газетахъ, что столѣтніе старики, давніе жители Москвы, не могли припомнить что-либо подобное — чтобы такъ ясно, отчетливо и величественно разыгралось надъ городомъ это чудное явленіе

полярныхъ странъ,—словно это происходило не въ Москвѣ, а въ Архангельскѣ.

V.

Политехническая выставка и народный театръ. — Профессоръ Киттары и архитекторъ Гартманъ. — Театральныя засѣданія въ университетѣ. — Родиславскій и Ѳедотовъ.—Труппа Народнаго театра и его репертуаръ.— Корреспонденты на выставкѣ. — Актеры: Шумскій, Садовскій и Щепкинъ. — Тяжелое время русскаго театра. — П. С. Ѳедоровъ, баронъ Кистеръ и Бегичевъ. — Александринскій театръ Петербурга и Малый въ Москвѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1872 года, открылась въ Москвѣ политехническая выставка, пріуроченная къ исполнившемуся двухсотлѣтію со дня рожденія императора Петра I. Такъ какъ при этой выставкѣ былъ открытъ и Народный театръ—первый въ столицахъ, не подчиненный дирекціи императорскихъ театровъ,—то я и остановлюсь на этомъ событіи подробнѣе.

Къ выставкѣ приготовлялись давно. Устройство ея возложено было на профессоровъ Московскаго университета Богданова и Давыдова, на профессора-технолога М. Я. Киттары и на многихъ другихъ лицъ: каждый хлопоталъ о своемъ отдѣлѣ, но общаго плана и руководства не было, такъ что, когда, напримѣръ, покойный Катковъ прошелся по этой не вполнѣ удавшейся выставкѣ, то назвалъ ее, шутя, полутехническою, и это названіе такъ и удержалось за нею.

Вся выставка устроена была въ Александровскомъ саду близъ кремлевскихъ стѣнъ. Сюда былъ привезенъ изъ Петербурга знаменитый ботикъ Петра Великаго и поставленъ въ особомъ павильонѣ. Нѣкоторые изъ этихъ павильоновъ отличались особою оригинальностью: такъ, напримѣръ, если въ планъ зданія входило дерево, то его не рубили, а устраивали дѣло такимъ образомъ, что если оно было не велико, то входило внутрь зданія, а если было

очень высоко, то осѣняло его крышу. Театръ былъ устроенъ вдали отъ выставки, на Солянкѣ; тамъ же помѣщалась и народная читальня; то и другое было поручено Киттарѣ, и вышло не совсѣмъ-то удачно: самое зданіе театра (деревянное) строилъ архитекторъ Гартманъ, человѣкъ очень талантливый, какъ говорили о немъ. И дѣйствительно, снаружи театръ этотъ, вмѣщавшій въ себѣ до тысячи человѣкъ, былъ очень изященъ и красивъ; мѣста въ немъ были очень недороги, такъ что галлерея, напримѣръ, стоила 20 коп., а мѣста въ „раю" — по 5 коп.; но внутри вышла какая-то погрѣшность: специалисты-архитекторы и техники нашли, что ложи 2-го и 3-го ярусовъ недостаточно устойчивы, и что наполненныя народомъ, онѣ могутъ въ одинъ прекрасный вечеръ рухнуть въ партеръ... Чтобы подтвердить свои опасенія, господа техники положили въ нѣсколько ложъ подъ рядъ пятипудовыя мѣшки съ пескомъ, по пяти мѣшковъ въ ложу, и эти ложи, будто бы, затрещали... Тогда техники настояли, чтобы подъ всѣми ложами бель-этажа были поставлены еще особые устои и столбы. Слышалъ я послѣ, что все это была интрига русскихъ, и преимущественно московскихъ архитекторовъ, противъ строителя нѣмца; но только этотъ слухъ о неблагонадежности зданія народнаго театра проникъ въ печать, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы почтенное московское купечество стало обѣгать этотъ театръ, въ особенности, когда огласился фактъ, что строитель Гартманъ не пожелалъ присутствовать при окончательномъ осмотрѣ театра... Покойный Киттары тоже не былъ любимъ Москвою: дѣятельность этого даровитаго человѣка была слишкомъ разносторонняя: чтеніе лекцій, служба въ интендатскомъ вѣдомствѣ, изобрѣтеніе какого-то дезинфецирующаго порошка, устройство театра и пр... Тогда, 30 лѣтъ назадъ, профессорская каѳедра въ университетѣ была, въ глазахъ большинства публики и въ мнѣніи общества, нѣкоею святыней, и человѣкъ, попавшій

въ ея храмъ, не долженъ былъ служить инымъ богамъ и всего менѣе Ваалу.

Репертуаръ Народнаго театра обсуждаемъ былъ публично: для этого въ зданіи стараго университета было устроено нѣсколько засѣданій, подъ предсѣдательствомъ того же М. Я. Китарры, на которыя и были приглашены многія лица, болѣе или менѣе близко знакомыя съ театральнымъ дѣломъ вообще. Засѣданія эти были еще въ апрѣлѣ, почти за мѣсяцъ до открытія театра, и я имѣлъ честь присутствовать на первомъ изъ нихъ. Установленіе театральныхъ цѣнъ и утвержденіе всѣхъ мѣропріятій по части состава труппы, предложенныхъ намѣченнымъ уже директоромъ этого театра, бывшимъ артистомъ Малаго театра, А. Ф. Ѳедотовымъ, прошло мирно и безъ особыхъ дебатовъ; но какъ только вопросъ коснулся репертуара, то произошла маленькая перепалка между Ѳедотовымъ и Родиславскимъ, присутствовавшимъ на этомъ засѣданіи, повидимому, въ двухъ лицахъ—въ качествѣ писателя, который сочинилъ и перевелъ болѣе сотни пьесъ, водевилей и фарсовъ, и въ качествѣ начальника секретнаго отдѣленія канцеляріи генералъ-губернатора; я, по крайней мѣрѣ, хорошо помню, что въ своемъ спорѣ съ Ѳедотовымъ Родиславскій нѣсколько разъ произносилъ фразу: „Едва ли съ этимъ согласится князь Владиміръ Андреевичъ"... Споръ собственно шелъ о томъ, какой именно репертуаръ желателенъ для чисто-народнаго театра; Родиславскій предлагалъ ставить пьесы нравоучительныя и патріотическія, съ легкими водевилями въ концѣ спектаклей; Ѳедотовъ же доказывалъ, что при такомъ репертуарѣ въ театрѣ будетъ страшная скучища, и что послѣ двухъ-трехъ такихъ спектаклей простой народъ, какъ говорится, и калачемъ не заманишь въ этотъ театръ; что народъ легко пойметъ и „Ревизора", и „Гамлета", и Писемскаго, и Островскаго. Девять десятыхъ изъ числа присутствовавшихъ приняли тотчасъ же сторону Ѳедотова, и его мнѣніе восторжество-

вало. Для перваго спектакля рѣшено было устроить дѣло такъ: какъ только великій князь Константинъ Николаевичъ, который обѣщалъ быть, пріѣдетъ въ театръ и войдетъ въ свою ложу, поднимается занавѣсъ, и на сценѣ должна быть вся труппа и хоры, которые и исполнятъ подъ акомпаниментъ оркестра народный гимнъ, а слѣдомъ за нимъ пойдетъ „Ревизоръ". Затѣмъ, былъ намѣченъ и дальнѣйшій репертуаръ, предложенный Ѳедотовымъ. Въ живыхъ, изъ числа лицъ, присутствовавшихъ въ томъ засѣданіи, я знаю В. А. Крылова и К. Н. Цвѣткова.

Корреспондентамъ большихъ газетъ входъ собственно на выставку былъ предоставленъ безплатный: мы представляли редакціонныя удостовѣренія въ контору выставки, тамъ снимали съ насъ фотографію и изображали ее на входномъ билетѣ за извѣстнымъ номеромъ, но въ Народный театръ билетъ этотъ не давалъ права безплатнаго входа, и мы охотно платили за свои билеты, такъ какъ спектакли въ этомъ театрѣ были всегда очень интересные; казенные же театры, по случаю лѣтняго времени, были закрыты. Здѣсь кстати я остановлюсь на составѣ той труппы, которая была ангажирована для этого перваго частнаго театра, появившагося въ одной изъ столицъ. Теперь, когда труппы русскихъ театровъ пополняются едва ли не на половину такъ называемыми испанцами іудейскаго вѣроисповѣданія, кажется просто невѣроятнымъ, по качеству и количеству дарованій, тотъ составъ, изъ котораго состояла труппа Народнаго театра! Вотъ, эти громкія и яркія имена: К. Ѳ. Бергъ, Н. Х. Рыбаковъ, Е. Д. Линовская, Макшеевъ, Писаревъ (М. И.)—все яркія звѣзды русской сцены!.. Потомъ, въ труппу этого театра, переименованнаго въ Общедоступный, вошли: П. А. Стрепетова, Никитинъ, Новиковъ, Шмитгофъ и др. Съ каждымъ изъ этихъ именъ проносится предъ вами нѣсколько ролей, которыхъ никто другой до сихъ поръ, несмотря на цѣлыхъ тридцать лѣтъ, прошедшихъ съ того времени,

такъ хорошо исполнить не можетъ. Представьте только себѣ „Лѣсъ" съ Рыбаковымъ въ роли Несчастливцева, или того же Рыбакова въ роли Шейлока [1]); или, напримѣръ, „Горькую Судьбину" съ Никитинымъ въ роли Ананія и съ Стрепетовой въ роли Лизаветы; или, напримѣръ, Макшеева въ роли Кутейкина въ „Недорослѣ"; или, напримѣръ, Берга въ роли городничаго, или же въ маленькой пьесѣ „Я имянинникъ"; или, напримѣръ, Писарева, въ роли Краснова, или Линовскую въ „Ночномъ"... И оклады-то театральные въ провинціи были въ тѣ времена совсѣмъ маленькіе, чуть не въ десятеро меньше, чѣмъ теперь, а вотъ, подите же!—вырабатывались же эти великіе жрецы великаго и честнаго искусства!.. Избалованный классическою труппою Малаго театра, я, тѣмъ не менѣе, былъ просто пораженъ этими крупными талантами, когда увидалъ ихъ на сценѣ сначала Народнаго театра, а потомъ въ Общедоступномъ и затѣмъ въ Артистическомъ кружкѣ. Да и не я одинъ. Правда, слышно было, что есть въ провинціи знаменитый актеръ Милославскій, играетъ гдѣ-то талантливый Рыбаковъ, подвизается даровитый Бергъ... А когда эти самые Рыбаковъ и Бергъ появились въ Москвѣ, и мы увидали ихъ, наконецъ, воочію, а вмѣстѣ съ ними и цѣлую плеяду другихъ крупныхъ же талантовъ, то приходилось только радоваться такому богатству артистиче-

---

[1]) Въ этихъ именно роляхъ я видѣлъ Н. Х. Рыбакова и нѣсколько позже — на сценѣ Артистическаго кружка. Эти спектакли и послужили, повидимому, поводомъ къ ошибкѣ, допущенной въ журналѣ «Театръ и искусство», въ № 47 за 1901 годъ: воспроизведена фотографія, изображающая извѣстную сцену на большой дорогѣ, когда на распутьи, у почтоваго столба, встрѣчаются Несчастливцевъ и Счастливцевъ; подъ портретами двухъ исполнителей подписано: «Н. Х. Рыбаковъ и П. М. Садовскій». Это не вѣрно: Рыбаковъ выступилъ въ Москвѣ, въ комедіи «Лѣсъ», не съ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ, бывшимъ въ это время (въ 1874 г.) въ могилѣ, а съ его сыномъ, Мих. Пров., исполнявшимъ эту роль на сценѣ Артистическаго кружка, подъ именемъ Ольгина.

скихъ силъ на Руси и въ то же время изумляться, почему они не на казенной сценѣ столичныхъ театровъ... Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ были тотчасъ же по окончанiи выставки и спектаклей въ Народномъ театрѣ приглашены на казенную сцену: Бергъ, Макшеевъ, Стрепетова, и Писаревъ. Но ихъ вначалѣ встрѣтили на казенной сценѣ не съ отверстыми объятiями: тамъ вѣдь существовалъ—да кажется, существуетъ и теперь—законъ наслѣдственности: при отцѣ и матери служили и служатъ дѣти... А если, напримѣръ, вновь приглашенный со стороны, артистъ или артистка посягаетъ на амплуа и роли „заслуженной“ и въ то же время влiятельной личности на казенной сценѣ, то такого дерзновеннаго или дерзновенную выживаютъ совсѣмъ съ службы общими силами и не безъ участiя, конечно, режиссера и завѣдующаго труппою. Все это, и еще совсѣмъ недавно, напримѣръ, было продѣлано на одной изъ столичныхъ сценъ, когда артистка съ талантомъ самымъ ординарнымъ и уже почтенныхъ лѣтъ сумѣла-таки повыживать изъ театра, въ которомъ она главенствовала, рѣшительно всѣхъ своихъ соперницъ, изъ коихъ каждая превосходила ее талантомъ; ей удалось удержаться на своемъ амплуа, занимаемомъ ею болѣе 25-ти лѣтъ, внѣ конкурренцiи, а соперницы ея — Горева, Стрепетова, Пасхалова, Анненкова-Бернаръ, Васильева (Н. С.) и Комиссаржевская—ушли...

Народный театръ былъ, какъ я упоминалъ, переименованъ впослѣдствiи въ Общедоступный, и его антрепризу взяли на себя два лица, близкiя къ театру, любившiя его и хорошо понимавшiя: это были князь Ѳ. М. Урусовъ и С. В. Танѣевъ [1]), оба состоявшiе при московскомъ генералъ-губернаторѣ кн. Долгоруковѣ. Это были,

[1]) Оба эти почтенные театральные дѣятели живы понынѣ. Г. Танѣевъ напечаталъ, въ 1887 году, извѣстную брошюру «Паденiе театра», имѣвшую большой успѣхъ.

такъ сказать, первые антрепренеры частнаго театра, допущеннаго въ столицѣ. Такимъ образомъ, рухнули стѣны Iерихонскiя, окружавшiя казенные театры въ нашихъ столицахъ, и этотъ первый частный театръ положилъ начало существованiю въ будущемъ и всѣмъ другимъ таковымъ же предпрiятiямъ.

Къ сожалѣнiю, вскорѣ по открытiи выставки я долженъ былъ уѣхать изъ Москвы на все лѣто и не могъ видѣть дальнѣйшихъ спектаклей этого театра. Я не видѣлъ даже собственной пьесы, двухъ-актной комедiи „Отмѣнили“, поставленной потомъ. Мнѣ не довелось, поэтому, присутствовать и на похоронахъ Прова Михайловича Садовскаго, скончавшагося 16-го iюля того же 1872 года. Съ его смертью Москва потеряла своего любимѣйшаго актера, а труппа Малаго театра—самаго добраго изъ своей среды товарища и самаго даровитѣйшаго. Болѣе всѣхъ потерялъ А. Н. Островскiй: въ умершемъ артистѣ онъ утратилъ вѣрнѣйшаго и талантливѣйшаго изобразителя созданныхъ имъ бытовыхъ типовъ, начиная съ Любима Торцова въ „Бѣдность не порокъ“ и кончая Китъ Китычемъ „Тяжелыхъ дней“. Въ лицѣ Садовскаго изъ дивной труппы Малаго театра выбылъ ея старѣйшiй членъ, занимавшiй первенствующее мѣсто послѣ смерти Щепкина. Здѣсь считаю умѣстнымъ разсказать объ одномъ эпизодѣ, происшедшемъ за кулисами Малаго театра въ 1855 году. Въ то время шла Крымская война. Между артистами и артистками Малаго театра образовались двѣ партiи: одна—передовая и либеральная, во главѣ которой стоялъ С. В. Шумскiй — артистъ въ лучшемъ и высокомъ значенiи этого слова; другая—консервативная и, такъ сказать, патрiотическая съ П. М. Садовскимъ во главѣ. Шумскiй всячески старался убѣдить Садовскаго и доказать ему, что наши военныя неудачи въ Крыму и затѣмъ въ самомъ Севастополѣ должны будутъ, въ концѣ концовъ, послужить Россiи на пользу: передъ правительствомъ-де пред-

станетъ воочію вся фальшь, всѣ недостатки и неправильности государственной системы. Садовскій, напротивъ, сильно скорбѣлъ о военныхъ пораженіяхъ нашей арміи и ни въ чемъ не соглашался съ Шумскимъ. Внѣ спора на эту тему они были добрые друзья, во время споровъ—ярые враги. При каждой неудачѣ арміи, Шумскій приносилъ за кулисы „Московскія Вѣдомости" и передавалъ Прову Михайловичу описаніе „дѣла", тотъ терпѣливо выслушивалъ и угрюмо молчалъ. Но вотъ насталъ, наконецъ, и на его улицѣ праздникъ: наши войска отбили первый страшный штурмъ союзниковъ на Севастополь... Садовскій явился на репетицію торжествующій, съ номеромъ „Моск. Вѣд." въ рукахъ; съ побѣднымъ, гордымъ видомъ подошелъ онъ къ Шумскому и, всунувъ ему въ руки газету, громко и отчетливо проговорилъ:

— На, читай, какъ вашихъ-то побили [1])!..

Пріѣхавъ въ Москву впервые въ 1862 году, я еще засталъ въ живыхъ знаменитаго актера, старца М. С Щепкина, и видѣлъ его въ нѣсколькихъ различныхъ роляхъ и, между прочимъ, въ его лучшихъ — въ городничемъ и въ Фамусовѣ. Въ безсмертной Грибоѣдовской пьесѣ я видѣлъ его на сценѣ въ послѣдній разъ; это было въ началѣ ноября 1862 года, когда въ театрѣ присутствовалъ государь Александръ Николаевичъ, находившійся въ то время въ Москвѣ. Въ этотъ спектакль случилось одно происшествіе, за которое смотритель Малаго театра былъ отправленъ на семь дней подъ арестъ на кремлевскую гауптвахту. Въ одинъ изъ антрактовъ въ театрѣ вдругъ потухъ газъ, и всѣ очутились въ полнѣйшемъ мракѣ...

[1]) Этотъ интересный разсказъ записанъ мною въ 1874 году, со словъ Дм. Вас. Живокини, сына знаменитаго комика-буфъ Малаго театра Москвы, состоявшаго также въ труппѣ этого театра.

Такъ какъ всѣ знали, что въ театрѣ, въ царской ложѣ, присутствуетъ государь, то смущеніе вышло не малое... Къ счастью, начавшаяся-было суматоха быстро прекратилась сама собою: спустя какихъ-нибудь двѣ-три минуты, люстры зажглись вновь... Вскорѣ послѣ этого спектакля. Щепкинъ, имѣвшій уже 75 лѣтъ, сталъ сильно прихварывать и въ слѣдующемъ 1863 году скончался. Справедливость требуетъ сказать, что этотъ талантливый и умный артистъ не понялъ Островскаго. Въ первое же время, когда, въ 50-хъ годахъ, пьесы нашего великаго драматурга стали ставиться на Маломъ театрѣ чаще и чаще, но подходящихъ ролей для Щепкина не находилось, а между тѣмъ Садовскій и Шумскій стали въ этихъ пьесахъ особенно выдѣляться въ глазахъ публики, Щепкинъ началъ капризничать и нервничать, а когда шла первая репетиція „Грозы", онъ ушелъ со сцены въ свою уборную, громко ворча и повторяя, обращаясь къ режиссеру, слѣдующую фразу:

— Не хочу и на репетиціи быть: всю сцену провонялъ онъ (Островскій) полушубками [1])...

Это разсказывалъ мнѣ въ 1871 году Мих. Арк. Рѣшимовъ, одинъ изъ труппы Малаго же театра, и этотъ эпизодъ продолжалъ передаваться, какъ преданіе, за кулисами. Въ то время, т.-е. въ началѣ семидесятыхъ годовъ, театръ этотъ продолжалъ еще строго охранять свои прекрасныя традиціи отъ тѣхъ новшествъ, которыя уже овладѣвали мало-по-малу Александринскимъ театромъ: когда въ Петербургѣ шли не лишенныя остроумія, но малопристойныя оперетки, въ родѣ, напримѣръ, „Прекрасной Елены", „Птичекъ пѣвчихъ", „Всѣ мы жаждемъ любви" и т. под., въ которыхъ кривлялись и распѣвали

[1]) Эту фразу, что Островскій «провонялъ всю сцену полушубками»— высказалъ, въ началѣ, директоръ Императорскихъ театровъ Верстовскій, и Щепкинъ лишь повторилъ ее.

хриплыми голосами фривольные куплеты даже такіе, несомнѣнно, талантливые артисты, какъ покойные Монаховъ и Сазоновъ, когда на сценѣ Александринки властно хозяйничалъ „начальникъ репертуара", извѣстнѣйшій лихоимецъ и атеистъ Павелъ Ѳедоровъ, — въ то время московскій драматическій театръ строго держался за классическій репертуаръ и пьесы бытовыя и характерныя, обладавшія литературными достоинствами, а его первыхъ персонажей, какъ, напримѣръ, С. В. Шумскаго, никакія силы въ мірѣ не могли бы заставить пѣть со сцены обличительные куплеты, въ родѣ „Шишей" или „Всѣ мы жаждемъ любви"... А когда, напримѣръ, въ Александринскомъ театрѣ ставили иногда, какъ бы для разнообразія репертуара, серьезную пьесу, то происходило крайне удивительное и характерное явленіе: его труппа, наметавшись въ опереткахъ или „комедіяхъ" въ родѣ „Петербургскихъ когтей" (имѣвшихъ большой успѣхъ), торжественно проваливала такую пьесу... Напримѣръ, въ сезонъ 1871—1872 гг. петербургскіе лицедѣи ухитрились провалить даже такую пьесу, какъ „Лѣсъ" Островскаго: „Лѣсъ" Островскаго „повалился", — такъ начинался театральный отчетъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" о бенефисѣ Бурдина, поставившаго эту пьесу, одну изъ лучшихъ и вѣчно жизненныхъ пьесъ покойнаго писателя. Почти то же случилось и съ „Каширской стариной" г. Аверкіева: самый театральный отчетъ объ этой пьесѣ въ той же газетѣ носилъ слѣдующее заглавіе — „Каширская ерунда"... Становилось очевидно, что актеры Александринки не въ силахъ вывозить на своихъ плечахъ такихъ пьесъ, и серьезная драма и комедія стали мало-по-малу отходить на второй планъ...

Между тѣмъ, тотъ же „Лѣсъ" и та же „Каширская старина" имѣли, какъ я уже упоминалъ, громаднѣйшій успѣхъ въ Москвѣ. Мнѣ довелось быть и на первомъ представленіи „Лѣса" на сценѣ Малаго театра: роль Счастливцева игралъ Шумскій, Несчастливцева—Вильде, Гурмыжскую — Васильева (Е. Н.), Улиту — Акимова. Такъ какъ „Лѣсъ" шелъ ранѣе въ Петербургѣ на сценѣ Александринки и успѣха не имѣлъ,—о чемъ, конечно, хорошо было извѣстно въ Москвѣ по петербургскимъ театральнымъ рецензіямъ,—то это обстоятельство, понятно, не могло не имѣть нѣкотораго вліянія на исполнителей и даже на публику, и первый актъ прошелъ неувѣренно; но со второго акта началась уже болѣе увѣренная игра на сценѣ и усиленное вниманіе публики къ содержанію пьесы; въ послѣднемъ актѣ интересъ къ пьесѣ достигъ величайшей степени, и когда былъ опущенъ занавѣсъ, то вызовамъ и аплодисментамъ не было конца... Послѣ этого торжественнаго успѣха „Лѣса" въ Москвѣ, столь же торжественно проваленнаго въ Петербургѣ, стало ясно для всѣхъ, кому были дороги интересы русскаго драматическаго театра, что онъ не можетъ ожидать для себя ничего добраго отъ центральнаго управленія, то-есть, отъ дирекціи императорскихъ театровъ, гдѣ вся власть была въ рукахъ двухъ лицъ, одинаково достойныхъ другъ друга—П. С. Ѳедорова и барона Кистера. Вотъ въ это-то время и сказалась вся сила и нравственная мощь знаменитой труппы Малаго театра: въ концѣ концовъ, она сумѣла-таки отстоять свою сцену и отъ скабрезныхъ оперетокъ, посыпанныхъ кайэнскимъ перцемъ и разсчитанныхъ на самые грубые и низменные инстинкты театральной толпы, и отъ слезливыхъ бульварныхъ мелодрамъ съ кровью, эксплоатирующихъ нервную систему зрителя, и отъ пьесъ завѣдомо тенденціозныхъ, писавшихся исключительно на какую-нибудь модную, ультра-либеральную тему, или злобу дня, въ родѣ, напр., комедій „Виноватая", „Отрѣзанный Ломоть" и т. п. Если таковыя пьесы и появлялись иногда на сценѣ Малаго театра, то лишь вслѣдствіе настояній В. П. Бегичева, человѣка честнаго, но изображавшаго собою въ Москвѣ, по самовластію, то же, что изображалъ Ѳедоровъ въ Пе-

тербургѣ; но не всегда такія пьесы подолгу удерживались на афишахъ. Такую именно участь испытала пьеса г-жи Голохвастовой „Чья правда“, Штеллера „Ошибки молодости“ и „Приданое современной дѣвушки“; пьеса же „Петербургскіе когти“, насколько припоминаю, совсѣмъ не шла, а комедія того же автора „Передовые дѣятели“, хотя и была поставлена на сценѣ Малаго театра, но успѣха не имѣла.

VI.

Трагикъ Айръ-Ольриджъ и Сальвини. — Что остается послѣ актера. — Театральные критики и рецензенты прежняго времени. — Театрально-литературный комитетъ и его протоколы.—Запрещеніе авторамъ читать свои пьесы въ комитетѣ. — Двѣ поучительныя исторіи съ двумя пьесами. — Театральная волокита. — Учрежденіе комиссіи по пересмотру законовъ о театрѣ и о зрѣлищахъ. — Составъ комиссіи.

Прошу позволенія у читателей разсказать одинъ болѣе ранній эпизодъ изъ моихъ театральныхъ воспоминаній, относящійся къ 1863 г. Весною этого года, пріѣхалъ на гастроли въ Москву знаменитый трагикъ Айръ-Ольриджъ, имѣвшій въ то время уже всесвѣтную извѣстность. Спектакли, въ которыхъ онъ участвовалъ, шли не въ Маломъ, а въ Большомъ театрѣ, едва все-таки вмѣщавшемъ всѣхъ желающихъ увидѣть игру замѣчательнаго артиста. Мнѣ довелось видѣть Ольриджа въ „Отелло“ и въ „Королѣ Лирѣ“. Игра его, въ особенности въ первой роли, произвела на меня такое сильное впечатлѣніе, что я нѣсколько дней находился подъ обаяніемъ этого геніальнаго трагика. Самая внѣшность Ольриджа какъ нельзя болѣе подходила къ роли Отелло: негръ изъ Америки, онъ имѣлъ темный цвѣтъ лица, толстыя губы и короткіе, курчавые волосы, широкоплечій, выше средняго роста. Въ сценѣ, когда предъ Отелло раскрылось все коварство Яго и чистота оклеветанной Дездемоны, и онъ мучится и страдаетъ отъ поздняго раскаянія въ совершенномъ имъ убійствѣ,

вызывала въ зрителяхъ неудержимыя слезы и плакали не однѣ только дамы... Игралъ Ольриджъ на англійскомъ языкѣ, остальные исполнители — по-русски, а такъ какъ эти пьесы Шекспира публика знала хорошо, то и легко понимала артиста. Мнѣ потомъ захотѣлось увидѣть его поближе, но, не имѣя въ тѣ времена никакихъ театральныхъ знакомствъ, я не могъ попасть за кулисы; къ счастію, мнѣ удалось увидѣть его въ иномъ мѣстѣ: я узналъ, что день воскресный онъ акуратно посвящалъ молитвѣ въ англиканской церкви, находящейся въ Леонтьевскомъ переулкѣ: вотъ туда я и отправился. И дѣйствительно: едва я вошелъ въ церковь и осмотрѣлся, то увидѣлъ Ольриджа на одной изъ скамей, наклонившимся надъ раскрытымъ молитвенникомъ... По окончаніи богослуженія, я имѣлъ возможность разсмотрѣть лицо трагика вблизи, и меня особенно поразили его глаза—черные, большіе, лучистые... Много-много лѣтъ спустя, именно въ зиму 1900—1901 гг., въ Петербургѣ, я видѣлъ на суворинскомъ Маломъ театрѣ не менѣе знаменитаго Сальвини въ „Отелло“ же и потомъ въ „Гамлетѣ“, но игра его не произвела на меня того потрясающаго впечатлѣнія, какое я испыталъ въ 1863 году въ Москвѣ,—оттого ли, что Сальвини былъ уже слишкомъ старъ для сыгранныхъ имъ ролей, или же потому, что я и самъ состарѣлся и не былъ такъ глубоко и чутко воспріимчивъ къ впечатлѣніямъ,—не знаю... Объ игрѣ Сальвини я читалъ потомъ въ газетахъ очень восторженные отзывы; самый правдивый, по моему мнѣнію, отзывъ принадлежалъ старѣйшему театральному критику 60-хъ годовъ, г. Суворину, писавшему въ тѣ годы въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша. Какъ жаль, что великіе артисты не оставляютъ послѣ своей кончины никакихъ наслѣдій своего таланта и искусства, которыя могли бы служить школою для другихъ поколѣній!... Съ смертью актера хоронится все, чѣмъ надѣлилъ его Промыселъ и остаются лишь легенды и преданія, да развѣ

еще мало значащія въ данномъ случаѣ театральныя статьи о немъ и рецензіи... Здѣсь, кстати, нахожу умѣстнымъ немножко познакомить читателей съ такъ называемою театральною критикою того времени.

Тридцать лѣтъ тому назадъ, не существовало теперешняго легіона театральныхъ репортеровъ и отмѣтчиковъ, половина коихъ промышляютъ шантажемъ и взятками съ антрепренеровъ и антрепренершъ частныхъ—въ столицахъ и большихъ городахъ—театровъ, съ артистовъ и, преимущественно, съ артистокъ; были тогда лишь театральные критики и рецензенты. Не существовало тогда и такихъ критиковъ-декадентовъ, какой объявился недавно въ одной большой и самой распространенной петербургской газетѣ. Этотъ господинъ сообщалъ, что драматическое чувство прекрасно можетъ быть выражено ногами... (въ балетѣ). О русскихъ императорскихъ театрахъ (частныхъ театровъ въ столицахъ не было) писали тогда, насколько могу припомнить, слѣдующія лица. Въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" Корша объ Александринскомъ театрѣ писали: А. С. Суворинъ и К. Скальковскій; кто писалъ въ эту газету изъ Москвы о Маломъ театрѣ—теперь вѣрно не могу сказать, но знаю, что одно время писалъ покойный Каншинъ (П. А.). Въ „Голосѣ" писали: Д. В. Аверкіевъ и покойный Л. Н. Антроповъ, а изъ Москвы — А. Д. Мейнъ и Н. Кичеевъ; позже, въ 1876 и въ 1877 году, писалъ я. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (собственно въ еженедѣльномъ приложеніи къ нимъ—въ „Современной Лѣтописи") объ Александринскомъ театрѣ писалъ изъ Петербурга довольно долго покойный Н. С. Лѣсковъ; о московскомъ Маломъ театрѣ—К. Н. Цвѣтковъ и позднѣе (съ 1872 года) — Антроповъ. Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" объ Александринскомъ театрѣ писали: М. П. Федоровъ (писавшій потомъ въ „Новостяхъ") и самъ А. П. Чебышевъ (Эксъ), а позже — Мих. Вильде, братъ покойнаго Н. Е. Вильде, московскаго артиста; о Маломъ театрѣ

изъ Москвы съ 1871 по 1876 годъ писалъ я. Въ журналѣ „Будильникъ", переведенномъ съ 1873 года изъ Петербурга въ Москву, былъ помѣщенъ, за три года, рядъ статей, написанныхъ мною о Маломъ театрѣ, Народномъ и объ Артистическомъ кружкѣ. Въ газетѣ „Недѣля" о петербургскомъ театрѣ писалъ покойный П. А. Гайдебуровъ и позднѣе поэтъ А. Н. Плещеевъ; изъ Москвы писалъ иногда покойный Н. М. Богомоловъ. Въ ежемѣсячныхъ журналахъ статьи о драматическихъ столичныхъ театрахъ, хотя рѣдко, но все-таки появлялись иногда. Такъ, напримѣръ, въ „Вѣстникѣ Европы" были помѣщены, въ началѣ 70-хъ годовъ, двѣ серьезныя статьи: одна А. С. Суворина, въ январьской книжкѣ 1871 года, объ Александринскомъ театрѣ, а другая подъ заглавіемъ „Милліонъ терзаній" (по поводу постановки въ томъ же театрѣ „Горе отъ ума") – покойнаго Гончарова. Въ „Библіотекѣ для Чтенія" (редакціи г. Боборыкина) былъ напечатанъ рядъ интересныхъ статей о московскомъ Маломъ театрѣ, написанныхъ, какъ я упоминалъ выше, княземъ А. И. Урусовымъ. Въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1872 года была помѣщена статья г. М. Щепкина — о Народномъ театрѣ. Въ „Бесѣдѣ" (редакція С. А. Юрьева) были очень интересныя статьи А. Н. Веселовскаго и Родиславскаго. Въ „Зарѣ" Кашпирева было напечатано нѣсколько статей объ Александринскомъ театрѣ, написанныхъ Антроповымъ. Въ „Дѣлѣ" (редакціи Г. Е. Благосвѣтлова) о театрѣ писалъ иногда покойный Н. И. Шульгинъ; двѣ статьи — одна о московскомъ Маломъ театрѣ въ 1874 г., а другая объ Александринскомъ театрѣ въ 1876 г. были написаны мною. Во избѣжаніе излишнихъ объясненій съ актерами и авторами, никто, конечно, изъ названныхъ лицъ не подписывалъ своихъ статей; одинъ князь Урусовъ выставлялъ свое имя и отчество—Александръ Ивановъ.

Точно такъ же, тридцать лѣтъ тому назадъ былъ совершенно иной составъ и театрально-литературнаго ко-

митета, существовавшаго въ то время лишь въ единственномъ числѣ, безъ теперешнихъ развѣтвленій на „отдѣленія“ въ Петербургѣ и Москвѣ. Членами въ немъ были или высоко образованныя лица, какъ П. И. Юркевичъ, или же такіе артисты, какъ покойный П. И. Зубровъ; главное, въ немъ не было лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, т.-е. драматическихъ писателей, которые при оцѣнкѣ достоинствъ пьесы или измѣряютъ ее на свой аршинъ, или же, что̀ еще хуже, разносятъ ее въ пухъ и прахъ, въ видахъ конкуренціи. Въ комитетѣ были литераторы А. Н. Майковъ и А. П. Милюковъ, и былъ лишь одинъ драматургъ — талантливый И. А. Маннъ, но онъ, попавъ въ члены, пересталъ писать для театра. Не то мы видимъ въ комитетахъ позднѣйшей формаціи; о ихъ дѣятельности ходятъ легенды и устныя, и печатныя... Они не одобрили за послѣднее время нѣсколько пьесъ, имѣвшихъ потомъ большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ, какъ, напримѣръ, „Три сестры“ Чехова, „Первая муха“ Величко, и другія; они не одобряютъ пьесъ гг. Щеглова, Плещеева (А. А.), недавно забраковали пьесу В. А. Крылова, не одобрили, кажется, и „Сыновъ Израиля“... Но зато, напримѣръ, комитетъ одобряетъ единогласно пьесу нѣкоего Е. Карпова, въ которой сельскій кулакъ и цѣловальникъ совершаетъ формальное покушеніе на изнасилованіе „мірской вдовы!“... Эта непристойная пьеса была потомъ поставлена на сценѣ Александринскаго театра, и ставилъ ее тотъ же Карповъ служившій въ то время режиссеромъ... И глядѣли эту пьесу попадавшія въ театръ порядочныя женщины, взрослыя дѣвушки и дѣвочки-подростки!.. Или же комитетъ устраиваетъ авторамъ такіе сюрпризы: дѣлаетъ одобренія условныя, заставляя автора передѣлывать пьесу по его, комитета, указкамъ, а потомъ все-таки бракуетъ ее...

Представляемыя пьесы читаются въ этихъ комитетахъ не авторами и даже не артистами, а господами членами; а эти гг. члены, напримѣръ, въ одномъ изъ „отдѣленій“ имѣли трое (гг. Григоровичъ, Потѣхинъ и Вейнбергъ) свыше 220-ти лѣтъ... Одинъ изъ нихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался, двое продолжаютъ, кажется состоять членами и понынѣ, получая до 1.000 рублей въ годъ, въ видѣ пожизненной синекуры, надо полагать. Самъ авторъ не имѣетъ права читать въ комитетѣ свою пьесу, хотя отъ чтенія какъ извѣстно, зависитъ вся ея судьба. Вспомнимъ, напримѣръ, прекрасную пьесу Дюма-сына „La dame aux camélias“, забракованную вначалѣ директорами Comédie Francaise и одобренную лишь послѣ чтенія самого автора. А у насъ при чтеніи пьесы, напримѣръ, 75-лѣтнимъ старцемъ, беззубымъ и безголосымъ, какое впечатлѣніе могутъ получить остальные члены, если только они не заснутъ?.. Или, напримѣръ, какое впечатлѣніе могутъ испытать слушатели, когда одинъ изъ членовъ, довольно плодовитый драматургъ—онъ же антрепренеръ и режиссеръ частнаго театра, конкуррирующаго съ императорскимъ, — прочитывая пьесу не нравящагося ему конкуррента, позволяетъ себѣ во время прочтенія фыркать, пожимать плечами и иронически и усиленно оттѣнять тѣ мѣста и монологи въ пьесѣ, которые ему кажутся слабыми?.. Именно вотъ такими продѣлками и объяснялъ покойный Маркевичъ неодобреніе для постановки на императорскихъ театрахъ его талантливой и чрезвычайно сценичной пьесы „Чадъ жизни“. Чѣмъ, какъ не плохимъ чтеніемъ или же недостойными пріемами во время самаго прочтенія, можно объяснить себѣ то обстоятельство, что нѣкоторыя вышеназванныя пьесы „не прошли“ въ комитетѣ, — и только нѣкоторыя изъ нихъ, и то лишь послѣ горячей защиты ихъ авторовъ и шума, поднятаго въ печати, попали на сцену императорскихъ театровъ?.. И чего, собственно, опасаются и боятся? И ради чего, шесть лѣтъ назадъ, когда этотъ вопросъ былъ поднятъ мною въ печати, противъ прочтенія пьесъ ихъ авторами такъ возсталъ

одинъ изъ членовъ петербургскаго отдѣленія, очень ревностный, тоже, поставщикъ пьесъ, ставшій потомъ управляющимъ одной изъ труппъ? Вѣдь авторъ можетъ лишь прочесть свою пьесу и сейчасъ же удалиться, нисколько, слѣдовательно, не вліяя на сужденія членовъ и ихъ рѣшеніе, не мѣшая имъ ни дремать сладостно, ни кушать чай во время его чтенія... Онъ, конечно, могъ бы помѣшать имъ въ одномъ: дѣлать замѣчанія во время самаго чтенія; но вѣдь эти замѣчанія и примѣчанія они могутъ дѣлать карандашемъ, на лежащихъ передъ ними листахъ бумаги,—какъ это принято во всѣхъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, совѣтахъ и присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ обсужденіе прочитаннаго и представленіе „замѣчаній" дѣлается послѣ доклада, а не до него. Вѣдь слѣдуетъ принять во вниманіе и памятовать въ данномъ случаѣ то обстоятельство, что авторъ—единственный чтецъ, который можетъ взять вѣрный и безошибочный тонъ и, не будучи въ силахъ скрыть или скрасить недостатки своей пьесы, можетъ, въ то же время, оттѣнить и всѣ ея достоинства, равно какъ и самые характеры дѣйствующихъ лицъ; а развѣ можетъ сдѣлать это членъ комитета, не имѣющій никакого представленія о пьесѣ, которую онъ долженъ прочесть, знакомый лишь съ ея заглавіемъ?!.. Вотъ, другое дѣло, если авторъ отсутствуетъ далеко, или же самъ почему-либо не пожелаетъ читать; но и тогда, полагаю, слѣдовало бы приглашать для прочтенія артиста драматической труппы; самый неважный актеръ, разъ онъ состоитъ въ императорской труппѣ, прочтетъ пьесу гораздо лучше, чѣмъ, напримѣръ, чиновникъ изъ департамента торговли, или же ловкій антрепренеръ конкуррирующаго театра, не говоря уже о древнихъ членахъ-старцахъ, отъ которыхъ грѣшно было бы и требовать яснаго и громкаго прочтенія пьесы.

Театрально-литературный комитетъ съ его отдѣленіями сталъ въ настоящее время не только анахронизмомъ въ

жизни казенныхъ театровъ, но ему не присущъ даже тотъ авторитетъ и престижъ, который, повидимому, долженъ подобать. Онъ, напримѣръ, разноситъ пьесу „Вторая молодость", бракуетъ „Трехъ сестеръ", „Первую муху" и др., а эти пьесы ставятся на частныхъ театрахъ и идутъ съ полнымъ успѣхомъ. Или, наоборотъ: комитеты одобряютъ пьесу, а она или торжественно проваливается въ первое же представленіе, или же — что случается чаще всего — совсѣмъ не ставится на казенныхъ столичныхъ театрахъ, а преспокойно хранится въ архивѣ театральной библіотеки. А то бываетъ и такъ: сначала забракуютъ пьесу, сдѣлавъ ей въ журналѣ комитета сугубый разносъ; а потомъ, спустя два-три мѣсяца, одобрятъ и расхвалятъ.

Въ моихъ рукахъ имѣется въ настоящее время очень интересная книга В. П. П—ева—„О порядкѣ разсмотрѣнія драматическихъ произведеній, представляемыхъ для внесенія въ русскій репертуаръ императорскихъ театровъ". Къ сожалѣнію, книга эта не распространена въ публикѣ; а потому, я позволю себѣ здѣсь привести изъ нея нѣкоторыя выписки, картинно рисующія тотъ невозможный порядокъ, который существовалъ въ театрально-литературномъ комитетѣ и его отдѣленіяхъ въ самое недавнее время (книга издана въ 1899 году), а, можетъ быть, существуетъ и теперь.

„Вѣроятно—говоритъ г. П—евъ,—немного найдется въ Россіи учрежденій, поставленныхъ столь неопредѣленно и въ то же время столь самостоятельно, какъ театрально-литературный комитетъ. Связь его съ дирекціей театровъ, для непосредственныхъ потребностей которой онъ учрежденъ, исчерпывается обозначеніемъ на заголовкѣ положенія: „Театрально-литературный комитетъ при дирекціи императорскихъ театровъ". Отношенія директора театровъ къ комитету не идутъ далѣе инвеституры личнаго состава его и назначенія отдѣленія для разсмотрѣнія той или дру-

гой пьесы. Съ своей стороны, комитетъ, составленный исключительно изъ литераторовъ (или профессоровъ), людей свободной профессіи по преимуществу, склоненъ проявлять отрицательное отношеніе къ служебному регулированію порядка, видя въ немъ косвенный контроль со стороны театральной администраціи". И вотъ, въ практикѣ петербургскаго отдѣленія такое ложное положеніе породило результаты очень печальные — даже на самыхъ первыхъ порахъ дѣятельности комитета, устроеннаго и реформированнаго въ концѣ 1891 года. Такъ, напримѣръ, директоръ театровъ „вынужденъ былъ обратить вниманіе предсѣдателя", Д. В. Григоровича, на то, что при разсмотрѣніи пьесъ не соблюдается очередь: семь пьесъ остались совсѣмъ не разсмотрѣнными, между тѣмъ какъ пьесы, позднѣе представленныя, были заслушаны комитетомъ. Или, напримѣръ, въ томъ же с.-петербургскомъ отдѣленіи была разсмотрѣна пьеса въ одномъ актѣ „Безъ исхода" г-жи Лѣтковой, о разсмотрѣніи которой заявленія въ дирекцію отъ автора вовсе не поступало... Въ силу этого, члены комитета были лишены вознагражденія за разсмотрѣніе этой пьесы, т.-е. пяти рублей на каждаго члена (за одинъ актъ). Но это „удержаніе поактнаго вознагражденія членовъ—мѣра, недостойная коллегіи „извѣстныхъ словесниковъ",—замѣчаетъ авторъ книги (стр. 159)... Но происходили еще болѣе серьезныя закононарушенія, касавшіяся уже существа дѣла. Одна, напримѣръ, пьеса („Не пойманъ—не воръ"), по разсмотрѣніи ея петербургскимъ же отдѣленіемъ комитета, была забракована при слѣдующей мотивировкѣ: „Пьеса эта похожа на одинъ изъ тысячи подобныхъ водевилей безъ пѣнія, гдѣ дѣйствующія лица разговариваютъ съ публикой, разсказываютъ имъ (?) свое прошедшее, откровенно разоблачаютъ свои тайные помыслы и душевныя движенія, гдѣ вся художественная задача въ томъ, чтобы устроить на сценѣ наивозможно большую суетню, суматоху и qui pro quo и

во что бы то ни стало насмѣшить зрителей. Въ настоящей пьесѣ дѣйствуютъ только онъ, она и лакей... Онъ... въ длиннѣйшемъ монологѣ, съ претензіей на игривость водевильной формы, разсказываетъ публикѣ о своихъ любовныхъ похожденіяхъ и скабрезныхъ мечтахъ... произноситъ рѣчи и ругательства, не совсѣмъ приличныя цивилизованному человѣку, и убѣгаетъ. На мѣсто его тотчасъ же является она, жена, которая тоже въ длинномъ монологѣ разсказываетъ... Съ нею тоже происходитъ припадокъ бѣшенства, въ которомъ она зоветъ горничную: „Параша! Парашка, чортъ!". Думается, что если бы нашлась наивная публика, которой было бы весело и забавно смотрѣть предыдущія сцены, то и она соскучилась бы отъ послѣдней". Раздѣлавъ, такъ сказать, подъ орѣхъ пьесу и отправивъ зарегистрованный протоколъ въ канцелярію дирекціи, комитетъ вдругъ узнаетъ, послѣ уже отсылки и пьесы, и протокола, что авторомъ пьесы состоитъ „весьма вліятельное въ прессѣ" лицо (издатель „Новаго Времени")... Тогда комитетъ вытребовалъ свой протоколъ обратно и затѣмъ возвратилъ его въ дирекцію „въ прежней редакціи (вышеприведенной), но съ одобрительнымъ для постановки на сценѣ заключеніемъ!" [1])...

„Самая зрѣлость обсужденія и основательность рѣшеній комитета подвергается сильному сомнѣнію: часто замѣчается нежелательная голословность и поспѣшность рѣшеній. Такъ, напримѣръ, въ протоколѣ засѣданія II-го отдѣленія театрально-литературнаго комитета 5-го февраля 1883 года, между прочимъ, по поводу опредѣленія оригинальности пьесъ В. А. К—ова, сказано: „Что же касается до пьесъ „Чудовище" и „Въ погонѣ за прекрасной Еленой", то большинство членовъ комитета подвергаетъ ори-

[1]) Этотъ фактъ жалкаго малодушія и постыдной, трусливой угодливости гг. членовъ петербургскаго отдѣленія театрально-литературнаго комитета громко говоритъ самъ за себя и не нуждается въ коментаріяхъ...

гинальность ихъ нѣкоторому (?) сомнѣнію, хотя, за недостаткомъ времени, не можетъ указать теперь же, изъ какихъ именно иностранныхъ пьесъ онѣ заимствованы". Далѣе, комитетъ призналъ пьесу того же автора „По духовному завѣщанію" за оригинальную, между тѣмъ какъ сюжетъ этой пьесы заимствованъ изъ нѣмецкой пьесы „Die Raben" и изъ французской „Le téstament de César Girodot"; а между тѣмъ, оригинальную пьесу „Шалость" причисляетъ къ передѣлкамъ. „Злые недуги", комедія въ пяти дѣйствіяхъ К. Демкина, по признанію комитета, отличается нѣкоторою растянутостью, малой сценичностью и повтореніемъ бывшихъ уже на сценѣ мотивовъ, но въ виду ея литературныхъ достоинствъ, одобрена къ представленію (протоколъ засѣданія 12 ноября 1883 г.). „Императрица Византія", драма въ 5-ти дѣйствіяхъ В. Буренина, одобрена „къ представленію на сценѣ императорскихъ театровъ, не какъ серьезно литературно-обработанная историческая драма, но какъ весьма эффектное сценическое представленіе" (протоколъ засѣданія 21-го января 1889 г.). „Сверхъ комплекта", комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ, передѣлка съ польскаго, А. Крюковскаго, въ засѣданіи петербургскаго отдѣленія комитета 29-го октября 1894 года не одобрена,—съотзывомъ, что „пьеса эта,—передѣланная съ нѣмецкаго (?) на русскіе нравы и до того не подходитъ къ русской жизни, что на русской сценѣ она представлялась бы совершенной аномаліей. Несмотря на нѣкоторыя литературныя достоинства въ подлинникѣ, пьеса эта сама по себѣ скучна и нисколько не оригинальна —и потому въ репертуарѣ русскаго театра была бы лишнимъ балластомъ". Но черезъ годъ, та же пьеса, въ виду „ея успѣха на провинціальной сценѣ, при исполненіи г. Давыдова", была одобрена тѣмъ же отдѣленіемъ комитета (протоколъ 9-го сентября 1895 г.). „Чадъ жизни", драма въ пяти дѣйствіяхъ В. Маркевича, при разсмотрѣніи ея въ 1-мъ петербургскомъ отдѣленіи

комитета, признана была единогласно „неудобной къ представленію на императорской сценѣ". Но это нисколько не помѣшало тому же отдѣленію комитета, опять-таки единогласно, одобрить ту же самую пьесу, представленную въ комитетъ, съ незначительными измѣненіями, подъ названіемъ „Ольга Ранцева". Еще курьезнѣе вышло дѣло съ драмой г-жи С. Смирновой „Девятый валъ", разсмотрѣнной, по случайной ошибкѣ регистратуры, въ обоихъ отдѣленіяхъ комитета—въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Забракованная 25 ноября 1898 года въ московскомъ отдѣленіи, пьеса одобрена 24 декабря 1899 года въ петербургскомъ... Такой же случай былъ съ драмой въ 4-хъ дѣйствіяхъ В. Александрова „Волчиха", которая была забракована 6-го апрѣля 1894 года въ петербургскомъ отдѣленіи комитета и одобрена 31-го мая 1895 года въ московскомъ. Удивительная также исторія вышла съ пьесой П. Невѣжина „Вторая молодость", которая имѣла отъ комитета слѣдующій одобрительный отзывъ: „Пьеса эта въ литературномъ отношеніи не имѣетъ особенныхъ достоинствъ: характеры дѣйствующихъ лицъ слабо и неопредѣленно очерчены, психическія движенія ихъ недостаточно мотивированы, языкъ искусственный, мѣстами вульгарный, мѣстами преувеличенно патетическій, переполненный риторическими фразами. Въ общемъ, пьеса отличается надуманностью (?) и мелодраматичностью" (протоколъ I-го отдѣленія 26 сентября 1887 г.). Между тѣмъ, этой самой пьесѣ „Вторая молодость", постановленіемъ избранныхъ отъ общества драматическихъ писателей литераторовъ-судей присуждена Грибоѣдовская премія...

„Эта неустойчивая академичность комитетскихъ рѣшеній усугубляется еще и безапелляціонностью ихъ. Уставъ 1882 года давалъ возможность автору и даже дирекціи передавать иногда забракованную пьесу на пересмотръ въ общемъ собраніи (обоихъ петербургскихъ отдѣленій), если неодобреніе состоялось не единогласно; по положе-

нію же 1891 года, рѣшенія комитета окончательны, и забракованной пьесѣ навсегда закрытъ доступъ ко вторичному разсмотрѣнію, а слѣдовательно, и къ внесенію въ репертуаръ императорской сцены. Хорошо еще, что сами комитеты признаютъ иногда возможнымъ отрекаться отъ собственныхъ рѣшеній. Кромѣ, напримѣръ, случая съ пьесой Маркевича „Ольга Ранцева“, „Сверхъ комплекта“, „Чадъ жизни“ и др., вышелъ казусъ еще и съ слѣдующей пьесой. 13 ноября 1893 года петербургское отдѣленіе комитета забраковало драму въ 4-хъ дѣйствіяхъ Вл. Ирисова „Тайна няни“, по слѣдующимъ мотивамъ: „Отдавая — говорится въ протоколѣ, — должную справедливость изобрѣтательности автора въ сочиненіи такой исключительной фабулы и въ придумываніи многихъ мелодраматическихъ эффектовъ, а равно и въ его благодушномъ, оптимистическомъ воззрѣніи на жизнь и на людей, — нужно съ сожалѣніемъ (?!) отмѣтить его крайнюю неопытность въ литературномъ и сценическомъ отношеніи: живыхъ лицъ и характеровъ въ пьесѣ нѣтъ, языкъ, книжный, психологическія движенія не выяснены и кажутся фальшивыми; ни красокъ, ни тѣней (?) въ картинахъ не видно, все въ одномъ тонѣ и блѣдно, все придумано и сочинено, какъ бы внѣ дѣйствительной жизни вообще и русской въ особенности. Самая фактура пьесы отличается необдуманностью, нестройностью, несообразностями и обличаетъ крайнее незнаніе авторомъ сценическихъ условій“. Однако, авторомъ „Тайны няни“ оказался О. К. Нотовичъ... который и представилъ пьесу вторично подъ названіемъ „Дочь“... Петербургское отдѣленіе комитета узнало въ пьесѣ „Тайну няни“; но, вопреки положенію 1891 года, разсмотрѣло ее вторично и нашло, что авторъ исправилъ ее, согласно указаніямъ комитета, хотя пьеса осталась безъ измѣненій, исключая конца, въ которомъ героиня, вмѣсто того, чтобы выйти замужъ, отравляется... Комитетъ одобрилъ „Дочь“ 18 марта 1895 года...

„Изъ вышеприведеннаго — говоритъ г. П—евъ, — приходится заключить, что театрально-литературный комитетъ является чѣмъ-то въ родѣ академической испытательной комиссіи для авторовъ, выдающей имъ рекомендательные аттестаты и даже допускающей переэкзаменовки... По положенію 1891 года, обсужденію театрально-литературнаго комитета подлежатъ два вопроса: опредѣленіе литературнаго достоинства и опредѣленіе сценическаго достоинства пьесы. По прежнимъ „положеніямъ о театрахъ“ — 1858 — 1882 гг., къ разсмотрѣнію пьесъ привлекался, на ряду съ литературнымъ элементомъ, элементъ административный и артистическій; нынѣ же рѣшеніе вопроса о пріемѣ пьесъ на императорскую сцену довѣрено исключительно литераторамъ. Въ комиссіи, составлявшей новое положеніе, возбуждался вопросъ: „кого слѣдуетъ понимать подъ именемъ литератора?“ — и разъясненъ былъ въ томъ смыслѣ, что „литераторомъ именуется всякій, печатавшій свои произведенія“. Въ силу, надо полагать, этого разъясненія, составъ театрально-литературнаго комитета, съ 1891 по 1899 годъ, былъ слѣдующій: въ петербургскомъ отдѣленіи: Д. В. Григоровичъ, П. И. Вейнбергъ, А. А. Потѣхинъ и П. П. Гнѣдичъ (съ 1895 года—И. А. Шляпкинъ); въ московскомъ отдѣленіи: А. Н. Веселовскій, Н. С. Тихонравовъ, Н. И. Стороженко (съ 1893 года И. И. Ивановъ) и Вл. Немировичъ-Данченко“.

Эти гг. литераторы, замѣтимъ отъ себя, обсуждаютъ лишь „литературное достоинство“ пьесы, но сценична ли она, и есть ли для нея костюмы и декораціи, — это, конечно, иной вопросъ; а потому, и происходятъ постоянныя недоразумѣнія: комитетъ, положимъ, пьесу одобритъ, а актеры или режиссеръ находятъ ее не сценичной, управляющій — что нѣтъ костюмовъ и декорацій... и пьеса сдается въ театральную библіотеку. Мы уже не говоримъ о томъ, какіе „литераторы“ попадаютъ въ составъ комитета. Недавно, напримѣръ, въ числѣ членовъ петербург-

скаго отдѣленія состоялъ какой-то титулярный совѣтникъ Дм. Философовъ, назначенный бывшимъ директоромъ кн. Волконскимъ, никакихъ въ своей жизни „произведеній“, кромѣ собственныхъ визитныхъ карточекъ, не печатавшій...

Искренно сожалѣемъ, что размѣры нашей статьи заставляютъ ограничиться лишь тѣми выписками изъ интересной книги В. П. П—ева, кои приведены выше. Въ самую же книгу, какъ намъ положительно извѣстно, не включено и половины курьезовъ, коими изобилуетъ „дѣятельность“ театрально-литературнаго комитета за послѣднее время.

Чтобы иллюстрировать эти слова еще болѣе поздними фактами, я позволю себѣ подробно разсказать здѣсь, въ интересахъ театральнаго дѣла, а главное, въ видахъ поученія молодыхъ драматурговъ, одну маленькую исторію, случившуюся съ однимъ писателемъ. Сочинилъ онъ трехактную комедію и представилъ ее, при надлежащемъ „прошеніи“, съ надлежащимъ количествомъ гербовыхъ марокъ, въ управленіе казенной дирекціи; спустя нѣсколько мѣсяцевъ, получаетъ увѣдомленіе, что пьеса его „къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ одобрена“. Началось для автора буквально „хожденіе“ по дѣлу пьесы— и въ дирекцію, и къ режиссеру, и къ „начальнику репертуара“, и къ артистамъ бенефиціантамъ... Однако, ничего изъ этого не вышло, и авторъ, утомившись, рѣшилъ прекратить „хожденіе“. Проходитъ нѣсколько лѣтъ... Пьесу, подъ другимъ уже заглавіемъ, печатаетъ одинъ журналъ. „Дай-ка, попробую я еще счастья“, — думаетъ авторъ, и представляетъ пьесу, въ двухъ печатныхъ экземплярахъ, въ ту же дирекцію, откуда она и поступаетъ въ театрально-литературный комитетъ, но попадаетъ уже въ другое отдѣленіе. Получается неожиданный сюрпризъ: его комедія „къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ не одобрена“... Интересенъ и самый главный мотивъ неодобренія. Комитетъ, между прочимъ, нашелъ, что пьеса похожа на комедію г. Щеглова „Мышеловка“; а между тѣмъ, эта послѣдняя пьеса была написана г. Щегловымъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ пьесы инкриминируемаго автора, одобренной къ представленію на императорскихъ театрахъ, но, какъ я упоминалъ, не попавшей на сцену.

Вторая исторія еще курьезнѣе первой. Пишетъ тотъ же авторъ „драматическія сцены“, но, не желая встрѣчаться съ оскорбительностью отказа и съ канцелярскою волокитою, обращается по совѣту „друзей“, прежде всего, къ режиссеру, о которомъ говорили, что „онъ можетъ все“, что онъ человѣкъ ловкій и настолько развязный, что начальство его даже побаивается... Режиссеръ обѣщаетъ прочесть пьесу и назначаетъ срокъ; не исполняетъ обѣщанія, водитъ автора болѣе двухъ мѣсяцевъ, ставитъ свои пьесы и, наконецъ, объявляетъ автору, что пьеса ему, режиссеру, не понравилась, и что онъ никогда не допуститъ ее на казенный театръ.

— А если ее одобритъ театрально-литературный комитетъ?—спрашиваетъ авторъ.

— Это для меня ровно ничего не значитъ,—отвѣчаетъ режиссеръ.

— А если при этомъ прикажетъ самъ директоръ поставить эту пьесу?

— Онъ можетъ приказать, а я могу не исполнить, — былъ отвѣтъ...

Тогда авторъ обращается съ своею пьесою въ редакцію одного изъ лучшихъ и распространенныхъ журналовъ. Пьесу принимаютъ и печатаютъ, санкціонируя, такимъ образомъ, ея литературныя достоинства. Но авторъ, наученный уже горькимъ опытомъ, не рискуетъ пока представлять ее въ комитетъ, а идетъ, съ журнальнымъ оттискомъ въ рукахъ, прямо къ „главному лицу“ въ театрѣ и покорнѣйше проситъ прочесть его пьесу. Обѣщаніе дано. Проходитъ весна, лѣто, осень... идетъ авторъ спра-

виться; ему отвѣчаютъ: „не успѣлъ еще прочесть“... и обѣщаютъ это сдѣлать „непремѣнно въ скорости“... Проходитъ зима; наступаетъ весна... Идетъ злополучный авторъ вновь на площадь Александринскаго театра и узнаетъ печальную новость, что „главное лицо“—уже не главное... Тогда обращается авторъ къ новому должностному лицу—„управляющему“—и проситъ его все о томъ же—прочесть пьесу: „Трудъ-де небольшой: всего какихъ-нибудь полчаса, не болѣе“... Управляющій отвѣчаетъ: „Мы, то-есть, я и „главная власть“, рѣшили не читать пьесъ, не одобренныхъ еще театрально-литературнымъ комитетомъ. Представьте себѣ: я прочту вашу пьесу, истрачу эти полчаса, а ее вдругъ не одобрятъ для постановки на нашихъ театрахъ?!“ Дѣлать нечего, авторъ видитъ, что тутъ существуетъ девизъ Англіи: „время—деньги“, и представляетъ свою пьесу въ дирекцію при надлежащемъ прошеніи, въ двухъ экземплярахъ, съ гербовыми марками и пр. Проходитъ мѣсяцъ, два, три, полгода и болѣе, и получается, наконецъ, отвѣтъ, извѣщающій что „пьеса къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ одобрена“. Идетъ торжествующій авторъ къ управляющему, вручаетъ ему уже „одобренную“ пьесу и получаетъ обычное канцелярское обѣщаніе: „прочесть на-дняхъ и увѣдомить о результатахъ“... Проходитъ мѣсяцъ—отвѣта нѣтъ. Идетъ авторъ къ главной власти: обѣщаютъ прочесть и поговорить съ управляющимъ... По прошествіи мѣсяца, получается отъ управляющаго слѣдующее письмо: „Пьеса ваша была мною прочитана. Я думаю, что главнѣйшимъ тормазомъ ея постановки будетъ монтировочная сторона дѣла. У насъ ничего даже подходящаго отчасти къ мѣсту и эпохи (ѣ) не имѣется, и все придется дѣлать заново. Слѣдовательно, послѣ того, какъ N. N. ознакомится съ пьесой, надо будетъ получить смѣту изъ монтировочнаго отдѣленія стоимости постановки. Сомнѣваюсь, чтобы ранѣе Пасхи окончательно могъ разрѣшиться этотъ вопросъ, такъ какъ

теперь идетъ вопросъ объ основномъ репертуарѣ“. Прочитавъ это туманное и замысловатое письмо, авторъ былъ въ правѣ подумать: какой бѣдный театръ! — и въ то же время какой богатый: у него нѣтъ двухъ французскихъ военныхъ мундировъ, одного костюма фермера и нѣсколькихъ костюмовъ испанскихъ крестьянъ и крестьянокъ... И въ то же время, какъ много тамъ, должно быть, лишнихъ денегъ, если существуетъ отдѣльная канцелярія съ ея „монтировочнымъ отдѣленіемъ“ и цѣлою кучею чиновниковъ этого отдѣленія!.. Авторъ рѣшилъ все-таки показать письмо одному „свѣдущему человѣку“. Тотъ расхохотался:

— Помилуйте,—говоритъ,—ихъ гардеробныя переполнены таковыми именно костюмами, и у нихъ еще недавно шли пьесы съ этими костюмами; да и въ балетномъ гардеробѣ есть масса испанскихъ костюмовъ...

Однако, въ виду того обстоятельства, что N. N.—т.-е. главное лицо, — судя по письму, долженъ „ознакомиться съ пьесой“, авторъ идетъ къ нему, преподноситъ печатный экземпляръ пьесы и получаетъ отвѣтъ:

— Я очень занятъ: читать всѣ представляемыя мнѣ пьесы не имѣю времени... Я дамъ отвѣтъ чрезъ своего управляющаго,—и при этомъ что-то записываетъ на отрывномъ листкѣ, „для памяти“...

Спустя нѣкоторое время, не получая никакого отвѣта, авторъ обращается къ управляющему—и получаетъ отъ него совѣтъ: поговорить съ бенефиціантами... Говоритъ—и находитъ одного актера, для котораго вполнѣ подходитъ главная роль; тотъ соглашается „взять пьесу“. Авторъ спѣшитъ сообщить эту радостную вѣсть управляющему... Проходитъ болѣе мѣсяца... Актеръ начинаетъ дѣлать, какъ выражаются охотники, заячьи переметы; пишетъ (въ первомъ письмѣ): „Вопросъ о постановкѣ или выборѣ пьесы на будущій сезонъ (въ бенефисъ) не скоро подымется... а когда наступитъ эта очередь (?), то, конечно, я

не упущу случая поддержать истину, потому что искренно убѣжденъ, что ваша пьеса достойна постановки и по благородству идеи, и по содержанію". Во второмъ письмѣ: „По дѣлу пьесы ничего не знаю, да, я думаю, и самъ управляющій ничего не знаетъ. И сколько могъ я замѣтить, меня избѣгаютъ... До свиданія, тороплюсь на репетицію". Авторъ, теряя наконецъ терпѣніе, проситъ управляющаго, еще разъ, „внести пьесу въ репертуаръ будущаго сезона". Получается слѣдующій отвѣтъ (уже весною, предъ закрытіемъ сезона): „Репертуарный вопросъ окончательно еще не выясненъ. Но, судя по тому, что главнѣйшее вниманіе дирекціи теперь сосредоточено на основномъ репертуарѣ, я не думаю, чтобы въ теченіе ближайшаго будущаго монтировочное отдѣленіе разрѣшило столь крупный расходъ (?), какъ постановку пьесы изъ испанской жизни. По наведеннымъ мною справкамъ, у насъ ничего (?) не оказалось подходящаго, и все придется дѣлать заново. Даже Кальдерона, вѣроятно, придется отложить на нѣкоторое время. Если кто-нибудь заявитъ пьесу въ свой бенефисъ, ее провести будетъ легче. Во всякомъ случаѣ, какъ только опредѣлится результатъ засѣданій о репертуарѣ,—я извѣщу васъ. Вѣрнѣе, разрѣшеніе (?) придется отложить до августа"... Получивъ такое лаконическое письмо, въ которомъ каждая строка противорѣчила истинѣ, авторъ постигъ, наконецъ, горькую правду высказаннаго недавно однимъ московскимъ журналомъ афоризма, что у насъ, чтобы написать недурную пьесу, нуженъ талантъ, а чтобы провести ее на казенную сцену—нужна геніальность. А такъ какъ онъ не былъ „геніемъ", то рѣшилъ прекратить дальнѣйшее „хожденіе по дѣлу"... Лишь на-дняхъ, годъ спустя, именно 28 февраля 1903 года, авторъ рѣшилъ, еще разъ, обезпокоить г. директора театровъ вопросомъ о судьбѣ его пьесы.

— А какимъ комитетомъ она одобрена — московскимъ или петербургскимъ?—спросилъ директоръ.

— Московскимъ,—отвѣчалъ авторъ.

— Такъ вамъ слѣдуетъ и обращаться туда, въ Москву. Тамъ имѣется отдѣльный управляющій конторою театровъ—къ нему слѣдуетъ. Онъ пошлетъ вашу пьесу во вновь учрежденный репертуарный совѣтъ,—и тотъ уже рѣшитъ: ставить вашу пьесу, или нѣтъ.

— Къ сожалѣнію, я вѣдь живу здѣсь, въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ... Здѣсь, вотъ, хлопочу уже болѣе двухъ лѣтъ,—замѣтилъ авторъ.

— Постарайтесь увидать какъ нибудь управляющаго конторой, когда онъ пріѣзжаетъ сюда, въ Петербургъ,—закончилъ г. директоръ свои благіе совѣты автору пьесы,— и на этомъ „пріемъ" былъ оконченъ...

Теперь, слѣдовательно, можно поздравить драматическихъ писателей съ новой „инстанціей", поставленной имъ на пути: къ драматической цензурѣ, театрально-литературному комитету, управляющему труппой и актеру-бенефиціанту, присоединился еще и „репертуарный совѣтъ"... Онъ, оказывается, образованъ, тоже, въ двухъ отдѣленіяхъ—и при петербургскихъ императорскихъ театрахъ, и при московскихъ,—состоитъ изъ режиссеровъ, артистовъ и „завѣдующихъ ремонтировочною частью". Повидимому, это что-то хорошее: по крайней мѣрѣ, будетъ положенъ хотя какой-нибудь предѣлъ вкусамъ бенефиціантовъ; а то, вѣдь эти господа дошли до того, что недавно на сценѣ императорскаго Александринскаго театра едва не была поставлена пошлая и непристойная пьеса босяческой литературы „На днѣ" [1])... Актеру, конечно, желалось сорвать

---

[1]) При такихъ выборахъ, бенефиціанты, обыкновенно, ссылаются на то, что эти пошлыя пьесы идутъ съ успѣхомъ на частныхъ театрахъ.. Но—вѣдь частный театръ и императорскій, смѣемъ думать— большая разница: частный театръ, прежде всего — меркантильная лавочка, стремящаяся лишь къ бойкой торговлѣ имѣющимся въ ней товаромъ; императорская же сцена—это скинія святыхъ, гдѣ существуютъ извѣстные завѣты и традиціи, гдѣ имѣются совсѣмъ иныя цѣли — болѣе высокія и художественныя. Частные театры могутъ ставить и

крупный сборъ, а до искусства и приличій ему не было дѣла: онъ памятовалъ, должно быть, извѣстное изреченіе Гете, что для однихъ—искусство есть высокая, прекрасная богиня, а для другихъ, просто, дойная корова—давала бы масло.

Выше я разсказалъ правдивую и самую точную исторію мытарствъ пьесы — литературной, напечатанной въ одномъ изъ лучшихъ и распространенныхъ журналовъ, одобренной къ постановкѣ на сценахъ императорскихъ театровъ и аппробованной актеромъ для своего бенефиса, т.-е. пьесы, вполнѣ удовлетворяющей всѣмъ строгимъ требованіямъ закона и дирекціи, и, въ концѣ концовъ, преспокойно лежащей въ архивѣ театральной библіотеки, состоящей при дирекціи казенныхъ театровъ. Исторія эта могла бы быть смѣшнымъ анекдотомъ, если бы не была грустнымъ фактомъ. Выводъ же изъ всего этого такой: если уже двухлѣтнее личное „хожденіе“ съ такой пьесой не привело автора ни къ чему доброму, то можетъ ли добиться чего либо такой авторъ, который совсѣмъ не можетъ имѣть никакого хожденія по дѣлу, не могущій даже

«На днѣ», и «Рабынь веселья», и «Русалокъ», и «Внѣ жизни», и «Голосъ крови». На частныхъ сценахъ, напр., въ петербургскомъ театрѣ «Литературно-Художественнаго Общества», присуждаютъ даже «преміи» этимъ пьесамъ, — каковыя и были недавно выданы непристойной пьесѣ «Русалки», или совершенно безсмысленной мелодрамѣ съ тремя самоубійствами «Голосъ крови»... Но такія пьесы никогда не должны попадать на сцену императорскихъ театровъ, въ которые смѣло идетъ публика совсѣмъ иная: сюда идутъ цѣлыми семьями, со взрослыми дочерьми и дѣвочками-подростками, съ институтками и гимназистками, вполнѣ увѣренные что они гарантированы отъ порнографіи и сальности, отъ всей той житейской мерзости и пошлости, которыя встрѣчаются лишь на днѣ жизни. Намъ передавали очевидцы, что когда, напр., на сценѣ императорскаго Александринскаго театра, пять-шесть лѣтъ тому назадъ, шла пьеса режиссера того же театра Е. Карпова «Мірская вдова», гдѣ, въ первомъ же, кажется, актѣ какой-то кабатчикъ совершаетъ покушеніе на изнасилованіе этой «вдовы» (въ исполненіи г-жи Савиной), то нѣсколько семействъ вышли изъ ложъ и оставили театръ.

пріѣхать въ столицу, но написавшій дѣйствительно хорошую пьесу, въ которую онъ увѣровалъ, которой отдалъ нѣсколько лѣтъ своей жизни и направилъ затѣмъ „въ Петербургъ, въ дирекцію театровъ?..“ Вотъ для такихъ авторовъ и разсказана вся эта исторія. А затѣмъ, смѣю думать, исторію эту слѣдовало бы, выражаясь канцелярскимъ слогомъ, имѣть въ виду и той комиссіи по общему пересмотру законовъ о театрѣ и о зрѣлищахъ, которая недавно учреждена. Вѣдь такая аномалія въ порядкахъ лучшихъ столичныхъ театровъ существовать долѣе едва ли должна: это одинаково невыгодно, какъ для авторовъ, такъ и для дирекціи,—и для прекращенія такого прискорбнаго, чисто-анекдотическаго порядка вещей легко можетъ послужить упомянутая комиссія, которой и предстоитъ, прежде составленія положеній объ измѣненіи и дополненіи дѣйствующихъ по театральному дѣлу постановленій, собрать воедино всѣ обширные матеріалы по этому предмету, привести ихъ въ порядокъ и въ систему,— и тогда только приняться за ихъ разработку и квалификацію, откидывая всѣ архаизмы, установленные во времена бывшей монополіи казенныхъ театровъ въ нашихъ столицахъ, и оставляя для будущаго „положенія о театрахъ“ лишь то, что соотвѣтствуетъ дѣйствительной жизни, потребностямъ русскаго народа и его неотразимому влеченію къ зрѣлищамъ, могущимъ, какъ это доказано теперь воочію, отвлечь его, хотя отчасти, отъ пьянства, служащаго началомъ всѣхъ другихъ его пороковъ: лѣни, жестокосердія, воровства, буйства, и пр. Но только будетъ большою ошибкою, если учреждаемая комиссія ограничится, главнымъ образомъ, регламентаціей столичныхъ зрѣлищъ, между тѣмъ какъ болѣе чѣмъ стомилліонное населеніе остальной Россіи нуждается въ зрѣлищахъ и въ упорядоченіи ихъ еще больше, чѣмъ столичный людъ, имѣющій уже множество таковыхъ развлеченій въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, начиная съ смотровъ и парадовъ

и кончая садами, Народнымъ домомъ, масляничными и пасхальными балаганами и даровыми, или же очень дешевыми представленіями, устраиваемыми специально для народа же. Въ провинціи же, въ особенности въ богатыхъ, торговыхъ и фабричныхъ селахъ, имѣющихъ часто до пяти и болѣе тысячъ жителей, единственнымъ развлеченіемъ служитъ „винная лавка", да и въ той теперь сидѣть и прохлаждаться не дозволено. Спрашивается: куда дѣвать свой досугъ и часы отдыха этимъ ста милліонамъ непокладныхъ тружениковъ земли Русской?.. Почему это всѣ антрепренеры направляютъ свою дѣятельность исключительно въ города, и затѣмъ болѣе половины разоряются и бросаютъ свои несчастныя труппы на произволъ судьбы?..

Болѣе 40 лѣтъ я прожилъ въ провинціи и на многое насмотрѣлся по этой части. Меня всегда поражало то приниженное и безправное положеніе, въ какомъ находятся провинціальныя труппы: каждый полиціймейстеръ, каждый исправникъ распоряжается репертуаромъ, требуетъ „процензурованныя" пьесы, является за кулисы, третируетъ несчастныхъ артистовъ en canaille, покушаясь иногда на оскорбительное покровительство артисткамъ... И это—въ городахъ! Что же продѣлаетъ съ маленькою труппою въ селѣ становой приставъ, или малограмотный полицейскій урядникъ?!. Вотъ поэтому-то и желательно, чтобы въ число членовъ комиссіи попадали не одни люди канцелярій и департаментовъ и отставные „завѣдывавшіе ремонтировочною частью" казенныхъ театровъ, но и люди, любящіе театръ, какъ святыню, какъ благо, для которыхъ исусство представляется высокою, прекрасною богиней, а не дойною коровой... И такъ странно, что въ этой „комиссіи" не встрѣчается представителя отъ общества драматическихъ писателей, нѣтъ даже ни одного писателя-драматурга, если не считать товарища предсѣдателя совѣта русскаго театральнаго общества, г. Плющика, написавшаго или переведшаго нѣсколько никому невѣдомыхъ водевилей.

Театру, очевидно, довлѣетъ стать дѣломъ государственной важности, которому суждено, въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ, сыграть величайшую просвѣтительную роль—главное, для народа,—въ смыслѣ ознакомленія съ драматическими произведеніями, въ коихъ изображены прекрасные и благородные порывы души человѣческой, въ смыслѣ уничтоженія въ немъ дикаго, сугубаго суевѣрія и смягченія его грубыхъ и жестокихъ нравовъ. И только тогда, когда частные театры въ провинціи станутъ внѣ всякихъ случайностей и произвола, когда они будутъ находиться подъ защитою разумной регламентаціи, и ихъ судьба будетъ неразрывно связана любовными узами съ самимъ народомъ, а ихъ процвѣтанію станутъ чужды робкія опасенія за свое существованіе, — только тогда они явятся истинными свѣточами въ исторіи просвѣщенія темнаго русскаго народа. Вѣдь по качеству и количеству зрѣлищъ принято судить о степени интеллектуальнаго развитія страны въ данный моментъ; и само правительство, повидимому, признало это, всячески способствуя устроенію общедоступныхъ народныхъ театровъ. Учрежденной комиссіи предстоитъ, слѣдовательно, лишь продолжить этотъ благой починъ, облегчивъ возможность созданія таковыхъ же зрѣлищъ и въ провиніци.

На этомъ я и закончу свой первый очеркъ русскихъ театровъ давняго времени въ нѣкоторой связи съ ихъ настоящимъ. Смѣю надѣяться что читатели не посѣтуютъ на меня за это невольное — по ходу разсказа—соединеніе прошлаго съ настоящимъ.

НОЧЬ ПОДЪ РОЖДЕСТВО.

Памятная ночь подъ Рождество.

(Изъ воспоминаній).

Это было очень давно — въ 50-хъ годахъ, во время моего отрочества, когда мнѣ было 15 лѣтъ, и я учился въ тамбовской губернской гимназіи.

Случилось такъ, что насъ, гимназистовъ, „распустили" всего лишь за три дня до праздника, — и мнѣ предстояло ѣхать за сто слишкомъ верстъ, въ имѣніе покойнаго отца, въ село Карай-Пущино, Кирсановскаго уѣзда, гдѣ проживали тогда мои родные — отецъ, мачеха и сестры. За мною, въ Тамбовъ, прислали—на парѣ лошадей въ саняхъ съ вéрхомъ—конюха Платона, котораго я особенно любилъ, и который замѣнялъ иногда кучера. Такимъ образомъ, ѣхать мнѣ приходилось на долгихъ, то-есть, на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, безъ смѣны, останавливаясь въ пути для кормежки лошадей и для ночлега, а такъ какъ зимніе дни въ это время бываютъ, какъ извѣстно, очень короткіе, то предстоявшій мнѣ путь долженъ былъ занять около двухъ сутокъ. Рождество въ томъ году приходилось въ понедѣльникъ; а такъ какъ насъ отпустили лишь въ пятницу, послѣ классовъ, въ $2^1/_2$ часа, то пока я пришелъ на квартиру, пообѣдалъ и пока запрягли лошадей, было почти уже темно; тѣмъ не менѣе, мы все-таки успѣли отъ-

ѣхать отъ Тамбова 30 верстъ и пріѣхали на ночлегъ въ село Разсказово, на постоялый дворъ, гдѣ всегда останавливались.

На другой день, мы выѣхали чуть только стало разсвѣтать. Намъ надо было свернуть изъ Разсказова, то-есть съ большого сибирскаго тракта, вправо, на проселочную дорогу, ведущую на село Курдюки. Дорога эта была такъ мало накатана и снѣгъ на ней былъ такой рыхлый, что лошади то и дѣло проваливались въ него по колѣна... Проѣхали мы верстъ 14, не болѣе, а ужь лошади видимо устали, стали засѣкаться и потѣть. Приходилось, въ виду этого, ѣхать шагомъ, и мы прибыли въ Курдюки во второмъ лишь часу, проѣхавъ всего 32 версты. Въ Курдюкахъ жила наша дальняя родственица, „старосвѣтская помѣщица“ Е. И. С—ова, у которой мы и остановились покормить нашихъ измученныхъ лошадей и дать имъ отдохнуть. Но пока выкормились наши лошади, а хлѣбосольная хозяйка угощала меня постнымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ такихъ затѣйливыхъ и мудреныхъ блюдъ, которымъ теперь я не помню и названій,—на дворѣ стало „примеркать“, и бабушка, какъ я величалъ добродушную старушку Елисавету Ивановну, ни за что не хотѣла отпустить меня „на ночь глядя“, приводя всевозможные для этого резоны: и предстоящую плохую дорогу, и наступающую ночь, и усталость лошадей... Въ переднюю господскаго дома былъ приглашенъ на совѣтъ и мой кучеръ Платонъ, который тоже, повидимому, соблазнялся перспективной пріятнаго спанья въ гостяхъ, въ теплой людской, въ обществѣ многочисленной дворни, съ которой онъ былъ давнымъ-давно знакомъ.

— Что-жь, въ самомъ дѣлѣ, намъ въ ночь-то выѣзжать! —говорилъ Платонъ:—осталось-то намъ всего какихъ-нибудь верстъ сорокъ... Авось, Господь дастъ, доѣдемъ завтра къ обѣду. А впрочемъ, какъ прикажете, — дипломатически заключилъ покорный и немножко лукавый

крѣпостной слуга.—Ежели угодно, то могимъ и сейчасъ выѣхать; лошадки, хоша и устамши, а повезутъ помаленку...

Это „устамши“ и „помаленьку“, и завтрашнее „авось“ подѣйствовали на меня самымъ убѣдительнымъ образомъ; а тутъ еще насѣла и „бабушка“:

— Вотъ видишь, милый! ну, куда ты ночью поѣдешь? Да я просто не пущу тебя—велю запереть твоихъ лошадей въ конюшнѣ... Оставайся, голубчикъ!

И я смалодушествовалъ—остался.

Уложенный на ночь въ пухлую гору, называемую пуховою периной, я проспалъ сномъ беззаботной молодости до восьми слишкомъ часовъ. Затѣмъ начался чай, къ которому напекли цѣлое блюдо какихъ-то постныхъ, но очень вкусныхъ, съ медомъ, оладьевъ, потомъ подавали какую-то селянку, потомъ еще что-то,—и я долженъ былъ все это пробовать и ѣсть, въ качествѣ „дорожнаго человѣка, которому это разрѣшается“... „Бабушка“ же ничего въ ротъ не брала, рѣшившись, по принятому въ тотъ день обычаю, „дожидать звѣзды“...

И выѣхалъ я изъ села Курдюковъ, отъ гостепріимной родственницы, часовъ въ десять слишкомъ... Едва только я усѣлся въ сани, и мы выѣхали за село, какъ Платонъ, обернувшись ко мнѣ лицомъ и тряхнувъ какъ бы съ укоризною головой, проговорилъ:

— А вѣдь мы маленько прошиблись...

— Что такое?—тревожно спросилъ я.

— А вы развѣ не видите: заметать начало...

Я оглянулся вокругъ: „степь раздольная“ раскинулась безконечною снѣговою пустыней,—ни деревушки какой-нибудь не видать, ни даже одинокаго деревца; безбрежное бѣлое море—и только... Но въ этомъ морѣ творилось уже что-то неладное: какъ въ дѣйствительномъ морѣ, передъ бурею, на волнахъ появляются внезапно такъ-называемые „зайчики“—бѣлая, массовая пѣна,—такъ и здѣсь, пока еще только по самому низу, по снѣгу, что-то какъ будто ку-

рилось, дымилось... Мельчайшій, какъ водяная пыль, снѣжокъ поднимался снизу, и тотчасъ же разлетался по снѣгу, пока еще не поднимаясь вверхъ...

— Охъ, метелица будетъ!—вздохнувъ, произнесъ Платонъ,—и ударилъ по лошадямъ:—ну, вы, нечесаныя!.. Пошевеливайтесь!..

Дорога оказалась еще тяжелѣе, чѣмъ была наканунѣ: она уже покрывалась понемногу свѣжимъ снѣжкомъ, навѣваемымъ метелью... Вначалѣ, наши лошади, выкормленныя и отдохнувшія, бѣжали бодрою рысью, но это продолжалось не болѣе какого-нибудь часа; затѣмъ, когда сани пошли по дорогѣ, все болѣе и болѣе заносимой свѣжимъ снѣгомъ, лошади двигались шагомъ и стали, видимо, уставать... А между тѣмъ, метель началась уже настоящая: не только снизу, но уже и сверху неслись цѣлыя облака мельчайшей снѣжной пыли, завылъ и загудѣлъ вѣтеръ; повозка, лошади и кучеръ быстро были покрыты бѣлымъ снѣговымъ саваномъ.... А я сидѣлъ въ повозкѣ совершенно беззаботный и ничего не боящійся, не понимая опасности и подумывая лишь о томъ, какъ пріятно буду проводить рождественскіе праздники подъ родимымъ кровомъ, какъ буду веселиться на незатѣйливыхъ „балахъ“ и вечерахъ окрестныхъ помѣщиковъ...

Чтобы снѣгъ не попадалъ внутрь повозки, гдѣ я сидѣлъ, и чтобы не продувалъ меня вѣтеръ, Платонъ заботливо опустилъ кожаный верхъ кибитки-саней, и я, подъ однообразный скрипъ желѣзныхъ полозьевъ по снѣгу и мелодическое громыханіе привязанныхъ къ головамъ лошадей бубенчиковъ, крѣпко заснулъ.

Сколько времени я спалъ—не знаю, такъ какъ часовъ у меня не было; но я проснулся отъ усиленнаго тормошенья Платона, который едва-едва разбудилъ меня. Когда я открылъ глаза и опомнился, то увидѣлъ, что на степи было темно, лошади не двигались съ мѣста, а ноги мои, обутыя не совсѣмъ-то тепло, застыли, задеревенѣли и ныли...

— Дѣло плохо: мы сбились съ дороги,—упавшимъ голосомъ проговорилъ Платонъ... — А вы не зазябли ли? участливо спросилъ онъ меня.

Я объяснилъ ему, что уже едва-едва могу шевелить ногами...

— Ахъ, Господи! вотъ бѣда-то! — отвѣчалъ онъ, и тотчасъ же предложилъ мнѣ выйти изъ саней и идти за ними слѣдомъ, чтобы хотя немножко размять и согрѣть замерзающія ноги. Какъ только я вышелъ изъ саней и сталъ позади нихъ, Платонъ тронулъ лошадей, и онѣ пошли крупнымъ шагомъ, такъ что я едва-едва поспѣвалъ за ними. Черезъ какую-нибудь четверть часа я почувствовалъ, что ноги мои, дѣйствительно, какъ будто оживаютъ и чуть-чуть согрѣваются; мнѣ показалось также, что и самый морозъ становится замѣтно слабѣе; но въ то же время, отъ быстрой ходьбы по снѣгу я сталъ совсѣмъ изнемогать и, наконецъ, такъ ослобѣлъ, что дальше уже идти не могъ. Я подбѣжалъ къ Платону, шедшему съ вожжами въ рукахъ, рядомъ съ санями, и сказалъ ему объ этомъ. Онъ остановилъ лошадей, быстро усадилъ меня въ сани, снялъ съ себя суконный армякъ, надѣтый сверхъ полушубка, и закуталъ въ него мои ноги. Такимъ образомъ, мы путались по степи, должно быть, еще часа два... Наконецъ, лошади выбились окончательно изъ силъ—и стали.

— Намъ здѣсь ночевать придется,—проговорилъ Платонъ едва слышнымъ голосомъ, подойдя къ кибиткѣ и поднявъ ея кожаный верхъ.

— Ну, что-жь, ночуемъ, — отвѣчалъ я, хорошо уже, наконецъ, понявшій всю безвыходность и опасность нашего положенія...

— Вы только смотрите, барчукъ, не засните! — предостерегающимъ, строгимъ тономъ проговорилъ мой спутникъ. — А какъ только лошади маленько отдохнутъ и поѣдятъ сѣнца, мы поѣдемъ дальше.

Онъ живо отпрягъ лошадей, поставилъ ихъ головами

къ повозкѣ, накрылъ попонами и положилъ предъ ними веревочный вяхель, бывшій сзади повозки, въ которомъ было сѣно. Затѣмъ, онъ снова подошелъ ко мнѣ:

— Я пойду по сторонамъ: можетъ быть, Богъ дастъ, найду дорогу... А вы, смотрите же, не засните безъ меня!— еще разъ предостерегъ онъ меня.

И Платонъ въ скорости скрылся совсѣмъ изъ глазъ въ темнотѣ ночи. Я остался одинъ. Я припомнилъ въ это время, что читалъ ранѣе какой-то разсказъ, въ которомъ замерзающему человѣку страшно хотѣлось спать, но онъ не поддался этому опасному желанію—и спасся. Поэтому, я всячески старался тоже не уснуть, но едва-едва пересиливалъ свое желаніе: голова моя кружилась, глаза такъ и слипались...

Черезъ часъ или, можетъ быть, немного меньше вернулся Платонъ.

— Вы не спите?—былъ первый его вопросъ.

Я отвѣчалъ, что нѣтъ.

— Не нашелъ я дороги!—съ тяжелымъ вздохомъ проговорилъ онъ.

— Что-жь мы теперь будемъ дѣлать?—съ нескрываемымъ уже страхомъ спросилъ я.

— Теперь, барчукъ... надо Богу молиться... Вотъ что!— отвѣтилъ Платонъ подавленнымъ голосомъ, въ которомъ слышалось полное отчаяніе и не менѣе полная покорность волѣ Божіей.

И онъ взялъ длинныя веревки, на которыхъ шла гусевая лошадь, и, поднявъ оглобли кверху, такъ и привязалъ ихъ къ санямъ стоймя.

— Зачѣмъ ты это? — спросилъ и.

— А какъ же иначе-то?... Вѣдь завтра, чуть только станетъ разсвѣтать, изъ селъ поѣдутъ по степи отыскивать, кого вотъ такъ-то занесетъ снѣгомъ... Какъ ни занесетъ, а оглобли-то все-таки видать будетъ... Ну, авось, Господь дастъ, и откопаютъ... Намъ ничего не случится:

вы не пужайтесь, подъ снѣгомъ-то намъ еще теплѣй будетъ...

Но я понялъ, что онъ это старается только успокоить меня, подбодрить,—и что смерть наша очень близка. Ноги мои вновь стали деревенѣть; вновь стало меня клонить ко сну. Я смутно помню, что Платонъ сѣлъ со мною рядомъ въ кибитку, зацѣпилъ на крючки фартукъ и крѣпко прижался ко мнѣ, стараясь согрѣть.

Въ это время мы вдругъ услышали, ясно-ясно, ударъ колокола... и еще, и еще... Удары были мѣрные, гулкіе, продолжительные. Платонъ быстро выпрыгнулъ изъ кибитки, снялъ шапку и началъ креститься.

— Слава тебѣ, Господи! слава Творцу небесному! слава тебѣ, Боже нашъ!—громко молился онъ, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

И я тоже, снявъ свой гимназическій картузъ, шепталъ молитву и крестился...

Удары колокола—это былъ обычный сигнальный звонъ, производимый во время метели, въ особенности въ ночное время, во всѣхъ степныхъ селахъ нашей Тамбовской губерніи.

Платонъ живо запрягъ лошадей, которыя тоже какъ-будто подбодрились немного и тронулись съ мѣста даже легкой рысцой. Мы взяли направленіе прямо на продолжавшіе раздаваться, хотя и рѣже, удары колокола. Не болѣе, какъ минутъ черезъ 15—20, лошади уперлись въ какой-то плетень—и стали. Оказалось, мы попали на чье-то гумно... Платонъ соскочилъ съ облучка, побѣжалъ на нѣсколько минутъ въ сторону и нашелъ какой-то узенькій переулокъ, въ который мы, минуя высокіе сугробы снѣга, и въѣхали... Еще нѣсколько минутъ—и мы подъѣхали къ чьей-то избѣ, гдѣ свѣтился огонь, а на дворѣ послышался громкій собачій лай...

Это было, какъ оказалось, село Кипецъ, отстоявшее отъ нашего имѣнія всего въ четырехъ верстахъ,—и съ

колокольни этого-то села и былъ тотъ сигнальный звонъ церковнаго колокола, который спасъ насъ.

Хозяинъ избы, куда мы вошли, узнавъ въ чемъ дѣло, досталъ гдѣ-то водки, я разулся — и мнѣ растерли ноги. Черезъ полчаса, я уже спалъ на полатяхъ избы, гдѣ было гораздо теплѣе, чѣмъ внизу на лавкахъ, — и спалъ мертвымъ, крѣпкимъ сномъ молодости.

Утромъ я уже былъ дома, гдѣ покойный отецъ и сестры сильно безпокоились обо мнѣ, догадываясь, что насъ въ степи захватила метель.

На мое здоровье это происшествіе не имѣло, къ счастію, никакого вліянія. Я только не люблю съ тѣхъ поръ русское „авось“, — и, какъ только слышу это слово, такъ всегда вспоминаю, что, благодаря ему, едва не замерзъ въ тамбовской степи.

СКАЗКА О МИТЯЯХЪ.

„Сказка о Митяхъ“.

1862—1863 гг.

(Изъ записокъ и воспоминаній).

Въ 1863 году, я жилъ въ Москвѣ и, въ качествѣ вольнослушателя, посѣщалъ тамошній университетъ. Въ это время мнѣ довелось познакомиться со многими студентами университета, а черезъ нихъ и съ нѣкіимъ В. И. Дементьевымъ, личностью довольно оригинальною и рѣдкостною. Онъ былъ уроженцемъ Владимірской губерніи, воспитывался въ тамошней семинаріи и затѣмъ попалъ какими-то судьбами къ историку Погодину; у него онъ имѣлъ комнату со столомъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря и въ то же время разбиралъ и приводилъ въ порядокъ обширное хранилище рукописей, книгъ и записокъ, принадлежавшихъ историку, находившемуся въ то время въ отставкѣ, такъ какъ его каѳедру въ университетѣ занималъ уже С. М. Соловьевъ. Всѣ многочисленныя обязанности, возложенныя Погодинымъ на Дементьева, послѣдній исполнялъ, не покладая рукъ, безропотно и почти, можно сказать, безкорыстно, такъ какъ Погодинъ, какъ извѣстно, былъ на расплату вообще очень тугъ; но дѣло въ томъ, что въ работѣ Дементьева бывали иногда совершенно неожиданные антракты и заминки. Этотъ скром-

ный и добрѣйшей души труженикъ былъ, къ несчастію, подверженъ запоямъ, и когда наступало это время, то онъ отъ Погодина исчезалъ, и никакія силы, а равно и никакія ухищренія, придумываемыя почтеннымъ историкомъ, не догли удержать Дементьева въ домѣ и на его квартирѣ: онъ находилъ особенное удовольствіе пить именно въ кабакѣ, улетучивался и возвращался обыкновенно черезъ нѣсколько дней, „яко благъ, яко нагъ", какъ говорится: то-есть безъ верхней одежды, а иногда безъ сюртука и безъ сапогъ: все это спускалось въ какомъ-нибудь отдаленномъ отъ Дѣвичьяго Поля (гдѣ былъ домъ-особнякъ Погодина) кабакѣ. Въ ближайшіе же кабаки Дементьевъ никогда не захаживалъ, не желая компрометировать хозяина дома, котораго хорошо знали въ этой мѣстности Москвы.

И вотъ, какъ только возвращался Дементьевъ къ своему принципалу, Погодинъ первымъ дѣломъ читалъ ему длиннѣйшую мораль о вредѣ пьянства, усовѣщевалъ его и стыдилъ, а затѣмъ посылалъ своего дворника на толкучку, откуда и являлись продавцы съ подержаннымъ платьемъ и одѣвали этого несчастнаго человѣка съ головы до ногъ—до перваго, конечно, новаго запоя.

Никакого жалованья Дементьеву расчетливый Погодинъ наличными не платилъ, ставя лишь ему въ счетъ это ежемѣсячное обмундированіе и выдавая иногда, въ видѣ особой милости, по нѣскольку рублей на табакъ, бѣлье и другіе карманные расходы.

Однажды, осенью 1863 года, у Погодина случилась какая-то большая и спѣшная работа, а у Дементьева какъ разъ подошелъ запой. Онъ бросилъ работу и исчезъ изъ дома. Погодинъ на этотъ разъ такъ разсердился, что приказалъ дворнику и остальной прислугѣ не впускать болѣе Дементьева ни въ домъ, ни даже во дворъ, въ случаѣ, если онъ возвратится. По прошествіи нѣсколькихъ дней, Дементьевъ, не зная о сдѣланномъ насчетъ его распоряженіи, вернулся, а такъ какъ это было ночью, и на его стукъ въ запертую калитку никто не вышелъ, то онъ, отодвинувъ подворотню, пролѣзъ въ нее, вошелъ на дворъ, затѣмъ въ незапертыя сѣни дома и преспокойно расположился въ нихъ спать на коникѣ, покрытомъ ковромъ. Утромъ Погодинъ, просыпавшійся всегда рано, увидѣлъ изъ окна своего кабинета, что подворотня не на мѣстѣ; онъ вышелъ въ сѣни, чтобы пройти во дворъ, и тутъ увидѣлъ Дементьева, крѣпко спавшаго въ его обыкновенномъ послѣ запоя видѣ, то-есть одѣтаго яко благъ, яко нагъ, и утратившаго образъ человѣческій—съ опухшимъ лицомъ, съ расклохмаченною черною бородою и таковыми же волосами, которые онъ носилъ всегда до плечъ. Погодинъ сжалился надъ Дементьевымъ и на этотъ разъ: оставилъ у себя попрежнему, одѣвъ снова съ головы до ногъ.

На Большой Дмитровкѣ, въ домѣ графини Ностицъ, имѣлись въ тѣ времена меблированныя комнаты, въ которыхъ жило нѣсколько земляковъ Дементьева, а также нѣсколько студентовъ и начинающихъ литераторовъ: жилъ покойный Николай Михайловичъ Богомоловъ, нынѣ здравствующіе А. Р. Милорадовичъ (занимавшій впослѣдствіи видную должность въ земствѣ Черниговской губерніи), М. Н. Милюковъ, Н. В. Лысцевъ и другіе; жилъ въ этихъ комнатахъ и я. Почти всѣ жильцы были между собою, въ силу молодости и присущей ей общительности, знакомы и даже живо знакомились съ тѣми, кто часто приходилъ къ кому-нибудь изъ насъ; а такъ какъ Дементьевъ часто похаживалъ къ одному изъ земляковъ, жившему въ этихъ комнатахъ, начинающему въ то время литератору Ф. Нефедову (Уводину), то въ скорости съ нимъ познакомились и мы всѣ. Приходилъ онъ всегда трезвый, бѣдно, но прилично одѣтый, и почти всегда приносилъ съ собой для показа намъ что-нибудь интересное изъ книгохранилища покойнаго Погодина. Это „интерес-

ное“ заключалось въ то время для насъ, молодыхъ людей, главнымъ образомъ, въ плодѣ запрещенномъ, то-есть въ томъ, что или попадало въ Россію изъ-за границы, или же было секвестровано мѣстною цензурою,—въ то время, въ эпоху польскаго возстанія, особенно строгою. Много таковыхъ запретныхъ вещей попадало какимъ-то путемъ къ Погодину, а Дементьевъ приносилъ ихъ для прочтенія намъ. И вотъ, однажды, такимъ именно путемъ и попала къ намъ „Сказка о Митяяхъ“. Къ Погодину же она попала, по словамъ Дементьева, слѣдующимъ образомъ.

Такъ какъ подчинить человѣческую мысль цензурнымъ правиламъ и инструкціямъ было, конечно, довольно трудно— въ смыслѣ предугаданія всѣхъ цензуронарушеній,—то время отъ времени продѣлывался слѣдующій пріемъ: независимо отъ случаевъ, когда сочиненіе, признанное цензурнымъ комитетомъ in corpore особенно ядовитымъ или зловреднымъ, автору не возвращалось вовсе, а секвестровалось, оставаясь „при дѣлахъ комитета“ и поступая затѣмъ въ архивъ, — практиковалась еще и такая мѣра: сочиненіе, особенно характерное, могущее служить для господъ цензоровъ наглядною, такъ сказать, инструкціею, печаталось въ опредѣленномъ количествѣ экземпляровъ и разсылалось во всѣ цензурные комитеты для преподанія цензорамъ указанія, дабы ими отнюдь не было пропускаемо „что-либо подобное“... И вотъ, въ число такихъ инструкцій, въ видахъ воспрещенія вреднаго образа мыслей, воплощенныхъ въ формѣ сочиненія, попала и „Сказка о Митяяхъ“, одинъ экземпляръ которой очутился въ книгохранилищѣ Погодина. „Сказка“ была написана, очевидно, ко времени тысячелѣтія Россіи, недавно, тогда, въ 1862 г., только что исполнившагося и торжественно отпразднованнаго въ Новгородѣ. Имя автора обозначено на „Сказкѣ“ не было, и я узналъ о немъ, лишь 23 года спустя, о чемъ и разскажу ниже.

Дементьевъ, принеся намъ эту интересную „Сказку“, самъ же и прочелъ ее для насъ вслухъ; онъ читалъ очень хорошо, хотя, какъ владимірецъ, и произносилъ нѣкоторыя слова, упирая на букву „о“. Всѣмъ намъ эта сказка очень понравилась, и многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и я, переписали ее.

Прошло затѣмъ 9 лѣтъ. Однажды, въ началѣ 1872 года, въ Москвѣ, на одинъ изъ пятницкихъ журфиксовъ редакціи журнала „Бесѣда“, устраивавшихся въ квартирѣ редактора, Сергѣя Андреевича Юрьева, явился артистъ московскаго Малаго театра, покойный А. Ф. Ѳедотовъ, и прочелъ эту сказку. Въ качествѣ сотрудника названнаго журнала, присутствовалъ на этомъ вечерѣ и я. Покойный Юрьевъ рѣшилъ напечатать сказку, такъ какъ она, въ сущности, кромѣ интереснаго, живого и характернаго описанія мірского схода, ничего зловреднаго не представляла, если не считать добродушнаго и въ высшей степени комичнаго подтрунивания русскаго мужичка надъ „нѣмцемъ“, котораго онъ же наивно посадилъ себѣ на спину. Но издатель журнала, бывшій питейный откупщикъ, славянофилъ Кошелевъ, положительно воспротивился напечатанію „Митяевъ“, изъ опасенія, что книжку могутъ задержать, а, пожалуй, и сжечь, по примѣру только-что сожженной передъ тѣмъ книжки той же „Бесѣды“ [1]). Такъ въ то время „Сказка“ и не попала въ печать.

Прошло затѣмъ еще 14-ть лѣтъ... Въ мартѣ 1886 года, въ Петербургѣ, въ квартирѣ покойнаго редактора „Недѣли“ П. А. Гайдебурова на Ямской, въ одно изъ воскресеній, былъ обычный журфиксъ; были, по бо́льшей части, сотрудники „Недѣли“—покойные Д. В. Григоровичъ, А. Н. Плещеевъ, О. И. Юзовъ, Ватсонъ, пріѣхавшій изъ Самары В. О. Португаловъ, а также и понынѣ здравствующіе Ѳ. Ѳ.

[1]) Въ тѣ времена, т.-е. тридцать лѣтъ назадъ, для безцензурныхъ журналовъ не существовала теперешняя мѣра—изъятіе изъ книги лишь одной, признанной неудобною, статьи, а уничтожалась, то-есть сжигалась, вся книжка цѣликомъ.

Воропоновъ, П. О. Морозовъ, П. И. Вейнбергъ, Султанъ-Крымъ-Гирей и многіе другіе. За ужиномъ кто-то заговорилъ о „Сказкѣ о Митяяхъ“... Оказалось что бо́льшая часть присутствующихъ знали о существованіи этой сказки, а Португаловъ разсказалъ кое-что и объ ея авторѣ: таковымъ оказался нѣкто Гулевичъ, но не разсказчикъ, а богатый малороссійскій помѣщикъ, страдавшій удивительною и роковою страстью — взбираться на высокія, обрывистыя скалы, а также на башни и неубранные лѣса вокругъ строящихся церквей и домовъ... Родная сестра Гулевича, нѣжно его любившая, сопровождала своего несчастнаго брата повсюду, и однажды въ Крыму ей удалось-таки спасти его отъ внезапно явившагося у него непреодолимаго желанія спрыгнуть со скалы... Но позже, въ Швейцаріи, этотъ несчастный маньякъ какъ-то сумѣлъ разъ обмануть бдительность сестры—ушелъ тайкомъ изъ дома, забрался въ Альпахъ на одну изъ горъ и прыгнулъ въ глетчеръ... Такимъ образомъ, я узналъ тогда имя автора „Сказки о Митяяхъ“ и его трагическую судьбу, которая, какъ оказалось, хорошо была извѣстна и П. А. Гайдебурову, малороссу же; но изъ разговоровъ выяснилось, что ни у него и ни у кого изъ присутствовавшихъ гостей не сохранилось списка этой „сказки“; я объяснилъ, что онъ у меня есть, и обѣщалъ выслать — собственно Гайдебурову, который хотѣлъ напечатать „Митяевъ“ въ своихъ книжкахъ „Недѣли“.

Въ то время я былъ въ Петербургѣ гостемъ: жилъ я далеко, на одной изъ окраинъ Россіи, гдѣ были и моя библіотека, и мой архивъ. По пріѣздѣ изъ Питера я, однако, не нашелъ у себя „Митяевъ“ и не могъ, поэтому, исполнить желаніе покойнаго редактора „Недѣли“. Но вотъ недавно, въ концѣ минувшаго года, желая нежножко поуменьшить различный печатный и письменный хламъ, накопившійся за нѣсколько десятковъ лѣтъ въ моемъ архивѣ, я принялся за болѣе тщательную разборку его и

совершенно случайно нашелъ исчезнувшую „Сказку“, каковую и привожу здѣсь почти полностью, такъ какъ въ ней собственно нѣтъ рѣшительно ничего, что бы теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ праздника тысячелѣтія Россіи, могло показаться насмѣшкой или глумленіемъ, какъ это, повидимому, показалось тогда, въ 1862 году, черезчуръ уже осторожнымъ господамъ Аристархамъ. Очевидно, другія времена были, другіе нравы и люди.

„Сказка о Митяяхъ“.

«Тысяча лѣтъ—яко день единъ!»...

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ... то-есть, ни государства, ни царства не было, — противъ неба на землѣ, жили да были — дядя Митяй, да дядя Митяй... Два Митяя, значитъ... У каждаго было по женкѣ: у одного тетка Акулина, у другого тетка Ѳедосья...

Жили они мирно—то-есть, душа въ душу, и кромѣ нихъ, въ той землѣ больше никого не жило... пустырь, значитъ, былъ: лѣса дремучіе, да степи раздольныя, да рѣки многоводныя — вотъ и все... да въ лѣсахъ медвѣди и всякіе звѣри.

Долго ли, коротко ли жили Митяи—только начали дѣтей плодить. Пошли тетки дѣтей рожать, и народили премногое множество, и все Митяями зовутъ да Акульками... Старики померли; молодые подросли — пошли сами дѣтей плодить и наплодили силу великую—цѣлое царство... Какъ только это наплодились, — собрались Митяи на сходку и говорятъ:

— Что̀ таперича дѣлать будемъ?

— Извѣстно, что... таперь жить будемъ...

Ну, и зажили.

Только, видно, въ несчастный часъ они уродились... нѣтъ имъ житья!.. Жили они, значитъ, все по родамъ:

наплодилъ, примѣрно, какой ни на есть Митяй—Митяевъ, оженилъ ихъ, добылъ внуковъ тамъ разныхъ, чего другого-прочаго, и жилъ со всей этой обузой; а ужъ его не трожь — онъ, значитъ, родъ былъ, особнякъ... У другого такая-жь обуза была, у третьяго тожь, у четвертаго... Народъ былъ бѣдовый... Боже упаси!.. Жили вмѣстѣ — мало ли что бываетъ;—ну, и грызлись...

Грызутся промежь себя, другъ дружкѣ салазки правятъ, подъ микитки угощаютъ, не забываютъ, значитъ, и рожества... больно въ этой наукѣ произошли... просто, бѣда!

Не въ моготу стало... Собрались опять на сходку потолковать. Толкуютъ...

— А вѣдь, братцы, это нехорошее дѣло—брань...

— Вѣстимо, что̀ и говорить!..

— Значитъ, конецъ положить этому надо...

— Положить, безпремѣнно положить!..

— Въ мирѣ, значитъ, жить слѣдуетъ!

— И въ согласіи...

— Извѣстно, и въ согласіи тожь.

— Потому, зазорно выходитъ..

— Какъ не зазорно!

Порѣшили жить въ согласіи; на томъ и разошлись.

Проходитъ день, другой... Хватилъ одинъ Митяй полугару (у нихъ, пока, откуповъ не было, и полугаръ былъ въ силѣ), поругался съ другимъ, третьему зубы почистилъ.. Еще день — опять драка... и пошло́, и пошло̀... Стонъ стоитъ надъ митяйною землею, живой души нѣтъ, чтобъ съ фонарями не ходила... задоръ въ силу вошелъ, руки раззудѣлись. Была потѣха удалымъ бойцамъ, славнымъ молодцамъ!..

Однако, видятъ Митяи, дѣло дрянь, этимъ ничего не наживешь, окромя развѣ зуботычинъ... Собрались опять на сходку... Старики говорятъ:

— А вѣдь, братцы, такъ ничего не выйдетъ?..

— Куда, выйти!.. не выйдетъ... Какъ есть, ничего не выйдетъ!..

— Не выйдетъ!.. заорали.

— Ну, такъ, какъ же?

Молчатъ—думаютъ... Потомъ, говорятъ голоса:

— Какъ, значитъ, міръ присудитъ, такъ и быть!

— Извѣстно, міръ какъ присудитъ...

— Міръ присудитъ!.. намеднись, міръ присудилъ жить въ согласіи, а что̀ вышло?.. Вонъ, Митяю-кривому Митяй-косой чутье расквасилъ, на весь вѣкъ несчастнымъ сдѣлалъ... Митяю-благочестивому ребра обломали...

— Да мало ли!.. Моей Акулькѣ Митяй-со-свистомъ ухо прочь оторвалъ...

— Вотъ тѣ и міръ!..

Молчатъ...

— Нѣтъ, братцы, тутъ съ міромъ ничего не подѣлаешь...

— Не подѣлаешь ничего!..

— Что̀ подѣлаешь!.. добавили.

— Такъ какъ же быть?..

— Оставаться такъ нельзя...

— Какъ можно!..

— Вѣстимо, нельзя...

— Значитъ, рѣшить нужно, ка̀къ быть?..

— Рѣшить, рѣшить!..

Пошли рѣшать. Толкуютъ, толкуютъ... ажно взопрѣли...

— То-ись, страмъ одинъ, житье наше горькое!—оралъ Митяй-сивобородый:—и дня-то не проходитъ, чтобъ страму не было!..

— Да ты чего орешь-то!—крикнулъ Митяй-поджарый:— небось, самъ страму не творилъ?..

— А тебѣ дѣло?

— Дѣло!.. Другихъ коришь, а самъ...

— А кто намедни, — вмѣшался Митяй-тупорылый: — теткѣ Акулинѣ скулу свернулъ?..

— Стоило, значитъ!..

— То-то, „стоило“!.. А туда-жь: „срамъ“ кричитъ...

— Ужь онъ такой!—отозвались голоса...

— Да что̀ вы, аспиды?.. Чего́ ко мнѣ пристали?..

— А того!.. Не ори безъ пути!..

— Тьфу на васъ!..

Сивобородый плюнулъ и попалъ въ бороду Митяю-Говорливому... Говорливый, недолго думавши, — до рыла... Пошла потѣха!.. Кто за Сивобородаго, кто за Говорливаго... Кто разнимать началъ,— куда тебѣ! — только подожгли пуще... Бились до ночи, и что тамъ было, братцы мои, страсть!..

Такъ вотъ такъ-то и рѣшили, ка̀къ быть...

А рѣшить-таки надо—это чувствуютъ,—потому, натуру свою знаютъ... Ну, и повѣсили носы... Больно ужь солоно приходилось...

Денька черезъ два, переждавши, одинъ по одному сошлись опять всѣ... Стоятъ, думаютъ... въ землю смотрятъ... „Эхъ“ да „ахъ“ слышно, а больше ничего...

— Пропадать, значитъ!..—послышался голосъ...

— Ужь что это за жизнь!—отозвался другой...

Опять молчатъ—думаютъ... Никто ничего не приберетъ...

— Все, братцы, прахомъ пойдетъ, коли этакъ-то...— послышалось въ середкѣ...

Стоятъ... молчатъ...

— Одно, братцы, спа̀сенье!..—крикнулъ кто-то...

Всѣ головы подняли...

— Говорю, одно спа̀сенье, — потому, больше ничего нѣтъ...

— Говори, говори!..

— Одно спа̀сенье: въ мирѣ жить слѣдуетъ...

Молчатъ всѣ; смотрятъ...

— Эхъ, чтобъ тебѣ!..—промолвилъ кто-то...

— Нѣтъ, не то, братцы!.. Я вотъ штуку надумалъ, важную...—крикнулъ другой Митяй.

— Толкуй!..

— Начальство завести слѣдуетъ!..

Всѣ рты разинули...

— Вѣрно говорю... потому, безъ этого жить нельзя...

— Да ты... что?..

— Говорю, безъ этого не проживешь!..

Зашумѣли Митяи... пошли толки, шумъ, гамъ поднялся... Глядь, ужь кричатъ:

— А, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ оно такъ!

— Правда, правда!.. начальство слѣдуетъ.

— Да ка̀къ его заведешь?..

— Извѣстно, какъ...

— Заведемъ ..

— Да откуда ты возьмешь-то его?..

— Да и завести-то... ка̀къ ты его, значитъ, проймешь?.. всю эту суть?..

— Знай, помалкивай!.. Сказано—міръ рѣшилъ: завести начальство...

— На первый разъ, хоть плохонькое какое!..

У Митяевъ на душѣ полегчало, какъ додумались до спа̀сенья... Веселые такіе стали... Оно, конечно, задоръ не пропалъ, а все-таки легче... Случится, угоститъ одинъ другого разъ, другой, третій, и баста: до умертвія ужь не доходило... Просто, не нарадуются Митяи, только и слышно: „погоди, то ли еще будетъ, какъ начальство заведемъ!“..

Что-жь, вы думаете, братцы мои, было?..

Слушайте...

Прежде всего, много голову ломали... Потому, что ты тамъ ни говори, а соловья баснями не кормятъ... Разговора одного, значитъ, мало, и начальство сдѣлать слѣдуетъ...

Извѣстное дѣло, его слѣдовало изъ стариковъ сдѣлать; потому, у Митяевъ заведеніе такое было: коли ты старикъ, такъ ты тамъ хоть что̀, а выходитъ, что ты разумный человѣкъ и голова...

Только стариковъ-то всѣхъ не подѣлаешь начальствомъ, ну, и выбирай... Что тутъ дѣлать?.. А главное, съ непривычки... было работы мозгамъ!..

Ну, да кое-какъ дѣло сладили..

Былъ межъ ними старикъ, что ни-на-есть почтенный: борода съ лопату, а разуму что было!.. и Боже упаси: самъ Соломонъ передъ нимъ не устоялъ бы...

Бывало — сходка: Митяи изъ кожи лѣзутъ, дѣло обсуждаютъ. И онъ тутъ же... Обопрется обѣими руками на палку, бороду опуститъ, все въ землю смотритъ... думу, значитъ, думаетъ...

Митяевъ потъ прошибаетъ отъ усердія, а дѣло не выходитъ... Сейчасъ къ почтенному:

— Какъ, значитъ, по-твоему выйдетъ?..

Почнетъ рѣшать... Прежде головой покружитъ, на людей взглянетъ, потомъ въ землю, а тамъ опять на людей...

— Я, братцы, скажетъ, что?!... Я, какъ вамъ, значитъ, угодно... чтобъ, значитъ, по-вашему вышло... Оно дѣло такое, что того... его сразу не разберешь... Ну, да и та оказія тутъ, что міръ, значитъ, сила... сила великая, противъ нея не попрешь... ужъ коли міръ что такъ ужь тутъ ничего... Міръ, братцы,—нетлѣнная риза!.. Оно, это дѣло, точно, что не подходитъ... ну, а все-таки этому дѣлу быть, какъ вышло на міру...

Отойдутъ Митяи, думаютъ: „Экая голова у человѣка! гдѣ ты этакую голову добудешь!“.. И положатъ: „быть дѣлу, какъ на міру вышло“. А его-то, совѣтчика, за эти качества прозвали Смышленымъ.

Такъ вотъ его-то и намѣтили въ начальство... — Кому же и быть, какъ не ему?—рѣшили... Рѣшили—и сотворили...

Зажили съ начальствомъ.. Красуется Смышленный, точно звѣзда небесная: не нарадуются Митяи...—Экіе мы! да экой онъ у насъ!—только и слышно... Живутъ всласть...

Да вотъ дѣло въ чемъ: господа говорятъ — противъ

натуры ничего не подѣлаешь; это самое и вышло... А натура у Митяевъ точно что была!..

Много ли, мало ли пожили со спасеньемъ, анъ, глядь, ужъ не то... Опять Акульки вопятъ, Митяи надсѣдаются, ребра свои богатырскія считаютъ... Пошелъ дымъ коромысломъ!.. И самъ Смышленый за свое спокойствіе опасается; а ужь, чтобы тамъ вмѣшаться и это дѣло пріостановить, — и не говори. Бывало, пойдетъ, коли что замѣтитъ, и скажетъ: тише!. я, дескать, начальство!

Такъ куда тебѣ!

— Проваливай съ своимъ начальствомъ, куда тебѣ надо!—отвѣчаютъ: – а не то, не спесивься!.. Знаешь!?.

Зналъ Смышленый — и голову повѣсилъ... Ничего въ своей мудрой, сѣдой головушкѣ не приберетъ, не придумаетъ...

И шло такъ-то, шло все своимъ порядкомъ... анъ, настало время Смышленому помирать...

Лежитъ, помираетъ... Кругомъ его все Митяи, что постарше, попочтеннѣй... Стоятъ, головы опустили, бороды поглаживаютъ, и ни одна душа, примѣрно, не знаетъ, что изъ того выйдетъ...

Открылъ Смышленый глаза, кругомъ себя посмотрѣлъ... вѣщаетъ:

— Я, братцы, помираю...

— Тэ-экъ-съ...—послышалось.

— Помираю, братцы... потому, мнѣ одно осталось—помирать... А вамъ, братцы, соотчичи милые, жить... И я къ тому говорю, что вамъ точно жить... Надо жить — порядокъ держать надо... Это вѣрно... А у васъ все есть... и земля обильна... и плоды... А самаго этого порядку-то и нѣтъ... Вамъ бы, братцы, нѣмца слѣдовало завести...

На томъ и померъ...

Долго стояли Митяи и думали: загадку разгадать хотѣли... Не смогли разгадать. Собрались на сходку...

— Слышали?—спрашиваютъ...

— Слышали,—отвѣчаютъ...

— Недаромъ онъ это сказалъ!..

— Недаромъ!..

Замолчали...

— Передъ смертью, братцы, сказалъ!—заговорили.

— Передъ смертью!..

Опять замолчали... Загадка, видно, трудна была...

— А что, братцы, коли онъ это передъ смертью... правду сказалъ?..

— А что, коли намъ и впрямь безъ нѣмца не прожить?..

Молчатъ...

— Безъ него не проживешь!.. — почесавши затылокъ, говоритъ одинъ.

— Такъ ли, этакъ ли, — говоритъ другой, потерши спину:—а нѣмца слѣдуетъ...

— Потому, онъ всѣ порядки знаетъ!..

— Обезьяну выдумалъ!..

— Погоди, онъ и не то еще выдумаетъ...

— Что-жь, коли нѣмца — такъ нѣмца! пёсъ съ имъ! — заговорили въ разныхъ концахъ...

Пошли толковать, ажь поднялся крикъ...

— Нѣмца!.. нѣмца!..

— Недаромъ покойникъ сказалъ!..

— Передъ смертью!..

— Нѣмца!..

Порѣшили: быть нѣмцу,—и присудили: выбрать что ни-на-есть разумныхъ Митяевъ и отправить отыскать что ни-на-есть лучшаго нѣмца...

А чтобъ дѣла не откладывать, тутъ же и выбрали пятерыхъ...

— А что, братцы, — спрашиваютъ выборные: — какъ найдемъ мы такого нѣмца, какой требуется, что тогда, примѣрно, ему сказать, и какъ, значитъ, его сманить половчѣе?..

Опять надо голову ломать...

— Извѣстно, что... такъ и такъ, дескать... какъ бишь сказалъ Смышленый-то?..

— Сказалъ: земля обильна...

— Не то!..

— Порядку, говоритъ, вамъ надо!..

— Не то!..

— Небось, ты—то!?...

— Да прямо сказать, встрѣтимши: такъ и такъ... всего, дескать, у насъ вдоволь...

— И земля обильна...

— Ну, и земля, а порядку-то этого и нѣту!..

— Да!.. порядку-то этого, молъ, и нѣту... бить насъ некому... Да, такъ не угодно ли тебѣ?..

— Батюшка нѣмецъ...

— Не угодно ли тебѣ, батюшка нѣмецъ, пожаловать?..

— Потому, у насъ все, окромя хорошаго!..

— Потому, значитъ, тебя требуется!..

— Все, значитъ, есть, окромя васъ... Его, то-ись!..

— Такъ!..

— Такъ, значитъ, и говорить...

Порѣшили и разошлись...

Собравшись на скорую руку, отправились Митяи-выборные...

Долго они странствовали по разнымъ странамъ, по лѣсамъ дремучимъ, по дебрямъ непроходимымъ, по болотамъ неисходнымъ... Вѣтеръ дулъ имъ въ лицо, дождь мочилъ... Много горя было, много страху натерпѣлись они, пока гдѣ-то за моремъ бурнымъ, въ странѣ полуночной, не нашли такого нѣмца, какой былъ надобенъ.

А былъ тотъ нѣмецъ не одинъ: самъ прозывался Карлъ Ивановичъ, да у него еще два брата было: Иванъ Ивановичъ и Адамъ Ивановичъ...

Митяи подумали, подумали: „Одинъ нѣмецъ—хорошо,

а какъ три, то и того лучше!..“ Взяли, да и бухъ челомъ всѣмъ тремъ...

— Такъ и такъ, дескать... всего у насъ вдоволь, окромя васъ... Отцы родные, пожалуйте!..

А нѣмцу—что? нѣмцу, извѣстно, лишь бы хлѣбное мѣсто найти... Согласились...

— Зеръ гутъ!—говорятъ...

Ударили по рукамъ,—и отправились Митяи назадъ въ путь-дороженьку. А за ними и нѣмцы, пособравшись. Да, правда, сборы были не долги: одинъ захватилъ съ собой шарманку, другой—кофейникъ, а третій—старшій-то, Карлъ Иванычъ, значитъ—трехвостку...

Ѣхали, ѣхали—и доѣхали... И какъ только ступили нѣмцы на Митяйную землю,—земля задрожала, вихрь поднялся, былъ громъ и молнія и всякія страсти... И былъ слышенъ гласъ: „Быть вамъ, Митяи, отнынѣ холопами!“...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. **Любовь сильнѣе смерти.**

Содержаніе: «Любовь сильнѣе смерти», итальянская новелла XV в.— «Наука любви», итальянская новелла XV в.—«Микель-Анжело», хроника XVI в.—«Святой Сатиръ», флорентинская легенда.

Москва. 1902 г. 1 р. 35 к.

ПЕРЕТЦЪ, В. Н. **Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго.** Спб. 1903 г. 3 р. 50 к.

ПЕРЦОВЪ, П. П. **Первый сборникъ.**

Содержаніе: Славянофильство.—Литература и театръ.—Путевые очерки.

Спб. 1902 г. 1 р.

ПОЗНЯКОВЪ, Н. И. **Разсказы** (*Для школъ и народа*).

1) Вѣсть.—Суета. Спб. 1902 г. 5 к.
2) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. 5 к.
3) Заломъ. Спб. 1902 г. 5 к.
4) На бѣдность. Спб. 1902 г. 5 к.
5) Незнакомецъ. Спб. 1902 г. 5 к.
6) Первый визитъ. Спб. 1902 г. 5 к.
7) Переполохъ. Спб. 1902 г. 5 к.
8) Револьверъ. Спб. 1902 г. 5 к.

Допущены **Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ безплатн. народн. читальни и библіотеки

Философія.

ТАННЕРИ, П. **Первые шаги древне-греческой науки.** Пер. съ фр., съ предисловіемъ проф. **А. И. Введенскаго** *и съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ до* **Платона.** Спб. 1902 г. 2 р.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также **Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ** въ духовныя семинаріи.

ЮМЪ, Давидъ. **Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія.** (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И Церетели. Спб. 1902 г. 1 р.

Математика.

СЕРРЕ (J.-A.). **Прямолинейная тригонометрія,** въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 60 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. въ качествѣ **руководства** для средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

СЕРРЕ (J.-A.). **Сферическая тригонометрія,** въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. 40 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Естественныя науки.

Сэръ Джонъ ЛЭББОКЪ. **Шесть главъ популярной естественной исторіи.** Съ 90 рисунками. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Спб. 1902 г. 60 к., въ изящн. пер. 95 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. завед. и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

МОРГАНЪ, Ллойдъ. **Изъ міра животныхъ.** Съ 53 рис. художника В. Рау. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. 1 р. 50 к., въ изящн. пер. 1 р. 90 к.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученическія библ. **всѣхъ** учебн. завед. Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Учебники.

WEYERT, J. (ВЕЙЕРТЪ, И.). **Deutsches Lesebuch** für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I u. II. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen 35 Kop. 1902 г. — **Нѣмецкая книга для чтенія** для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I и II. Спб. Ц. каждой части 35 к. Часть I. Статьи по исторіи. Часть II. Статьи по естествознанію.

Допущены **Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія** въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки.

До 1902 г.

Литературный и Публицистическій Отдѣлъ.

АНДРЕЕВИЧЪ. **Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ.** Спб. 1900 г. 1 р. 50 к.

д'АННУНЦІО, Габріэле. **Мертвый городъ.—Джіоконда.—Слава.** Трагедіи. Пер. съ итальянскаго Ю. Балтрушайтиса. Москва. 1900 г. 1 р. 25 к.

БОРХСЕНІУСЪ, Е. И. **Представители реальнаго романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи.** Спб. 1889 г. 60 к.

БРЮСОВЪ, Валерій. **Tertia vigilia.** Книга новыхъ стиховъ. Москва. 1900 г. 1 р.

ГАМСУНЪ, Кнутъ. **Сьеста.** Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Москва. 1900 г. 1 р.

ГИППІУСЪ, З. (Мережковская). **Новые люди.** Первая книга разсказовъ.

Содержаніе: Яблони цвѣтутъ.— Ближе къ природѣ.— Богиня.— Простая жизнь. — Голубое небо. — Смиреніе. — Стихотворенія. — Месть. — Легенда. — Цыганка. — Время. — Совѣсть. — Одинокій. — Миссъ Май.

Спб. 1896 г. 1 р. 50 к.

» **Зеркала.** Вторая книга разсказовъ.

Содержаніе: Зеркала.—Вѣдьма.—Живые и мертвые.—Родина.— Утро дней.—Луна.—Стихотворенія.—Златоцвѣтъ.

Спб. 1898 г. 1 р. 50 к.

ИБСЕНЪ, Генрикъ. **Когда мы мертвые проснемся.** Драматическій эпилогъ въ 3 дѣйствіяхъ. Переводъ съ норвежскаго Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. Москва. 1900 г. 50 к.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. **Вѣчные спутники.** Портреты изъ всемірной литературы.

Содержаніе: Акрополь. — Дафнисъ и Хлоя. — Маркъ Аврелій.— Плиній Младшій. — Кальдеронъ. -- Сервантесъ. — Монтань. — Флоберъ.—Ибсенъ.—Достоевскій.—Гончаровъ.—Майковъ.—Пушкинъ.

Спб. 1897 г. 2 р.

ПЕРЦОВЪ, П. П. **Философскія теченія русской поэзіи.** Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А. *Андреевскаго*, Д. С. *Мережковскаго*, Б. В. *Никольскаго*, П. П. *Перцова* и Вл. С. *Соловьева*.

Содержаніе: А. С. Пушкинъ.—Е. А. Баратынскій.—А. В. Кольцовъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—Н. П. Огаревъ.—Ө. И. Тютчевъ.—Гр. А. К. Толстой.—А. А. Фетъ.—Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. Н. Апухтинъ.—Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Спб. 1896 г. **2 р.**

ПЕРЦОВЫ, П. и В. **Молодая поэзія.** Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. **1 р.**

РОЗАНОВЪ, В. В. **Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго.**

Содержаніе: Изъ загадокъ человѣческой природы.—Иродова легенда.—Истинный «fin de siècle».—Номинализмъ въ христіанствѣ.—Семья какъ религія.—Бракъ и христіанство.—С. Ө. Шарапову, напомнившему слова: «Могій вмѣстити—да вмѣститъ».—Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго.

Спб. 1901 г. **1 р. 50 к.**

„ **Литературные очерки.**

Содержаніе: Старое и новое.—Литературная личность Н. Н. Страхова.—Три момента въ развитіи русской критики.—Позднія фазы славянофильства: 1) Н. Я. Данилевскій и 2) К. Н. Леонтьевъ.—Катковъ, какъ «государственный человѣкъ».—Литературно-общественный кризисъ.—«Вѣчно-печальная дуэль» (М. Ю. Лермонтовъ).—50 лѣтъ вліянія (юбилей В. Г. Бѣлинскаго).—Съ юга.—Замѣтки о Польшѣ.—О писателяхъ и писательствѣ (замѣтки и наброски).—Памяти усопшихъ: 1) О. И. Каблица (Юзова), 2) Ю. Н. Говорухи-Отрока, 3) Н. Н. Страхова, 4) Ө. Э. Шперка, 5) Я. П. Полонскаго.

Спб. 1899 г. **1 р.**

„ **Природа и исторія.** Сборникъ статей.

Содержаніе: Вопросъ о происхожденіи организмовъ.—Теорія Чарльза Дарвина, объясняемая изъ личности ея автора.—Красота въ природѣ и ея смыслъ.—Часть и цѣлое.—О чудесномъ въ мірѣ.—Что иногда значитъ «научно объяснить» явленіе?—Философскія вліянія въ русскомъ обществѣ.—Смѣна міровоззрѣній.—Двѣ философіи (критическая замѣтка).—Замѣтки объ исторіи: 1) о государствѣ въ древнемъ и новомъ мірѣ, 2) объ эпохахъ русской исторіи.—Книга особенно замѣчательной судьбы.

Спб. 1900 г. **1 р.**

„ **Религія и культура.** Сборникъ статей.

Содержаніе: Мѣсто христіанства въ исторіи.—Психологія русскаго раскола.—Черта характера древней Руси.—Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ.—О студенческихъ безпорядкахъ.—Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ.—Франко-русскія впечатлѣнія.—Демократизація живописи.—Гдѣ истинный источникъ «борьбы вѣка»?—О символистахъ и декадентахъ.—Теперь и прежде.—Христіанство пассивно или активно?—Кроткій демонизмъ.—Сѣмя и жизнь.—Смыслъ аскетизма.—Женщина передъ великою задачею.—Нѣчто изъ сѣдой древности.—Эмбріоны.—Библіографія.

Спб. 1901 г. **1 р. 20 к.** Изданіе 2-е.

„ **Сумерки просвѣщенія.** Сборникъ статей по вопросамъ образованія.

Содержаніе: Сумерки просвѣщенія.—Три главныхъ принципа образованія.—Афоризмы и наблюденія.—Педагогическія трафаретки о гимназической реформѣ 70-хъ годовъ.—Представленіе о Россіи въ годы учебной реформы.—Городъ и школа.—Семья какъ истинная школа.—Границы закона.—Безпочвенность русской школы.—Два типа образованія.—Библіографія.

Спб. 1899 г. **1 р.**

СОЛОГУБЪ, Ө. **Стихи.** Книга первая. Спб. 1896 г. **50 к.**

„ **Тѣни.** Разсказы и стихи.

Содержаніе: Червякъ.—Тѣни.—Къ звѣздамъ.—Стихи (книга вторая).

Спб. 1896 г. **1 р.**

СОЛОВЬЕВЪ, В. Н. **Посмертный сборникъ.** Разсказы, стихи, путевые очерки. Съ портретомъ автора и факсимиле.

Спб. 1901 г. **1 р.**

ТЬЕРРИ, Ж. **Маска** (Поклонники Изиды). Романъ въ 3 ч. Переводъ съ франц. А. Л. Коморской съ предисл. Ив. Порошина.

Спб. 1900 г. **1 р.**

ШЕСТАКОВЪ, Д. П. Стихотворенія. Спб. 1900 г. **1 р.**

ШНИТЦЛЕРЪ, Артуръ. **Зеленый попугай.** Трилогія: *Парацельзъ.*—*Подруга.*—*Зеленый попугай.* Переводъ М. О. И.

Москва. 1900 г. **60 к.**

Печатаются:

БОРОЗДИНЪ, А. К., проф. **Литературныя характеристики.—Девятнадцатый вѣкъ.** 3 тома. I-ый томъ оконченъ печатаніемъ. **1 р. 75 к.**

Томъ I. Главныя направленія русской литературы начала XIX столѣтія.—Литературные и общественные взгляды Карамзина.—Романтизмъ.—Поэзія В. А. Жуковскаго.—Крыловъ и Грибоѣдовъ.—Воспитательное значеніе поэзіи А. С. Пушкина.—А. С. Пушкинъ и поэзія дѣйствительности.—Поэтъ «гражданской скорби» двадцатыхъ годовъ.—Критическія обозрѣнія А. А. Бестужева.—Журналистъ двадцатыхъ годовъ.—Поэзія М. Ю. Лермонтова.—Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество.—Дельвигъ, Языковъ и Баратынскій.—Трудъ В. И. Семевскаго по исторіи крестьянскаго вопроса.

Томъ II. *Печатается.* Бѣлинскій и послѣдующее развитіе русской критики.—Т. Н. Грановскій.—А. И. Герценъ.—К. Д. Кавелинъ.—Семья Аксаковыхъ.—А. С. Хомяковъ.—И. В. Кирѣевскій.—Ю. Ө. Самаринъ.—Н. Я. Данилевскій.—И. С. Тургеневъ.—Д. В. Григоровичъ.—Поэзія Н. А. Некрасова.—Гр. А. К. Толстой.—Ө. И. Тютчевъ.—Я. П. Полонскій.—А. Н. Майковъ.—А. А. Фетъ.—И. А. Гончаровъ.—А. Ө. Писемскій.—А. Н. Островскій.

Томъ III. *Приготовляется къ печати.* Ө. М. Достоевскій.—Гр. Л. Н. Толстой и русскій историческій романъ.—Дѣти въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Отраженіе общественныхъ настроеній въ произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого.—Н. С. Лѣсковъ.—Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ.—Г. И. Успенскій.—П. Д. Боборыкинъ.—В. И. Немировичъ-Данченко.—В. Г. Короленко.—И. Н. Потапенко.—А. П. Чеховъ.—Максимъ Горькій.—В. Вересаевъ.—Леонидъ Андреевъ.—А. Н. Апухтинъ.—Д. С. Мережковскій.—Н. М. Минскій.—П. Я.—Бальмонтъ.—Фофановъ.—Вл. С. Соловьевъ.—Интересъ къ этикѣ въ русской философіи.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. С. **Л. Толстой и Достоевскій.** Тт. I и II. 3-е изданіе.

I-ый томъ оконченъ печатаніемъ.

СЕРРЕ (J.-A.). **Ариѳметика**, въ перев. М. В. Пирожкова.

СЕРРЕ (J.-A.). **Дополненіе къ теоріи круговыхъ функцій**, въ переводѣ М. В. Пирожкова. **50** к.

БЕРТРАНЪ, Ж. **Дифференціальное и интегральное исчисленіе**, въ пер. М. В. Пирожкова. 2 большихъ тома in-4 во франц. изданіи (около 1500 стр.). Цѣна по подпискѣ отдѣльно на каждый томъ 5 р. По выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

Всѣ переводы—безъ всякихъ сокращеній и измѣненій.

«БИБЛІОТЕКА ПУТЕШЕСТВІЙ».— «ОТКРЫТІЕ ЗЕМЕЛЬ».

Подъ ред. П. А. Беркоса.

Сильная дѣятельность, проявленная въ послѣднее время какъ нашимъ отечествомъ, такъ и другими государствами въ изслѣдованіи малоизвѣстныхъ странъ, вызвала снаряженіе различныхъ экспедицій. Экспедиціи эти зачастую кромѣ чисто научныхъ цѣлей преслѣдуютъ и торговопромышленныя, изыскивая новые рынки для сбыта товаровъ своихъ отечественныхъ странъ. По возвращеніи, богатый матеріалъ, собранный въ малокультурныхъ и дикихъ странахъ, обработывается и издается въ свѣтъ, руководя такимъ образомъ часто фабриканта и промышленника въ выдѣлкѣ того или другого товара или въ направленіи его въ извѣстныя страны, гдѣ въ немъ есть потребность.

Къ сожалѣнію, Россія, несмотря на различныя мѣры, принимаемыя для развитія ея торговопромышленной дѣятельности, не можетъ еще выдерживать конкуренціи съ своими западно-европейскими соперниками. Такое положеніе дѣлъ есть слѣдствіе различныхъ причинъ, въ обсужденіе которыхъ мы не будемъ входить, но, по нашему мнѣнію, недостатокъ въ русской литературѣ подлинныхъ описаній путешествій какъ нашихъ отечественныхъ изслѣдователей, такъ и иностранныхъ, въ переводѣ, тормозитъ дѣло торговли Россіи съ иностранными государствами.

Кромѣ того, русское юношество да и вообще все русское общество лишено такимъ образомъ особаго рода литературы, способствующей развитію духа иниціативы и энергіи въ исполненіи своихъ плановъ, дающаго часто высокіе образцы безкорыстнаго служенія идеальнымъ стремленіямъ человѣчества и представляющаго въ то же время увлекательное чтеніе.

Предпринимая изданіе **„Библіотека путешествій“. — „Открытіе земель“**, мы вмѣстѣ съ современными изслѣдованіями, отвѣчающими на интересующіе общество вопросы, дадимъ также рядъ описаній классическихъ путешествій Ливингстона, Кука, Франклина и др., не существующихъ въ настоящее время на русскомъ языкѣ, или изданныхъ въ извлеченіяхъ и пересказахъ.

Стремясь сдѣлать наше изданіе какъ можно болѣе привлекательнымъ и доступнымъ, мы широко будемъ снабжать его иллюстраціями, не жалѣя расходовъ на внѣшность книгъ, и выпускать періодически (**по подпискѣ**), при чемъ въ первый годъ будетъ выпущено 6 книгъ, въ среднемъ отъ 20 до 25 печатныхъ листовъ въ каждой, стоимостью отъ **2** р. до **2** р. **50** к. Изданіе будетъ выпускаться въ изящныхъ переплетахъ.

Печатается описаніе гренландскихъ путешествій **Пири: „Сквозь льды къ сѣверу“** и готовится къ печати: **„Африка и ея изслѣдованіе“.** При подпискѣ вносится **3** р.

Складъ изданія и подписка у М. В. Пирожкова, Спб., В. О., 3 л., д. 10 („Литературная Книжная Лавка“).

ОБЩІЙ КАТАЛОГЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА И КНИЖНАГО СКЛАДА

М. В. ПИРОЖКОВА.

Спб., В. О., 3 л., д. 10.

(„Литературная Книжная Лавка“).

Философія.

Таннери, П. *Первые шаги древне-греческой науки.* Пер. съ фр., съ предисловіемъ проф. **А. И. Введенскаго** и съ переводомъ сохранившихся отрывковъ изъ сочиненій греческихъ философовъ до Платона. Спб. 1902 г. **2** р.

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** *въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, а также* **Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ** *въ духовныя семинаріи.*

Шопенгауэръ, А. *Міръ какъ воля и представленіе.* Популярное изложеніе съ введеніемъ В. М. Голикова. Спб. 1902 г. **60** к.

Юмъ Давидъ. *Изслѣдованіе человѣческаго разумѣнія* (An Inquiry concerning human understanding). Пер. съ англ. С. И. Церетели. Спб. 1902 г. **1** р.

Математика.

Бертранъ, Ж. *Алгебра*, въ переводѣ М. В. Пирожкова.

Часть I. Спб. 1899 г. **3** р.

Часть II (Высшая Алгебра). Спб. 1901 г. **2** р.

Содержаніе: Глава I. **Дополненіе къ элементарной алгебрѣ** (ряды, сочетанія и биномъ Ньютона; о логариѳмахъ; повѣрка алгебраическихъ формулъ; методъ неопредѣленныхъ коэффиціентовъ). — Глава II. **Теорія производныхъ** (производныя отъ явныхъ функцій съ одною перемѣнною; изученіе функцій при помощи производныхъ; ряды для вычисленія логариѳмовъ и числа π).— Глава III. **Общая теорія уравненій** (основные принципы численныхъ уравненій какой-угодно степени; теорема Декарта; теорема Ролля; теорія равныхъ корней; соизмѣримые корни; теорема Штурма).—Глава IV. **Конечныя разности** (обозначенія и основныя формулы; интерполированіе; рѣшеніе численныхъ уравненій; рѣшеніе трансцендентныхъ уравненій).—**Приложеніе** (разложеніе раціональныхъ дробей на простѣйшія; мнимыя выраженія; рѣшеніе уравненій 3-ей степени; рѣшеніе системы двухъ уравненій 2-й степени съ двумя неизвѣстными; нѣкоторыя замѣчательныя преобразованія; о рѣшеніи уравненій первой степени; непрерывныя дроби; методъ исключенія Безу и Эйлера).

Одобрены **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для фундам. библ. всѣхъ средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв. и для ученич. библ. старшаго возраста мужск. гимн. и реальн. училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** воен.-учебн. завед. для фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ.

Бертранъ, Ж. *Ариѳметика*, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1901 г. **2** р.

Ивановъ, А. А., д-ръ астрономіи и геодезіи. *Вращательное движеніе земли.* Спб. 1895 г. **75** к.

—— *Николаевская Главная Астрономическая Обсерваторія въ Пулковѣ.* Спб. 1901 г. **50** к.

Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. для ученическ. библ. гимназій и реальныхъ училищъ.

——— *Теорія прецессіи.* Спб. 1899 г. **1 р. 50 к.**

Петерсенъ, Ю. *Методы и теоріи для рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе.* Перевелъ Ѳ. П. Крутиковъ. Москва. 1892 г. **70 к.**

Пирожковъ, М. В. *Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ.* Спб. 1898 г. **1 р. 50 к.**

Пирожковъ, М. В. *Дополнительныя статьи по Алгебрѣ.* Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій. Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Спб. 1900 г. **75 к.**

Содержаніе: Теорія соединеній, биномъ Ньютона, непрерывныя дроби, неопредѣленныя уравненія первой степени съ двумя неизвѣстными, несоизмѣримыя (ирраціональныя) числа, задачи.

Одобрено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв для фундам. библ. всѣхъ средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв. и для ученич. библ. старшаго возраста мужск. гимн. и реальн. училищъ; рекомендовано **Главнымъ Управленіемъ** воен.-учебн. завед. для фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ.

Серре (J.-A.). *Прямолинейная тригонометрія*, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. **60 к.**

Допущено **Ученымъ Комитетомъ** Мин. Нар. Просв. въ качествѣ **руководства** для средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

Серре (J.-A.). *Сферическая тригонометрія*, въ переводѣ М. В. Пирожкова. Спб. 1902 г. **40 к.**

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученич., старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебн. завед.

Чебышевъ, П. Л. *Теорія сравненій.* Спб. 1901 г. **2 р.** 3-е изданіе. Изданіе О-ва вспомощ. студентамъ Спб. Университета. Настоящее изданіе исправлено противъ прежняго академикомъ **А. Марковымъ**, при чемъ особенное вниманіе было обращено на таблицы. Книга отпечатана въ типографіи Имп. Акад. Наукъ и на отличной бумагѣ.

Литература, исторія литературы, исторія и публицистика.

Андреевичъ. *Книга о Максимѣ Горькомъ и А. П. Чеховѣ.* Спб. 1900 г. **1 р. 50 к.**

Андреевскій, С. А. *Литературные очерки.* 3-е дополненное изданіе «Литературныхъ чтеній». Спб. 1902 г. **1 р. 50 к.**

д'Аннунціо, Габріэле. *Мертвый городъ.—Джіоконда.—Слава.* Трагедіи. Пер. съ итал. Ю. Балтрушайтиса. М. 1900 г. **1 р. 25 к.**

Борхсеніусъ, Е. И. *Представители реальнаго романа во Франціи въ XVII-мъ столѣтіи.* Спб. 1889 г. **60 к.**

Брюсовъ, Валерій. *Tertia vigilia.* Книга новыхъ стиховъ. М. 1900 г. **1 р.**

Мельхіоръ де - **Вогюэ.** *Максимъ Горькій.* Произведенія и личность писателя. Съ портретомъ. Пер. А. Б. Ф. Спб. 1902 г. **25 к.**

Гамсунъ, Кнутъ. *Сьеста.* Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. **1 р.**

Гиппіусъ, З. (Мережковская). *Новые люди.* Первая книга разсказовъ. Спб. 1896 г. **1 р. 50 к.**

——— *Зеркала.* Вторая книга разсказовъ. Спб. 1898 г. **1 р. 50 к.**

——— *Третья книга разсказовъ.* Спб. 1902 г. **2 р.**

Горнфельдъ, Н. *Основныя идеи произведеній Максима Горькаго.* Съ портретомъ. Спб 1902 г. **30 к.**

Ибсенъ, Генрикъ. *Когда мы мертвые проснемся.* Драматическій эпилогъ въ 3 д. Переводъ съ норвежскаго Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. М. 1900 г. **50 к.**

Канадѣевъ, И. Н. *Очерки закавказской жизни.* Томъ I. Спб. 1902 г. **2 р.**

Ландсбергъ, Г. *Долой Гауптмана!* Переводъ съ нѣм. М. Семенова. М. 1902 г. **70 к.**

„Литературное Дѣло". Сборникъ. Спб 1902 г. **2 р. 25 к.**

Содержаніе: **Евг. Чириковъ.** *«На дворѣ во флигелѣ»*, сцены, поставленныя на московскихъ и петербургскихъ театрахъ.—**Скиталецъ.** Пѣсни скитальца.—**Евг. Тарле.** Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—**Танъ.** «На красномъ камнѣ».—**А. М Вербовъ.** Стихотворенія.—**В. Богучарскій.** Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—**В. Вересаевъ.** «На эстрадѣ».—**С. Булгаковъ.** Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой.—**А. Лукьяновъ.** Стихотворенія.—**В. І. Дмитріева.** «Волки».—**Николай Бердяевъ.** Къ философіи трагедіи. Морисъ Метерлинкъ.—**Вас. Брусянинъ.** «Пѣвучая гитара».—**Галина.** Стихотворенія.—**Скиталецъ.** «Атаманъ».—**З. К.** Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—**Иванъ Новиковъ:** 1) «Къ жизни»; 2) «Ландыши».—**Иванъ Странникъ.** Изъ настроеній современной французской литературы.—**Вл. Муриновъ.** «Скандалъ».—**Проф. Евг. Аничковъ.** Вильямъ Моррисъ и его утопическій романъ. Спб. **2 р. 25 к.**

Мережковскій, Д. С. *Вѣчные спутники.* Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897 г. **2 р.**

——— *Любовь сильнѣе смерти.* Итальянскія новеллы XV и XVI вв. М. 1902 г. **1 р. 35 к.**

Перетцъ. В. Н. *Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы.* Томъ III. Изъ исторіи развитія русской поэзіи XVIII в. Спб. 1902 г. **3 р.** Томъ I и II *распроданы.*

——— *Малорусскія вирши и пѣсни въ записяхъ XVI—XVIII вв.* Спб. 1899 г. **1 р. 60 к.**

——— *Матеріалы къ исторіи апокрифа и легенды.* I. Къ исторіи Громника. Спб. 1899 г. **1 р. 30 к.**—II. Къ исторіи Лунника. Спб. 1901 г. **1 р. 50 к.**

——— *Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго.* Спб. 1903 г. **3 р. 50 к.**

Перцовъ, П. П. *Первый сборникъ.* Славянофильство.—Литература и театръ.—Путевые очерки. Спб. 1902 г. **1 р.**

——— *Философскія теченія въ русской поэзіи.* Избранныя стихотворенія и критическія статьи С. А Андреевскаго, Д. С. Мережковскаго, Б. В. Никольскаго, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева. Спб. 1896 г. **2 р.**

Перцовы, П. и В. *Молодая поэзія.* Сборникъ избранныхъ стихотвореній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895 г. **1 р.**

Позняковъ, Н. И. *Святочные разсказы:* 1) Вѣсть.-Суета. Спб. 1902 г. **5 к.**, 2) Двѣ милостыни. Спб. 1902 г. **5 к.**, 3) Заломъ. Спб. 1902 г. **5 к.**, 4) На бѣдность. Спб. 1902 г. **5 к.**, 5) Незнакомецъ. Спб. 1902 г. **5 к.**, 6) Первый визитъ. Спб. 1902 г. **5 к.**, 7) Переполохъ. Спб. 1902 г. **5 к.**, 8) Револьверъ. Спб. 1902 г. **5 к.**

Допущены **Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета** Мин. Нар. Просв. въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Розановъ, В. В. *Въ мірѣ не яснаго и не рѣшеннаго.* Спб 1901 г. **1 р. 50 к.**

——— *Литературные очерки.* Спб 1899 г. **1 р.**

——— *Природа и исторія.* Спб. 1900 г. **1 р.**

——— *Религія и культура.* Сборникъ статей. 2-ое изд. Спб. 1901 г. **1 р. 20 к.**

——— *Сумерки просвѣщенія.* Спб. 1899 г. **1 р.**

Соловьевъ, В Н. *Посмертный сборникъ.* Разсказы, стихи, путевые очерки. Съ портретомъ автора и факсимиле. Спб. 1901 г. **1 р.**

Сологубъ, Ѳедоръ. *Стихи.* Книга первая. Спб. 1896 г. **50 к.**

——— *Тѣни.* Разсказы и стихи. Спб. 1896 г. **1 р.**

Тьерри. Ж. *Маска* (Поклонники Изиды). Романъ въ 3 ч. Пер. съ франц. А. Л. Коморской съ предисловіемъ Ив. Порошина. Спб. 1900 г. **1 р.**

Церетели, Е. *Елена Іоанновна*, великая княгиня литовская, русская, королева польская. Спб. 1898 г. **1 р. 50 к.**

Рек. **Уч. Ком. Мин. Нар Просв.** для фундамент. и ученическихъ библ. всѣхъ среднихъ уч. заведеній и одобрена для учительскихъ библіотекъ всѣхъ низшихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Шестаковъ, Д. П. *Стихотворенія.* Спб. 1900 г. **1 р.**

Шницлеръ, Артуръ. *Зеленый попугай* Трилогія. Переводъ М. О. И. Москва. 1900 г. **60 к.**

Естественныя науки.

Беркосъ, П. А. *Медицинская Зоологія.* Составлена по лекціямъ проф. **Н. А. Холодковскаго. 2 р. 50 к.**

——— *Практическая Зоотомія*: Вып. 1-й. **Лягушка.** Спб. 1899 г. **50 к.** Вып. 2-й. **Рѣчной Ракъ.** Спб. 1899 г. **30 к.** Вып. 3-й. **Окунь и Щука.** Спб. 1899 г. **40 к.** Вып. 4-й. **Беззубка.** Спб. 1901 г. **30 к.**

Допущены **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученич., старшаго возраста библіотеки муж. средн. учебн. завед

Ингеницкій, И. *Заграничные наброски.* (По музеямъ и лабораторіямъ Западной Европы). Спб. 1898 г. **50 к.**

Лэббокъ, Джонъ. *Шесть главъ популярной естественной исторіи.* Съ 90 рис. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Пер. подъ ред. П. А. Беркоса. Спб. 1902 г. **60 к.**, въ изящн. перепл **95 к.**

Метерлинкъ, М. *Жизнь пчелъ.* Пер. съ фр. К. М. Зиновьевой и Э. В. Яковлевой. Спб. 1902 г. **80 к.**

Морганъ, Ллойдъ. *Изъ міра животныхъ.* Очерки. Съ 53 рис. Пер. съ англ. подъ ред. П. Беркоса. Спб. 1903 г. **1 р. 50 к.**, въ изящн. перепл. **1 р. 90 к.**

Допущено **Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв.** въ ученическія библіотеки **всѣхъ** учебныхъ заведеній Министерства, какъ среднихъ, такъ и низшихъ, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Учебныя книги и пособія для низшихъ и среднихъ школъ.

Weyert, J. (**Вейертъ**, И.). *Deutshes Lesebuch* für die obersten Klassen der russischen Mittelschulen. Abtheil. I u. II. Preis des Heftes von 8—10 Druckbogen **35** Kop. 1902. — *Нѣмецкая книга для чтенія* для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. Ч. I. и II. Ц. каждой части **35** к.

Допущены **Уч. Ком. Минист. Нар. Просв.** въ ученическія, старшаго возраста, библ. среднихъ учебн. завед.

Крутиковъ, Ѳ. П. *Пособіе для пол наго рѣшенія геометрическихъ задачъ н построеніе*, помѣщенныхъ въ пріемно программѣ Инст. Инжен. Путей Сообщ Спб. 1899 г. **1** р.

Тивасъ, З. (Z. T.). *Tableau généra d'orthographe d'usage.* — Правила фран цузскаго правописанія. Спб. 1897 г **30** к.

(См. также отдѣлъ математики).

Дозволено цензурою. Спб 28 февраля 1903 г. | Тип. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., №

Въ книжномъ складѣ М. В. ПИРОЖКОВА (В. С
3 л. д. 10) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. СУВО
РИНА и П. П. СОЙКИНА, въ Петербургѣ, имѣютс
въ продажѣ слѣдующія книги того же автора:

Грёзы и пѣсни. — Стихотворенія (1871—1896 гг.). — Изданіе 4-
1896 г. Спб. Цѣна 50 к.

Тѣни прошлаго.—Разсказы и повѣствованія о былыхъ дѣлахъ.
Изданіе А. С. Суворина. 1885 г. Спб. Цѣна 1 р 50 к.

Люди темные.—Очерки и разсказы изъ народнаго быта.—Изда
2 е. П. П. Сойкина. 1897 г. Спб. Цѣна 1 р.

Молодая пора. — Повѣсть въ двухъ частяхъ.— Изданіе И. Д. С
тина и К°. 1891 г. Москва. Цѣна 50 к.

Для спектаклей (любительскихъ).—Пять пьесъ и сцены на Волгѣ
«Передъ волей».—1897 г. Спб. Цѣна 1 р.

* **Хива** (и первое наше посольство въ Хиву). — Изданіе П. П. С
кина. 1897 г. Спб. Цѣна 50 к.

* **Для народа.**— Шесть разсказовъ. — Изданіе П. П. Сойкина. 1897
Спб. Цѣна 20 к.

Жизнь и служба мирового судьи (въ Подоліи).—Изъ записо
и воспоминаній. — Изданіе бывшаго акціонернаго общества «Издате
1900 г. Спб. Цѣна 1 р.

* **Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву.** —
двухъ частяхъ.—1901 г. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

* **Кавказъ и его герои.** — Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я: Святы
богатства и народы. Часть 2-я: Герои Кавказа. — Изданіе Б. Н. Зво
рева. 1902 г. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

Книги, передъ названіями коихъ стоятъ звѣздочки (*), **одобрен**
допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣ
нія — для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведе
для учительскихъ библіотекъ, учительскихъ институтовъ и семинар
городскихъ училищъ и для безплатныхъ народныхъ читаленъ. Посл
няя же книга — «Кавказъ и его герои» — **допущена** Училищнымъ Со
томъ при Святѣйшемъ Синодѣ еще и въ учительскія библіотеки вт
классныхъ и церковныхъ учительскихъ школъ.

Издается новая книга того же автора:

Мировой судъ на Сѣверномъ Кавказѣ. — Судьи, прокурат
адвокаты и тяжущіеся. (Записки и наблюденія б. почетнаго миров
судьи).

Д 13 [illegible]